

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2025, Том 5, № 3

Подписано к публикации: 26.03.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасanova Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горшунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-3

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

Содержание

Абу Гриеканах Алиа Салим Эслайм Этикет Пророка Мухаммеда: лингвистический анализ	5-14
Баранов А.Р. Чат и комментарии как неотъемлемая составляющая взаимодействия контент-мейкеров и аудитории	15-21
Хусаенова Р.Р., Гильмутдинова А.Р. Особенности психологизма в произведениях А. Ахметгалиевой	22-26
Ажигова Т.М., Да лиева Э.Х., Мачукиева А.М. Суггестивные образы в языковых метафорах	27-32
Свиридова А.В. Особенности использования гиперболы в англоязычном политическом дискурсе (на примере речей Дональда Трампа)	33-37
Сорокин В.Б. Своеобразие сибирских вариантов народной песни-баллады «Закатилось красное солнышко»	38-44
Гао Сутонг Исследование учебного плана по интеграции китайской культуры в курсы английского языка в колледже: на примере «Понимания современного Китая»	45-52
У Цзыпэн Исторический нарратив русской кавказской литературы XIX века	53-61
Чебыкина Е.С. Эволюция метафорических моделей презентации России в колумнистике The Washington Post: анализ изменения коннотативных значений	62-74
Чэнь Ци Особенности образа рассказчика в документальном цикле Никиты Михалкова «Музыка русской живописи»	75-80
Шульц Э.Э. Русская революция в современном общественном мнении России в контексте коммуникации государства и общества	81-89
Артамонов А.С., Сосунова Г.А. Особенности вербальной репрезентации ассоциативно-смыслового поля концепта «афроколумбиец» в песенном дискурсе	90-97
Довлеткиреева Л.М., Расумов В.Ш. Особенности чеченского стихосложения (на материале устно-поэтического творчества)	98-103
Победаш Е.В. Анализ семантических возможностей приставки пере- в глаголе переесть	104-111
Сафина А.Р. Стилистический синтаксис как средство создания образов в романе Н. Спаркса «Последняя песня»	112-117
Чотчаева И.А., Турклиева А.В. Методология преподавания английского языка как наука	118-123
Чумаченко Н.А. Игровая журналистика: понятие, история, жанровый состав	124-131
Фу Шаньшань Мотив деревьев в романах Льва Толстого	132-136

Идрисова Н.П., Гасанова П.С.

Образ национального платка в романе Ф. Алиевой «Комок земли ветер не унесет»:
лингвистический и лингвокультурологический анализ

137-141

Шахбанова З.И.

Цветообозначающая лексика в русском и даргинском фольклоре

142-147

Шихзадаева Н.С., Кадыров Р.С.

Функциональные особенности ориентализмов в турецком языке

148-152

Агакишиева Ш.М.

Обогащение терминологического пласта азербайджанского языка за счет заимствований

153-159

Азимов С.Р., Нурбагандова Л.А.

Анализ реалити-шоу «Возвращение. Дети. Первые»

160-165

Байкова А.В.

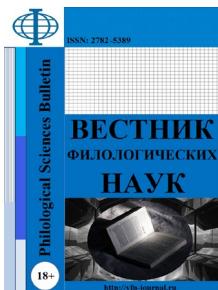
Ложные пропозиции как одно из языковых явлений неискреннего дискурса (на примере
высказываний американских политических деятелей)

166-171

Мамедзаде Ганира Шахин гызы

Калька и формирование сложных слов в азербайджанском языке

172-177

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.44

¹ Абу Гриеканах Алиа Салим Эслайм

¹ Казанский федеральный университет

Этикет Пророка Мухаммеда: лингвистический анализ

Аннотация: в статье представлен лингвистический анализ речевого этикета Пророка Мухаммеда на основе хадисов, извлеченных из четырех авторитетных сборников (Сахих аль-Бухари, Сахих Муслим, Сунан Абу Дауда, Джами‘ ат-Тирмизи). Исследование охватывает ключевые речевые интенции: приветствие, обращение, прерывание разговора и выражение благодарности. Особое внимание уделено структурно-семантическим особенностям этих речевых актов, их pragматическому значению и социолингвистическим факторам, влияющим на их реализацию. Речевой этикет пророка Мухаммедаоказал значительное влияние на светские аспекты жизни, формируя нормы общения и социальные взаимодействия в обществе. Его учения акцентировали внимание на необходимости честности в общении и справедливости в делах. Это создало основу для формирования этических норм в общественной жизни. Его подход к разрешению споров и конфликтов через диалог и компромисс стал примером для последующих поколений, способствуя мирному сосуществованию и сотрудничеству. Автор анализирует, как Пророк адаптировал свою речь в зависимости от собеседников, их социального статуса, возраста и коммуникативного контекста, обеспечивая баланс между уважением, ясностью и эффективностью общения. Применение методов лингвистического, дискурсивного и сравнительного анализа позволило выявить характерные особенности речи Пророка, включая точность формулировок, умеренность в высказываниях и использование стратегий предотвращения конфликтов. Исследование показывает, что речевой этикет Пророка основан на глубокой коммуникативной интуиции и тонком понимании межличностных взаимодействий. Его модели общения сохраняют свою актуальность в современных условиях и могут быть полезны для изучения механизмов вежливости, формирования дипломатического дискурса и развития межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: речевой этикет, Пророк Мухаммад, лингвистический анализ, хадисы, межкультурная коммуникация, вежливость, исламская культура, языковые стратегии

Для цитирования: Абу Гриеканах Алиа Салим Эслайм. Этикет Пророка Мухаммеда: лингвистический анализ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 5 – 14.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Abu Ghriekanah Alia Saleem Eslaeem

¹ Kazan Federal University

The etiquette of the Prophet Muhammad: a linguistic analysis

Abstract: the article presents a linguistic analysis of the speech etiquette of Prophet Muhammad based on hadiths extracted from four authoritative collections: Sahih al-Bukhari, Sahih Muslim, Sunan Abu Dawood, and Jami‘ at-Tirmidhi. The study examines key speech intentions, including greeting, addressing, conversation interruption, and expressions of gratitude. Particular attention is given to the structural and semantic characteristics of these speech acts, their pragmatic significance, and the sociolinguistic factors influencing their realization. Prophet Muhammad's speech etiquette had a profound impact on secular aspects of life, shaping norms of communication and

social interactions within society. His teachings emphasized the necessity of honesty in communication and justice in actions, laying the foundation for ethical standards in both personal and public life. His approach to conflict resolution through dialogue and compromise served as a model for future generations, fostering peaceful coexistence and cooperation. The study analyzes how the Prophet adapted his speech according to his interlocutors, considering their social status, age, and communicative context, ensuring a balance between respect, clarity, and effectiveness in communication. The application of linguistic, discourse, and comparative analysis methods has made it possible to identify distinctive features of the Prophet's speech, including precision in formulation, moderation in expression, and the use of strategies to prevent conflicts. The findings indicate that Prophet Muhammad's speech etiquette was based on profound communicative intuition and a nuanced understanding of interpersonal interactions. His communicative models remain relevant in contemporary contexts and can provide valuable insights for studying politeness mechanisms, diplomatic discourse formation, and intercultural communication development.

Keywords: speech etiquette, Prophet Muhammad, linguistic analysis, hadiths, intercultural communication, politeness, Islamic culture, linguistic strategies

For citation: Abu Ghriekanah Alia Saleem Eslaeem. The etiquette of the Prophet Muhammad: a linguistic analysis. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 5 – 14.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью влияния исламских традиций на формирование и функционирование речевого этикета с лингвистической точки зрения. Речевой этикет представляет собой неотъемлемую часть культуры общения, регулирующую социальные взаимодействия и обеспечивающую эффективную коммуникацию. Изучение его речевого этикета позволяет выявить ключевые механизмы формирования речевых норм в арабской культуре и их роль в межкультурной коммуникации.

Речевой этикет является неотъемлемым компонентом культуры общения, регулирующий социальные взаимодействия и способствующий эффективной коммуникации. В исламском обществе он приобретает особую значимость, поскольку высказывания и поведение Пророка Мухаммада рассматриваются как нормативная модель речевого поведения. Исследование речевых стратегий Пророка Мухаммада позволяет углубить понимание механизмов коммуникации в арабской культуре, выявить универсальные принципы вежливости и их значимость в межкультурном взаимодействии. Исследование также представляет интерес для специалистов в области исламоведения, лингвистики и социолингвистики, а ее выводы могут быть применены в преподавании арабского языка, межкультурной коммуникации и исследовании дипломатического дискурса.

Целью настоящего исследования является выявление форм речевого этикета, использованных Пророком Мухаммадом, и их лингвистический анализ. Основное внимание уделено ключевым речевым интенциям, таким как приветствие, обращение, выражение благодарности, реакции на прерывание разговора.

Новизна исследования заключается в комплексном лингвистическом анализе речевого этикета Пророка Мухаммада, который ранее преимущественно рассматривался в религиозном, историческом и богословском контексте. В отличие от предшествующих работ, данное исследование предлагает систематизированное изучение ключевых речевых интенций с позиций современной лингвистики, включая прагматику, теорию вежливости и дискурсивный анализ.

Изучение речевого этикета охватывает широкий спектр научных направлений, включая структурные, прагматические и семантические аспекты. Значительное внимание в предыдущих работах уделено формульной природе речевого этикета и его связи с определенными коммуникативными функциями (Coulmas, 2005; Ferguson, 1976; Goffman, 1974; Kasper, 1998). Эти исследования заложили основу для понимания стандартизованных языковых выражений как механизмов поддержания социальных норм и обеспечения эффективной коммуникации. Большинство исследований в области вежливости в арабском дискурсе сосредоточено на анализе современного разговорного арабского языка. Например, (Badarneh, 2010) исследовал прагматические функции уменьшительных форм в иорданском диалекте, применяя модель вежливости Брауна и Левинсона, и установил, что эти формы используются как в стратегиях позитивной, так и негативной вежливости (Bouchara, 2015), рассмотрел влияние религии на выбор стратегий вежливости в марокканском арабском языке, акцентируя внимание на использовании коранических выражений и религиозных формул. Особый вклад в изучение речевого этикета Пророка Мухаммада внесла Вафа Абу Хатаб (Hatab, 2022), применивший модель Лича (1983) для анализа максим и шкал вежливости в его устной речи. Это исследование выявило уникаль-

ные аспекты речевого поведения Пророка, подчеркнув их значимость для изучения риторики и этики в межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование основано на лингвистическом анализе речевого этикета Пророка Мухаммада, проводимом на основе данных из четырёх авторитетных сборников хадисов: Сахих аль-Бухари, Сахих Муслим, Сунан Абу Дауда и Джами‘ ат-Тирмизи. Эти источники были выбраны в связи с их авторитетностью и высокой степенью достоверности, что делает их ключевыми для изучения речи Пророка Мухаммада.

Для достижения целей исследования использовались следующие методы:

Метод лингвистического анализа. Исследование сосредоточено на идентификации и интерпретации ключевых речевых интенций, таких как приветствие, обращение, благодарность и реакции на прерывание разговора. Анализ проводится с учётом синтаксических, семантических и прагматических характеристик языковых форм. Метод дискурсивного анализа применяется в исследовании при изучении стратегии речевого этикета, используемой Пророком Мухаммадом в разных коммуникативных контекстах. Особое внимание уделяется способам достижения социальных целей, таким как установление доверительных отношений и предотвращение конфликтов. В рамках культурно-семиотического анализа рассматривается роль языковых средств в отражении культурных и религиозных норм арабского общества того времени. Это позволяет выявить, как речевой этикет Пророка способствовал интеграции социальных и культурных ценностей в арабское общество того времени. Сравнительный метод используется для сопоставления лингвистических особенностей речевого этикета Пророка с современными представлениями о вежливости и эффективной коммуникации.

Этикет как социальное явление был заимствован из французского языка в XVIII веке и первоначально ассоциировался с нормами поведения, самоконтролем и соблюдением определённых общественных правил. Со временем термин приобрел более широкий смысл, включив элементы речевого поведения, подразумевающие правильный выбор слов, интонации и форм обращения с учётом синтаксических и социолингвистических особенностей языка. Речевой этикет можно определить, как систему норм и правил, регулирующих использование языка в общении. Он направлен на поддержание уважения, вежливости и гармоничных социальных взаимодействий, адаптируясь к социальному контексту, статусу участников коммуникации, их возрасту и другим социокультурным факторам.

Арабская цивилизация, будучи одной из древнейших в истории человечества, сыграла ключевую роль в формировании культурных традиций общения. Соответственно, арабский язык, являясь одним из старейших и самых богатых языков мира, всегда привлекал к себе особый внимание. О значимости языкового мастерства свидетельствует традиция проведения соревнований в Суке Оказ, где регулярно организовывались конкурсы поэзии и ораторского искусства. Эти мероприятия способствовали не только развитию арабского языка, но и формированию его актуальности как средства выражения социальных и культурных норм. Откровение Корана стало одной из величайших лингвистических и риторических чудес, представляя вызов арабам, чья культура была глубоко укоренена в традициях красноречия и литературного мастерства. Коран не только соответствовал высоким стандартам арабской речи, но и превосходил их, бросая вызов самым искусным поэтам и ораторам того времени. В самом Священном Писании мусульман подчеркивается это уникальное превосходство, где говорится: «Скажи: «Если бы люди и джинны объединились для того, чтобы сочинить нечто, подобное этому Корану, это не удалось бы им, даже если бы они стали помогать друг другу»».

На фоне этой высокой языковой культуры ключевую роль в формировании норм общения и речевого этикета сыграл Пророк Мухаммад, ставший образцом вежливого и тактичного общения. Он не ограничивался ролью религиозного лидера, но также оказывал глубокое влияние на светские аспекты жизни, включая социальные структуры, культурное развитие и лингвистические традиции. Его наследие, охватывающее как духовные, так и светские сферы, делает его уникальной фигурой в мировой истории. В своей книге «100 великих людей: рейтинг самых влиятельных личностей в истории» М. Харт отмечает, что Пророк Мухаммад достиг выдающихся успехов, совмещая религиозное руководство с эффективным управлением в светских делах [7]. Одной из основ его влияния была исключительная языковая компетенция. Происхождение из племени Курейш, которое славилось своим красноречием и высоким уровнем владения арабским языком, заложило прочный фундамент его лингвистических навыков. В соответствии с традициями арабского общества Пророк был отправлен в племя Бану Са’д, где он овладел чистотой и изысканностью арабского языка, что стало важным этапом в его формировании как коммуникатора и лидера. Эти условия способствовали развитию у Посланника Аллаха выдающегося риторического мастерства, которое было признано как его современниками, так и учёными последующих эпох. Его речь отличалась ясностью и точностью, умением адаптироваться к диалектам разных племён, что позволяло ему эффективно устанавливать

контакт с самыми разными группами. Его слова отражали высочайшие стандарты риторики, добродетели и уважения [1, с. 518].

При этом важной чертой речи Пророка была её доступность и практическая значимость. Жена Пророка Айша рассказывала, что он говорил ясно и размежено, избегая излишней торопливости, благодаря чему слушатели могли легко запомнить его слова. Более того, он часто повторял ключевые фразы трижды, чтобы убедиться, что его слова правильно поняты. Этот подход акцентирует не только его лингвистические навыки, но и педагогический подход, направленный на обеспечение максимальной эффективности коммуникации.

Ещё одним важным аспектом речевого поведения Пророка Мухаммада была высокая этическая составляющая. Он избегал трёх основных вещей: споров, многословия и вмешательства в дела, которые его не касались. Пророк никогда не говорил плохо о людях, не насмехался над ними и не обсуждал их недостатки в присутствии других, воздерживаясь от какой-либо критики. Его речь всегда была сосредоточена на темах, способных принести пользу и духовное вознаграждение [16].

Результаты и обсуждения

1. Интенция приветствия.

Приветствие является одним из ключевых речевых актов, выполняющих функции установления первичного контакта между коммуникантами и создания благоприятной коммуникативной обстановки. В соответствии с терминологией П. Браун и С. Левинсона, оно представляет собой элемент стратегии сближения, способствующей формированию положительного впечатления о говорящем. Этот речевой акт задаёт тон последующему взаимодействию и служит важным инструментом для демонстрации вежливости на начальном этапе общения, обеспечивая успешность дальнейшей коммуникации.

Каждое человеческое общество имеет свои обычаи и традиции, которые регулируют формы общения, включая приветствие. Эти традиции передаются из поколения в поколение, укрепляя социальные связи и поддерживая нормы вежливого взаимодействия. Форма приветствия, его структура, условия использования и нормы этикета являются важной частью культуры, в том числе в арабском обществе.

В арабском языке слово тахийа (приветствие) происходит от корня 'ахъя' (оживлять), как в выражении: 'ахъя' Аллах аль-ард (Аллах оживил землю), что означает дарование жизни и произрастание растений. Таким образом, приветствие символизирует пожелание добра и жизни.

До появления ислама формы приветствия у арабов были разнообразны и отражали культурные и социальные особенности. Среди наиболее известных:

- 'Абейт аль-ла'н – фраза, используемая для приветствия королей, которая означала, что человек обладает достойными нравственными качествами, не заслуживающими осуждения или проклятия [14, с. 117].

- Хайак Аллах ва бейак – выражение радушного приёма и пожелание благополучной жизни.

- 'Ан'ам сабахан и 'ан'ам маса'ан – пожелание доброго утра или доброго вечера [14, с. 121].

С появлением ислама и в рамках усилий по объединению арабского общества с его многочисленными племенами и укреплению духа единства была введена единая форма приветствия – Ас-саляму 'алейкум, что переводится как «Мир вам». Эта форма приветствия имеет своё происхождение в Коране. В Священном Писании говорится: «А тех, которые боялись своего Господа, толпами проводят в Рай. Когда они приблизятся, и его врата распахнутся, его стражи скажут им: “Мир вам! Вы были хороши. Входите же сюда навечно!”». Оно также выражает пожелание мира, безопасности и избавления от всех бед и напастей.

Пророк Мухаммад уделял этому речевому акту особое внимание, акцентируя его значимость в укреплении социальных связей. Он считал приветствие одним из прав мусульманина перед другим и сказал: «Мусульманин имеет шесть обязанностей перед другими мусульманами. Если встретишь мусульманина, то приветствуй его; если получишь его приглашение, то прими его; если он попросит у тебя совета, то дай ему добрый совет; если он чихнёт и воздаст хвалу Аллаху, то пожелай ему блага; если он заболеет, то навести его, а если он умрёт, то присутствуй на его похоронах». Пророк также наставлял распространять приветствие как среди знакомых, так и незнакомых людей. В хадисе говорится: «Вы не войдёте в Рай, пока не уверуете, а не уверуете вы до тех пор, пока не станете любить друг друга, так не указать ли мне вам на то, что приведёт вас к взаимной любви, если вы будете делать это? Распространяйте между собой приветствие».

Приветствие также упоминается как одно из лучших проявлений ислама. Когда Пророка спросили, какие действия в исламе являются наилучшими, он ответил: «кормить едой нуждающихся и приветствовать тех, кого знаешь, и тех, кого не знаешь». Кроме того, приветствие приносит вознаграждение. Как передаётся в хадисе от Абу Хурайры, один человек прошёл мимо Пророка, который сидел со своими сподвижниками, и сказал: Ас-саляму аллейкум. Пророк ответил: «Десять благих дел». Затем другой человек сказал: Ас-саляму аллейкум ва рахматуллах, и Пророк ответил: «Двадцать благих дел». Когда третий человек добавил: Ас-саляму аллейкум ва рахматуллахи ва баракатух, Пророк ответил: «Тридцать благих дел». Пророк также

отметил важность приветствия при повторных встречах. Он сказал: «Если кто-либо из вас встретит своего брата, пусть поприветствует его. Если между ними окажется дерево, стена или камень, а затем они встретятся снова, пусть поприветствует его ещё раз». Эти примеры демонстрируют центральное место приветствия в исламской культуре, его роль в укреплении социального взаимодействия и установлении гармонии в обществе.

Что касается формулы приветствия и способа ответа, из хадисов становится очевидным, что Пророк Мухаммад придавал особое значение правильному порядку слов в приветствии, не допуская изменений. Сообщается, что Джабир ибн Сулайм сказал Пророку: ‘Алейка ас-салям, о Посланник Аллаха’. На что Пророк ответил: «Не говори: ‘Алейка ас-салям, ибо это приветствие мёртвых. Говори: ’Ас-саляму ‘алейка. По мнению большинства исламских богословов, это выражение не связано исключительно с приветствием мёртвых, однако Пророк хотел подчеркнуть необходимость использования приветствия в его правильной формулировке.

Что касается ответа на приветствие, то в Коране сказано:

«Когда вас приветствуют, отвечайте еще лучшим приветствием или тем же самым. Воистину, Аллах подсчитывает всякую вещь». Кроме того, в хадисе сообщается: «Аллах создал Адама по Своему образу, его рост был шестьдесят локтей. Затем Аллах сказал: «Иди и поприветствуешь ту группу, – а это была группа сидящих ангелов, – и выслушай, как они ответят тебе. Ибо это будет твоим приветствием и приветствием твоего потомства». Адам пошёл и сказал: Ас-саляму алайкум (Мир вам). Они ответили: Ас-саляму алайка ва рахматул-Ллах (Мир тебе и милость Аллаха), добавив «и милость Аллаха» [18, с. 2841].

На основании хадисов и Корана установлены следующие правила ответа:

- На приветствие ’Ас-саляму ‘алейка следует отвечать: Уа ‘алейкум ас-салям уа рахматул-Лах.
- Ответом на выражение ’Ас-саляму ‘алейка уа рахмату-Ллах должна быть фраза: Уа ‘алейкуму-ссалам уа рахматул-Лахи уа баракату.
- Как минимум, ответ должен соответствовать формуле приветствия, но не быть меньше по содержанию.

Также Пророк придавал значение особенностям лингвистической структуры приветствия, когда оно передаётся через третье лицо. Согласно хадису из «Сунан Абу Дауда», некий человек сказал: Мой отец передаёт тебе приветствие. Пророк ответил: Мир тебе и твоему отцу. Использование данной формы указывает на то, что приветствие сохраняет свою значимость, даже если оно передаётся опосредованно, и его формулировка должна учитывать всех участников взаимодействия [11, с. 5231].

В контексте обстоятельств приветствия Пророк особо подчеркивал его значимость как одного из ключевых элементов, способствующих укреплению дружбы и взаимного уважения в обществе. Это правило до сих пор остается фундаментальной частью арабской культуры. Обращаясь к биографии Посланника Аллаха, можно увидеть, что он был одним из самых активных в распространении приветствий, не делая различий между младшими и старшими, знакомыми и незнакомыми, мужчинами и женщинами. Сообщается, что Пророк, проходя мимо группы людей, с которыми у него не было личных связей, в месте под названием ар-Роха, первым поприветствовал их словами приветствия. Этот случай, переданный в хадисе Абу Дауда, выделяет его стремление к созданию атмосферы уважения и общения, даже с незнакомыми людьми [11, с. 1736]. Посланник Аллаха также сформулировал общие правила приветствия, учитывающие социальные роли участников коммуникации. В хадисе говорится: «Младший должен приветствовать старшего, проходящий – сидящего, всадник – идущего, и меньшинство – большинство» [12, с. 6233].

Одним из ярких примеров невербальной коммуникации Пророка была его манера приветствия дочери Фатимы. Каждый раз, когда она входила, он вставал, чтобы поприветствовать её, целовал её голову и предлагал сесть на своё место. Эти жесты выражали не только уважение, но и глубокую любовь.

2. Интенция обращения.

Обращение, как речевая интенция в высказываниях Пророка Мухаммада, является важным элементом его речевого этикета. Этот аспект демонстрирует способность учитывать социальные, культурные и индивидуальные особенности собеседников, проявляя уважение, тактичность и доброжелательность.

У арабов было принято обращаться друг к другу, используя прямые имена, титулы или кунью. Если имя собеседника было неизвестно или требовалось проявить вежливость и дружелюбие, они говорили: Йа аха аль-‘араб (О, брат арабов) или: Йа уаджха аль-‘араб (О, лицо арабов). Также человека могли называть по принадлежности к племени, например: Йа аха Тый (О, брат из племени Тый) или: Йа аха ‘Абс (О, брат из племени ‘Абс). Принадлежность к племенной идентичности рассматривалась как символ гордости и уважения. Если же требовалось подчеркнуть высокий статус и значимость собеседника, использовались выражения, указывающие на его заслуги и достоинства, такие как: Йа аба аль-фаварис (О, отец рыцарей) или: Йа хами аль-кабила аль-фуланийа (О, защитник такого-то племени). Эти формы обращения отражают при-

верженность арабов языковым и социальным традициям, где тщательно подобранные слова служили выражением уважения, признания и высокого положения собеседника в обществе [14, с. 126].

Пророк Мухаммад использовал обращение как эффективное средство установления связи с собеседником, подбирая лексические формы, соответствующие контексту общения. Он обращался к людям, используя их имена, прозвища или куны Абу или Умм, что находилось в согласии с традициями арабской культуры, где такие формы обращения отражали уважение и дружелюбие. Например, Пророк часто применял конструкцию Абу (отец такого-то), что отражало культурные нормы, придававшие значение семейным связям и социальному статусу. Особую теплоту и уважение Пророк проявлял в общении с близкими. Это видно, например, в его обращении к своей жене Аише, где он употреблял уменьшительно-ласкательную форму её имени. Он говорил: «О, Аиш, это Джибриль передаёт тебе приветствие» [12, с. 3217].

Речь Пророка Мухаммада в обращении к детям является примером высокоэффективной коммуникации, в которой сочетаются простота, доброжелательность и педагогическая направленность. Его речь была адаптирована к возрастным особенностям детей, а выбор лексики и структуры предложений способствовал не только установлению доверительных отношений, но и формированию у детей нравственных ценностей. Пророк часто использовал родственные слова, которые создавали чувство близости и доверия. Например, он обращался к Анасу ибн Малику словами «О сын мой». Известно, что в арабской традиции использование куны считается выражением уважения, и Пророк нередко применял их в обращении к детям. Например, он сказал маленькому брату Анаса ибн Малика: «О, Абу Умайр, что сделал твой Нуагир?» [12, с. 6129]. Часто в общении с детьми он использовал форму, характерную для взрослых, что способствовало повышению их самооценки. Нередко он использовал позитивные и мотивирующие слова, которые вдохновляли их и побуждали их к правильным действиям. Однажды он сказал Абдулле ибн Умару: «Прекрасный человек – ‘Абдулла, если бы он молился по ночам» [12, с. 1121]. Такие обращения демонстрируют, как он с помощью простых, но сильных слов формировал стремление к самосовершенствованию. В общении с детьми он подбирал слова, которые не только были понятны, но и учитывали эмоциональное состояние ребёнка, создавая условия для доверительного взаимодействия и воспитания. Например, наставляя своих внуков Хасана и Хусейна он использовал простые слова чтобы объяснить правила поведения доступным языком, избегая сложных конструкций: «Ешь правой рукой и ешь то, что перед тобой» [12, с. 2022]. Пророк проявлял мягкость в исправлении ошибок. Одним из ярких примеров является случай, когда он увидел, как его внук ел финик, предназначенный для милостыни. Посланник Аллаха сказал на это: «Кх, кх, выбрось это. Разве ты не знаешь, что мы не едим милостыню?» [12, с. 3072]. Использование звукового сигнала «кх, кх» выполняло сразу несколько функций. Во-первых, оно служило мягким предостережением, соответствующим возрасту ребенка. Во-вторых, эта форма позволяла привлечь внимание без использования резких выражений или порицания. Подобный выбор выражений подчеркивает деликатный и воспитательный характер речи Пророка.

В своем исследовании, посвящённом анализу психологических и социальных потребностей, выраженных в речи Пророка Мухаммада, Ибрахим Джумайан отмечает, что обращение к детям в большинстве хадисов характеризуется короткими и простыми фразами. Он также указывает, что использование Пророком форм обращения и слов, выражающих родственные связи, например: сынок, играло важную роль в том, чтобы ребенок чувствовал свою значимость и внимание к себе, что усиливало педагогическое воздействие его речи [9, с. 636].

Речь Пророка Мухаммада, адресованная молодому поколению, была наполнена глубоким педагогическим и социальным содержанием, акцентируя внимание на потребностях этой возрастной группы. Лингвистический анализ хадисов показывает точность подбора слов и стратегий, направленных на воспитание и наставление в соответствии с исламской этикой. Пророк часто использовал обращения для привлечения внимания. Например, он начинал свои наставления словами: О, молодежь! Лексема подчёркивала принадлежность к группе, выделяя молодёжь как целевую аудиторию, что демонстрировало осознанное стремление сосредоточить их внимание на значимых аспектах жизни. В хадисе: «Тот из вас, кто способен к браку, пусть женится» [12, с. 5064], Пророк использует слово (тот), создавая эффект адресности и делая акцент на тех, кто имеет возможность исполнить наставление. Это лингвистическое средство способствует четкому разграничению между теми, к кому относится призыв, и остальными. Глагол (пусть женится) употребляется в форме повелительного наклонения, что придаёт призыву настойчивость и подчёркивает важность немедленного действия. Большинство сподвижников, окружавших Пророка Мухаммада, принадлежали к молодёжной категории, что делает его речь, по своей сути, ориентированной на юношей и девушек. Пророк в своем общении учитывал потребности этой группы, используя язык, понятный их возрасту и уровню восприятия, что делало его наставления вдохновляющими и эффективными в формировании исламских ценностей и принципов [15, с. 219].

Одним из ярких лингвистических приёмов в наставлениях Пророка является употребление глаголов в повелительном наклонении. Например, в хадисе: «Воспользуйся пятью возможностями до наступления пяти препятствий: своей жизнью до смерти, здоровьем до болезни, свободным временем до занятости, молодостью до старости и богатством до бедности» [16, с. 5174] глагол (воспользуйся) выражает настоятельность призыва и подчёркивает необходимость немедленного действия. Это наставление акцентирует внимание на рациональном использовании молодости как периода, наполненного энергией и возможностями. Повелительная форма в данном контексте выполняет не только директивную функцию, но и мотивирует молодежь на осознание ценности времени.

В выражении: «молодостью до старости» слово (до) подчеркивает временную ограниченность молодости и актуализирует необходимость активных действий в настоящем. Использование этой лексемы вводит элемент осознанного отношения ко времени, что является ключевым посланием для молодого поколения, ставящегося с соблазном откладывать важные дела. Пророк часто использовал слово юноша в обращении к молодым людям в контексте наставлений: «О, юноша, назови имя Аллаха и ешь правой рукой» [18, с. 2022]. «О, юноша, я научу тебя словам...» [13, с. 2685] и т.д. Это слово, помимо возраста, указывает на статус молодого человека, который находится в стадии формирования личности. Использование такого обращения формирует у молодых людей чувство уважения и значимости, создавая доверительную атмосферу для передачи наставлений.

Таким образом, анализ речи Пророка Мухаммада показывает, что его наставления молодежи не только отличаются ясностью и доступностью, но и направлены на глубокое осознание молодыми людьми своих обязанностей. Использование повелительных форм, временных указаний и уважительных обращений формирует эффективную коммуникацию, способствующую воспитанию нравственных и ответственных граждан. Этот подход остается примером успешного воспитательного взаимодействия и сегодня.

Лингвистическая стратегия учета иерархии и власти подразумевает использование элементов вежливости в обращении, подчёркивающих статус и авторитет адресата. Эта особенность четко проявляется в письмах Пророка Мухаммада к царям и императорам, где он искусно подбирал формы обращения, которые признавали высокий политический или социальный статус собеседников, одновременно утверждая свою миссию и роль как посланника Аллаха. Так, в письме к Кисре, царю Персии, Пророк использовал почётное обращение «великий правитель Персов», что отражено в следующей фразе: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. От Мухаммада, Посланника Аллаха, к Кисре, великому правителью Персов» [12, с. 4553]. Признавая авторитет Кисры, Пророк демонстрировал уважение к политической власти адресата. В то же время он представил себя как «Посланника Аллаха», что оправдывало его право на обращение и подчёркивало духовный характер послания: «Я приглашаю тебя принять путь Аллаха, ибо я – Посланник Аллаха ко всем людям» [12, с. 4553]. Аналогичным образом, в письме к Гераклу, императору Византии, Пророк использовал форму обращения, признающую высокий статус императора, но при этом подчёркивающую свою собственную идентичность как «раба Аллаха и Его Посланника»: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. От Мухаммада, раба Аллаха и Его Посланника, к Гераклу, великому правителью Византии».

Эти примеры демонстрируют способность Пророка эффективно балансировать между признанием политической власти адресата и утверждением своей духовной миссии. Использование таких стратегий отражает его глубокое понимание социальных и культурных норм, а также умение применять элементы вежливости для установления дипломатичного и уважительного общения.

3. Интенция прерывания разговора.

Прерывание собеседника до завершения его высказывания рассматривается как нарушение этических норм общения, связанное с отсутствием уважения и вежливости. Пророк Мухаммад продемонстрировал высокий уровень терпения и уважения в подобных ситуациях, что подтверждается различными хадисами.

Одним из ярких примеров является случай с ‘Утбой ибн Раби’а, влиятельным лидером Мекки, который пытался убедить Пророка отказаться от своей миссии. Несмотря на то, что речь ‘Утбы содержала угрозы и искушения, Пророк позволил ему полностью высказать свои мысли без какого-либо вмешательства. Лишь после того, как Утба завершил свою речь, Пророк спокойно спросил: «Ты закончил, Абу аль-Валид?» Получив утвердительный ответ, он начал читать аяты из Корана. Этот случай подчёркивает приверженность Пророка Мухаммада принципам уважительного общения, демонстрируя высокий уровень этических стандартов даже в условиях напряжённого диалога [19, с. 27].

Ещё одним аспектом этического подхода Пророка является его манера общения с людьми, говорившими на различных диалектах. Он никогда не перебивал собеседника и всегда ждал, пока тот закончит, прежде чем ответить или уточнить, если что-то осталось непонятным. Такой стиль взаимодействия свидетельствует о его глубоком уважении к собеседнику и стремлении к ясной и тактичной коммуникации.

Анас ибн Малик, который служил Пророку на протяжении десяти лет, подтверждает его безупречное речевое поведение. Он говорил, что Пророк никогда не оскорблял, не проклинал и не проявлял грубости. Эта выдающаяся самодисциплина и доброжелательность в речи подчёркивают высокий уровень нравственных стандартов, которым он следовал [12, с. 6038].

Пример Пророка Мухаммада остается непреходящим эталоном уважительного и корректного общения, подчеркивая важность терпения, вежливости и умения учитывать чувства собеседника. Его подход к коммуникации также показывает ценность уточнения, если возникает необходимость прояснить детали, обеспечивая точное и гармоничное взаимодействие.

4. Интенция благодарности.

Благодарность занимает важное место в исламской этике и речевом поведении Пророка Мухаммада. Его наставления подчёркивают важность признания благодеяний, сделанных другими людьми, как часть благодарности Всевышнему. Это особенно ярко проявляется в хадисе: «Тот, кто не благодарит людей, не благодарит Аллаха» [13, с. 2069]. Данное утверждение показывает, что благодарность людям является важным элементом духовной практики, так как они являются посредниками в передаче благ от Аллаха.

Выражения благодарности имеют лингвистические особенности. Так, в хадисе: «Кто сделал вам добро, отблагодарите его, а если не можете, то молитесь за него» [11, с. 59] подчеркивается необходимость взаимности в добрых делах. В нем присутствует прямая форма благодарности, т.к. глагол (отблагодарите) употребляется в форме повелительного наклонения, подчёркивая обязательность этого действия как части этического поведения. Пророк учил, что выражение благодарности можно дополнить молитвой за Благодетеля: «Тот, кто сказал: “Да воздаст тебе Аллах наилучшим благом,” достиг высшей степени благодарности» [18, с. 2154]. Это выражение содержит высшую форму благодарности и сочетает лексическое признание с духовным элементом, направленным на укрепление социальных и духовных связей. Пророк учил своих последователей формам благодарности, подчёркивая её духовные и социальные аспекты. Например, в хадисе: «Кто был благословлен добром, пусть признает это, ибо признание является актом благодарности» [13, с. 2153] акт благодарности раскрывается через примеры и образы.

Таким образом, благодарность в речи Пророка Мухаммада выражена через доступные лексические конструкции, которые подчёркивают ее многогранность: от простого признания до молитвы за Благодетеля. Этот подход соединяет лингвистическое разнообразие и духовную глубину, делая благодарность неотъемлемой частью социальной и религиозной жизни.

Выводы

1. В отношении речевых формул приветствия мы пришли к заключению, что ислам стандартизовал практику приветствия, внедрив универсальную формулу Ас-саляму алайкум, упомянутую в Коране, и уточнив правила ее использования через наставления Пророка Мухаммада. Особое внимание уделялось обязательности ответа, который должен быть равным или превосходящим по содержанию, а также учету социальных аспектов и обстоятельств.

2. Лингвистический анализ обращения Пророка Мухаммада показывает, что он умело использовал разнообразные формы, соответствующие арабским традициям и особенностям собеседников. Среди них выделяются кунья Абу, родственные и уменьшительно-ласкательные слова, включающие в себя некоторые формы имён, позитивные и мотивирующие выражения, а также почетные обращения, например, в дипломатической переписке. Пророк учитывал возраст, социальный статус и обстоятельства собеседника, адаптируя свою речь. В отношении детей она была простой и мягкой, применительно к молодежи – мотивирующей, а в общении с правителями – уважительной и дипломатичной.

3. Пророк Мухаммад демонстрировал высокий уровень уважения в коммуникации, избегая прерываний и предоставляя собеседникам возможность завершить свои мысли. Вышеприведенный пример с ‘Утбой ибн Раби’ой подтверждает данное утверждение.

4. Анализ интенции благодарности выявил использование Пророком лексических и синтаксических средств, направленных на выражение признательности. Пророк использовал повелительное наклонение, подчёркивая обязательность ответного действия (например, «отблагодарите»). Он выделял высшую форму благодарности через молитву, которая сочетает признание и религиозное содержание: «Да воздаст тебе Аллах наилучшим благом». Лексические противопоставления, такие как «малое» и «великое», акцентировали важность благодарности даже за незначительные блага, что способствовало укреплению социальных связей.

Данное исследование, посвященное лингвистическому анализу речевого этикета Пророка Мухаммада, выявило его уникальный подход к использованию языка как инструмента построения эффективной, уважительной и этически осмысленной коммуникации. Изучение интенций, таких как приветствие, обращение,

прерывание разговора и благодарность, показало, что Пророк осознавал ключевую роль языка в межличностных и социальных взаимодействиях. Пророк Мухаммад демонстрировал мастерство адаптации своей речи к социальным, культурным и возрастным особенностям собеседников, используя разнообразные лексические и синтаксические средства. Его коммуникативная стратегия сочетала в себе вежливость, терпение, уважение и тактичность, что способствовало не только эффективной передаче наставлений, но и созданию атмосферы доверия и взаимопонимания. Простой, но глубокий язык Пророка оказывал значительное влияние как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Результаты исследования подчеркивают, что речевой этикет Пророка Мухаммада служит непревзойденным примером этичного взаимодействия, основанного на уважении к собеседнику и нравственности. Его подход демонстрирует, как лингвистические стратегии могут способствовать укреплению социальных связей, разрешению конфликтов и формированию гармоничных отношений. Данные выводы подтверждают актуальность речевого поведения Пророка в современных условиях, когда культурное разнообразие и социальные вызовы требуют особого внимания к языковым аспектам коммуникации.

Таким образом, проведенное исследование не только подчеркивает уникальность речевого этикета Пророка Мухаммада, но и открывает перспективы для дальнейшего изучения его лингвистических и этических аспектов.

Список источников

1. Al-Dulaimi O.A.M. Prophetic Eloquence After the Revelation of the Quranic Verses // AICHS Third International Conference on Human Science.
2. Badarneh M. The Pragmatics of Diminutives in Colloquial Jordanian Arabic // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42. No. 1. P. 153 – 167.
3. Bouchara A. The Role of Religion in Shaping Politeness in Moroccan Arabic: The Case of the Speech Act of Greeting and Its Place in Intercultural Understanding and Misunderstanding // Journal of Politeness Research. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 71 – 98.
4. Coulmas F. Linguistic Etiquette in Japanese Society // Politeness in Language: Studies in Its History, Theory, and Practice / ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 299 – 323.
5. Ferguson C.A. The Structure and Use of Politeness Formulas // Language in Society. 1976. Vol. 5. No. 2. P. 137 – 151.
6. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 586 p.
7. Hart M. A Ranking of the Most Influential Persons in History. New York: Citadel, 1978. 630 p.
8. Hatab W.A. Prophet Muhammad's Linguistic Etiquette // Jordan Journal of Modern Languages and Literatures. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 129 – 143.
9. Jmaiaam I. The Prophetic Speech to Children: Its Styles and Its Psychological and Social Needs // Journal of Educational and Psychological Studies. 2018. Vol. 12. No. 3. P. 625 – 641.
10. Kasper G. Linguistic Etiquette // The Handbook of Sociolinguistics / ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell, 1998. P. 374 – 385.
11. Абу Дауд Сулейман ибн аль-Аш'ас. Сунан Абу Дауда / под ред. Мухаммада Мухийддина Абд аль-Хамида. Бейрут: Аль-Мактаба аль-Асрия, 1972. URL: <https://shamela.ws/book/1726> (дата обращения: 08.10.2024).
12. Аль-Бухари Мухаммад ибн Исмаил. Сахих аль-Бухари. Бейрут: Дар Тауку ан-Наджат, 2001. URL: <https://shamela.ws/book/1681> (дата обращения: 10.10.2024).
13. Ат-Тирмизи Мухаммад ибн Иса. Сунан ат-Тирмизи / под ред. Ахмада Мухаммада Шакира, Мухаммада Фуада Абд аль-Бакы, Ибрахима Атувы Ауда. Каир: Мустафа аль-Баби аль-Халаби, 1975. URL: <https://shamela.ws/book/1435> (дата обращения: 05.11.2024).
14. Хусейн Маҳди Ариби. Формулы приветствия у арабов до ислама // Вестник гуманитарных наук. 2009. № 5. С. 115 – 137.
15. Сармани Мухаммад Анас. Особенности пророческого дискурса, обращенного к молодежи: аналитическое исследование // Журнал «Аш-Шихаб». 2020. Т. 6. № 1. С. 197 – 226.
16. Иса Алаа Абд аль-Азиз. Особенности диалогической речи в свете Сунны Пророка // Вестник факультета основ религии и призыва. Университет Аль-Азхар, филиал в Мануфии. 2016. Т. 35. № 35. С. 1128 – 3187.
17. Аль-Кари Али ибн Султан Мухаммад. Миркат аль-Мафатих: комментарий к «Мишкат аль-Масабих»: 9 т. 1-е изд. Бейрут: Дар аль-Фикр, 2002. URL: <https://shamela.ws/book/8176> (дата обращения: 05.11.2024).

18. Муслим Абу аль-Хусейн ибн аль-Хаджадж. Сахих Муслим / под ред. Мухаммада Фуада Абд аль-Бакы. Каир: Типография Исы аль-Баби аль-Халаби и партнеры, 1955. URL: <https://shamela.ws/book/1727> (дата обращения: 10.11.2024).

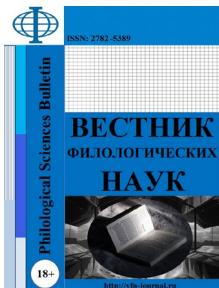
19. Аль-Хилали Маджди. Достижение связи между сердцем и Кораном. Каир: Издательский и дистрибуторский центр «Икра», 2008. 100 с.

References

1. Al-Dulaimi O.A.M. Prophetic Eloquence After the Revelation of the Quranic Verses. AICHS Third International Conference on Human Science.
2. Badarneh M. The Pragmatics of Diminutives in Colloquial Jordanian Arabic. Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42. No. 1. P. 153 – 167.
3. Bouchara A. The Role of Religion in Shaping Politeness in Moroccan Arabic: The Case of the Speech Act of Greeting and Its Place in Intercultural Understanding and Misunderstanding. Journal of Politeness Research. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 71 – 98.
4. Coulmas F. Linguistic Etiquette in Japanese Society. Politeness in Language: Studies in Its History, Theory, and Practice. Ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 299 – 323.
5. Ferguson C.A. The Structure and Use of Politeness Formulas. Language in Society. 1976. Vol. 5. No. 2. P. 137 – 151.
6. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 586 p.
7. Hart M. A Ranking of the Most Influential Persons in History. New York: Citadel, 1978. 630 p.
8. Hatab W.A. Prophet Muhammad's Linguistic Etiquette. Jordan Journal of Modern Languages and Literatures. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 129 – 143.
9. Jmaiaam I. The Prophetic Speech to Children: Its Styles and Its Psychological and Social Needs. Journal of Educational and Psychological Studies. 2018. Vol. 12. No. 3. P. 625 – 641.
10. Kasper G. Linguistic Etiquette. The Handbook of Sociolinguistics. Ed. by F. Coulmas. Oxford: Black-well, 1998. P. 374 – 385.
11. Abu Daud Suleiman ibn al-Ash'as. Sunan Abu Dauda. Ed. Muhammad Muhyiddin Abd al-Hamid. Beirut: Al-Maktaba al-Asriya, 1972. URL: <https://shamela.ws/book/1726> (date of accessed: 08.10.2024).
12. Al-Bukhari Muhammad ibn Ismail. Sahih al-Bukhari. Beirut: Dar Tawku al-Najat, 2001. URL: <https://shamela.ws/book/1681> (date of accessed: 10.10.2024).
13. At-Tirmidhi Muhammad ibn Isa. Sunan at-Tirmidhi. Ed. Ahmad Muhammad Shakir, Muhammad Fuad Abd al-Baqi, Ibrahim Atuwa Aud. Cairo: Mustafa al-Babi al-Halabi, 1975. URL: <https://shamela.ws/book/1435> (date of accessed: 05.11.2024).
14. Hussein Mahdi Aribi. Greeting formulas among the Arabs before Islam. Bulletin of the Humanities. 2009. No. 5. P. 115 – 137.
15. Sarmani Muhammad Anas. Features of the prophetic discourse addressed to the youth: an analytical study. Magazine "Ash-Shihab". 2020. Vol. 6. No. 1. P. 197 – 226.
16. Isa Alaa Abd al-Aziz. Features of dialogical speech in the light of the Sunnah of the Prophet. Bulletin of the Faculty of Fundamentals of Religion and Call. Al-Azhar University, Manufia branch. 2016. Vol. 35. No. 35. P. 1128 – 3187.
17. Al-Qari Ali ibn Sultan Muhammad. Mirqat al-Mafatih: commentary on “Mishkat al-Masabih”: 9 vol. 1st ed. Beirut: Dar al-Fikr, 2002. URL: <https://shamela.ws/book/8176> (date of accessed: 05.11.2024).
18. Muslim Abu al-Husayn ibn al-Hajjaj. Sahih Muslim. Ed. by Muhammad Fuad Abd al-Baqi. Cairo: Isa al-Babi al-Halabi and Associates Printing House, 1955. URL: <https://shamela.ws/book/1727> (date of accessed: 10.11.2024).
19. Al-Hilali Majdi. Achieving a connection between the heart and the Quran. Cairo: Ikra Publishing and Distribution Center, 2008. 100 p.

Информация об авторах

Абү Гриеканах Алия Салим Эслайм, Казанский федеральный университет, alia4sea@yahoo.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский) (филологические науки)

УДК 811.13

¹ Баранов А.Р.

¹ Государственный университет просвещения

Чат и комментарии как неотъемлемая составляющая взаимодействия контент-мейкеров и аудитории

Аннотация: в данной статье рассматривается роль чатов и комментариев в цифровой среде как ключевых инструментов взаимодействия контент-мейкеров с аудиторией. Анализируется их влияние на вовлеченность пользователей, развитие виртуальных сообществ и формирование новых моделей коммуникации. Особое внимание уделяется эволюции цифровых коммуникаций, переходу от традиционных односторонних медиа к интерактивным платформам Web 2.0, а также сравнительному анализу отечественных и зарубежных практик. Рассматриваются теоретические подходы, включая модель двусторонней коммуникации и теорию диалогичности, а также интегративные модели цифрового взаимодействия. Приводятся примеры успешного использования чатов и комментариев на популярных цифровых платформах.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, чаты, комментарии, контент-мейкеры, двусторонняя модель, интерактивность, социальные сети, виртуальные сообщества

Для цитирования: Баранов А.Р. Чат и комментарии как неотъемлемая составляющая взаимодействия контент-мейкеров и аудитории // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 15 – 21.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Baranov A.R.

¹ Federal State University of Education

Chat and comments as an integral component of interaction between content creators and the audience

Abstract: this article examines the role of chats and comments in the digital environment as key tools for interaction between content creators and their audiences. It analyzes their impact on user engagement, the development of virtual communities, and the formation of new communication models. Special attention is given to the evolution of digital communications, the transition from traditional one-way media to interactive Web 2.0 platforms, and a comparative analysis of domestic and international practices. The study explores theoretical approaches, including the two-way communication model and the theory of dialogicity, as well as integrative models of digital interaction. Examples of the successful use of chats and comments on popular digital platforms are provided.

Keywords: digital communication, chats, comments, content creators, two-way model, interactivity, social networks, virtual communities

For citation: Baranov A.R. Chat and comments as an integral component of interaction between content creators and the audience. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 15 – 21.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Современный цифровой мир существенно изменил способы взаимодействия между авторами контента и его потребителями. Если ранее традиционные медиа использовали модель одностороннего вещания, при которой аудитория оставалась пассивным слушателем или зрителем, то с развитием цифровых технологий появилась новая форма коммуникации – интерактивное взаимодействие. Чаты и комментарии стали неотъемлемой частью этого процесса, позволяя пользователям не только потреблять контент, но и влиять на его формирование, участвовать в дискуссиях, выражать свое мнение и выстраивать диалог с авторами.

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом цифрового контента и важностью взаимодействия с аудиторией для успешного продвижения любого онлайн-проекта. Использование чатов и комментариев позволяет контент-мейкерам не только получать обратную связь, но и выстраивать доверительные отношения с подписчиками, повышать их вовлеченность, а также формировать активные сообщества вокруг своего контента.

Цель данной работы – проанализировать роль чатов и комментариев в современных цифровых коммуникациях, выявить их влияние на взаимодействие между контент-мейкерами и аудиторией, а также провести сравнительный анализ отечественного и зарубежного взаимодействия.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- Представить исторический контекст развития цифровой коммуникации и процесс трансформации медиа;
- Проанализировать современные теоретические модели двустороннего взаимодействия, включая модель диалогичности и теорию виртуальных сообществ;
- Проанализировать функциональные различия между чатами и комментариями, определить их сильные и слабые стороны;
- Провести сравнительный анализ отечественных и зарубежных платформ, социальных сетей, сервисов прямых трансляций и видеохостингов, выявить особенности их использования в различных цифровых средах.

Материалы и методы исследований

Для достижения целей исследования был использован сравнительный подход, включающий теоретический анализ и обзор существующих моделей цифровых коммуникаций. Исходя из анализа литературных источников, рассматриваются ключевые концепции и теоретические подходы, такие как модель диалогичности и теория виртуальных сообществ, которые служат основой для анализа роли чатов и комментариев в цифровых медиа. Для сопоставления отечественного и зарубежного опыта исследования были использованы данные о функционировании крупных цифровых платформ, включая YouTube, Twitch, VK, Яндекс.Дзен и Telegram, с акцентом на их механизмы взаимодействия с пользователями. Анализ проводится с учетом исторического контекста эволюции интернет-среды и факторов, определяющих характер использования чатов и комментариев в различных платформах и культурах.

Результаты и обсуждения

Исторический обзор развития цифровых коммуникаций.

Эволюция интернет-среды и первые формы онлайн-взаимодействия.

История цифровых коммуникаций берет свое начало с момента появления первых компьютерных сетей и интернета. В 1970-1980-х годах основными средствами коммуникации в онлайн-среде были электронные письма и доски объявлений (BBS – Bulletin Board Systems), которые обеспечивали обмен текстовыми сообщениями в асинхронном режиме. Однако возможности мгновенного взаимодействия в таких системах были ограничены, что делало коммуникацию медленной и менее интерактивной.

С развитием интернет-технологий в 1990-х годах появились первые формы синхронного общения – чаты и системы мгновенных сообщений (ICQ, AOL Messenger). Эти платформы позволили пользователям взаимодействовать в режиме реального времени, создавая новые форматы общения. В отличие от форумов и электронной почты, где обмен сообщениями происходил с временными задержками, чаты обеспечивали мгновенную реакцию и живое обсуждение, что способствовало развитию более динамичного онлайн-общения.

В начале 2000-х годов с приходом Web 2.0 цифровая коммуникация пережила качественный скачок. Появились блоги, комментарии к статьям, интегрированные чаты на веб-сайтах и первые социальные сети (Facebook, YouTube, Twitter), в которых пользователи получили возможность не только взаимодействовать с контентом, но и активно участвовать в его создании. Чаты и комментарии стали важнейшим элементом этой новой экосистемы, позволяя пользователям выражать свое мнение, обсуждать темы, задавать вопросы и получать обратную связь от авторов контента [3, 8].

На сегодняшний день чаты и комментарии являются неотъемлемой частью цифровых платформ – от социальных сетей до стриминговых сервисов и образовательных платформ. Их использование стало стандар-

том в онлайн-коммуникации, обеспечивая аудитории возможность взаимодействовать с контентом в реальном времени и углубленно обсуждать темы после публикации материалов.

Трансформация медиа.

Традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, печатная пресса) изначально строились на принципе одностороннего вещания, при котором информация передавалась от создателя к потребителю без возможности обратной связи. Однако с развитием цифровых технологий эта модель начала изменяться, уступая место интерактивным форматам.

Первым шагом к новой модели общения стало появление комментариев на новостных сайтах, блогах и форумах. Пользователи получили возможность не только читать материалы, но и высказывать свое мнение, критиковать, предлагать альтернативные взгляды и участвовать в коллективных обсуждениях. Это привело к изменению стратегии работы контент-мейкеров – они стали учитывать обратную связь, реагировать на комментарии и выстраивать более персонализированное взаимодействие с аудиторией [4].

Вторым этапом трансформации стало развитие социальных сетей и стриминговых платформ, окончательно закрепивших двустороннюю модель взаимодействия. Контент теперь создается не только профессиональными медиа-компаниями, но и самими пользователями, что делает коммуникацию более демократичной и интерактивной. Чаты и комментарии играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая оперативную реакцию, вовлечение аудитории и поддержку диалогового формата общения [2, 5].

Сегодня невозможно представить успешный контент без интерактивного элемента. Чаты позволяют пользователям мгновенно реагировать на контент, а комментарии обеспечивают более глубокое обсуждение и анализ. Контент-мейкеры вынуждены адаптироваться к этим изменениям, разрабатывать стратегии вовлечения аудитории и управления обратной связью, чтобы оставаться конкурентоспособными в цифровой среде.

Современные теоретические подходы и модели изучения современных цифровых медиа.

Модель двусторонней коммуникации.

Одним из ключевых изменений в цифровой среде стало смещение акцента с традиционной модели одностороннего вещания на двустороннее взаимодействие. В классических медиа аудитория потребляла контент пассивно, не имея возможности оперативно реагировать или взаимодействовать с создателем. Однако современные цифровые платформы позволяют пользователям не только комментировать контент, но и участвовать в его формировании.

Модель двусторонней коммуникации предполагает постоянный обмен информацией между контент-мейкером и аудиторией. Чаты и комментарии играют ключевую роль в этом процессе, так как обеспечивают мгновенную обратную связь и позволяют авторам контента адаптироваться под интересы пользователей [2, 5].

Теория диалогичности и виртуальных сообществ.

Теория диалогичности предполагает, что успешная коммуникация в цифровой среде возможна только при активном участии обеих сторон в процессе взаимодействия. В отличие от традиционных медиа, где коммуникация строилась по принципу "источник – получатель", в онлайн-пространстве происходит постоянный обмен информацией, уточнениями, аргументами и эмоциями.

Чаты и комментарии стали основными инструментами диалогичности в цифровой среде. Они позволяют не просто реагировать на контент, но и активно его обсуждать, формировать альтернативные точки зрения, делиться опытом и знаниями. Особенно важную роль это играет в формировании виртуальных сообществ – групп пользователей, объединённых общими интересами, которые взаимодействуют в рамках определённых платформ или тем [6, 7].

Основные характеристики виртуальных сообществ:

- Самоорганизация – пользователи формируют сообщество без централизованного управления, находя точки соприкосновения по интересам.
- Коллективный интеллект – участники обмениваются знаниями и опытом, способствуя общему развитию.
- Взаимопомощь – активные пользователи помогают новичкам адаптироваться в сообществе, предоставляют советы и делятся ресурсами.
- Лояльность к лидерам мнений – пользователи чаще доверяют контент-мейкеру, если он активно взаимодействует с аудиторией и поддерживает открытый диалог.

Виртуальные сообщества с активными чатами и комментариями более устойчивы, чем те, где взаимодействие ограничено. Например, геймерские сообщества, в которых пользователи обсуждают стратегии в комментариях и общаются в чатах во время онлайн-игр, могут существовать годами, формируя лояльные группы участников. Аналогично, научные и образовательные онлайн-платформы активно используют комментарии и форумы для обмена знаниями и формирования профессиональных связей [1].

Интегративная модель цифрового взаимодействия.

Современные цифровые платформы требуют гибкости в использовании инструментов коммуникации. Чаты и комментарии выполняют разные функции: чаты обеспечивают моментальную реакцию, но не всегда подходят для детального обсуждения, а комментарии позволяют вести более осмысленные дискуссии, но не дают мгновенной вовлечённости.

Интегративная модель цифрового взаимодействия предполагает комбинированное использование чатов и комментариев для достижения максимального эффекта.

Основные принципы интегративной модели:

1. Синергия синхронного и асинхронного взаимодействия – чаты позволяют мгновенно обмениваться сообщениями, а комментарии дают возможность вести вдумчивое обсуждение. Их сочетание помогает охватить всю аудиторию.

2. Гибкость контента – разные форматы взаимодействия подходят для различных ситуаций: во время стрима удобнее использовать чат, а для детального анализа материала – комментарии.

3. Формирование цифровой среды – использование обоих инструментов создаёт более устойчивое и долговечное сообщество, где пользователи могут выбирать удобный для себя формат общения.

4. Автоматизация – современные технологии позволяют анализировать реакцию аудитории, что помогает авторам адаптировать контент под потребности пользователей [10].

Примером успешного применения интегративной модели являются платформы YouTube и Twitch. Во время прямых трансляций чаты позволяют зрителям взаимодействовать с автором в режиме реального времени, а после завершения эфира обсуждение продолжается в комментариях. Это способствует долгосрочному вовлечению аудитории и повышает лояльность подписчиков [9].

Аналогично, образовательные платформы, такие как Coursera или Udemy, позволяют пользователям задавать вопросы в чате во время лекций, а затем продолжать дискуссии в комментариях к курсу. Это сочетание помогает объединить преимущества оперативного взаимодействия и глубокого анализа информации.

Функциональные особенности и сравнительный анализ чатов и комментариев.

Мгновенность чатов как инструмент оперативного реагирования.

Чаты являются важным инструментом цифрового взаимодействия, так как позволяют мгновенно обмениваться сообщениями и оперативно реагировать на изменения. Они широко используются в стриминговых сервисах, службах поддержки клиентов, мессенджерах и образовательных вебинарах.

Ключевые преимущества чатов:

- Оперативность – пользователи могут получать ответы на вопросы в режиме реального времени.
- Интерактивность – аудитория активно участвует в обсуждении, что способствует росту вовлечённости.
- Создание эффекта присутствия – чат помогает пользователям ощущать свою значимость в цифровом пространстве.

Однако чаты имеют и ряд недостатков:

- Высокий уровень информационного шума – при большом потоке сообщений важная информация может теряться.
- Сложность модерации – требуется постоянный контроль, чтобы избежать спама, троллинга и конфликта среди пользователей.
- Ограниченнная глубина обсуждения – формат быстрых сообщений не всегда позволяет развернуто анализировать тему.

Примером эффективного использования чатов является платформа Twitch, где стримеры активно взаимодействуют с аудиторией в реальном времени. Это способствует формированию сообщества вокруг канала и увеличению времени просмотра контента [3].

Асинхронность комментариев и их роль в аналитическом обсуждении.

Комментарии, в отличие от чатов, представляют собой инструмент асинхронного общения. Пользователи могут оставлять сообщения в удобное для них время, а авторы контента – реагировать на них с задержкой, что делает обсуждения более структурированными и глубокими.

Основные преимущества комментариев:

- Глубина анализа – пользователи могут аргументированно высказывать свои мысли, формулировать гипотезы и обсуждать сложные темы.
- Сохранность информации – комментарии остаются доступными для последующего изучения, в отличие от чатов, где информация может быстро теряться.
- Формирование сообществ – аудитория может обсуждать материал даже после его публикации, поддерживая долгосрочный интерес к контенту.

К недостаткам комментариев можно отнести низкую оперативность, меньшую вовлеченность в моменте, необходимость модерации [1, 8].

Сравнительный анализ: преимущества и недостатки чатов и комментариев.

Сравнительный анализ чатов и комментариев показывает, что оба инструмента имеют свои сильные и слабые стороны.

Таблица 1

Сравнение чатов и комментариев.

Table 1

Comparison of chats and comments.

Параметр	Чаты	Комментарии
Скорость взаимодействия	Высокая	Низкая
Глубина анализа	Низкая	Высокая
Охват аудитории	Высокий (в моменте)	Долговременный
Модерация	Требуется оперативный контроль	Возможна постмодерация

Выбор инструмента зависит от целей контент-мейкера. Если важно оперативное взаимодействие с аудиторией, более предпочтительной формой общения в этом случае является чат. Если же цель – создание долгосрочного обсуждения, комментарии окажутся более эффективными.

Зарубежный опыт и сравнительный анализ чатов и комментариев.

Примеры онлайн-коммуникации из практики зарубежных компаний.

Ведущие мировые цифровые платформы давно осознали ключевую роль интерактивных инструментов в повышении вовлеченности аудитории. Чаты и комментарии стали неотъемлемыми частями экосистем таких гигантов, как YouTube, Facebook, Twitch, Reddit, Twitter, TikTok. В каждой из этих платформ используются уникальные механизмы взаимодействия с пользователями, позволяющие решать задачи коммуникации, управления контентом и модерации.

YouTube является одной из самых популярных платформ для видеоконтента и предлагает пользователям две основные формы интерактивного взаимодействия:

- Чат в прямых трансляциях – позволяет зрителям мгновенно общаться друг с другом и с автором контента, а стримерам – оперативно реагировать на комментарии аудитории. На YouTube внедрена система "суперчата", позволяющая пользователям отправлять платные сообщения, которые выделяются среди остальных. Это способствует как монетизации контента, так и поддержке активного взаимодействия.
- Система комментариев под видео – служит пространством для обсуждения контента, сбора отзывов и развития сообществ. Многие авторы используют раздел комментариев для дальнейшего взаимодействия с аудиторией, отвечая на вопросы и вовлекая подписчиков в обсуждение тем будущих видео.

Twitch является платформой, ориентированной на стриминговый контент, где главным инструментом взаимодействия является чат. Чаты на Twitch обеспечивают мгновенную обратную связь между стримером и зрителями, что делает взаимодействие максимально интерактивным. Развитие Twitch породило такие уникальные механики, как:

- Эмодзи и кастомные стикеры, которые позволяют участникам чата выражать эмоции и поддерживать стримера.
- Модераторские инструменты, включая фильтрацию нежелательных сообщений, бани и временные ограничения на отправку сообщений.
- Система подписок и донатов, благодаря которым зрители могут выделять свои сообщения в чате.

Reddit использует систему комментариев как основной инструмент взаимодействия. Платформа построена вокруг обсуждений, где пользователи голосуют за полезные комментарии, повышая их видимость. Это делает Reddit мощным инструментом для глубоких дискуссий и коллективного формирования знаний.

Facebook и Instagram используют комментарии как основной инструмент взаимодействия с постами. Однако, в отличие от YouTube, здесь активно применяются алгоритмы приоритетного ранжирования, благодаря которым комментарии с высокой вовлеченностью (лайками и ответами) поднимаются выше в ленте обсуждений. Это стимулирует пользователей оставлять осмысленные комментарии и участвовать в дискуссиях [10].

Сравнение отечественного и зарубежного опыта интернет-коммуникации.

Хотя принципы взаимодействия с аудиторией схожи по всему миру, существуют важные различия между зарубежными и российскими платформами. Эти различия обусловлены культурными особенностями пользователей, технологическим развитием и государственным регулированием.

В России крупные цифровые платформы, такие как VK, Яндекс.Дзен, Rutube и Telegram, активно внедряют системы комментариев и чатов, однако используют их несколько иначе, чем их зарубежные аналоги.

• ВКонтакте – одна из крупнейших социальных сетей в России – интегрировала комментарии, чаты и трансляции в единую экосистему. В отличие от Facebook, VK позволяет пользователям вести более развернутые диалоги в комментариях, а его система личных сообщений служит альтернативой мессенджерам.

• Яндекс.Дзен расширил функционал комментариев, добавив возможность авторам взаимодействовать с аудиторией и управлять обсуждениями. В отличие от YouTube, комментарии в Дзене активно модерируют, чтобы минимизировать количество спама и агрессивных сообщений.

• Telegram выделяется среди российских платформ своей системой чатов в группах и комментариев в каналах. В отличие от западных мессенджеров (WhatsApp, iMessage), Telegram позволяет вести массовые обсуждения, объединяя функции форума и чата [8].

Ключевые различия между российскими и западными платформами:

1. Модерация – российские платформы строже регулируют комментарии и чаты, активно фильтруя контент.

2. Техническая реализация – западные платформы обладают более развитыми алгоритмами персонализации и фильтрации контента.

3. Культурные особенности – российские пользователи чаще используют комментарии и чаты для выражения мнений на общественно-политические темы, тогда как западные платформы делают акцент на развлекательном и образовательном контенте.

Выводы

Цифровые платформы невозможно представить без интерактивных инструментов, таких как чаты и комментарии. Они формируют основу взаимодействия между контент-мейкерами и аудиторией, обеспечивают двустороннюю коммуникацию, а также способствуют вовлеченности пользователей.

Чаты играют ключевую роль в оперативном взаимодействии и активно используются в стриминговых сервисах, вебинарах и службах поддержки. Они позволяют мгновенно обмениваться информацией, но требуют строгой модерации из-за высокого уровня информационного шума.

Комментарии обеспечивают возможность глубокого обсуждения и длительного взаимодействия, но не дают мгновенной обратной связи. Они подходят для долгосрочного формирования аудитории и аналитического обсуждения контента.

Оптимальная стратегия цифрового взаимодействия заключается в комбинированном использовании чатов и комментариев. Чаты повышают вовлеченность в моменте, а комментарии обеспечивают долговременное обсуждение.

Зарубежный опыт показывает, что успешные платформы интегрируют оба инструмента, адаптируя их к разным сценариям использования. В России подход к чату и комментариям также активно развивается, но с акцентом на модерацию контента.

Список источников

1. Енокян Т.А. Маркетинговые инструменты формирования лояльности потребителей // Экономика и социум. 2022. № 3. С. 78 – 89.
2. Захарова М.В. Пользовательский контент как инструмент формирования лояльности к бренду в цифровой среде // Знак: Проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2. С. 123 – 134.
3. Ильченко П.В. Влияние UGC-контента на поведение потребителей и принятие решений о покупке // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5. С. 45 – 56.
4. Кащеев О.В., Ермоленко Д.Э. Tiktok-платформа для общения молодежи или новый инструмент продвижения товаров и услуг? // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 143 – 151.
5. Коммуникации в условиях цифровых изменений: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 285 с.
6. Корнев Е.В. Феномен заключения PR-и рекламных контрактов крупных брендов с блогерами социальной сети TikTok // Стратегические коммуникации в современном мире. 2020. С. 240 – 246.
7. Кукла А.А., Городецкая К.Р., Лифантьева Ю.Н. Искусство блоггинга и его современные тренды // Реклама, PR и медиа: Современное состояние и перспективы развития. 2022. С. 84 – 88.

8. Меркушина Е.В. Взаимодействие аудитории и сетевых СМИ: региональный аспект: материалы интернет-конференции "Региональная журналистика: история, современное состояние, перспективы развития". Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2018. URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2018/reg-zhurnalist/3/merkushina.pdf> (дата обращения: 23.01.2025).

9. Симакова С.И., Исакова Т.Б. Мультимедийный лонгрид в самостоятельной работе студентов-журналистов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 3. С. 255 – 268.

10. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. Vol. 53. Iss. 1. P. 59 – 68.

References

1. Enokyan T.A. Marketing tools for building consumer loyalty. Economy and society. 2022. No. 3. P. 78 – 89.
2. Zakharova M.V. User content as a tool for building brand loyalty in the digital environment. Znak: Problematic field of media education. 2021. No. 2. P. 123 – 134.
3. Ilchenko P.V. The impact of UGC content on consumer behavior and purchase decisions. Economy and business: theory and practice. 2024. No. 5. P. 45 – 56.
4. Kashcheev O.V., Ermolenko D.E. TikTok platform for youth communication or a new tool for promoting goods and services? Bulletin of Slavic Cultures. 2022. No. 63. P. 143 – 151.
5. Communications in the Context of Digital Change: Collection of Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Publishing House of SPbGEU, 2023. 285 p.
6. Kornev E.V. The Phenomenon of Concluding PR and Advertising Contracts of Large Brands with Bloggers of the TikTok Social Network. Strategic Communications in the Modern World. 2020. P. 240 – 246.
7. Kukla A.A., Gorodetskaya K.R., Lifantieva Yu.N. The Art of Blogging and Its Modern Trends. Advertising, PR and Media: Current State and Development Prospects. 2022. P. 84 – 88.
8. Merkushina E.V. Interaction of the audience and online media: regional aspect: materials of the Internet conference "Regional journalism: history, current state, development prospects". Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2018. URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2018/reg-zhurnalist/3/merkushina.pdf> (date of access: 23.01.2025).
9. Simakova S.I., Isakova T.B. Multimedia longread in independent work of journalism students. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2017. Vol. 2. No. 3. P. 255 – 268.
10. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. Business Horizons. 2010. Vol. 53. Iss. 1. P. 59 – 68.

Информация об авторах

Баранов А.Р., кафедра романской филологии, Государственный университет просвещения,
king11.11.99@mail.ru

© Баранов А.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.512.145

¹Хусаенова Р.Р., ¹Гильмутдинова А.Р.

¹Казанский федеральный университет

Особенности психологизма в произведениях А. Ахметгалиевой

Аннотация: в центре данного исследования художественное воплощение психологизма в творчестве А. Ахметгалиевой.

Актуальность темы определяется обращением к литературному инструментарию, позволяющему создавать художественные образы героев, пропитанные тонким психологическим содержанием. Цель исследования – проанализировать особенности и способы проявления психологизма в произведениях А. Ахметгалиевой.

Исследование позволило определить, что использование приемов психологизма автором в каждом конкретном случае обусловлено особенностями содержания, потребовавшего именно такого, психологического раскрытия характера, построения образа человека. Через описание психологии, переживаний человека, его духовного мира А. Ахметгалиева стремится привлечь внимание к злободневным вопросам современности: безнравственности, алкоголизму, наркомании, утрате преемственности поколений в семье, потере веры и религиозности.

Ключевые слова: психологизм, повесть, современная Татарская проза, А. Ахметгалиева, образность

Для цитирования: Хусаенова Р.Р., Гильмутдинова А.Р. Особенности психологизма в произведениях А. Ахметгалиевой // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 22 – 26.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Khusaenova R.R., ¹Gilmutdinova A.R.

¹Kazan Federal University

Features of psychological insight in A. Akhmetgalieva's narratives

Abstract: the focus of this study is the artistic embodiment of psychological insight in the work of A. Akhmetgalieva.

The relevance of the topic is determined by the appeal to literary tools that allow you to create artistic images of heroes imbued with subtle psychological content. The purpose of the study is to analyze the features and ways of manifestation of psychologism in the works of A. Akhmetgalieva.

The study allowed us to determine that the use of psychological insight techniques by the author in each specific case is due to the peculiarities of the content, which required exactly such a psychological disclosure of character, building an image of a person. Through the description of psychology, human experiences, and his spiritual world, A. Akhmetgalieva seeks to draw attention to topical issues of our time: immorality, alcoholism, drug addiction, loss of generational continuity in the family, loss of faith and religiosity.

Keywords: psychological insight, novella, modern Tatar prose, A. Akhmetgalieva, imagery

For citation: Khusaenova R.R., Gilmutdinova A.R. Features of psychological insight in A. Akhmetgalieva's narratives. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 22 – 26.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность исследования. Современный этап исследования татарской литературы отмечается возрастием интереса к особенностям изображаемого мира в художественных произведениях, а также к специфике глубокого и многогранного отражения внутреннего мира человека. Важным аспектом является способность авторов передавать различные психологические состояния и процессы с помощью художественных приемов.

В настоящее время вопрос о том, как психологические аспекты проявляются в татарских художественных произведениях, не получил достаточно полного освещения. «Психологизация» литературного творчества привела к интенсификации поиска и применению разнообразных художественных приёмов, которые необходимы авторам для точного и достоверного отображения внутреннего мира персонажей.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе особенностей и способов проявления психологизма в произведениях А. Ахметгалиевой.

А. Ахметгалиева—современная татарская писательница, чьи произведения часто исследуют сложные психологические состояния персонажей. Произведения А. Ахметгалиевой «характеризируют фокусирование внимания на подсознательные процессы личности, использование символов, углубление экзистенциального начала. Умение правильно изобразить движение человеческой души является одним из главных черт ее арсенала мастерства» [11, с. 217]. Следует отметить, что в некоторой степени мы встречаем в произведениях А. Ахметгалиевой мотивы, темы, поднятые авторами второй половины XX века: охрана природы, исчезновение села, ожесточение человеческого характера, алкоголизм, безработица, сиротство. Психологизм в произведениях автора проявляется через глубокую проработку персонажей, их внутренние конфликты и сложные социальные взаимодействия, что делает её творчество актуальным и многогранным [6, с. 25].

Материалы и методы исследований

Наше исследование основано на принципах системно-целостного анализа художественного произведения. Теоретические вопросы психологизма в литературных произведениях, затронутые в исследованиях О.Б. Золотухиной [8], В.С. Азеевой [2], А.Б. Есина [5], позволили провести анализ приемов психологизма в рассказах и повести А. Ахметгалиевой. Также теоретической базой исследования послужили работы Г.Р. Насибуловой [9], Ф.М. Хатипова [10], А.М. Закирзянова [6], Д.Ф. Загидуллиной [7], центром исследования которых являются произведения татарских писателей. В основу проведенного исследования положены труды современных ученых Г.Р. Гайнуллиной [13], А.Р. Гильмутдиновой [13], Г.А. Ахметгараевой [3].

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что в своих произведениях А. Ахметгалиева использует богатый арсенал приемов психологизма: внутренний монолог, поток сознания, диалоги героев, глубинную психологию, символизм и метафоры. Данные приемы позволяют проникнуть в мысли персонажей, понять их внутренние переживания, чувства, мысли, подсознательные мотивы действий.

Шарипова отмечает, что в произведениях А. Ахметгалиевой наблюдается глубокое исследование внутреннего мира персонажей, их стремления к самопознанию и переосмыслинию своих действий. Возвращение в прошлое становится не только способом осмыслиения утраченных возможностей, но и важным элементом их развития [12, с. 2667]. Авторские приемы, такие как флешбеки, внутренние монологи и символизм, помогают читателю лучше понять мотивацию героев и их эмоциональное состояние.

Произведение "Соловей озера Таллыкуль" А. Ахметгалиевой представляет собой глубокое исследование человеческой психологии и внутреннего мира персонажей. В произведении основные события повествования сосредоточены вокруг Шамиля и Наили, которые дружили с детства и с возрастом полюбили друг друга, но их совместная жизнь не сложилась. Шамиль переехал жить в город, создал семью, взял на воспитание девочку Алию. Наиля всю жизнь живет мечтами, скучает и ждет Шамиля. Она совершаet ряд жизненных ошибок: рожает ребенка от женатого мужчины и отказывается от него сразу после родов, боясь людского осуждения. Повесть заканчивается трагически: у Наили не хватило силы воли, чтобы открыть глаза на реалии своей жизни, на последствия своих действий, она покончила жизнь самоубийством.

В раскрытии трагедии личности автором успешно используется портретное изображение главной героини, из-за алкоголизма потерявшую былую привлекательность: «Күз кабаклары шешенкеләнеп, үүгелжемләнеп торса да, карашында самимлек һәм жылылыкның эзе сакланмаса да, үүзләренең конғырт-каралыгы да, сүл як борын канатындагы кечкенә конғырт мин ә, маңгаеның кыл уртасында беленер-беленмәс кенә үүрәнгән жәрәхәт эзе да, дулкынланганда кул бармакларын биетеп торуы да Наиләнеке иде» [1, с. 13] / «Пусть в чер-

ных ее глазах уже нет той глубины и чистоты, но милая родинка на носу, едва заметный след от травмы на лбу и то, как взволнованная, она теребила пальчиками рук – все же многое напоминало прежнюю Наили».

Образ Наили воплощает ошибки юности человека, которые в конечном итоге приводят к невыносимому состоянию и вызывают в душе человека сожаление и боль. Тонко созданный психологический портрет героини позволяет читателю понять ее чувства, ненависть к себе, невозможность простить себя, что приводит к алкоголизму и самоубийству.

А. Ахметгалиева использует описания пейзажа, природных явлений для отражения эмоционально-психологического состояния героев. Они отражают внутренние состояния персонажей, создавая атмосферу, которая усиливает эмоциональное восприятие. Озеро Таллыкуль и его образы служат символами спокойствия и глубины, контрастируя с бурными эмоциями персонажей.

Например, в данной повести автор-рассказчик через метафорический образ березы передает неразрывную связь человека с родной землей, к которой человек возвращается, если не физически, то мысленно: «Эй, ир-егет! Э бит без синец белән бер тамырдан, кардәшләр <...> Уткәннәреңне барла. Ашыгасың, тукталып уйланырга бер генә минут та вакытың юк, шулаймы? Тик син минем яныма киләчәксең, барыбер киләчәксең бит!» [1, с. 5] / «Эх ты, парень! Ведь мы с тобой родня, корни наши едины. Ты изучи свою родословную. Торопишься, нет ни минуты времени в суете дней? Но ты вернешься ко мне, непременно вернешься!».

Через данную метафору автор проводит аналогию, что человек, оторванный от Родины, как дерево без корней, погибает, высыхает, и называет причину, по которой современные люди покидают родные деревни – погоня за богатством и жаждой накопить имущество: «Мин әкрен генә үләп барам. Шулай да жаным-рухым белән бирешмәскә тырышам эле <...> Иң аянычлысы – үзәмнәң үк кардәшем миңа балта белән кизәнде. Каенны гынамы, бер-берсен таптап үтәләр, сыталар, изәләр, үтерәләр» [1, с. 19] / «Я медленно угадаю. Но всеми силами стараюсь не сдаваться. Корни уже сохнут, и безудержно, неизбежно приближается смерть. Неизбежно, потому что отдали нас от корней. И нет больше той стройной березы, нет той, кто молится за души ушедших в мир иной. Самое досадное – убил меня мой брат. Ему клочок земли стал важнее. Из-за клочка земли люди готовы рвать глотку».

Образ смерти, воплощенный в погибающей березе, передает трагичность судьбы главной героини. Внутренний монолог березы звучит как крик души Наили, непонятой обществом, отчаявшейся получить помощь от кого-либо: «Адәм балаларының без – каеннарны – нәзберек дијоләре хактыр, мәгаен: минем үткәнмәндә калган язлардагыча сулыгып-сулыгып ельйым килә... Хәер, қычкырып – қычкырып сөрән салсам да, бу жиһанда жан авазын ишетүче, аңлаучы, гомумән, аңларга теләүче табылыр иде микән?» [1, с. 4] / «Правы же люди – нежные мы создания, березы. Хочу навзрыд рыдать. Как я грущу о прошлом! Но плачу я про себя! Даже если навзрыд, буду ли я услышана, поймут ли меня люди?»

Помимо отражения внутреннего состояния героини, в размышлениях березы также поднимаются универсальные социальные проблемы: «Әлбәттә, глобальләшү, аз санлы миләтләргә йотылу, юкка чыгу янаган, рухи кыйммәтләр матди байлыкка алмашынган, сүз сәнгате, китап белән кызыксынучылар көннән-көн кими барган бүгенге взагыятьтә әдәбиятыйбыз сыйфат яғыннан да, сан яғыннан да югалтулар кичерә» [9, с. 160] / «Конечно, сегодня, когда глобализация, поглощение малочисленных наций, угроза исчезновения, духовные ценности заменены материальными благами, интерес к искусству слова, к книге с каждым днем угасает, наша литература несет потери как в качественном, так и в количественном плане».

С целью актуализации проблемы исчезновения деревень автор снова прибегает к описанию природных явлений для усиления ощущения заброшенности деревни: «Авыл урамыннан үләт чире қырып үткәнмени: хәлле генә күренгән йортлар янәшәсендә капка буен бил тицентен кызычыткан баскан, тормыш гаме сүнгән, хужаңыз калган байтак өйләр күзгә ташлана. ... Э Таллыкул? ... Ул юк, бөтенләй булмаган кебек юкка чыккан; иелә-бөгелә елаган таллар гына кемнәндер ярдәм сорап сыкрана шикелле» [1, с. 11] / «Будто смерть прошла по улочкам деревни: нет тут жизни, нет света в домах, крапивой все заросло... А Таллыкуль... Его будто и не было: будто ивы стоят на месте высохшего озера, вызывая о помощи...»

В произведении «Эхо» автор использует образ льдин, которые с весенним половодьем разрушают деревянный мост. Они символизируют некую непреодолимую силу, которой противостоят мать и ребенок, испытывающие неистовое желание помочь друг другу, спасти друг друга, быть рядом в сложной ситуации.

Бурлящая река в половодье «ярсып аккан елга» с ледяной водой «боздай салкын су» – несокрушимая стихия, уничтожающая все вокруг, символизирует сложные жизненные обстоятельства, которые мать и дочь должны преодолеть.

Образ реки получает развитие в описании пейзажа, где ее берега символизируют жизнь и смерть, которые необычным образом соединяются в облаках: «Елгандың ике яры болытларда күшүла икән. Алай дисән,

ул болытларга нигәдер аларның өй исе, өй төсе сенгэн кебек» [1, с. 163] / «Два берега реки сливаются в облаках. Кажется, что эти облака почему-то пропитаны запахом и цветом их дома». В этом эпизоде автор также использует экзистенциальные символы «өй исе, өй төсе» (запах дома, цвет дома), обозначающие процесс самореализации личности.

Для передачи чувств матери, выражения бескрайней гордости главной героини за свою дочь Ахметгалиева использует ряд метафор. Горы, преклоняющиеся перед глубоким чувством, вдруг замолкающие листья отражают психологическое состояние матери, гордой воспитанием, данным дочери. Природа как будто находится в единении с ней в данный момент, так как даже неистовая стихия реки укрошена: «Хәтта тау елгасының ғерелтесе дә шул мизгелдә тукталгандай тоелды» [1, с. 164] / «Казалось, даже грохот горной реки в этот момент прекратился». Таким образом, через описание природы автор не только создает визуальные образы, но и углубляет психологическую составляющую своих произведений, позволяя читателю лучше понять внутренний мир героев.

Выводы

Таким образом, психологизм в произведениях Айгуль Ахметгалиевой проявляется через глубокую проработку персонажей, их внутренние конфликты и сложные социальные взаимодействия, что делает её творчество актуальным и многогранным. Ахметгалиева уделяет внимание внутренним конфликтам, переживаниям и эмоциям своих героев. Она показывает, как прошлый опыт и социальные обстоятельства влияют на их поведение и восприятие мира. В её произведениях часто затрагиваются темы идентичности, традиций и современности. Психологизм проявляется в том, как персонажи справляются с давлением общества и культурными ожиданиями. Взаимоотношения между персонажами часто являются центральной темой. Ахметгалиева исследует динамику любви, дружбы, предательства и одиночества, что позволяет читателю глубже понять мотивацию и чувства героев. Писательница часто использует символику для передачи психологических состояний, что помогает создать многослойные образы и углубить понимание внутреннего мира персонажей. Произведения Ахметгалиевой отличаются высокой эмоциональной нагрузкой, что позволяет читателю сопереживать героям и погружаться в их переживания.

Анализ произведений А. Ахметгалиевой позволил определить, что большую роль в отражении состояний и переживаний человека в них играет природа. Автор использует систему художественных приемов, позволяющих ему глубоко и детально раскрыть душевное состояние персонажа. Ахметгалиева использует метафоры, экзистенциальные символы и образы в рассказах и повестях с целью характеристики глубинных психических процессов героев.

Также, можно сделать вывод, что основными чертами психологизма в произведениях Айгуль Ахметгалиевой являются: глубокий анализ внутреннего мира персонажей, акцент на эмоциональных переживаниях, реалистичность и достоверность, тема самоидентификации и поиска смысла, чувствительность к социальным и культурным контекстам.

Создание индивидуальной портретной, физической и эмоциональной характеристики главных героев дает читателю возможность размышлять о судьбах главных героев, которые являются отражением проблем современного общества.

В целом, психологизм в творчестве Айгуль Ахметгалиевой проявляется в умении показать сложность человеческой натуры, ее противоречия и стремления, что делает ее произведения близкими и понятными широкому кругу читателей.

Финансирование

Статья написана и опубликована при финансовой поддержке РНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» (региональный конкурс) № 24-28-20211.

Список источников

1. Эхмәтгалиева А. Таллықұлдә былбыл бар: повестьлар, хикәяләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2016. 285 с.
2. Азеева В.С. Проблема изучения психологизма в литературоведении // Приоритетные направления развития образования и науки. 2017. Т. 2. С. 105 – 107.
3. Ахметгараева Г.А. Сравнительный анализ образа женщины в современной романтической татарской прозе // Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики: материалы Всероссийского научно-практического семинара, Казань, 24-25 апреля 2024 г. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2024. С. 49 – 55.

4. Ахметшина А.А. Эпитеты в произведениях Айгуль Ахметгалиевой // Молодежь. Прогресс. Наука: сборник материалов XIX Межвузовской научно-практической конференции молодых ученых, Стерлитамак, 15-26 апреля 2024 г. Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2024. С. 96 – 99.
5. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы: учебное пособие: изд. 3-е. М.: Флинта, 2011. 176 с.
6. Закиржанов Э. Өмет хисе сүнмәсен // Майдан. 2013. № 5.
7. Занидуллина Д.Ф. Соңғы еллар татар прозасы // Хәзерге татар әдәбияты. Казан: Мәгариф, 2008. С. 412 – 428.
8. Золотухина О.Б. Психологизм в литературе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2009. 177 с.
9. Насибуллова Г.Р. Хәзерге татар әдәбиятында хикәя жанры поэтикасы. Казань: Татарское республиканское издательство ХЭТЕР, 2011. 171 с.
10. Хатипов Ф.М. Әдәбият теориясе. Казан: Мәгариф, 2002. 351 с.
11. Хусаенова Р.Р. Пейзажное представление в рассказах Айгуль Ахметгалиевой // Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики: материалы Всероссийского научно-практического семинара, Казань, 24-25 апреля 2024 г. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2024. С. 215 – 217.
12. Шарипова Ч.Р. Жанровое своеобразие рассказов А. Ахметгалиевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2664 – 2669.
13. Galimullina A.F., Gainullina G.R., Galimullin F.G., Faezova L.R., Gilmutdinova A.R. Peculiarity of implementation of the national cultural code in tatar poetry and prose of the second half of the XX century // International Journal of Engineering and Advanced Technology. 2019. No. 9 (1). P. 7421 – 7424.

References

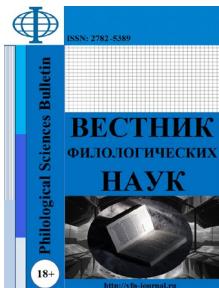
1. Өхкмәтгалieva A. Tallykyldә was a bar: story, hikəyalər. Kazan: Tatarstan Kitap Nashriyati, 2016. 285 p.
2. Azeeva V.S. The problem of studying psychologism in literary criticism. Priority directions for the development of education and science. 2017. Vol. 2. P. 105 – 107.
3. Akhmetgarayeva G.A. Comparative analysis of the image of a woman in modern romantic Tatar prose. National literatures of the Volga region and the Urals: research paradigms and practices: materials of the All-Russian scientific and practical seminar, Kazan, April 24-25, 2024 Kazan: Institute of Language, Literature and Art. G. Ibragimova AN RT, 2024. P. 49 – 55.
4. Akhmetshina A.A. Epithets in the works of Aigul Akhmetgalieva. Youth. Progress. Science: collection of materials of the XIX Interuniversity Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Sterlitamak, April 15-26, 2024. Sterlitamak: Ufa University of Science and Technology, 2024. P. 96 – 99.
5. Esin A.B. Psychologism of Russian classical literature: textbook: ed. 3rd. M.: Flinta, 2011. 176 p.
6. Zakirganov A. Өмет hise sunməsen. Maidan. 2013. No. 5.
7. Zahidullina D.F. Songy ellular Tatar prose. Khazerge Tatar adabiyaty. Kazan: Magarif, 2008. P. 412 – 428.
8. Zolotukhina O.B. Psychologism in literature: a manual. Grodno: GrSU, 2009. 177 p.
9. Nasibullova G.R. Həzergə tatar ədəbiyatında hikəya genres of poetics. Kazan: Tatar Republican Publishing House HETER, 2011. 171 p.
10. Khatipov F.M. Let's talk about the theory. Kazan: Magarif, 2002. 351 p.
11. Khusaenova R.R. Landscape representation in the stories of Aigul Akhmetgalieva. National literatures of the Volga and Ural regions: research paradigms and practices: materials of the All-Russian scientific and practical seminar, Kazan, April 24-25, 2024. Kazan: Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2024. P. 215 – 217.
12. Sharipova Ch.R. Genre originality of the stories of A. Akhmetgalieva. Philological sciences. Issues of theory and practice. 2023. Vol. 16. No. 9. P. 2664 – 2669.
13. Galimullina A.F., Gainullina G.R., Galimullin F.G., Faezova L.R., Gilmutdinova A.R. Peculiarity of implementation of the national cultural code in Tatar poetry and prose of the second half of the XX century. International Journal of Engineering and Advanced Technology. 2019. No. 9 (1). P. 7421 – 7424.

Информация об авторах

Хусаенова Р.Р., Казанский федеральный университет, gulfiarasilevna@mail.ru

Гильмутдинова А.Р., кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, kaigel@mail.ru

© Хусаенова Р.Р., Гильмутдинова А.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'42

¹Ажигова Т.М., ¹Далиева Э.Х., ¹Мачукиева А.М.

¹Ингушский государственный университет

Суггестивные образы в языковых метафорах

Аннотация: метафора в современном научном дискурсе воспринимается не только как художественный троп, но и как одна из основ природных когнитивных способностей человека.

В данной работе рассматривается суггестивное воздействие языковых метафор. В статье исследуются суггестивная, аутосуггестивная функции метафор в творчестве А. Платонова. Поднимаются вопросы психо- и нейропрограммирования через художественные образы. Научная новизна работы заключается в изучении образного потенциала метафоры на сознание и подсознание читателей (слушателей).

Цель исследования доказать суггестивный характер метафор на примере художественной литературы, изучить их связь с образным, ассоциативным мышлением в русле когнитивной теории.

В ходе исследования перед нами стояли следующие задачи: 1) исследовать способ реализации суггестии в метафорах; 2) выявить и описать основания воздействия метафор на установки читателя; 3) описать способы (механизмы) реализации суггестивных метафор в тексте.

Результатом исследования стало выявление и описание суггестивных функций метафоры, анализ способов ее реализации и проявления в тексте.

Ключевые слова: метафора, суггестия, интенциональность, воздействие, reception

Для цитирования: Ажигова Т.М., Далиева Э.Х., Мачукиева А.М. Суггестивные образы в языковых метафорах // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 27 – 32.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Azhigova T.M., ¹Dalieva E.H., ¹Machukieva A.M.

¹Ingush State University

Suggestive images in language metaphors

Abstract: metaphor in modern scientific discourse is perceived not only as an artistic trope, but also as one of the foundations of natural human cognitive abilities. This paper examines the suggestive impact of linguistic metaphors.

The article examines the suggestive, autosuggestive functions of metaphors in the works of A. Platonov. Issues of psycho- and neuropsychological programming through artistic images are raised. The scientific novelty of the work lies in the study of the figurative potential of metaphor on the consciousness and subconscious of readers (listeners).

The purpose of the study is to prove the suggestive nature of metaphors using fiction as an example, to study their connection with figurative, associative thinking in line with cognitive theory.

During the study, we faced the following tasks: 1) to explore the method of implementing suggestion in metaphors; 2) to identify and describe the bases for the impact of metaphors on the reader's attitudes; 3) to describe the methods (mechanisms) of implementing suggestive metaphors in the text.

The result of the study was the identification and description of the suggestive functions of metaphor, analysis of the methods of its implementation and manifestation in the text.

Keywords: metaphor, suggestion, intentionality, impact, reception

For citation: Azhigova T.M., Dalieva E.H., Machukieva A.M. Suggestive images in language metaphors. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 27 – 32.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Изучение суггестии носит междисциплинарный характер. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жебребило дается следующее определение: «суггестивность – воздействие на воображение, эмоции, подсознание читателя посредством различных ассоциаций в поэзии» [12].

Более развернутое описание дает в своей работе «Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ» Желтухина М.Р.: «суггестивная функция – внушение заключается в оказании воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанного со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации (например, воздействие метафоры)» [13].

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что суггестия изучается на стыке лингвистики, литературоведения и психологии. Только при комплексном рассмотрении проблемы мы сможем понять методы воздействия на языковое сознание. Очевидно, что для достижения суггестивного эффекта необходимо построить текст определенным образом. В СМИ для этого часто применяются следующие приемы: контраст с обыденностью, механизм положительной обратной связи, стимуляция центров удовольствий и т.д. В художественной литературе используются тропы. Метафора является основным средством реализации суггестии в поэтическом тексте. В отечественной лингвистике принято разделять языковую метафору и художественную, в то время как в западных исследованиях говорят о генезисе когнитивной метафоры. Данный вопрос до сих пор остается дискуссионным. Такая дифференциация, по нашему мнению, носит формальный характер, так как определение метафоры остается одинаковым как в лингвистическом поле, так и в литературоведческом: так, О.С. Ахманова классифицирует метафору как: «...троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [1, с. 231].

В словаре литературоведческих терминов Белокуровой С.П. данный термин трактуется как: «вид тропа. Переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому...» [2].

Художественные и языковые метафоры могут иметь разную семантическую структуру и функциональность, но в ее основе все равно будет определенный концепт, так как «рождение метафоры тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями, с системой оценок, которые существуют вне языка и лишь вербализуются в нем» [11, с. 8].

Материалы и методы исследований

Для анализа суггестивного воздействия метафор в художественных текстах, был использован такой метод, как метод филологического исследования, включающие структурно-семантический и когнитивный подходы к изучению в реализации суггестии в метафорах. В качестве материала были рассмотрены и проанализированы тексты А. Платонова.

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что на данный момент существует множество классификаций метафоры. Одночленные, двучленные, композиционные и развернутые, онтологические и ориентационные и т.д. Однако в нашем исследовании метафора будет рассмотрена как «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [8, с. 6] и как одно из средств суггестии. В основе метафоры, как говорят исследователи, лежит сравнение, но, если отталкиваться от интеракционистской теории, мы обнаружим, что метафора — это образ.

И. Ричардс считал, что метафора появляется в момент, когда мы думаем о двух противоположных вещах одновременно, то есть в акте синкетизма, сливаясь в одно единое целое, она порождает своего рода парадокс.

Монро Бирдсли полагал, что сильная сторона теории иконической сигнификации – это обнаружение глубинной связи между метафорой и оксюмороном «то, что теория метафоры может анализировать метафору тем же способом, что и оксюморон, можно было бы считать достоинством этой теории. Это делает теорию более экономной, а также отражает очевидное глубинное сходство между метафорой и оксюмороном. Однако анализ оксюморона как представления оказывается непосильным для иконической теории» [11, с. 206].

Благодаря этому появляется совершенно новый образ. Он открывается в контексте, но может существовать и автономно. Благодаря катахрезе (мы интерпретируем данный термин вслед за Максом Блэком) гипот-

тетически имплицитные значения становятся эксплицитными. В современной научной парадигме метафора перестала рассматриваться как просто троп художественной литературы, теперь она функционирует как один из инструментов познания. Истоки метафоры следует искать в семантике. М. Мамардашвили, рассуждая о мышлении, заметил, что «у нас есть только те слова, которые есть...» [7, с. 31], указывая этим на диспропорцию, существующую между числом знаков речи и огромным количеством понятий, ищущих выражения в языке. Мы располагаем меньшим числом слов, чем числом идей, которые хотим выразить. Пытаясь выразить мысли и идеи более точно, мы часто используем несочетающиеся понятия (антитезу), и именно в этот момент на стыке семантической ограниченности рождается метафора. Метафора как один из аспектов внутренней психической жизни проявляется даже в стертых метафорах, например: «прошел час», «время идет», «время пролетело» – время как физическая величина было сведено к моменту субъективного переживания эфемерности. Интенциональность метафоры становится очевидной и в других примерах: «буря эмоций», «шквал эмоций» – неконтролируемые, сильные чувства были отожествлены со стихийным явлением, с которым невозможно совладать. Можно было бы сказать, что в данном случае речь идет об уподоблений, но если разберем пример на части, то увидим синтез внутренних и внешних явлений (психических и природных).

Еще Л. Выготский отметил, что значения слов имеют тенденцию к расширению «то новое и самое существенное, что вносит это исследование в учение о мышлении и речи, есть раскрытие того, что значения слов развиваются. Открытие изменения значений слов и их развития есть главное наше открытие, которое позволяет окончательно преодолеть лежавший в основе всех прежних учений о мышлении и речи постулат о константности и неизменности значения слова» [3].

Стремление к конкретизации вынуждает нас обращаться к словесным образам, что в свою очередь расширяет ассоциативный круг слов и в целом текста. Таким образом, слова «обрастают» новым смыслом, преодолевая семантическую ограниченность через полисемантичность.

Н.Д. Арутюнова отметила, что метафора не знает семантических ограничений, мы в свою очередь добавим, что она их в какой-то мере снимает.

Именно амбивалентная природа метафоры делает ее весьма действенным инструментом в политическом дискурсе. Особенность метафоры заключается в ее новизне, она расширяет границы реального, вызывая диссонанс своим внутренним противоречием. Метафора способна стимулировать сознание к выходу за пределы обыденного, привычного. Метафора может не иметь особенного глубинного смысла, но способна вызывать ряд обусловленных ассоциаций. Определив, какие метафоры и культурные коды определяют жизнь социума, СМИ начинают активно их использовать (с их помощью они привлекают и удерживают внимание реципиента, а также могут использовать метафоры и культурные коды, чтобы изменить установки адресата для достижения определенных целей). У. Липпман был в числе первых, кто заметил, что «...массе постоянно предъявляют суггестивную информацию» [5, с. 107]. Как уже было сказано выше, вызывая определенные образы и ассоциации, которые уже эксплицитно содержатся в метафоре можно достичь суггестивного эффекта. Интересные наблюдения в области воздействия суггестивных образов мы можем найти в диссертации Желтухиной М.Р. «Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ», где она выявила, что часто в прокламативных текстах ключевым моментом инспирирования на уровне нейропрограммирования и психопрограммирования становится использование образов и обращение к коллективному бессознательному. Такие факторы, как эмотивность используемых формул, переключение на периферийный способ обработки информации; пребывание в состоянии диссоциации в момент принятия решения или действия – помогает СМИ менять установки читателей. Мы попытаемся доказать силу воздействия метафорических образов на материале художественных произведений, так как в них рецепция читателя является важным моментом интерпретации (по установкам рецептивной эстетики).

Метафора используется как в прокламативных текстах, так и в художественных. Она заставляет читателя увидеть то, что могло бы остаться незамеченным и активно стимулирует его воображение.

В исследовании Rutvik H. Desai и Lisa L. Conant под названием «A piece of the action: Modulation of sensory-motor regions by action idioms and metaphors» было установлено, что на абстрактные предложения реагирует определенная зона головного мозга «Abstract sentences activated the left anterior superior temporal sulcus and gyrus, as well as bilateral posterior cingulate and left precuneus...» [14]. Это дает возможность говорить об их суггестивности, однако на примере стертых метафор проследить данный процесс труднее, поэтому мы используем художественную литературу в связи с тем, что она отличается языковой новизной.

Специфику языка Платонова отмечали многие исследователи. Его оригинальные образы рождаются из лексической несочетаемости слов и значений, но именно они сильнее всего воздействуют на психику читателя. В качестве примера можно привести следующий отрывок: «Вощев обратил внимание, что у калеки не бы-

ло ног – одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой kostылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые скопившиеся глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись десны, произнося неслышные мысли безногого» [10, с. 10]. Образ сразу обретает суггестивную окраску благодаря метафорам, которые работают как камертон, то есть создает у читателя определенный настрой. Мозг делает усилие, чтобы дорисовать полный портрет с антонимичного сочетания. Метафора позволяет нам выразить трудно выражимое впечатление, которое часто трудно облечь в словесную форму. Метафора придает образу конкретность и вещественность. Данный процесс отметил и Питер Мендельсон «Наш мозг соединяет разрозненные элементы и создает картину, имея лишь эскиз [6, с. 190].

В произведениях Платонова мы наблюдаем схожую тенденцию: он создает новую систему импликаций для предикатов, которые он в дальнейшем подвергает метафоризации. Образ «курода империализма» становится неотъемлемой частью мира «Котлована».

В мире Платонова время вторгается в историю. Оно приобретает разные формы. Мы встречаемся с метафоризацией времени: оно становится гармоничной частью природы: «Он с удивлением осмотрелся кругом и опомнился от минувшего долгого времени. Здесь, по этому двору, он ходил несколько лет, и здесь прошла его юность, но он не жалеет о ней – он взошел теперь высоко, на гору своего ума, откуда виднее весь этот мир летний мир, нагретый вечерним отшумевшим солнцем» [10, с. 213], «Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге – в природе было такое положение» [10, с. 5]. При помощи этого простого образа Платонов вводит нас в сознание героя, используя интроспекцию персонажа. По мере погружения в текст данный образ будет суггестионировать сильнее, так как фокус читателя будет смещаться с одного героя на другого. В тексте время действует как незримый рок. Оно становится развернутой метафорой невозможности счастья в мире Платонова: «время всю пользу съест» [10, с. 19].

Тереза Добжинская, рассуждая о роли метафоры в сказках, пришла к выводу, что метафора создает в сказках другую картину мира. Для той же цели использует метафору, возникшую из лексической несочетаемости, и Платонов, то есть для создания не совсем привычных видов предикации. Время в ментальной презентации читателя становится полноценным образом, который наполняет мир «Котлована» одиночеством и экзистенциальной отчуждённостью: «может быть, и та, после близких ощущений я всегда не узнавал своих любимых, а вдалеке томился о них» [10, с. 57] или «Она ушла обратно, волнуясь всем невозможным телом» [10, с. 34].

Суггестивный аспект в метафорах в полной мере проявляется только в контексте. Мендельсон считал, что во время процесса чтения в сознании формируется визуальный паттерн, который и воздействует на сознание читателя. Покажем это на примере следующего фрагмента: «Она лежала сейчас навзничь – так ее повернул Чиклин для своего поцелуя, – веревочка через темя и подбородок держала ее уста сомкнутыми, длинные, обнаженные ноги были покрыты густым пухом, почти шерстью, выросшей от болезней и бесприютности, какая-то древняя, ожившая сила превращала мертвую еще при ее жизни в обрастающее шкурой животное» [10, с. 57]. Описание портрета превращается в образ, который становится одной из центральных метафор. Метафора в свою очередь развертывает ассоциативно-смысловое поле (мы используем этот термин вслед за А.Т. Болотновой, то есть под ассоциативным развертыванием текста мы имеем в виду определенную сеть ассоциаций в сознании читателей, которая активизируется и стимулируется различными словами текстовой структуры, побуждая читателя к рефлексии и к эмоциональному сопереживанию).

Образ заброшенности человека в бытие становится центральным не только в «Котловане», но и во многих других произведениях А. Платонова. Образы-метафоры, которые охватывают экзистенцию человеческой жизни, являются своеобразными ключами к его текстам.

В теории рецепции кроется опасность в неправильной дешифровке исходного кода текста, его искажения, когда «воспринимающий навязывает тексту свой художественный язык, подвергая его при том перекодировке» [5, с. 40], так как видение мира всегда субъективно. Но суггестия в какой-то мере становятся связующим звеном между установками писателя и восприятием читателя. Способность слов можно формировать, определенный ментальный опыт является эффективным способом управления сознательными и бессознательными процессами. Воздействуя на уровне глубинных структур с помощью определенных вербальных средств, суггестор может выявлять скрытые психические мотивы (которые выражаются в языковых паттернах адресата, реципиента) и изменять их. С помощью суггестивной метафоризации автор переводит читателя на нужную смысловую плоскость, активизируя аутосуггестивную и эмоционально-оценочную функции, так как «Метафора является сильнейшим средством воздействия на адресата речи.

Авторы подчеркивают огромную роль образности как одно из сильнейших средств воздействия. Образность художественного текста имеет особое значение. А воздействие, прежде всего эстетическое, – это важнейшая особенность художественного текста. Наиболее ярко оценка выражается именно через метафору. Образ, новая метафора в тексте сами по себе уже вызывают оценочно-эмоциональную реакцию адресата речи» [9]. Данным средством активно пользуются не только журналисты, но и писатели.

«...Неясная луна выявила на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба» [10, с. 106]. В приведенном примере вещи изъяты из своего привычного контекста, что благодаря несходству семантических референтов создает специфичную метафору, которая генерирует совершенно новый смысл, то есть обретает суггестивность. Читатель становится полноправным участником создания художественного мира текста.

Несколько скрытых метафор мы можем найти и в рассказе «Джан»: «старик сморщился, вспоминая улыбку привета, но его лицо, даже спокойное, было похоже на пустую кожу высохшей умершей змеи» [10, с. 238]. Для того чтобы представить себе эту картину, читателю необходимо напрячь свое воображение, вытащить на поверхность сознания образ змеи, а затем соединить с образом высохшей кожи, в результате чего мы получаем совершенно новый образ для представления и осмысливания. Словесные образы не только вмещают смыслы, но и усиливают их.

Суггестивность метафор можно показать и на следующих примерах: «Пухов чувствовал свою телесную нечистоту, думал о тоске, живущей на его квартире, и шел, препинаясь тяжелыми ногами...» [10, с. 190]; «...ей уже не хотелось жить как прежде, со спрятанным тихим сердцем...» [10, с. 384]; «...в их годы человек шумит внутри и внешний мир сильноискажается...» [10, с. 344]. Платонов использует метафоризацию для передачи эмоционального настроения персонажа через образы. Он погружает читателя во внутренний мир того или иного персонажа, благодаря чему образ становится более экспрессивным, семантический контекст сгущается. Образ эмоционально вовлекает читателя во «вторичную моделирующую систему», что дает нам основание говорить о суггестивном характере метафор.

Выводы

Подводя итоги, мы можем сказать, что в современном дискурсе метафора приобрела онтологический статус. Метафора уже интерпретируется не только как художественное средство выразительности, но и как один из инструментов познания иreprезентации глубинных процессов психической жизни, что дает нам основание говорить о суггестивности метафор. Еще Ж. Деррида отмечал, что использование этого тропа сообщает нам некую интеллектуальную ментальную сущность, которая функционирует как «организующий центр». Именно благодаря суггестивной природе метафоры художественные и прокламативные тексты становятся действенным инструментом для воздействия на сознание читателей, слушателей. Суггестия как часть нейро- и психопрограммирования содержится в метафоре имплицитно и выявляется (выражается) только при тщательном анализе образной доминанты метафоры.

Изучение метафоры продолжается как в лингвистико-философском поле, так и литературоведческом. Однако уже на данном этапе стало понятно, что метафора тесно взаимосвязана как с культурой, так и с индивидуально авторским видением. Необходимо отметить, что именно сложная структура метафоры, ее амбивалентная природа делает ее междисциплинарным объектом изучения, которая требует тщательного анализа и рассмотрения.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: 3-е изд., стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com> (дата обращения: 23.01.2025).
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1569.html> (дата обращения: 09.01.2025).
4. Лотман Ю.А. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023. 448 с.
5. Липпман У. Общественное мнение. М.: Издательство АСТ, 2024. 448 с.
6. Менделсунд П. Что мы видим, когда читаем. М., 2014. 448 с.
7. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. М., 2015. 576 с.
8. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. 176 с.
9. Рожков В.В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких на материале романа «Трудно быть богом»: дис. канд. филол. наук: 5.9.5. Новосибирск, 2007. 228 с.
10. Платонов А.П. Котлован. В прекрасном и яростном мире: сборник. М.: Изд. АСТ, 2022. 416 с.

11. Арутюнова Н.Д., Журинская М.А. Теория метафоры: сборник / пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
12. Жеребило Т.М. Словарь лингвистических терминов. URL: https://gufo.me/dict/lingistics_zherebilo/%D1%81%D1%83.
13. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов на язык СМИ: дис. ... док. филол. наук: 5.9.5. М., 2004. 48 с.
14. Rutvik H. Desai, Lisa L. Conat, Jeffrey R. Binder, Haeil Park. A piece of the action / modulation of sensory-motor regions by action idioms and metaphors // Journal homepage. 2013. URL: www.elsevier.com/locate/ynimng (дата обращения: 23.01.2025).

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms: 3rd ed., stereotyped. Moscow: KomKniga, 2005. 576 p.
2. Belokurova S.P. Dictionary of literary terms. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com> (date of access: 23.01.2025).
3. Vygotsky L.S. Thinking and speech. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1569.html> (date of access: 09.01.2025).
4. Lotman Yu.A. Structure of the fiction text. Moscow: Eksmo, 2023. 448 p.
5. Lippman U. Public opinion. Moscow: AST Publishing House, 2024. 448 p.
6. Mendelsund P. What We See When We Read. Moscow, 2014. 448 p.
7. Mamardashvili M.K. Conversations about Thinking. Moscow, 2015. 576 p.
8. Metaphor in Language and Text. Ed. V.N. Telia. Moscow: Nauka, 1988. 176 p.
9. Rozhkov V.V. Metaphorical Artistic Picture of the World by A. and B. Strugatsky Based on the Novel “It’s Hard to Be a God”: diss. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.5. Novosibirsk, 2007. 228 p.
10. Platonov A.P. Foundation Pit. In the Beautiful and Furious World: Collection. Moscow: AST Publ., 2022. 416 p.
11. Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. Theory of Metaphor: collection. Trans. from English, French, German, Spanish, Polish. Moscow: Progress, 1990. 512 p.
12. Zherebilo Т.М. Dictionary of Linguistic Terms. URL: https://gufo.me/dict/lingistics_zherebilo/%D1%81%D1%83.
13. Zheltukhina M.R. Specificity of the Speech Impact of Tropes on the Language of the Media: diss. ... doc. philological sciences: 5.9.5. Moscow, 2004. 48 p.
14. Rutvik H. Desai, Lisa L. Conat, Jeffrey R. Binder, Haeil Park. A piece of the action / modulation of sensory-motor regions by action idioms and metaphors. Journal homepage. 2013. URL: www.elsevier.com/locate/ynimng (date of access: 23.01.2025).

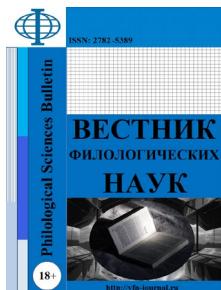
Информация об авторах

Ажигова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», tanzik2008@mail.ru

Далиева Э.Х., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», krzlinggu@mail.ru

Мачукиева А.М., ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», machukiyeva.ayshat@mail.ru

© Ажигова Т.М., Далиева Э.Х., Мачукиева А.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.111

¹ Свирилова А.В.

¹ Российский государственный социальный университет

Особенности использования гиперболы в англоязычном политическом дискурсе (на примере речей Дональда Трампа)

Аннотация: данная статья посвящена особенностям использования гиперболы в англоязычном публицистическом дискурсе и публичных выступлениях политического деятеля Дональда Трампа. Статья основана на контекстном анализе англоязычных статей, который позволил выявить особенности использования гипербол в политическом дискурсе, а также цели их использования в речи определенного политика. В ходе исследования было выявлено, что Дональд Трамп часто использует широкий спектр гиперболических выражений для повышения эмоциональности собственной речи, а также для влияния на массовое сознание.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая лингвистика, гипербола, средства массовой информации, Дональд Трамп, публицистика

Для цитирования: Свирилова А.В. Особенности использования гиперболы в англоязычном политическом дискурсе (на примере речей Дональда Трампа) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 33 – 37.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Sviridova A.V.

¹ Russian State Social University

Features of the use of hyperbole in English-language political discourse (by way of example of Donald Trump's speeches)

Abstract: this article is devoted to the peculiarities of the use of hyperbole in the English-language journalistic discourse and public speeches of the politician Donald Trump. The article is based on a contextual analysis of English-language articles, which revealed the features of the use of hyperboles in political discourse, as well as the purpose of their use in the speech of a certain politician. The study revealed that Donald Trump often uses a wide range of hyperbolic expressions to increase the emotionality of his own speech, as well as to influence mass consciousness.

Keywords: political discourse, political linguistics, hyperbole, mass media, Donald Trump, journalism

For citation: Sviridova A.V. Features of the use of hyperbole in English-language political discourse (by way of example of Donald Trump's speeches). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 33 – 37.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Политическая речь или выступление является важным инструментом в политической деятельности, так как с их помощью политики могут достигать большое количество поставленных ими целей. Основными задачами при формировании и произнесении речи являются формирование общественного мнения, формирование поддержки, формирование и укрепление имиджа, пропаганда определенных политических программ. В политической речи данные задачи и цели достигаются с помощью использования большого количества стилистических приемов. В данном исследование мы хотели бы обратиться к такому тропу как гипербола, в связи с тем, что она является одним из наиболее эффективных стилистических приемов, широко используемый в политическом дискурсе.

Целью данной статьи является выявить и проанализировать способы воздействия на общественность с помощью использования гипербол в политическом дискурсе в целом и в речи Дональда Трампа в частности. Задачами исследования являются: выявить особенности использования гиперболических выражений в политическом дискурсе; проанализировать речи Дональда Трампа и англоязычные источники, включающие в себя данные речи на наличие гиперболических выражений, осуществить выборку ярких примеры гипербол в речах Дональда Трампа; выявить способы влияния на массовое сознание с помощью гипербол. Важность данного исследования заключается в необходимости детального изучения гиперболы в рамках политического дискурса и способов воздействия на реципиента с помощью её использования в речи.

Научная новизна исследования заключается в том, что в отличие от других риторических приемов, изучение особенностей использования гиперболы в политическом дискурсе остается малоизученным. В свою очередь изучение данного аспекта может расширить наше понимание эмоционального и психологического воздействия на массовое сознание.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты способствуют расширению представления о способах и особенностях использования гиперболы в политическом дискурсе. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при изучении стилистических приемов в английском языке, а также языковых особенностей политического дискурса.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа послужили речи Дональда Трампа, так как политик использует большое количество гипербол для достижения разных целей. Следует отметить, что в отличие от метафоры, эпитета, метонимии, гипербola не имеет большого количества разносторонних исследований, основной акцент ученые делают на определение данного термина и на классификацию. Так, среди отечественных ученых к исследованию данного стилистического приема обращались И.Р. Гальперин, И.С. Курахтanova, Л.П. Крысин, Ю.И. Борисенко, Т.М. Голубева. Упомянутые выше исследователи считают, что «гипербola основана на приписывании объекту свойств, качеств в большей мере, чем он им обладает в действительности» [1, с. 56]. Среди зарубежных ученых к исследованию гиперболов обращались С. Brooks and R.P. Warren, К. Кларидж, L. Kalkhoven, De Landsheer Ch., Mattielo E. Так же, как и в отечественных исследованиях, зарубежный учёные рассматривают гиперболову как стилистический прием, который предполагает использование преувеличенных слов для достижения определенного эффекта, например, выражение сильных эмоций, привлечения внимания к проблеме или убеждения аудитории в правильности определенной позиции. Так, W. Robert Conor считает, что с помощью гиперболовы возможно выразить те эмоции, которые невозможно выразить простыми словами, а также усилить их, отбросить сомнения и нерешительность реципиента, а также в последствии превратить эмоции адресата в действия [8, с. 16]. Таким образом, следует отметить, что гиперболова дает огромную власть тем, кто её использует, в особенности политическим деятелям.

Проведенный нами анализ работ показывает, что гиперболова формируется с помощью синтаксических, лексических и фразеологических средств. Так, к синтаксическим средствам можно отнести повторы, парцелляцию или градацию, к лексическим средствам относятся прилагательные и наречия в превосходной степени, кванторные слова, временные и пространственные наречия, а к фразеологическим устойчивые и фразеологические словосочетания. Примечательно, что гиперболова так же «сочетается с другими стилистическими приемами», такими как эпитет, сравнение, метафора (*the economy is a disaster*), ирония (*scooked Hillary*), а также, нарастание (градация), повтор, антитеза [2, с. 61]. Анализ речей Дональда Трампа позволяет предполагать, что политик чаще всего использует гиперболову в сочетании с метафорой, градацией и повтором.

Следует отметить, что для нашей работы является важным мнение Уоррена и Брукса, которые считают, что гиперболова является преднамеренным преувеличением и не предназначена для буквального понимания [3, с. 85]. Данное утверждение подчеркивает, что в политическом дискурсе стилистические приемы используется намеренно для того, чтобы добиться определенных задач, таких как:

- 1) привлечение внимания аудитории и возможность сделать речь более запоминающейся;
- 2) убеждение общества в выгодной политику точке зрения;
- 3) критика оппонента;
- 4) мотивирование аудитории к определенным действиям, используя эмоциональную лексику;
- 5) увеличение эмоционального эффекта.

Иными словами, основной причиной использования гиперболы в рамках политического дискурса является воздействие на массовую общественность, однако эффективность её использования зависит от контекста и аудитории, а чрезмерное использование гиперболы может иметь негативные последствия для политика, например, недоверие общественности.

Результаты и обсуждения

Анализ речей Дональда Трампа за последние годы показал, что политик использует огромное количество гиперболических выражений. Не зря некоторые исследователи называют Дональда Трампа «королем гиперболы».

Как уже было отмечено ранее Дональд Трамп задействует большое количество гиперболических метафор. Использование гиперболической метафоры в политическом дискурсе может быть мощным риторическим инструментом для подчеркивания важных моментов в речи, пробуждения сильных эмоций и мобилизации поддержки. Одной из самых известных гиперболических метафор в речи Дональда Трампа является drain the swamp, которую он применил во время предвыборной кампании 2016 года: «I want the entire corrupt Washington establishment to hear and to heed the words I am about to say. When we win on November 8th, We Are Going to Washington, D.C. And We Are Going to drain the swamp» [4]. С помощью этой гиперболизированной метафоры политик описывает Вашингтон как коррумпированное болото, заполненное корыстными политиками. Сравнивая уровень коррупции с болотом и тем самым преувеличивая её уровень, Дональд Трамп привлек таким способом внимание к этой теме не только других политиков, но и массовую общественность. Еще одним примером гиперболической метафоры является призыв Дональда Трампа построить стену вдоль американо-мексиканской границы: «Build a wall and crime will fall» [4], «I will build a great wall – and nobody builds walls better than me, believe me» [5]. Стена в данном примере стала символом абсолютной безопасности, которую хотел осуществить политик. Так, с помощью данной лексической единицы Дональд Трамп подчеркнул актуальность проблемы иммиграции в США, а также обратил внимание общественности на то, что он является единственным лидером, который готов решить эту проблему. Кроме того, ярким примером гиперболической метафоры является фраза «American carnage». В своей инаугурационной речи в 2017 году Дональд Трамп охарактеризовал ситуацию в стране как «американскую бойню». Так, посредством данной гиперболической метафоры политик нарисовал образ страны полной насилия и отчаяния, а также отметил, что государство нуждается в сильном лидере, которым и является Дональд Трамп.

Одной из наиболее частых лексических форм, с помощью которой образованы гиперболические выражения является превосходная степень. В рамках своих речей Дональд Трамп очень часто использует прилагательные в превосходной степени, например, the biggest, the greatest, the most important и т.д. В приведенных ниже примерах мы можем увидеть, что гипербола используется в рамках стратегии самопрезентации политика, а также страны: 1) «We have the greatest doctors in the world, the greatest laboratories in the world, and you can't do it». 2) «We got credit for the war and defeating ISIS and so many things, the great economy, the biggest tax cuts ever, the biggest regulation cuts ever, the creation of Space Force, the rebuilding of our military». 3) «This will be the most important election in the history of our country». 4) «I was discussing the great job my administration did on immigration at the southern border». 5) «Together with millions of hardworking patriots across this land, we built the greatest political movement in the history of our country» [7]. Так, Дональд Трамп отмечает, что в Америке самые лучшие врачи и лаборатории, самые большие налоговые льготы, самая лучшая работа администрации, самое великое политическое движение. Таким образом, политик дает завышенную положительную оценку как своей политической деятельности, так и политической деятельности партии, а также формирует позитивную оценку у адресата сообщения. Второй стратегией, в рамках которой Трамп использует прилагательные в превосходной степени для преувеличения, является дискредитация оппонента. Так, в предложениях: 1) «We've had the worst inflation we've ever had under this person». 2) «They think he's the worst commander in chief, if that's what you call him, that we've ever had. They can't stand him. So let's get that straight» [7]. Мы можем заметить, что политик использует гиперболы с отрицательной коннотацией, чтобы продемонстрировать негативные стороны противника и настроить против целевой аудитории.

Еще один из приемов, к которому прибегает Дональд Трамп для формирования преувеличения в речи, является использование таких наречий и прилагательных как very, so, such, really, totally и др. 1) «With proper leadership, every disaster we are now enduring will be fixed, and it will be fixed very, very quickly». 2) «Republicans

have a plan to bring down prices and bring them down very, very rapidly by slashing energy costs». 3) «Our power will stop all wars and bring a new spirit of unity to a world that has been angry, violent, and totally unpredictable» [7]. При помощи использования данных лексических единиц политик добавляет эмоциональности и экспрессивности фразам, а также усиливает эффект преувеличения.

Среди синтаксических средств, с помощью которых сформированы гиперболические выражения в речи Трампа наиболее часто присутствуют повтор и градация. Для усиления смысла высказывания и для придачи эмоциональности, Дональд Трамп нередко использует повторяющиеся фразы, например, в данном предложении («And then we had that horrible, horrible result that we'll never let happen again») политик дважды повторяет слово ужасный, говоря о результатах политики предыдущего президента. Повторение лексической единицы *horrible* усиливает негативный эффект на массовое сознание. В примере («All illegal entry will immediately be halted, and we will begin the process of returning millions and millions of criminal aliens back to the places from which they came» [7]) политик использует повторение числительных, говоря о миграционной политике, таким образом он также преувеличивает количество мигрантов, чтобы показать отрицательные стороны политики оппонента.

Для подчеркивания своей точки зрения и увеличения эмоционального эффекта Дональд Трамп часто в своей речи использует гиперболу, основанную на градации. Градация в речи политика может быть как восходящей, так и нисходящей. Так, в предложении «I began speaking very strongly, powerfully, and happily because I was discussing the great job my administration did on immigration at the southern border» [7] Дональд Трамп использует восходящую градацию и тем самым дает положительную оценку своей речи. С помощью приема градации он максимизирует эмоциональный эффект, и таким образом оказывает наибольшее влияние на аудиторию. Примером нисходящей градации является предложение: «They've taken our jobs, they've taken our wealth, they've taken our factories, and they've taken our pride» [7]. Градацию в данной фразе Дональд Трамп начинает с материальных, более важных потерь, а потом уже упоминает моральные, эмоциональные лишения у граждан, такие как гордость. Таким образом, с помощью градации политик делает упор на наиболее важной для него информации и преувеличивает эмоциональное воздействие на массовое сознание.

Выводы

Анализ речей Дональда Трампа показал, что политик чаще всего использует гиперболы, основанные на лексических и синтаксических средствах. К лексическим средствам мы можем отнести метафоры и превосходную степень, а к синтаксическим средствам повтор и градацию. Мы считаем, что такой выбор обоснован целями и задачами, которые ставит перед собой Дональд Трамп при использовании гиперболы. При помощи частого использования гиперболических выражений политик делает свои речи наиболее запоминающимися и эмоциональными, что привлекает внимание аудитории и заставляет доверять его предложениям и обещаниям. Иными словами, Дональд Трамп также использует гиперболы для того, чтобы убедить массовое общество в своей правоте, смелости, серьезных намерениях и обещаниях. С помощью использования гиперболы основанных на превосходной степени Дональд Трамп преувеличивает значение своей политики и политической деятельности партии, иными словами, он дает завышенную положительную оценку, чтобы привлечь избирателей на свою сторону. С этой же целью политик может преувеличивать отрицательные стороны оппонента в рамках стратегии дискредитации.

Исследование гипербол, основанных на синтаксических средствах, которые использует в своих речах Дональд Трамп, показал, что градацию с целью преувеличения политик использует достаточно редко, в отличие от повторов. С помощью повторения определенных лексических единиц Дональд Трамп увеличивает негативный или положительный эмоциональный эффект, оказываемый на реципиента.

Таким образом, использование Дональдом Трампом гиперболических выражений является отличительной чертой языкового образа политика. Употребление Трампом гиперболических метафор не случайно; это продуманная стратегия, которая соответствует его стилю общения и политическому бренду. Гиперболы также соответствуют его выдающейся личности, укрепляя его имидж смелого, непримиримого лидера.

Список источников

1. Борисенко Ю.И. Гипербола и гротеск: проблема соотношения понятий // Мир науки, культуры и образования. 2009. С. 56 – 58.
2. Голубева Т.М. Персуазивность гиперболы в политическом дискурсе (на материале высказываний британских политиков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 195 – 205.
3. Котлова А.С. Персуазивный эффект тропов в политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12. С. 162 – 166.

4. Тихомиров С.А. Гипербола в градуальном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. М., 2006. 241 с.
5. Cleanth Brooks, Robert Penn Warren. Modern rhetoric. 1970. 401 p.
6. Chris Summers. Trump vows to 'drain the swamp' in Washington by imposing term limits on Congress and cracking down on lobbying. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3850660/Trump-vows-drain-swamp-Washington-imposing-term-limits-Congress-cracking-lobbying.html>.
7. David Martosko. Build a Wall & Crime Will Fall! Trump floats new rhyming Republican slogan for 2020 and tells GOP to 'use it and pray' as he insists his party is united before key Senate votes. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6623403/BUILD-WALL-CRIME-FALL-Trump-folats-new-rhyming-Republican-slogan.html>.
8. Jenny Proudfoot, These Donald Trump quotes might explain why someone destroyed his Hollywood star. URL: <https://www.marieclaire.co.uk/entertainment/people/donald-trump-quotes-57213>.
9. Transcript of Donald J. Trump's Convention Speech. URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html>.
10. Robert Coner W. When hyperbole enters politics: what can be learned from antiquity and our hyperbolist-in-chief // A journal of humanities and the classics. 2019. P. 15 – 32.

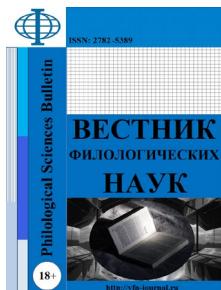
References

1. Borisenko Yu.I. Hyperbole and grotesque: the problem of the relationship between concepts. The world of science, culture and education. 2009. P. 56 – 58.
2. Golubeva T.M. Persuasiveness of hyperbole in political discourse (based on the statements of British politicians). Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 195 – 205.
3. Kotlova A.S. Persuasive effect of tropes in political discourse. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2020. No. 12. P. 162 – 166.
4. Tikhomirov S.A. Hyperbole in a gradual aspect: dis. ... cand. Philol. Sciences: 5.9.8. M., 2006. 241 p.
5. Cleanth Brooks, Robert Penn Warren. Modern rhetoric. 1970. 401 p.
6. Chris Summers. Trump vows to 'drain the swamp' in Washington by imposing term limits on Congress and cracking down on lobbying. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3850660/Trump-vows-drain-swamp-Washington-imposing-term-limits-Congress-cracking-lobbying.html>.
7. David Martosko. Build a Wall & Crime Will Fall! Trump floats new rhyming Republican slogan for 2020 and tells GOP to 'use it and pray' as he insists his party is united before key Senate votes. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6623403/BUILD-WALL-CRIME-FALL-Trump-folats-new-rhyming-Republican-slogan.html>.
8. Jenny Proudfoot, These Donald Trump quotes might explain why someone destroyed his Hollywood star. URL: <https://www.marieclaire.co.uk/entertainment/people/donald-trump-quotes-57213>.
9. Transcript of Donald J. Trump's Convention Speech. URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnc-speech-transcript.html>.
10. Robert Coner W. When hyperbole enters politics: what can be learned from antiquity and our hyperbolist-in-chief. A journal of humanities and the classics. 2019. P. 15 – 32.

Информация об авторах

Свиридова А.В., старший преподаватель, Российский государственный социальный университет,
OstaninaAV@rgsu.net

© Свиридова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 398.87

¹ Сорокин В.Б.

¹ Московский государственный институт культуры

Своеобразие сибирских вариантов народной песни-баллады «Закатилось красное солнышко»

Аннотация: статья посвящена детальному рассмотрению песни-баллады «Закатилось красное солнышко» с целью выявления сюжетного и стилистического своеобразия вариантов, записанных в различных краях и областях Сибири и Дальнего Востока. Сравнение сибирских вариантов проведено на фоне более 500 выявленных текстов песни в публикациях и архивах, собранных на протяжении двух столетий.

Особое внимание уделено трансформации традиционного сюжета баллады, связанного с темой любви, разлуки и трагической судьбы, в условиях сибирской действительности. В статье рассматривается влияние местных традиций, этнического многообразия и природного ландшафта на формирование уникальных черт песни. Автор также анализирует роль исполнительской манеры, инструментального сопровождения и ритмической структуры в создании эмоционального настроения произведения.

Ключевые слова: песня-баллада, вариант, сюжет, композиция, диалог, стиль, фольклор, сибирский фольклор, традиционная культура, народное творчество

Для цитирования: Сорокин В.Б. Своеобразие сибирских вариантов народной песни-баллады «Закатилось красное солнышко» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 38 – 44.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Sorokin V.B.

¹ Moscow State Institute of Culture

The originality of the Siberian versions of the folk song-ballad "The Red Sun has Set"

Abstract: the article is devoted to a detailed examination of the ballad song "The Red Sun has Set" in order to identify the plot and stylistic originality of the variants recorded in various regions and regions of Siberia and the Far East. The comparison of the Siberian versions was carried out against the background of more than 500 identified song lyrics in publications and archives collected over two centuries.

Special attention is paid to the transformation of the traditional ballad plot related to the theme of love, separation and tragic fate in the conditions of Siberian reality. The article examines the influence of local traditions, ethnic diversity and the natural landscape on the formation of unique features of the song. The author also analyzes the role of performance style, instrumental accompaniment and rhythmic structure in creating the emotional mood of the work.

Keywords: ballad song, variant, plot, composition, dialogue, style, folklore, Siberian folklore, traditional culture, folk art

For citation: Sorokin V.B. The originality of the Siberian versions of the folk song-ballad "The Red Sun has Set". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 38 – 44.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Народная песня-баллада как жанр фольклора занимает особое место в культурном наследии России, отражая не только исторические события, но и мировоззрение, эмоциональный строй и эстетические предпочтения народа. Одним из ярких примеров такого жанра является песня-баллада «Закатилось красное солнышко», которая получила широкое распространение в различных регионах страны, включая Сибирь. Сибирские варианты этой песни представляют собой уникальный культурный феномен, в котором переплетаются общерусские традиции и локальные особенности, обусловленные историческими, географическими и этнокультурными факторами. Изучение сибирских версий песни-баллады позволяет не только углубить понимание регионального фольклора, но и выявить специфику его трансформации в условиях сибирской среды.

Целью данной работы является анализ своеобразия сибирских вариантов народной песни-баллады «Закатилось красное солнышко» в контексте их жанровых, сюжетных и стилистических особенностей. В рамках исследования предполагается выявить характерные черты сибирских версий, их отличия от общерусских аналогов, а также определить факторы, повлиявшие на формирование локальной специфики. Особое внимание будет уделено роли сибирской культурной среды в трансформации традиционного сюжета и поэтики песни.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению сибирских вариантов песни-баллады «Закатилось красное солнышко», который включает анализ как текстовых, так и музыкальных особенностей. Впервые предпринимается попытка систематизировать и классифицировать сибирские версии, выделив их уникальные черты на фоне общерусской традиции. Кроме того, в работе рассматривается влияние сибирского фольклорного контекста на формирование локальных вариантов, что позволяет расширить представления о региональной специфике народной песенной культуры.

Материалы и методы исследований

В качестве основного материала исследования использованы архивные записи сибирских вариантов песни-баллады «Закатилось красное солнышко», собранные в ходе фольклорных экспедиций, а также опубликованные источники, включающие тексты и нотные записи. Для анализа привлекаются методы сравнительного текстологического анализа, позволяющие выявить сходства и различия между сибирскими и общерусскими версиями, а также методы музыкальной фольклористики, направленные на изучение мелодических и ритмических особенностей. Кроме того, в работе применяется историко-культурный подход, который помогает определить влияние сибирской среды на формирование локальных вариантов песни.

Результаты и обсуждения

Среди многочисленных песен о войнах России есть одна особенная песня-баллада «Закатилось красное солнышко» о возвращении с войны отца и сына в родной дом к не узнающей их солдатке, в основе которой лежит опубликованное в 1803 году стихотворение забытого ныне поэта М. Олешева «Свидание», получившее многочисленные вариации в народном бытования.

Эта песня прожила долгую жизнь от начала XIX столетия до наших дней.

Записанные на протяжении более 200 лет варианты этой песни широко известны по всей исторической территории Российской империи, затем СССР и СНГ: от Польши, Белоруссии, Украины, Молдавии, от западных рубежей России до Приморья, от Карелии до Кавказа, Армении и Казахстана.

Сопоставление имеющихся более 500 вариантов песни демонстрирует активное воздействие исторических событий на содержание и осмысление текста, а также влияние местных фольклорных и географических особенностей на стилистику и образную структуру песни.

В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах зафиксировано более 59 вариантов исполнения народной баллады «Закатилось красное солнышко». Данное количество составляет приблизительно 10% от общего числа известных версий этой песни.

Основой сюжета песни-баллады является трагическая история любви, связанная с мотивом разлуки и гибели героев. В сибирских вариантах этот сюжет приобретает дополнительные смысловые оттенки, связанные с образом сибирской природы и спецификой местного быта. Так, в ряде записей акцентируется описание сурового сибирского пейзажа, который становится не просто фоном, но активным участником событий. Например, в одном из вариантов, записанном в Томской губернии, красное солнышко закатывается за «сибирские леса темные», что подчеркивает не только географическую привязку, но и символическую

связь между природой и судьбой героев. Этот мотив усиливает ощущение обреченности и трагизма, характерное для балладного жанра.

Особое внимание в сибирских вариантах уделяется детализации бытовых и социальных реалий [7, с. 162]. В отличие от центрально-русских версий, где акцент делается на лирическом переживании героев, сибирские тексты нередко включают описания крестьянского труда, охоты, рыболовства, что отражает повседневную жизнь сибиряков. Например, в одном из вариантов, записанном в Иркутской губернии, герой перед гибелю вспоминает не только свою возлюбленную, но и «рыбацкие сети», «охотничьи тропы», что придает песне особую достоверность и эмоциональную глубину. Такие детали не только обогащают сюжет, но и подчеркивают связь песни с жизнью сибирского крестьянства.

Больше всего вариантов найдено в Красноярском крае – 14, в Алтайском крае – 10, еще в 11 регионах от 1 до 5 вариантов. Но даже при такой большой разнице можно проследить некоторые местные специфические особенности на фоне общерусских традиций.

В 19 из 59 вариантов баллада начинается традиционным запевом.

Закатилось красно солнышко

За темны леса [8, с. 71].

В отдельных регионах Сибири (Омская, Новосибирская, Амурская области, Забайкальский край) обычное начало утрачено, и песня начинается без упоминания солнышка сразу с пения пташек, или непосредственно с указания на приход героев в дом к солдатке. Таких вариантов более 30. Часть записей обрывается на приходе солдат – 5 текстов, или на просьбе солдат о ночлеге – 3 варианта.

Наиболее традиционным вариантом запева в Сибири (26 из 59) является упоминание о поющих или замолкших пташках:

Слетались мелки пташки,

Был слышен голосок [3, с. 53].

Экспозиция баллады обычно локализуется в жилище хозяйки, которая традиционно характеризуется как солдатка или вдова. Примечательно, что упоминание тайги встречается исключительно в сибирских вариантах баллады, распространенных в Томской и Новосибирской областях, а также в Красноярском крае:

Стонет тайга густая,

А в той тайге – изба.

В той маленькой избёночке

Там вдовушка живет [5, с. 55].

Гости интересуются, как давно женщина осталась вдовой, и выясняют у неё, с какого именно года её муж и сын ушли на войну, или же сколько лет назад это произошло.

С точки зрения истории, эта песня примечательна тем, что последовательно связывает себя со всеми русскими войнами, начиная с нашествия Наполеона и вплоть до Великой Отечественной войны. Как правило, указание на ту или иную войну содержится в диалоге хозяйки с постояльцами: либо она сама, либо солдаты сообщают, с какой войной была связана их разлука:

Во двенадцатом году, таки году

Объявил француз войну,

Моего мужа тогда забрали,

А сына взяли чередой [4, с. 349].

В селе Дежнево Еврейской автономной области тоже поется:

С двенадцатого годика

Осталася одна [12, с. 56].

Характерная картина смены войны встречается в записях позапрошлого века, когда герои возвращаются «с кавказской дальней стороны». В Иркутском варианте пели «Со восточной дальней стороны», что можно соотнести с русско-японской войной 1904-1905 годов [2, с. 1].

Новую жизнь балладе дали события Великой Отечественной войны, отразившиеся в десятках вариантов по всей территории России, Украины, Белоруссии и Молдовы.

В Сибири и на Дальнем Востоке найдено 10 таких вариантов:

С сорок первого годика,

Как началась война,

Я мужа проводила,

Сыночка своего [5, с. 55].

Вернувшихся домой солдат в текстах этого времени обычно называют солдатами, бойцами, героями.

Ранние записи баллады именуют вернувшихся с войны отца и сына гренадерами (карельские, архангельские, вологодские, костромские тексты), иногда гвардейцами (Саратовская область), чаще всего просто солдатами, а позднее почти повсеместно – героями. В донских, кубанских, уральских вариантах – это казаки, в оренбургских – кавалеры, нередко – служивые, ребятушки, соколики, а в нижегородских встречаем «двух европиков», что вновь возвращает к временам наполеоновских войн, закончившихся приходом союзных армий в Париж.

Наименование героев, как отмечалось, обычно связано с исторической заменой реалий, но вместе с тем в центральной России широко употребимо нейтральное «прохожие», «родные», «соколики», но чаще всего – «солдаты» (солдатики), еще чаще «2 героя», «два храбрые героя».

Всего встретилось более 30 версий наименований, но только в Сибири – «два бравых молодца» [2, с. 53].

Таким образом, в найденных вариантах баллады наличествует большой территориальный разброс в наименовании реалий, но часть из них локализованы в определенных регионах. Так, например, только в сибирских вариантах в запеве упоминается тайга.

Начало сибирских вариантов баллады зачастую сохраняет традиционную завязку, представляя собой метафорическое описание наступления беды через образ заходящего солнца: «Закатилось красное солнышко за темные леса...». Однако, в отличие от некоторых центральных версий, где акцент сразу делается на несчастливом предзнаменовании, в сибирских песнях эта метафора нередко разворачивается более подробно, обрастающая деталями, связанными с сибирской природой. Леса здесь не просто «темные», а «дремучие», «непроходимые», подчеркивая суровость и изоляцию места действия. Само солнце может описываться как «кровавое», «холодное», «багровое», усиливая ощущение надвигающейся трагедии и акцентируя внимание на жестокости сибирской земли. Кроме того, в сибирских версиях часто встречаются мотивы разлуки с родным краем, тоски по дому, что обусловлено историей освоения Сибири и переселением сюда большого количества людей [1, с. 218].

Завершается песня чаще всего признанием вернувшихся родных. При этом хозяйка объясняет, почему не сразу их узнала:

– Я мужа не узнала,
Он стал совсем седой,
Ой, я сына не узнала,
Он трижды стал герой [11, с. 17].

Трагический финал баллады в сибирской традиции, как правило, характеризуется особой жестокостью и натуралистичностью деталей. Если в других регионах смерть героини может быть представлена более символически, то в сибирских вариантах часто описывается ее физическое страдание, муки, предсмертные конвульсии. Это, возможно, связано с общей тенденцией сибирского фольклора к реалистичному изображению жизни, с его акцентом на суповой правде бытия [6, с. 332].

Именно войну называет причиной разлуки хозяйка, отвечая на вопрос, почему она живет одна: «заставила война», «похитила проклятая война».

В ранних вариантах, относимых к дореволюционной эпохе, поётся:

Два воина идут, маршируют,
Всё ружьями гремят [3, с. 53].

Обычно солдаты приходят пешими, но в варианте из Русского Устья они оказываются конными, что, возможно, мотивировано чрезвычайной удаленностью заполярного региона устья реки Индигирки [13, с. 260].

Место, где стоит жилище, может быть опушкой леса, поляной, берегом, чистым полем. В сибирских текстах поётся: «Под горой избушка» [3, с. 53].

В тексте из Иланского района Красноярского края встретилось характерное именно для Сибири обозначение:

Стоит тайга густая,
А в той тайге изба [5, с. 55].

Во множестве сибирских вариантов «герои спускались во лесок», что, несомненно, отражает особенности рельефа мест записи.

Само жилище называется хатой, хижиной, избой, домиком, хибарочкой, фатерушкой. В Сибири это практически всегда изба.

Солдатку обычно называют вдовой, часто солдатской женой. Только сибирские записи дают вариант «домовая хозяйка» [13, с. 260].

В сибирских записях встречаем еще и «поштенная» хозяйушка [2, с. 53], «прелестная» и «разлюбезная» в нескольких областях.

Кроме того, в сибирских вариантах баллады часто прослеживается влияние народных верований и мифологических представлений. В тексте песни могут появляться элементы, связанные с культом природы, с почитанием духов и предков. Например, героиня может обращаться за помощью к сибирским богам или духам, просить защиты у леса и реки. Мотив родовой памяти также играет важную роль, подчеркивая связь героини с ее предками и с традициями. Это придает сибирским вариантам баллады особую глубину и значимость, связывая личную трагедию героини с историей и культурой региона.

Трагический финал в сибирских вариантах баллады, как правило, не отличается от общероссийского. Героиня погибает, либо совершает самоубийство, не выдержав бремени неволи и разлуки с любимым. Однако, и здесь можно отметить некоторые особенности. Описание смерти героини в сибирских песнях зачастую более натуралистично и детализировано, что усиливает эмоциональное воздействие на слушателя. Мотив смерти часто переплетается с мотивом свободы и избавления от страданий. Смерть героини предстает не как поражение, а как своеобразный протест против несправедливости и как единственная возможность обрести покой. Важным элементом является также то, что в сибирских вариантах баллады часто подчеркивается связь смерти героини с сибирской землей. Она умирает на родной земле, в объятиях природы, что придает ее смерти особый смысл и символическую значимость [10, с. 7].

Музыкально-поэтическая структура сибирских вариантов также имеет свои особенности. Для них характерно использование местных диалектных форм, что придает тексту особую колоритность. Например, в некоторых записях встречаются слова и выражения, характерные для сибирского говора, такие как «закатилось» вместо «зашло» или «красное солнышко» с ударением на последний слог. Эти языковые особенности не только отражают региональную специфику, но и способствуют сохранению уникального звучания песни. Кроме того, сибирские варианты отличаются большей вариативностью мелодии, что связано с влиянием местных музыкальных традиций, включая элементы сибирского фольклора и заимствования из культуры коренных народов Сибири.

Важным аспектом своеобразия сибирских вариантов является их связь с местными легендами и преданиями. В ряде записей сюжет песни переплется с мотивами сибирского фольклора, такими как образы духов природы, лесных существ или мифологических персонажей. Например, в одном из вариантов, записанном в Алтайском крае, герой перед смертью встречает «лесного духа», который предсказывает его судьбу. Такие элементы не только обогащают сюжет, но и подчеркивают синcretизм сибирской фольклорной традиции, в которой переплетаются славянские и автохтонные мотивы.

Подводя итог наблюдениям над вариантами баллады «Закатилось красное солнышко», которые позволяют проследить ее судьбу на протяжении прошедших двух столетий, можно с полной уверенностью утверждать, что связанные с многочисленными войнами события, коснувшиеся сотен тысяч солдатских семей, неизменно находили живой отклик в народной песне.

Вновь и вновь вторгаясь в мирную жизнь людей, войны давали новый импульс к творческому переосмыслению и поэтическому перевоплощению старинной песни-баллады о встрече разлученныхвойной родных.

Выводы

Проведенное исследование сибирских вариантов народной песни-баллады «Закатилось красное солнышко» позволило выявить их уникальное своеобразие, обусловленное историческими, культурными и географическими особенностями региона. Анализ текстовых, музыкальных и сюжетных элементов показал, что сибирские версии песни сохраняют общую основу, характерную для русской народной балладной традиции, но при этом обогащены локальными чертами, отражающими специфику сибирского фольклора.

Во-первых, сибирские варианты демонстрируют ярко выраженную региональную адаптацию сюжета. В них прослеживается влияние сибирской природы, быта и мировоззрения, что проявляется в детализации описаний, использовании местной лексики и образов. Например, упоминание сибирских пейзажей, таких как бескрайние леса и суровые зимы, усиливает эмоциональную выразительность текста, подчеркивая трагизм и драматизм сюжета.

Во-вторых, музыкальная структура сибирских вариантов отличается своеобразием, связанным с влиянием местных певческих традиций. Наблюдаются использование характерных для сибирского фольклора мелодических оборотов, ритмических рисунков и интонаций, что придает песне особую выразительность и узнаваемость [9, с. 60]. Это свидетельствует о глубокой интеграции баллады в культурный контекст региона.

В-третьих, исследование выявило значительную вариативность текстов, что подчеркивает их устный характер и способность к трансформации в зависимости от исполнителя и аудитории. Сибирские варианты песни-баллады демонстрируют как сохранение архаичных элементов, так и включение новых мотивов, что делает их ценным источником для изучения эволюции народной песенной традиции.

Важным аспектом исследования стало выявление роли песни-баллады «Закатилось красное солнышко» в формировании культурной идентичности сибиряков. Через эмоционально насыщенный сюжет и глубокий лиризм песня передает важные для сибирского сообщества ценности, такие как стойкость, преодоление трудностей и связь с природой.

Таким образом, сибирские варианты народной песни-баллады «Закатилось красное солнышко» представляют собой уникальный феномен, сочетающий в себе общерусские традиции и локальные особенности. Их изучение вносит значительный вклад в понимание регионального фольклора и подчеркивает важность сохранения и исследования устного наследия как части культурного достояния России. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть направлены на сравнительный анализ сибирских вариантов с другими региональными версиями, а также на изучение их роли в современной культуре и образовании.

Список источников

- Героическая поэзия Гражданской войны. Новосибирск, 1982. № 269. С. 218.
- Макаренко А.А. Живая старина. Сибирские песенные старины. СПб., 1907. Вып. 3. № 53. С. 1 – 3.
- Шульпеков Н. «Навстречь солнца на востоке...». Русские народные песни Сибири. Старожильческие традиции Енисейского района Красноярского края. Красноярск, 2014. № 44. С. 53.
- Народные баллады: 2-е изд. / вступ. статья, подготовка текста и примеч. Д.М. Балашовой. М.-Л., 1963. С. 349.
- Скопцов К. Народные песни Красноярья. Красноярское краевое управление культуры. Краевой научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы. Красноярск, 1983. С. 55 – 56.
- Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 14. 431 с.
- Русские народные песни Красноярского края / под общ. ред. С.В. Аксюка. М.: Советский композитор, 1962. Вып. 2. № 108. С. 162.
- Пархоменко Н. Русские народные песни Томской области. М.: Советский композитор, 1985. 136 с.
- Середа Е.В. «Ah, интонация!» (материалы по теме «Междометие. Повторение» в 8 кл.) // Русская словесность. 2006. № 6. С. 59 – 62.
- Середа Е.В. Сентиметивные части речи. М.: Московский государственный педагогический университет, 2023. С. 5 – 10.
- Карышева М.А. Фольклор Иркутской области «Вечернею порою». Песенный фольклор села Невон Усть-Илимского района Иркутской области. Министерство культуры и архивов Иркутской области, ГБУК «Иркутский областной Дом народного творчества». Иркутск: ГБУК «ИОДНТ», 2014. Вып. 11. 48 с.
- Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ, 1969. № 53.
- Фольклор Русского Устья // Памятники русского фольклора. Л.: Наука, 1986. № 151.

References

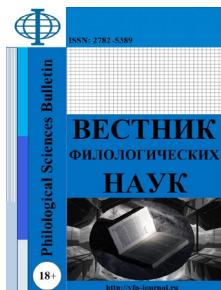
- Heroic poetry of the Civil War. Novosibirsk, 1982. No. 269. 218 p.
- Makarenko A.A. Living antiquity. Siberian song antiquities. SPb., 1907. Iss. 3. No. 53. P. 1 – 3.
- Shulpekov N. "Towards the sun in the east...". Russian folk songs of Siberia. Old-timer traditions of the Yenisei district of the Krasnoyarsk region. Krasnoyarsk, 2014. No. 44. 53 p.
- Folk ballads: 2nd ed. Introduction, text preparation and notes by D.M. Balashova. M.-L., 1963. 349 p.
- Skoptsov K. Folk songs of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk regional department of culture. Regional Scientific and Methodological Center for Folk Art and Cultural and Educational Work. Krasnoyarsk, 1983. P. 55 – 56.
- Russian Lyrical Songs of Siberia and the Far East. Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Nauka, 1997. Vol. 14. 431 p.
- Russian Folk Songs of the Krasnoyarsk Territory. Edited by S.V. Aksyuk. Moscow: Soviet Composer, 1962. Iss. 2. No. 108. 162 p.
- Parkhomenko N. Russian Folk Songs of the Tomsk Region. Moscow: Soviet Composer, 1985. 136 p.
- Sereda E.V. "Ah, Intonation!" (materials on the topic "Interjection. Repetition" in the 8th grade). Russian literature. 2006. No. 6. P. 59 – 62.
- Sereda E.V. Sentimental parts of speech. M.: Moscow State Pedagogical University, 2023. P. 5 – 10.
- Karysheva M.A. Folklore of the Irkutsk region "Evening time". Song folklore of the village of Nevon, Ust-Ilimsky district, Irkutsk region. Ministry of Culture and Archives of the Irkutsk region, State Budgetary Cultural Institution "Irkutsk Regional House of Folk Art". Irkutsk: State Budgetary Cultural Institution "IODNT", 2014. Iss. 11. 48 p.

12. Folklore of the Cossacks of Siberia. Compiled by L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevsky. Ulan-Ude, 1969. No. 53.
13. Folklore of the Russian Mouth. Monuments of Russian Folklore. L.: Science, 1986. No. 151.

Информация об авторах

Сорокин В.Б., кандидат философских наук, доцент, Московский государственный институт культуры,
sorokin-vladbor@yandex.ru

© Сорокин В.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский) (филологические науки)
УДК 81-11

¹Гао Сутонг

¹Сианьский нефтяной университет

Исследование учебного плана по интеграции китайской культуры в курсы английского языка в колледже: на примере «Понимания современного Китая»

Аннотация: в контексте глобализации цель преподавания английского языка сместилась на развитие талантов в области межкультурной коммуникации и международного общения. Это исследование фокусируется на интеграции учебника «Понимание современного Китая» в занятия по английскому языку в колледже для достижения интеграции преподавания культуры и языка. Устанавливая цели обучения языковой способности, культурной осведомленности и способности к международному общению, используя ситуативное обучение, кооперативное обучение, ориентированное на задачи и другие методы, разрабатывая учебные связи, охватывающие введение, объяснение знаний, занятия в классе, резюме и расширение, и принимая комбинацию методов формативной и суммарной оценки. В то же время оно фокусируется на обучении рефлексии, стремясь развивать таланты с возможностями межкультурной коммуникации и международного общения и содействовать международному распространению китайской культуры.

Ключевые слова: китайская культура, преподавание английского языка в колледже, «Понимание современного Китая», межкультурная коммуникация, способность к международному общению

Для цитирования: Гао Сутонг. Исследование учебного плана по интеграции китайской культуры в курсы английского языка в колледже: на примере «Понимания современного Китая» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 45 – 52.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Gao Sutong

¹Xi'an Shiyou University

A study on the teaching design of integrating Chinese culture into college English classes: taking Understanding Contemporary China as an example

Abstract: in the context of globalization, the goal of English teaching has shifted to cultivating talents in cross-cultural communication and international communication. This study focuses on integrating the textbook “Understanding Contemporary China” into college English classes to achieve the integration of culture and language teaching. By setting teaching goals of language ability, cultural awareness and international communication ability, using situational teaching, cooperative learning, task-driven and other methods, designing teaching links covering introduction, knowledge explanation, classroom activities, summary and expansion, and adopting a combination of formative and summative evaluation methods. At the same time, it focuses on teaching reflection, aiming to cultivate talents with cross-cultural communication and international communication capabilities and promote the international dissemination of Chinese culture.

Keywords: Chinese culture, college English teaching, “Understanding Contemporary China”, cross-cultural communication, international communication ability

For citation: Gao Sutong. A study on the teaching design of integrating Chinese culture into college English classes: taking Understanding Contemporary China as an example. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 45 – 52.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

В условиях глобализации международные обмены и сотрудничество становятся все более частыми, а важность английского языка в межкультурной коммуникации становится все более заметной. Согласно соответствующим статистическим данным, глобальная трансграничная деловая деятельность увеличилась на 35% за последнее десятилетие, а количество международных конференций по академическому обмену увеличивается на 18% каждый год [9, с. 1]. В этих видах деятельности английский язык является основным средством общения, и содержание общения больше не ограничивается простым языковым общением, а включает в себя углубленное общение и столкновение различных культур. В этом контексте цель преподавания английского языка постепенно сместилась с обучения традиционным языковым навыкам на формирование способности к межкультурному общению и способности к международному общению.

Китайская культура имеет долгую историю и глубину. От древних четырех великих изобретений до современных научных и технологических инноваций, от традиционного конфуцианства и даосизма до красочной народной культуры, ее уникальное очарование привлекает внимание мира. Однако китайская культура сталкивается со многими проблемами в международной коммуникации. С одной стороны, из-за языковых и культурных различий сложно точно передать китайскую культуру иностранной аудитории, и многие иностранцы имеют лишь поверхностное представление о китайской культуре. С другой стороны, в Китае не хватает профессиональных талантов, которые могли бы умело использовать английский язык для точного и яркого распространения китайской культуры. Появление серии учебников «Понимание современного Китая» своевременно предоставило богатые и систематические ресурсы для решения этой проблемы. Учебник охватывает множество областей, таких как современная китайская политика, экономика, культура и общество. Язык аутентичен, а культурная коннотация глубока, что создает благоприятную возможность для интеграции преподавания культуры и языка в преподавание английского языка в колледже.

Гэ Цинь и Цай Вэй сосредоточились на разработке учебного пособия по переводу серии русских учебников «Понимание современного Китая», исследуя, как посредством написания учебников способствовать пониманию учащимся политики, экономики, культуры и других областей современного Китая. В исследовании анализировалась концепция написания учебника, подчеркивалась цель «хорошо рассказать историю Китая» в преподавании перевода, а также изучалась структура содержания учебника, включая выбор текста (например, правительственные документы, новостные репортажи, литературные произведения и т.д.) и стратегии перевода (например, обработка культурно-окрашенных слов и стандартизация русского перевода китайской терминологии). Также предлагалось, чтобы преподавание перевода сочетало обучение языковым способностям с пониманием межкультурной коммуникации и фокусировалось на интеграции практичности и идеологического и политического образования [4, с. 138]. Лян Цзюньпэн и Мэн Сюэфэн взяли преподавание русской речи за отправную точку для изучения того, как улучшить способность студентов объяснять современный Китай на русском языке с помощью речевых стратегий [5, с. 73]. Ван Юаньмэн, Чэн Цзиньцяо и Чжан Шишэн исследовали применение немецких учебников в классе с точки зрения хорошего повествования историй Китая, с когнитивной, эмоциональной и поведенческой точек зрения, чтобы помочь учащимся эффективно улучшить свою способность распространять голос Китая за рубежом [11, с. 16]. Серия учебников по английскому языку в основном фокусируется на специализации по английскому языку [1, 3, 6, 7], и меньше внимания уделяется общему английскому языку [2, 10]. Его педагогическая ценность изучалась с макроэкономической точки зрения [2, 3, 8, 9], но в меньшей степени изучалась с микроэкономической точки зрения. Среди них Чэн Вэй выступает за полное использование «вторичного развития» учебников, чтобы по-настоящему превратить учебники в связанные, открытые и динамичные учебные ресурсы для преподавания [3, с. 29]. Чэн Яньсюй и Чжоу Хуэй исследовали интеграцию существующих учебников с серией учебников «Понимание современного Китая» в переводе с китайского на английский язык [2, с. 1]. Подводя итог, можно сказать, что предыдущие исследования дают теоретическую и практическую основу для данного исследования, однако оно недостаточно подробное и глубокое и требует дальнейшего углубленного изучения.

Материалы и методы исследований

Интеграция китайской культуры в занятия по английскому языку в колледже преследует три цели. Во-первых, цели владения языком. Студентам необходимо в полной мере освоить словарный запас, грамматику и модели предложений, тесно связанные с китайской культурой, в учебнике «Понимание современного Китая». Если взять в качестве примера лексику, то мы должны не только быть знакомы с конкретными терминами, такими как «Инициатива «Один пояс, один путь» и «Сообщество с единым будущим человечества», но и понимать слова, отражающие особенности традиционной китайской культуры, такие как «структура шип-паз» и «рисовая бумага». С точки зрения грамматики необходимо освоить грамматические структуры, обычно используемые при описании явлений китайской культуры, такие как правильное использование прошедшего времени при описании исторических событий и правильное использование настоящего совершенного времени при объяснении культурных влияний. Благодаря систематическому обучению студенты могут улучшить свои общие навыки аудирования, говорения, чтения, письма и перевода на английский язык, гарантируя, что они смогут точно и бегло выражать содержание китайской культуры. Во-вторых, цели повышения культурной осведомленности. Глубокое понимание богатых коннотаций и разнообразных ценностей китайской культуры, включая традиционные китайские ценности, такие как «доброжелательность, праведность, приличие, мудрость и надежность» конфуцианства и «Дао следует природе» даосизма; культурные обычаи, включая уникальные фестивали, праздники, свадьбы и похороны; и художественные формы, включая традиционные искусства, такие как пекинская опера, каллиграфия и китайская живопись. Благодаря обучению студенты могут укрепить чувство идентичности и гордости за свою культуру, а также глубже понять уникальное положение китайской культуры в мировой культуре. В то же время нам следует развивать глубокое понимание межкультурных различий и уметь точно воспринимать различия между китайской и западной культурами с точки зрения моделей мышления, ценностей, поведенческих привычек и т.д. В-третьих, цель – обеспечение возможностей международной коммуникации. Студентам следует научиться использовать английский язык для распространения китайской культуры и овладения навыками и методами международного общения. С точки зрения создания контента мы способны извлечь суть китайской культуры и представить ее в яркой, интересной и легко воспринимаемой международной аудиторией форме.

Тщательно создавайте реальные, яркие и заразительные языковые контексты и тесно связывайте содержание учебника с реальной жизнью и сценариями международного общения. Рассказывая о традиционных китайских праздниках, можно смоделировать обстановку международного культурного обмена. Украсьте класс заранее, повесьте красные фонарики, развесьте стихи о празднике Весны, разместите китайские узелки и другие праздничные украшения, чтобы создать яркую праздничную атмосферу. Студенты играют роли китайских и иностранных культурных послов. Студентам, которые играют роли китайских культурных послов, необходимо провести углубленное исследование традиционного фестиваля, такого как Праздник весны, от его происхождения, которое развилось из древних времен, когда люди молились о хорошем где и приносили жертвы, до богатых обычаяев во время Праздника весны, таких как подметание дома, наклеивание куплетов Праздника весны, новогодний ужин, не спать всю ночь, новогодние поздравления и т.д., а также культурного значения этих обычаяев, таких как прощание со старым и приветствие нового, воссоединение семьи, и дать подробное введение на английском языке. Студенты, которые играли роль иностранных культурных послов, задавали вопросы, такие как сомнения относительно обычаяев Весеннего фестиваля и любопытство относительно праздничной еды. Обе стороны, естественно, использовали английский язык для общения в контексте, повышая свое владение языком и понимание культурных коннотаций.

Активно организовывать учащихся для проведения группового совместного обучения, проведения дискуссий, проектных практик и других мероприятий по культурным темам, изложенным в учебниках. При изучении современных научных и технологических достижений Китая студенты делятся на группы для сбора информации. Они могут собирать информацию о достижениях Китая в области 5G, искусственного интеллекта, аэрокосмической отрасли и других областях через различные каналы, такие как академические базы данных, отраслевые отчеты и новостная информация. Затем члены команды разделили работу и объединились, чтобы подготовить англоязычную презентацию. Некоторые отвечали за упорядочивание контекста разработки результатов, а некоторые отвечали за анализ влияния результатов на мир, например, как применение искусственного интеллекта в сферах здравоохранения, транспорта и т.д. меняет образ жизни людей. В процессе производства учащиеся общаются и обсуждают друг с другом задания, развиваются навыки командной работы и критического мышления, совместно готовят и демонстрируют презентации, а также делятся результатами групповых исследований.

Поручайте учащимся конкретные и сложные учебные задания, чтобы они могли активно исследовать и учиться в процессе их выполнения. Студентам предлагается поработать в группах и создать рекламный видеоролик на английском языке о защите культурного наследия Китая. Начиная с выбора темы, членам группы необходимо совместно обсудить и определить объекты культурного наследия, которые будут продвигаться, например, Великая Китайская стена, гроты Дуньхуан Могао и т.д. Далее мы соберем информацию, включая историческую подоплеку, художественную ценность, текущий статус и проблемы защиты, с которыми сталкивается культурное наследие. Эту информацию можно получить посредством полевых визитов, интервью с экспертами и обзора литературы.

Результаты и обсуждения

Планирование учебной деятельности включает введение в культуру, объяснение знаний, занятия в классе и подведение итогов занятий. Занятие начинается с рассказа о культуре. Учитель живо рассказывает историю из китайской культуры, тесно связанную с темой урока. При объяснении традиционной китайской архитектуры подробно описываются исторические истории, лежащие в основе строительства Запретного города. Строительство Запретного города началось во времена правления императора Чэнцзу Чжу Ди династии Мин. Строительство заняло 14 лет и потребовало огромного количества рабочей силы и материальных ресурсов. В книге рассказывается о трудностях, возникших в процессе строительства, таких как транспортировка материалов, сложность технологии строительства и т.д., а также о политических и культурных функциях Запретного города как королевского дворца во времена династий Мин и Цин. Благодаря подробным и содержательным описаниям у студентов пробуждается интерес и любопытство, а тема курса представляется естественным образом, что вызывает у студентов сильное желание исследовать неповторимое очарование традиционной китайской архитектуры.

Введение также может заключаться в постановке вопросов, направляющих ход мыслей. Задайте несколько вдохновляющих и открытых вопросов, чтобы побудить учащихся к глубоким размышлениям и активным дискуссиям. Ответы учащихся могут стимулировать их энтузиазм к участию и побуждать их активно вспоминать и систематизировать свое понимание традиционного китайского искусства, закладывая основу для последующего обучения.

Затем будут объяснены знания языка. Систематическое и глубокое объяснение лексики, грамматики и моделей предложений, связанных с китайской культурой, которые встречаются в учебниках. Например, термин «Инициатива «Один пояс, один путь» не только объясняет его основное значение, которое является аббревиатурой от «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», но и подробно объясняет его применение в различных контекстах с помощью конкретных примеров, таких как «Многие страны вдоль инициативы «Один пояс, один путь» укрепили экономическое сотрудничество с Китаем». Что касается «сообщества с общим будущим для человечества», в статье подробно излагаются предпосылки и коннотация этого предложения, а также приводятся примеры его применения в международном сотрудничестве. Например, при реагировании на глобальные события в области общественного здравоохранения страны работают сообща, что воплощает концепцию сообщества с общим будущим для человечества.

В то же время интерпретируются культурные коннотации. Глубоко анализируйте коннотацию и ценность культурного содержания в учебниках. Если взять в качестве примера традиционное китайское конфуцианство, то оно не только вводит основные понятия «доброжелательность, праведность, приличие, мудрость и надежность», «доброжелательность» относится к взаимной заботе и уважению между людьми; «праведность» подчеркивает справедливость и правосудие; «приличие» регулирует поведение людей; «мудрость» олицетворяет мудрость и знание; а «надежность» относится к честности и выполнению обещаний. Важность «веры» также отражена в исторических историях, таких как «Цзэнцызы убивает свинью». Чтобы воспитать своих детей честными и заслуживающими доверия, Цзэнцызы не колеблясь убил свинью в своей семье. На примере реальных случаев, например, того, как компании в современном обществе могут достичь долгосрочного развития, придерживаясь принципа честности, курс объясняет глубокое влияние конфуцианства на развитие китайского общества и культуры, помогая студентам полностью и глубоко понять суть китайской культуры.

Занятия в классе включают групповые обсуждения, ролевые игры и проектную практику. Студентов можно организовать для проведения групповых дискуссий и углубленного обмена мнениями по культурным темам, затронутым в учебниках. Обсуждение «Каков вклад китайской культуры в мировую культуру?» После того, как студенты были разделены на группы, они изучали материалы, проводили анализ и исследования и обсуждали с разных точек зрения, например, четыре великих изобретения Древнего Китая, которые способствовали прогрессу мировой цивилизации, изготовление бумаги и книгопечатание способствовали распространению знаний, порох изменил характер войны, а компас заложил основу для развития навига-

ции; с точки зрения философской мысли, даосская идея «гармонии между человеком и природой» оказала влияние на развитие западной экологической философии. Каждая группа выбирает представителя, который выступит и представит результаты группового обсуждения, тем самым развивая у учащихся критическое мышление и навыки выражения мыслей на английском языке.

Преподаватели также могут разрабатывать различные ролевые игры, имитирующие сценарии международного обмена. В ходе имитационного международного культурного семинара студенты играли роли ученых из разных стран и обменивались мнениями о наследии и новаторстве китайской культуры в современную эпоху.

Студенты, которые выступают в роли китайских ученых, познакомят с современными способами наследования китайской культуры, такими как эволюция форм празднования традиционных фестивалей в современном обществе, сочетание традиционных ремесел и современного дизайна, а также с инновационными инициативами, такими как использование современных научных и технологических средств для распространения китайской культуры и разработки культурных и творческих продуктов. Другие студенты, которые играли роль иностранных ученых, поднимали вопросы и высказывали мнения, например, свои взгляды на проблемы, с которыми сталкивается китайская культура в международной коммуникации, и предложения по направлению китайских культурных инноваций. Студенты использовали английский язык для общения в ролевых играх и улучшили свои навыки межкультурного общения.

Кроме того, учителя могут давать задания по проектному обучению, предлагая учащимся работать в группах над выполнением проектов, связанных с темами учебника. Создайте плакат на английском языке о применении традиционной китайской культуры в современной жизни. Студентам необходимо собрать информацию, включая примеры применения традиционных китайских культурных элементов в современной архитектуре, дизайн одежды, рекламе и других областях, например, использование традиционных китайских узоров в современном архитектурном внешнем дизайне и инновационный дизайн элементов чонсам в современной модной одежде. Затем осуществляется проектирование и верстка, а также выбирается соответствующий макет плаката в соответствии с содержанием материалов для выделения ключевых моментов и культурных элементов. Напишите введение на английском языке, в котором подробно описывается применение традиционных культурных элементов в современной жизни, их влияние и культурные ценности, которые они воплощают, а также улучшите комплексные и инновационные возможности посредством проектной практики.

Наконец, есть часть с подведением итогов занятия. Учитель дает исчерпывающее резюме ключевых моментов урока, включая знание языка и культурные аспекты. Повторите изученную на этом уроке лексику, грамматику и модели предложений, связанные с китайской культурой, чтобы укрепить память учащихся. Выделите ключевые культурные моменты. Например, объясняя традиционную китайскую архитектуру, еще раз подчеркните ее особенности, такие как симметричная планировка, деревянная каркасная конструкция, декоративное искусство и т.д. В то же время мы комментируем успеваемость учащихся на занятиях в классе, подтверждаем их новые идеи в групповых обсуждениях, их беглую речь на английском языке и соответствующий культурный обмен в ролевых играх, указываем на их недостатки в сборе данных, использовании языка и т.д., а также выдвигаем конкретные предложения по улучшению, чтобы помочь учащимся прояснить направление своих усилий.

Оценка преподавания включает в себя формирующую оценку и итоговую оценку. Формативное оценивание включает в себя оценку успеваемости в классе и оценку домашних заданий. Создайте комплексную и подробную систему оценки успеваемости в классе, а учителя будут внимательно следить за успеваемостью учащихся во время занятий в классе. Наблюдайте за участием учащихся, в том числе за тем, поднимают ли они руку, чтобы высказаться, активно ли участвуют в групповых обсуждениях и с энтузиазмом ли участвуют в классных мероприятиях; обращайте внимание на способность учащихся к языковому выражению, оценивайте точность их выражений на английском языке, наличие грамматических ошибок, ненадлежащего использования лексики и т.д., могут ли они связно и бегло выражать свои взгляды, могут ли они использовать разнообразный словарный запас и модели предложений для большей насыщенности. Проверьте способность учащихся работать в команде и понаблюдайте, могут ли они эффективно общаться с членами группы, разумно распределять работу и вместе преодолевать трудности для выполнения задания во время групповых занятий.

В письменных заданиях, помимо проверки правильности ответов, особое внимание уделяется оценке уровня владения языком и мыслительных способностей учащихся. В заданиях по проектному обучению оцениваются общие результаты работы группы, включая инновационность проекта, наличие у него уникальной перспективы и нового метода представления, качество выполнения, полнота и точность сбора

данных, тщательность выполнения проекта, хорошее ли взаимодействие в команде и могут ли члены группы работать в тесном контакте друг с другом. Организуйте студентов для подготовки групповых отчетов и позвольте каждой группе представить результаты проекта. Затем преподаватели и другие студенты вместе оценят их, поднимут вопросы и выдвинут предложения и побудят студентов постоянно улучшать свои проекты.

Итоговая оценка включает в себя оценку экзамена, самооценку и взаимооценку студентов. В конце курса содержание экзамена тщательно разрабатывается для всесторонней проверки общих способностей студентов. Содержание экзамена включает как языковые знания в учебниках, такие как написание словарного запаса, использование грамматики, преобразование моделей предложений и т.д., так и культурное содержание, такое как понимание коннотации китайской культуры. Он использует вопросы с несколькими вариантами ответов и вопросы с кратким ответом, чтобы проверить усвоение учащимися китайских традиционных ценностей и культурных обычаев, а также их способность выражать китайскую культуру на английском языке. Например, задается тема для письма, требующая от учащихся представить традиционную китайскую форму искусства на английском языке и объяснить ее с точки зрения истории, характеристик и ценности. С помощью экзамена мы можем в полной мере оценить общее усвоение студентами знаний курса, оценить эффективность преподавания и заложить основу для последующих улучшений преподавания.

Организуйте учащихся для проведения самооценки и взаимооценки. На сеансе самооценки учителя предоставляют подробные шкалы самооценки, помогающие учащимся оценить свой процесс обучения и результаты по нескольким аспектам, включая отношение к обучению, улучшение способностей и методы обучения. Учащиеся анализируют свою успеваемость на уроках, выполнение домашних заданий, участие в проектах и т.д., подводят итог своим сильным и слабым сторонам и разрабатывают планы по улучшению. На сеансе взаимной оценки учащиеся делятся на группы для оценки результатов проектов других групп, успеваемости в классе и т.д. Студенты должны быть объективными и справедливыми при оценке и указывать на преимущества и недостатки с разных сторон. Благодаря взаимной оценке студенты учатся смотреть на проблемы с разных сторон, учиться на сильных сторонах других и в то же время более объективно признавать свои собственные недостатки, что способствует взаимному обучению и общему прогрессу среди студентов.

Выводы

Данная учебная программа тесно связана с трансформацией целей преподавания английского языка в колледжах в условиях глобализации, в полной мере использует ресурсы учебника «Понимание современного Китая» и нацелена на глубокую интеграцию китайской культуры в занятия по английскому языку в колледжах. С точки зрения целей обучения были поставлены четкие цели в трех измерениях: владение языком, понимание культурных различий и способность к международному общению, с целью повышения грамотности учащихся во всех аспектах, чтобы они могли не только свободно пользоваться английским языком, но и стать прекрасными носителями китайской культуры.

С точки зрения методов обучения, комплексное использование ситуативных методов обучения, методов кооперативного обучения и методов, ориентированных на задачи, создает насыщенную и реалистичную учебную среду для учащихся, стимулируя их энтузиазм к активному обучению и исследованию. Проект учебной деятельности охватывает несколько связей, таких как введение, объяснение знаний, занятия в классе, а также обобщение и расширение. Каждое звено взаимосвязано и прогрессивно, начиная с введения культурных историй для пробуждения интереса учащихся, объяснения знаний для консолидации языковой и культурной основы, а затем улучшения комплексных способностей учащихся посредством разнообразных занятий в классе. Наконец, знания консолидируются, а горизонты расширяются в обобщении и расширении.

Оценка преподавания представляет собой сочетание формативной и итоговой оценки для всесторонней и объективной оценки процесса и результатов обучения учащихся, а также для содействия постоянному совершенствованию и росту учащихся. Хотя в процессе обучения все еще существует много проблем, таких как интеграция учебных ресурсов и удовлетворение индивидуальных потребностей учащихся, ожидается, что эффективность обучения будет постоянно оптимизироваться за счет постоянного анализа и совершенствования преподавания.

В будущем мы должны продолжать углублять интеграцию китайской культуры в преподавание английского языка в колледжах, идти в ногу со временем, постоянно изучать инновационные модели и методы обучения, воспитывать больше высококлассных талантов, которые могут адаптироваться к требованиям

времени и обладают навыками межкультурной коммуникации и международного общения, а также вносить свой вклад в популяризацию китайской культуры во всем мире.

Список источников

1. Чэн Сяо, Чжан Чжицзюнь. Исследование экологических историй в «Понимании современного Китая: курс чтения и письма на английском языке» // Популярная литература и искусство. 2024. № 5. С. 96 – 98.
2. Чэн Яньсюй, Чжоу Хуэй. Практическое исследование серии курсов «Понимание современного Китая» в преподавании иностранных языков в университете // Исследования китайского языка для специальных целей. 2023. № 3. С. 113.
3. Ченг Вэй. Вторая разработка «Учебника по китайско-английскому переводу»: принципы и практика // Границы исследований в области образования иностранных языков. № 6-03. С. 94.
4. Гэ Цинь, Цай Вэй. Исследование и анализ по составлению курса перевода в серии учебников по русскому языку «Понимание современного Китая» // Язык и культурология. 2023. № 29-04. С. 138 – 141.
5. Лиан Цзюньпэн, Мэн Сюэфэн. Исследование русских речевых стратегий в рамках темы «Понимание современного Китая» // Журнал профессионального колледжа Цзямыусы. 2024. № 40-04. С. 73 – 75.
6. Ли Чаншуань. Идеологическое и политическое образование на курсах имеет молчаливое воздействие: на примере «Понимания современного Китая: продвинутый курс перевода с китайского на английский» // Исследования китайского языка для специалистов в области ESP. 2023. № 4. С. 110 – 121.
7. Ли Цзин. Понимание современного Китая: ценности и действия: анализ учебника «Понимание современного Китая: курс чтения и письма на английском языке» // Университет. 2023. № 17. С. 50 – 53.
8. Сунь Цишиэн, Ши И. Использование серии учебников «Понимание современного Китая» и воспитание высококвалифицированных талантов в области иностранных языков // Границы исследований в области образования иностранных языков. 2023. № 6-03. С. 93.
9. Сюй Фанфу, Чжао Сюофэн. Преподавание коннотации и механизма реализации: на примере практики серии учебников «Понимание современного Китая» в Китайском нефтяном университете // Китайские исследования ESP. 2023. № 2. С. 112 – 117.
10. Ван Хаймей. Исследование интеграции серии китайско-английских переводов «Понимание современного Китая» в преподавание перевода на английский язык в колледже // English Teacher. 2024. № 24-02. С. 12 – 16.
11. Ван Юаньмэн, Чэн Цзиньцяо, Чжан Шишэн. Учебники иностранных языков в колледжах и университетах с точки зрения «хорошего рассказа истории Китая»: на примере немецкой серии учебников «Понимание современного Китая» // Исследования в области преподавания иностранных языков в Цзянсу. 2023. № 4. С. 16 – 19.

References

1. Chen Xiao, Zhang Zhijun. A Study of Environmental Stories in “Understanding Modern China: English Reading and Writing Course”. Popular Literature and Art. 2024. No. 5. P. 96 – 98.
2. Chen Yanxu, Zhou Hui. A Practical Study of “Understanding Modern China” Course Series in University Foreign Language Teaching. Research in Chinese for Special Purposes. 2023. No. 3. 113 p.
3. Cheng Wei. The Second Development of the “Chinese-English Translation Textbook”: Principles and Practice. Frontiers in Foreign Language Education Research. No. 6-03. 94 p.
4. Ge Qin, Cai Wei. Research and Analysis on Compiling a Translation Course in the Russian Language Textbook Series “Understanding Modern China”. Language and Cultural Studies. 2023. No. 29-04. P. 138 – 141.
5. Liang Junpeng, Meng Xuefeng. Research on Russian Speech Strategies in the Framework of the Topic “Understanding Modern China”. Journal of Jiamusi Vocational College. 2024. No. 40-04. P. 73 – 75.
6. Li Changshuan. Ideological and Political Education in Courses Has a Silent Impact: The Case of “Understanding Modern China: Advanced Chinese-English Translation Course”. Chinese Language Studies for ESP Specialists. 2023. No. 4. P. 110 – 121.
7. Li Jing. Understanding Modern China: Values and Actions: An Analysis of the Textbook “Understanding Modern China: English Reading and Writing Course”. University. 2023. No. 17. P. 50 – 53.
8. Sun Jisheng, Shi Yi. Using the Textbook Series “Understanding Modern China” and Cultivating Highly Qualified Talents in Foreign Languages. Frontiers of Research in Foreign Language Education. 2023. No. 6-03. 93 p.

9. Xu Fangfu, Zhao Xiufeng. Teaching Connotation and Implementation Mechanism: A Case Study of the Practice of the Textbook Series “Understanding Modern China” in China University of Petroleum. Chinese ESP Studies. 2023. No. 2. P. 112 – 117.

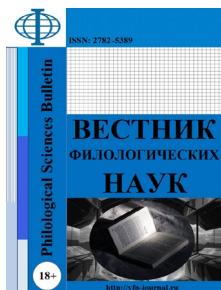
10. Wang Haimei. A Study on the Integration of Chinese-English Translation Series “Understanding Modern China” into Teaching English Translation in College. English Teacher. 2024. No. 24-02. P. 12 – 16.

11. Wang Yuanmeng, Chen Jincao, Zhang Shisheng. Foreign Language Textbooks in Colleges and Universities from the Perspective of “Telling Chinese History Well”: A Case Study of German Textbook Series “Understanding Modern China”. Research on Foreign Language Teaching in Jiangsu. 2023. No. 4. P. 16 – 19.

Информация об авторах

Гао Сутонг, доктор философских наук, преподаватель, факультет иностранных языков, Сианьский нефтяной университет, sutong_gao@foxmail.com

© Гао Сутонг, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 82-93

¹ У Цзыпэн

¹ Университет Цинхуа

Исторический нарратив русской кавказской литературы XIX века

Аннотация: в настоящей статье рассматривается роль исторического нарратива в русской кавказской литературе XIX века: одновременно фиксируя историю и переосмысливая её, такие литературные произведения, как «Кавказский пленник» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова и «Хаджи-Мурат» Толстого, не только ярко изображают Кавказскую войну и социальную реальность, но и выборочно выделяя исторические события и личности, наделяют эти явления новым смыслом. Сделан вывод: Литература – это не только отражение истории, но и мощная сила, формирующая историческую память. Кавказская литература посредством персонализированного повествования и детального описания глубоко влияет на восприятие читателями исторических событий и национальной идентичности. Благодаря романтизированному стилю повествования борьба народов Кавказа представляется как символ национального героизма, создавая нарратив, способствующий общественному осмыслению истории. Взаимодействие литературы и истории свидетельствует о том, что литература не просто фиксирует прошлое, но и активно участвует в конструировании исторической памяти, оказывая влияние на культурную идентичность и общественное сознание.

Ключевые слова: кавказский текст, исторический нарратив, литература как свидетель истории, русская литература XIX века

Для цитирования: У Цзыпэн. Исторический нарратив русской кавказской литературы XIX века // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 53 – 61.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Wu Zipeng

¹ Tsinghua University

The historical narrative of 19th-century Russian Caucasian literature

Abstract: this article examines the role of historical narrative in 19th-century Russian Caucasian literature. While simultaneously recording and reinterpreting history, literary works such as Pushkin's "The Prisoner of the Caucasus", Lermontov's "A Hero of Our Time", and Tolstoy's "Hadji Murat" not only vividly depict the Caucasian War and social realities but also selectively highlight historical events and figures, endowing them with new meanings. The study concludes that literature is not merely a reflection of history but also a powerful force shaping historical memory. Through personalized narration and detailed description, Caucasian literature profoundly influences readers' perceptions of historical events and national identity. By employing a romanticized narrative style, it portrays the struggles of the Caucasian peoples as a symbol of national heroism, creating a discourse that aids public understanding of history. The interaction between literature and history demonstrates that literature is not just a recorder of the past but actively participates in the construction of historical memory, shaping cultural identity and social consciousness.

Keywords: Caucasian text, historical narrative, literature as a witness of history, 19th-century Russian literature

For citation: Wu Zipeng. The historical narrative of 19th-century Russian Caucasian literature. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 53 – 61.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Кавказ занимал уникальное место в русской литературе XIX века. Для русских писателей эта земля, расположенная на стыке Европы и Азии, была одновременно загадочным «Востоком» и важным театром имперской экспансии. Со своими суровыми горами, этническим многообразием и духом ожесточённого сопротивления Кавказ стал ключевым символом изображения «чуждого» в русской литературе. Писатели, такие как Пушкин А.С., Лермонтов М.Ю., Толстой Л.Н. в своих произведениях на кавказскую тематику не только фиксировали жестокую реальность войны, но и с помощью литературного воображения переосмысливали её историческое значение. Эта двойственность порождает следующие ключевые вопросы: как литература может одновременно фиксировать историю и заново её конструировать? Каким образом нарративные стратегии служат имперской идеологической конструкции и формированию национальной идентичности?

Настоящая работа посвящена исследованию исторического нарратива в русской кавказской литературе XIX века. Она ставит своей целью проанализировать, каким образом русская литература XIX века осмысливала и переосновывала исторический нарратив о Кавказе, отвечая на вопрос о том, как литература может выступать в качестве средства свидетельствования истории.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании используются два основных типа материалов. Во-первых, это произведения русской кавказской литературы XIX века, написанные такими писателями, как Пушкин А.С., Лермонтов М.Ю., Толстой Л.Н. Во-вторых, это научные работы, включая исследования Гапурова Ш.А., Магомаева В.Х., Евы Томпсон, Багратион-Мухранели И.Л., Лю Ядин, Хейдена Уайта (Hayden White) и других представителей англоязычной, русскоязычной и китаяязычной академической среды. Основные применяемые методы исследования включают текстовый анализ, сравнительный метод, а также междисциплинарный подход, основанный на взаимной верификации литературных и исторических источников.

Результаты и обсуждения

Экспансия Российской империи в XIX веке и кавказская литература.

В начале XVI века русское влияние начало проникать в Кавказский регион. К XIX веку политика экспансии Российской империи оказала глубокое влияние на военную, политическую и культурную структуру этого региона. Образ Кавказа в русской литературе и культурных произведениях также отражал завоевание и романтизацию этого края со стороны Российской империи. В этом процессе империя последовательно проводила политику ассимиляции местных народов, вследствие чего многонациональная культура Кавказа столкнулась с беспрецедентной ассимиляцией и подавлением, однако сопротивление и стремление к независимости среди народов региона сохранились. Кавказская война XIX века (1817-1864) оказала значительное влияние на русскую литературу и историческое повествование; её осмысление в литературных произведениях способствовало усилению и реконструкции исторического нарратива, сформировав особый способ понимания прошлого, что в значительной степени определило восприятие Кавказа в российском обществе.

Влияние Кавказской войны на русскую литературу проявилось не только в произведениях отдельных писателей, но и в более широком литературном нарративе, сформировав размышления и критику империалистической экспансии, а также оказав глубокое влияние на историческое сознание российского общества. В официальной историографии России Кавказская война часто изображалась как необходимый и оправданный акт имперской экспансии. Однако в литературных произведениях она представлена с иной исторической точки зрения, раскрывая жестокость войны и угнетение народов Кавказа. Кроме того, литературные описания Кавказской войны отражали сложные эмоции российского общества по отношению к чужой культуре. С одной стороны, Кавказ изображался как дикий и таинственный край, пробуждавший у русских любопытство и романтическое влечение к экзотике; с другой – это влечение нередко сопровождалось желанием завоевания. Через изображение Кавказской войны русская литература выразила противоречивое восприятие инородных культур: стремление к их пониманию и интеграции сочеталось с попытками подчинения и включения их в состав империи. Эти противоречия нашли глубокое отражение во многих литературных произведениях, сформировав в русской литературе XIX века особый «восточный» (экзотический) комплекс.

Исторический нарратив в русской кавказской литературе XIX века.

В кавказском нарративе русской литературы Кавказ выступает не только как географическое пространство, но и как историческая сцена, символизирующая культурный конфликт и национальную борьбу. Описывая Кавказскую войну, русские писатели формировали исторический нарратив об имперской экспансии, раскрывая трагедию человеческих судеб и культурное угнетение, порождённые войной. Исторический нарратив кавказской литературы отражал не только восприятие Кавказа в русском обществе XIX века, но и, будучи запечатлённым в литературе, повлиял на последующее осмысление этой исторической эпохи.

I. Исторический нарратив Кавказа у Пушкина.

В поэме А.С. Пушкина «Кавказский пленник» на фоне Кавказской войны рассказывается история русского офицера, захваченного в плен кавказскими горцами, и его эмоциональной связи с местной девушкой. Через этот сюжет Пушкин глубоко исследует переплетение личной судьбы и межнационального конфликта, а также раскрывает сложные властные отношения в контексте имперской войны. В этом произведении, посредством описания природы Кавказа, демонстрации культурных столкновений и изображения судеб персонажей, поэт раскрывает напряжённые отношения между Российской империей и покорёнными народами, а также затрагивает гуманистические аспекты имперской экспансии. Прежде всего, Пушкин создаёт экзотизированный и романтизованный фон для межнационального конфликта через описание природы Кавказа. В «Кавказском пленнике» горный ландшафт, реки и скалы изображаются как дикое, неизведенное пространство, противопоставленное цивилизованному миру. Такая природа символизирует не только непокорённость кавказских народов, но и желание Российской империи завоевать этот край. Романтическая эстетизация Кавказа подчёркивает его инаковость в русской литературе, а также отражает процесс культурного отчуждения, в котором любопытство русских к кавказской культуре сопровождается стремлением её подчинить. Важным элементом произведения является фигура русского офицера – внешнего завоевателя, чья судьба отражает положение человека, оказавшегося между империей и покорённой культурой. Его плен символизирует трудности, с которыми сталкивается Российская империя в процессе покорения Кавказа. В образе героя воплощён внутренний конфликт солдата-колонизатора: он представляет военную мощь России, но в то же время испытывает страх, одиночество и беспомощность перед лицом народного сопротивления. Таким образом, Пушкин показывает, что в имперской войне русские солдаты не только завоеватели, но и жертвы политических амбиций.

Хотя кавказские народы в «Кавказском пленнике» изображены с элементами романтического идеализма, Пушкин подчёркивает их стойкость и сопротивление. Пленение русского офицера становится символом враждебного отношения горцев к захватчикам, их борьбы против экспансии Российской империи. Это противостояние выходит за рамки вооружённых столкновений, включая также культурное и религиозное противоборство: православная Россия противостоит исламским и местным традициям Кавказа. Через этот конфликт Пушкин демонстрирует глубокие противоречия между метрополией и покорёнными народами. Особое значение в произведении приобретает история отношений русского офицера и кавказской девушки. Эта сюжетная линия поднимает тему межкультурного взаимодействия, но также подчёркивает его асимметричность. Кавказская девушка воплощает собой чистоту и свободу горских народов. Её сострадание и помощь пленному русскому офицеру как будто намекают на возможность межнационального понимания, но их связь обречена. Итог этой истории показывает, что культурное слияние в условиях имперской экспансии невозможно, так как власть остаётся на стороне колонизатора, а народное сопротивление не может быть подавлено одними лишь индивидуальными симпатиями. В «Кавказском пленнике» Пушкин через судьбу персонажей раскрывает моральные дилеммы имперской экспансии. Плен русского офицера символизирует уязвимость империи на окраинах, а его личная трагедия подчёркивает беспомощность индивида перед лицом войны. С одной стороны, империя обладает военной и политической силой, но на культурном и моральном уровне её завоевания не приносят ей полного триумфа. В этом смысле Пушкин критикует имперскую экспансию как насилие над личностью и её достоинством, раскрывая глубокий конфликт власти и культуры в отношениях между империей и покорёнными народами [1].

II. Исторический нарратив Кавказа у Лермонтова.

Произведения М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и «Демон» не только отражают глубокие личные впечатления автора от Кавказа, но и раскрывают дух приключений и экспансии русских в контексте Кавказской войны, а также демонстрируют сопротивление кавказских народов. В этих произведениях Лермонтов использует литературный нарратив, чтобы передать восприятие Кавказа российским обществом той эпохи, а также с поэтической и философской глубиной осветить противоречия и конфликты, присущие истории этого региона [2]. В «Герое нашего времени» главный герой Печорин является типичным русским дворянином, вся жизнь которого наполнена поиском смысла существования и бесконечными приключениями.

ями. Кавказ, будучи пограничной территорией, играет важную роль в его путешествиях. Через образ Печорина Лермонтов показывает русскую жажду приключений на Кавказе, что является не только поиском личной судьбы, но и метафорой тогдашнего российского экспансиионизма. Печорин изображён как хладнокровный авантюрист: его жизнь кажется бесмысленной, но именно на Кавказе он находит пространство для освобождения своей энергии. В части «Журнала Печорина» Лермонтов подробно описывает жизнь русских офицеров и солдат на Кавказе, подчёркивая, что их миссия заключалась не только в защите имперских границ, но и в завоевании и контроле этого опасного и чуждого края. Через такие описания автор отражает стремление России к покорению Кавказа, а это стремление выражается через авантюрные поступки Печорина и других персонажей.

Конфликт Печорина с кавказскими горцами становится одним из ключевых сюжетных моментов. Этот конфликт отражает не только противостояние отдельных личностей, но и более глобальную вражду между Россией и народами Кавказа. Лермонтов показывает дух сопротивления горцев русским завоевателям: они проявляют мужество и стойкость перед лицом мощной российской армии, становясь символом борьбы против колониального гнёта. Через приключения Печорина автор демонстрирует завоевательную войну России на Кавказе и сопротивление местного населения. Детализированные сцены военной жизни русских солдат, их боевых действий, а также стойкость кавказцев раскрывают не только колониальные амбиции России, но и противоречия, сопровождавшие этот процесс. В отличие от «Героя нашего времени», в поэме «Демон» дух авантюризма проявляется не только в поступках персонажей, но и как приключение духовное. Демон, будучи сверхъестественным существом, символизирует разочарование в мирской жизни и стремление к её преодолению. Его равнодушие к человеческому существованию и страстное влечение к Тамаре отражают романтизированное представление русских о Кавказе. Странствия Демона по Кавказу и его попытки завоевать Тамару символизируют российское желание подчинить Кавказ, но также служат отражением внутреннего духовного кризиса.

Образы кавказцев в «Демоне» также имеют символическое значение. Тамара представляет чистоту и независимость Кавказа, её стойкость перед искущением Демона символизирует сопротивление народов Кавказа внешним захватчикам. Её отказ подчиниться Демону – это не только личное сопротивление, но и аллегория борьбы всего Кавказа против российской экспансии. Лермонтов углубляет историческое повествование, изображая отношения между Демоном и Тамарой. Демон выступает как русский завоеватель: его могущество символизирует военную силу России, а Тамара воплощает местную культуру и дух независимости Кавказа. Стремление Демона покорить Тамару можно рассматривать как отражение российской жажды подчинить Кавказ. Однако её сопротивление олицетворяет непреклонную борьбу горцев с завоевателями. Этот символизм выходит за рамки личного конфликта, превращаясь в метафору исторического противостояния.

Лермонтов в этих двух произведениях мастерски переплетает колониальную войну России на Кавказе с личными судьбами героев, показывая исторические конфликты на фоне уникального географического и культурного пространства региона. Его изображение Кавказа не только окрашено романтическими тонами, но и через историческое повествование раскрывает сложную политическую и культурную реальность этого края.

III. Исторический нарратив Кавказа у Толстого.

В повести «Хаджи-Мурат» Толстой через переживания главного героя Хаджи-Мурата изображает жестокость Кавказской войны и агрессивную природу российской империалистической политики. Хаджи-Мурат – герой Кавказа, но из-за конфликта с Шамилем он вынужден искать убежища у русских. Через внутреннюю борьбу этого персонажа Толстой раскрывает беспомощность и сопротивление Кавказского народа перед российским империализмом. «Хаджи-Мурат» не только изображает жестокость войны, но и через выборы индивидов и их судьбы показывает колониальное правление России в Кавказском регионе. Толстой детально и ярко описывает сцены войны, демонстрируя разрушительные последствия, моральную неразбериху и трагедию человеческой природы. Также, через взаимодействие Хаджи-Мурата с российскими чиновниками, Толстой метафорически показывает роль угнетения Кавказского народа в процессе империалистической экспансии. Под давлением военной силы России, народ Кавказа постепенно теряет свою автономию, и его сопротивление в конечном итоге подавляется силой империи. Рассказ Толстого раскрывает это угнетение и неравенство как столкновение не только народов и культур, но и символ власти и рабства.

Кроме того, стиль написания Толстого часто отражает более широкий исторический контекст через личные переживания. В повести «Хаджи-Мурат» судьба Хаджи-Мурата, как предателя и героя Кавказа, является не только трагедией индивидуальной судьбы, но и символом борьбы и угнетения всего Кавказского народа под давлением империи России. Через описание мужества и трагедии Хаджи-Мурата Толстой критикует экс-

пансионистскую политику империи и её жестокое обращение с местными народами. Личная борьба и смерть Хаджи-Мурата отражают историческую судьбу всего Кавказа, его сопротивление и подчинение [3].

В отличие от этого, в «Казаках» Толстой через взгляд русского молодого офицера Оленина изображает военный опыт в жизни казаков. Оленин, как символ расширения Российской империи, олицетворяет в российском обществе стремление к приключениям и завоеваниям. Через историю Оленина Толстой раскрывает колониальные амбиции России в Кавказском регионе, а также описывает отношение казаков к войне. Несмотря на то, что они наслаждаются честью и свободой, принесёнными борьбой, война оказывает глубокое влияние на их жизнь. В «Казаках» Толстой через взаимодействие казаков с русскими солдатами исследует проблему свободы и угнетения индивида в рамках имперской системы. Хотя казаки и являются «стражами рубежей» империи, их образ жизни также находится под влиянием и контролем России. Через рост и изменения Оленина Толстой показывает беспомощность и сопротивление личности, сталкивающейся с властной системой. Несмотря на то, что он завоевал уважение казаков на поле боя, он так и не смог стать частью казачьего общества, что символизирует невозможность примирения русских и Кавказа в культурном и властном плане. Опыт Оленина также имеет символическое значение. Как русский офицер, Оленин на земле казаков сталкивается с иной культурой и образом жизни. Его личные изменения отражают колониальный опыт России на Кавказе и внутренний конфликт личности при столкновении с чуждой культурой. Через его историю Толстой исследует роль индивида в историческом процессе, раскрывая сложность войны, завоевания и человеческих чувств.

В «Хаджи-Мурате» и «Казаках» Толстой через глубокое изображение личных переживаний успешно вплетает темы войны, рабства и имперской экспансии в конкретное повествование. Он использует судьбу индивида как средство для отражения более широкого исторического контекста, показывая глубокое воздействие имперского расширения на человеческую судьбу. В произведениях Толстого история — это не только великие события, но и совокупность личной жизни, выборов и внутреннего конфликта.

IV. Исторический нарратив Кавказа у Александра Полежаева.

Александр Полежаев — поэт XIX века, чье произведение «Скакун» является важной частью литературы о Кавказской войне, отражая историческую нарративную традицию и этнические конфликты Кавказа. В этом стихотворении Полежаев изображает контекст Кавказской войны, особенно противостояние российской армии с местными народами. Центральное событие произведения связано с конными скачками, которые являются не только проявлением местных традиций, но и символом борьбы между русскими и кавказцами. Полежаев через «Скакун» исследует отношения власти между империей и народами Кавказа, а также культурные различия. Символическое значение скачек заключается в том, что процесс соревнования отображает храбрость и гордость кавказцев, обладающих природной силой и мастерством на своей земле, в то время как русские олицетворяют силу внешнего завоевателя. Этот конкурс представляет собой не только спортивное соперничество, но и конфликт культур и политических символов, отражая стойкое сопротивление кавказцев российской агрессии.

В «Скакуне» Полежаев изображает кавказские пейзажи в романтическом ключе, рисуя горы, степи и реки как величественные и загадочные, усиливая уникальность и экзотичность региона. Через описание природы поэт подчеркивает тесную связь кавказцев с их землей, отражая силу народного духа. В то же время роль российской армии символизирует могущество внешнего правителя, однако это могущество кажется неустойчивым в лице кавказской упорности. Историческая нарративная традиция Полежаева в «Скакуне» подчеркивает сложность Кавказской войны. Он не изображает российскую имперскую экспансию как простую победу, а через такое противостояние показывает столкновение двух культур. Полежаев в своем произведении не только исследует жестокость империалистической войны, но и высоко оценивает дух сопротивления кавказских народов. Через исторический нарратив «Скакуна» он раскрывает особое положение Кавказа как российской границы, показывая глубокие противоречия и напряжение между империей и местной культурой.

Колониальная перспектива и построение национальной идентичности в кавказской литературе.

I. Русская литература в колониальной перспективе.

Изображение Кавказа и его народов в произведениях русских писателей глубоко отражает колониальный взгляд и русоцентричную картину мира. Колониальная перспектива в русской литературе демонстрирует не только политическую и военную агрессию России на Кавказе, но и культурное превосходство, укоренённое в элитарной культуре. Кроме того, во многих произведениях русской литературы Кавказ изображается как экзотизированное пространство «Другого». В поэме Пушкина «Кавказский пленник» регион становится романтизованным убежищем от реальности. Русские писатели часто наделяют Кавказ чертами таинственности, дикости и нецивилизованности, используя романтическую стилистику, что переклика-

ется с колониальными представлениями западных империй. Например, в романе Лермонтова «Герой нашего времени» приключения русских офицеров на Кавказе показывают их не только как агентов имперской экспансии, но и как проводников культурной колонизации.

Русские писатели, изображая Кавказ, часто акцентируют русоцентризм, подчёркивая «отсталость» и «инаковость» местных народов, тем самым противопоставляя их цивилизационному и культурному превосходству России. В повести Толстого «Казаки» главный герой Оленин, русский солдат, постепенно увлекается кавказской жизнью, но так и не становится частью местного общества. Это культурное отчуждение и чувство превосходства воплощают русоцентричную картину мира. В литературных произведениях кавказцы часто portrayed как «варвары», «непонятные» или даже «опасные» существа, тогда как русские предстают «носителями цивилизации». Такое мировоззрение проявляется в идее достижения культурного и политического единства через подчинение «Другого». Кавказ формально включён в имперское пространство, но культурно исключён из него. Эта исключительность формирует ключевую тему колониальной литературы – непреодолимую пропасть между «нами» (русскими) и «ими» (кавказцами).

II. Национальная идентичность и исторический нарратив.

В кавказской литературе формирование национальной идентичности – сложный и глубокий процесс, затрагивающий как самоидентификацию народов Кавказа через призму собственной истории, так и их борьбу за выживание под имперским гнётом. Многие литературные произведения, изображая быт, культуру и историю кавказских народов, раскрывают, как те переосмысливали и воссоздавали свою идентичность вопреки давлению внешних империй. Через тонкие нарративы кавказская литература демонстрирует, как национальная идентичность реконструировалась в условиях имперского доминирования. Если в русской литературе кавказцы зачастую изображались как «варвары» или «невежественные», то в кавказской литературе утверждение идентичности происходит через сопротивление этим негативным образам. Например, в текстах, созданных местными авторами, подчёркивается связь с землёй, традициями и героическим прошлым, что противостоит колониальным стереотипам о «диокости» [4]. Народ Кавказа не только был пассивным объектом колониального правления, но и через свою культуру и язык заново утвердил свою роль в истории. Например, в произведении Мусы Магомаева «Белая гора» борьба азербайджанского народа и стремление к свободе становятся основными темами. Литература, отражая обычаи, народные легенды и историческую память в повседневной жизни, показывает живое, с ярко выраженным национальным сознанием общество Кавказа. Даже под давлением колониального правления культура и история народов Кавказа сохраняли относительную независимость и жизнеспособность.

В кавказской литературе историческое повествование часто используется как инструмент для построения национальной идентичности. Через литературные произведения народы Кавказа могут записывать и пересказывать свою историю, а не полагаться только на официальное повествование империи. Писатели, противопоставляя себя имперской исторической трактовке, раскрывают единство и сопротивление народов Кавказа в условиях угнетения. Например, в многих произведениях конца XIX века писатели через описание героических битв и национальных героев подчеркивают храбрость и несгибаемый дух народов Кавказа. Более того, построение национальной идентичности включает не только ретроспективу истории, но и взгляд в будущее. Через литературу кавказские писатели стремятся представить будущее, свободное от колониального угнетения, в котором народы Кавказа смогут вновь обрести свою судьбу, создать независимую и мощную национальную идентичность.

III. Литература как инструмент борьбы.

Кавказская литература не только отражает имперское правление, но и является важным инструментом сопротивления и противостояния колониальному нарративу [5]. Через литературное творчество многие писатели Кавказа стремились разрушить единообразное повествование, навязанное российскими колонизаторами, и восстановить свою историческую и культурную идентичность. Особенно в конце XIX века кавказские писатели через литературу выразили стремление к свободе и независимости, заново сформировав национальное повествование. С конца XIX – начала XX века местные писатели Кавказа начали осознавать потенциал литературы как инструмента борьбы, они через свои произведения критиковали угнетение империей и призывали к национальному освобождению. Работы таких писателей, как Абубакар Магомед, Мирза Фатали Ахундов и другие, раскрывают борьбу и сопротивление кавказских народов против российской колониальной власти. Эти писатели, изображая местную историю, культуру и традиции, восстанавливали уничтоженную империей народную память и переопределяли идентичность кавказцев. Например, в произведениях Ахундова, сочетая сатиру и критику, через разоблачение российских чиновников и колониальной системы, показывается, как кавказские народы сохраняли свою независимость и культурные тради-

ции под властью империи. Такое литературное выражение было не только культурным сопротивлением, но и политическим заявлением, требующим уважения к независимости и автономии Кавказа.

Литература – это не только отражение реальности, но и способ переписывания истории и культуры. Местные писатели Кавказа через литературное творчество заново строили версию истории, противопоставленную имперскому повествованию России. В этих произведениях писатели через изображение национальных героев демонстрируют мужественную борьбу и дух независимости кавказских народов. Например, в произведении «Хаджи-Мурад» Толстой, находясь в российском имперском контексте, через описание Хаджи-Мурада выразил уважение к духу сопротивления кавказских народов. На этой основе местные писатели Кавказа развивали эту тему, рассматривая её как важное средство восстановления национальной уверенности. Эти произведения, оглядываясь на историю и размыкая о последствиях имперского правления, постепенно формировали коллективную память, что позволяло сохранить и передать культурную идентичность Кавказа. Миссия кавказской литературы заключалась не только в записи истории, но и в продвижении национального освобождения и культурного возрождения. Литература как форма выражения дискурса давала возможность кавказским народам заявить о себе под гнётом империи [6]. В конце 19 – начале 20 века кавказская литература постепенно выходит из тени российской колониальной перспективы, становясь важным инструментом построения национальной идентичности и культурного возрождения [7]. Критикуя колониальную перспективу в русской литературе, местные писатели через свои произведения заново строили историю и культурную идентичность кавказских народов, демонстрируя их борьбу и непокорный дух в условиях имперского господства. Литература как инструмент сопротивления не только отражала реальные трудности кавказских народов, но и указывала направление для их будущего.

История и литература переплетаются: память и забвение в литературе Кавказа.

I. Коллективная память в литературе.

Литература Кавказа сыграла важную роль в сохранении и передаче коллективной памяти. Писатели придают определённым историческим событиям и персонажам символическое значение, превращая их в часть национальной идентичности и культурного наследия. Например, такие исторические фигуры, как Хаджи-Мурат, в произведении Толстого становятся символами сопротивления Кавказа российскому правлению. Через это литературное творчество личная и коллективная память сливаются, придавая событиям новый исторический смысл. В литературе Кавказа некоторые символические исторические события повторяются, такие как Кавказская война, конфликты между местными племенами и российской армией, а также герои сопротивления. В произведении Толстого «Хаджи-Мурат» через изображение личного сопротивления и трагической судьбы Хаджи-Мурада его образ становится символом коллективного сопротивления. Такие произведения не только сохраняют историческую память, но и создают нацию, которая выходит за пределы времени, усиливая коллективную идентичность. Несмотря на то, что некоторые важные события широко распространяются в литературе, определённые исторические моменты часто намеренно или случайно забываются [8]. Писатели могут избирательно игнорировать события, которые не соответствуют основным историческим нарративам или национальной самоидентификации. Например, конфликты между различными племенами Кавказа или сотрудничество с внешними силами часто приукрашиваются или полностью игнорируются в кавказской литературе. Это литературное забвение может быть направлено на создание единого национального образа или продиктовано политической необходимостью, чтобы избежать раскрытия внутренних противоречий.

Сравнивая литературные произведения с историческими архивами, можно выявить те исторические истины, которые были проигнорированы литературным нарративом. Например, официальные российские исторические архивы часто детально фиксируют военные действия и политику в отношении Кавказа, тогда как в литературных произведениях эти детали часто упрощаются или романтизируются. В этом контексте разрыв между образом Кавказа, созданным в литературе, и реальной историей отражает сознательно выбранную историческую риторику авторов. С помощью таких сравнений исследователи могут извлечь из «пустых мест» литературы те забытые или скрытые исторические события.

II. Историческая риторика и реальность в литературе.

Историческая риторика в кавказской литературе не всегда соответствует реальным историческим событиям. За этой риторикой может стоять намеренная литературная стратегия автора или отражение его исторических ограничений. Историческая риторика в литературе, с помощью преувеличений, упрощений, романтизации и других приемов, превращает реальные исторические события в повествовательные рамки, служащие определенным культурным и политическим целям. В кавказских литературных произведениях писатели часто с помощью избирательной памяти и повествовательных рамок риторически переписывают историю. Например, в «Кавказском пленнике» Пушкина, через романтический рассказ, Кавказ изображает-

ся как мистическое, дикое и привлекательное место. Этот прием риторики размывает реальное сопротивление кавказских народов российскому владычеству, акцентируя внимание на завоевании и ассимиляции русскими чуждой культуры. Такая риторика часто романтизирует имперскую экспансию, преподнося захватнические действия как «цивилизационную миссию», ослабляя критическое осмысление реальных исторических событий [9].

Историческая риторика в кавказской литературе часто образует сложные взаимодействия с реальной историей. Авторы, создавая свои произведения, придают новым значениям определённым историческим событиям и личностям, связывая эти события с национальной памятью и культурной идентичностью. Однако этот процесс реконструкции также может привести к искажению истории. В литературных произведениях история перераспределяется и представляется как инструмент для обслуживания политических и культурных нужд. Анализируя историческую риторику в литературе, мы можем не только понять творческие намерения авторов, но и раскрыть, как они балансируют между реальностью и вымыслом, создавая уникальное восприятие истории.

Выводы

Взаимосвязь между литературой и историей является сложной и глубокой. Литературные произведения – это не только отражение истории, но и формирование и реконструкция исторической памяти. В кавказской литературе писатели через художественное творчество наделяют исторические события новым смыслом и интерпретацией, превращая их не только в летописные свидетельства, но и в часть культурной и национальной идентичности. Литературные произведения, используя детальное описание и персонализированный нарратив, предоставляют живое воспроизведение исторических событий. Изображая природу Кавказа, общественные структуры и исторические конфликты, литература помогает читателям глубже понять кавказское общество XIX века. Эти произведения, через конкретные персонажи и события, отражают политический, экономический и культурный контекст того времени, делая историю не абстрактным изложением, а оживлённой и конкретной. Литература не только фиксирует историю, но и участвует в её формировании и переосмысливании. Писатели, выбирая определённые исторические события и создавая нарратив вокруг них, влияют на становление исторической памяти. Например, романтизация Кавказской войны в литературе превратила борьбу народов Кавказа в героический исторический нарратив. Такая литературная интерпретация не только формирует общественное восприятие истории, но и оказывает влияние на процессы конструирования национальной идентичности и культурного самосознания. Эта взаимосвязь свидетельствует о том, что литература – это не просто дополнение к истории, но и активный участник исторического нарратива. Анализ литературных произведений позволяет глубже понять, как исторические события репрезентируются и интерпретируются, а также каким образом эти интерпретации влияют на культурное и общественное восприятие.

Список источников

1. Багратион-Мухранели И.Л. Концепт кавказского пленника в русской литературе XIX в. // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 178 – 180.
2. Лю Ядин. Литературное воспроизведение Кавказской войны XIX века – на примере путешествий и творчества М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого // Российские исследования. 2011. № 2. С. 30 – 32.
3. Лю Ядин. Автобиографическая серия образов Л.Н. Толстого // Линия социальных наук. 1988. № 2. С. 293 – 298.
4. Чжан Цзинь. Новый историзм и историческая поэтика. Издательство китайской социальной науки. 2004. С. 55 – 56.
5. Хейден Уайт. Постмодернистская история нарративов / пер. Чэн Юнго, Чжан Ваньцюань. Издательство Китайской академии социальных наук. 2003. С. 9.
6. Ганнушкин И.В. Кавказский текст русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 104 – 107.
7. Ларионова А.Е. Кавказ как мифопорождающее пространство русской литературы // Филология и культура. 2011. № 2. С. 137 – 138.
8. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ как утопия русской классической литературы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 9. С. 183.
9. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ в русской классической литературе // Россия – Запад – Восток. 2013. № 1. С. 68 – 70.

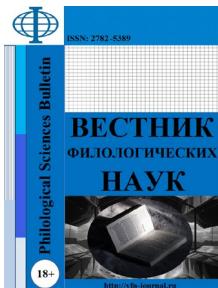
References

1. Bagration-Mukhraneli I.L. The Concept of the Caucasian Prisoner in Russian Literature of the 19th Century. New Past. 2019. No. 3. P. 178 – 180.
2. Liu Yading. Literary Reproduction of the Caucasian War of the 19th Century – Based on the Travels and Works of M.Yu. Lermontov and L.N. Tolstoy. Russian Studies. 2011. No. 2. P. 30 – 32.
3. Liu Yading. Autobiographical Series of Images by L.N. Tolstoy. Line of Social Sciences. 1988. No. 2. P. 293 – 298.
4. Zhang Jin. New Historicism and Historical Poetics. Chinese Social Science Publishing House. 2004. P. 55 – 56.
5. Hayden White. Postmodernist history of narratives. Trans. Chen Yongguo, Zhang Wanquan. Publishing House of the Chinese Academy of Social Sciences. 2003. 9 p.
6. Gannushkin I.V. Caucasian text of Russian literature: Boundaries of description and paradoxes of perception. Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social and humanitarian sciences. 2017. No. 1. P. 104 – 107.
7. Larionova A.E. Caucasus as a myth-generating space of Russian literature. Philology and culture. 2011. No. 2. P. 137 – 138.
8. Bagration-Mukhraneli I.L. Caucasus as a utopia of Russian classical literature. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2014. No. 9. 183 p.
9. Bagration-Mukhraneli I.L. The Caucasus in Russian Classical Literature. Russia – West – East. 2013. No. 1. P. 68 – 70.

Информация об авторах

У Цзыпэн, университет Цинхуа, Китай, wzp18255278971@163.com

© У Цзыпэн, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.15:81'42

¹ Чебыкина Е.С.

¹ Агентство Креативных Индустрий

Эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике The Washington Post: анализ изменения коннотативных значений

Аннотация: в статье исследуется эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике The Washington Post за период с 2000 по 2024 год. На материале 300 статей-мнений проведен комплексный анализ изменения коннотативных значений метафор с применением методов когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа. Выявлены и систематизированы основные метафорические модели ("Россия как империя", "Россия как агрессор", "Россия как нецивилизованная страна", "Россия как шахматный игрок"), прослежена их динамика на четырех исторических этапах (2000-2008, 2009-2012, 2013-2021, с 2022). Установлено постепенное увеличение доли негативно-оценочных метафорических моделей с 30% в начале периода до 80% к 2024 году. Доказана устойчивая корреляция между частотностью алармистских метафор и обострением российско-американских отношений, особенно в контексте международных кризисов (грузино-российский конфликт 2008 года, события на Украине 2014 года, начало специальной военной операции в 2022 году). Продемонстрирована роль метафорической репрезентации как активного механизма конструирования международно-политических реалий и существенного фактора, влияющего на восприятие России американским политическим классом и обществом в целом. Исследование вносит вклад в понимание механизмов медиавоздействия и манипуляции общественным сознанием через метафорическое моделирование образа другой страны, а также открывает перспективы для дальнейшего изучения роли языковых средств в международной коммуникации.

Ключевые слова: метафорическая модель, медиадискурс, The Washington Post, образ России, коннотативное значение

Для цитирования: Чебыкина Е.С. Эволюция метафорических моделей репрезентации России в колумнистике The Washington Post: анализ изменения коннотативных значений // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 62 – 74.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Chebykina E.S.

¹ Agency of Creative Industries

The evolution of metaphorical models of Russia's representation in The Washington Post Columnist: an analysis of changes in connotative meanings

Abstract: the article examines the evolution of metaphorical models of Russia's representation in The Washington Post columnist for the period from 2000 to 2024. Based on the material of 300 opinion articles, a comprehensive analysis of changes in the connotative meanings of metaphors using the methods of cognitive linguistics and critical discourse analysis was carried out. The main metaphorical models ("Russia as an empire", "Russia as an aggressor", "Russia as an uncivilized country", "Russia as a chess player") are identified and systematized, their dynamics are traced at four historical stages (2000-2008, 2009-2012, 2013-2021, since 2022). A gradual increase

in the share of negatively evaluative metaphorical models has been established from 30% at the beginning of the period to 80% by 2024. A stable correlation has been proven between the frequency of alarmist metaphors and the aggravation of Russian-American relations, especially in the context of international crises (the Georgian-Russian conflict in 2008, the events in Ukraine in 2014, the beginning of a special military operation in 2022). The role of metaphorical representation as an active mechanism for constructing international political realities and an essential factor influencing the perception of Russia by the American political class and society as a whole is demonstrated. The research contributes to understanding the mechanisms of media interaction and manipulation of public consciousness through metaphorical modeling of the image of another country, and also opens up prospects for further study of the role of linguistic means in international communication.

Keywords: metaphorical model, media discourse, *The Washington Post*, image of Russia, connotative meaning

For citation: Chebykina E.S. The evolution of metaphorical models of Russia's representation in *The Washington Post* Columnist: an analysis of changes in connotative meanings. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 62 – 74.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Образ страны в международном дискурсе различного формата, охватывающего экономические, социальные, политические и иные сферы, представляет собой определенный конструкт или даже нарратив – этот концепт укоренился в трудах многих исследователей (Х. Бхабха, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), которые рассматривали национальную идентичность и образ нации как социально сконструированные феномены [1]. Подобный образ может быть рассмотрен как с диахронических позиций, учитывающих его эволюцию во времени, так и с позиций структурализма, предполагающих системный анализ на синхроническом срезе. Даные подходы были очерчены в трудах таких выдающихся исследователей, как Фердинанд де Соссюр, Ролан Барт, Клод Леви-Стросс и др., заложивших основы структурной лингвистики и семиотики [4, 8].

Нередко фундаментом для конструирования образа страны служит иной образ, сформированный посредством метафорического инструментария лингвистического характера. Метафора, укорененная в самой природе человеческого мышления и языка, как подчеркивают исследователи, их «универсалия» [6, с. 166], обладает значительным потенциалом воздействия на сознание реципиента. Она не только передает информацию, но и формирует определенное отношение к ней, задает эмоциональный тон восприятия, апеллирует к воображению и ассоциативной памяти аудитории, содержит и транслирует оценочный компонент [2].

Метафора выступает одним из наиболее широко применяемых средств создания национального имиджа, поскольку она позволяет не только выразить сложные идеи и концепты в доступной форме, но и придать им желаемую эмоциональную окраску, апеллируя к воображению и ассоциативному мышлению реципиента. При этом сами метафорические модели подвергаются трансформациям не только в плане последовательной смены друг друга, но и в аспекте внутреннего качественного наполнения: один и тот же метафорический образ, даже при характерной для него универсальности, в зависимости от контекста употребления, в соответствии с «духом времени» [9, с. 213], способен приобретать различные коннотативные значения. В политической сфере метафора зачастую играет роль инструмента пропаганды, как позитивной, так и негативной направленности [3]. Однако, независимо от оценочного компонента, метафорические модели репрезентации дают возможность судить о коммуникативном аспекте взаимодействия между странами и народами. Принимая во внимание исторически сложные взаимоотношения США и России, прошедшие длительный путь противоречивого, часто контрастного развития (установление первых дипломатических контактов в 1776-1809 годах, когда Екатерина II отказалась поддержать Великобританию против американских колоний; период Российско-американской компании и освоения Аляски (1799-1867); союзничество в Первой мировой войне (1914-1917), сменившееся непризнанием СССР до 1933 года; сотрудничество во Второй мировой войне (1941-1945); противостояние в холодной войне (1946-1991); период партнерства и реформ в 1990-х годах), можно констатировать, что к современному этапу их медиакоммуникация подошла уже с определенными устоявшимися схемами репрезентации. Тем не менее, даже эти схемы претерпевают определенную эволюцию в период с 2000-х по 2020-е годы, исследование которой и является целью данной статьи.

Актуальность подобного анализа обусловлена тем, что метафорические модели, транслируемые влиятельными медиа (в случае нашего исследования – *The Washington Post*), не только отражают доминирующие в обществе представления и установки, но и сами активно участвуют в формировании общественного

мнения, задавая векторы интерпретации событий и явлений. Всестороннее изучение эволюции метафорических образов позволит глубже понять динамику восприятия России в американском медиадискурсе, выявить тенденции и сдвиги в репрезентации, а также спрогнозировать возможные траектории развития двусторонних отношений с учетом воздействия языковых средств на когнитивные процессы и поведенческие паттерны реципиентов. Таким образом, предлагаемое исследование, опираясь на комплексную методологию, объединяющую диахронический и структурный подходы, лингвистическую метафорологию и дискурс-анализ, ставит целью определить роль метафоры как инструмента конструирования национального имиджа и фактора, влияющего на динамику международных отношений в контексте американо-российского взаимодействия.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу настоящего исследования составили статьи-мнения (*opinion columns*), опубликованные в авторитетном американском издании *The Washington Post* в период с начала 2000-х годов по 2024 год. Выбор данного медиа в качестве основного источника материала обусловлен несколькими факторами. Во-первых, *The Washington Post*, основанная еще в 1877 году, является одной из старейших и наиболее влиятельных газет США, во многом определяющей информационную повестку дня и формирующей общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Во-вторых, это издание традиционно уделяет большое внимание освещению международных событий, в том числе российско-американских отношений, привлекая к сотрудничеству ведущих экспертов, политических обозревателей, дипломатов. Фокус исследования на разделе «*Opinion Columns*» продиктован как историческим контекстом развития медиа журналистики в англоязычной прессе (жанр “*opinion*” здесь возник 50 лет назад и получил достаточное распространение [7]) спецификой данного жанра, который предоставляет авторам значительную свободу в выражении собственной позиции, интерпретации фактов и событий, использовании выразительных средств языка, включая метафору. В отличие от новостных заметок, ориентированных прежде всего на беспристрастное изложение информации, колумнистика допускает субъективность, эмоциональность, образность, что делает ее ценным источником для изучения процессов метафорического моделирования действительности.

Временные рамки исследования охватывают первую четверть XXI века – период, ознаменованный кардинальными сдвигами в системе международных отношений, трансформацией внешнеполитических доктрин и приоритетов как России, так и США, чередой кризисов и конфликтов, оказавших существенное влияние на двусторонние связи. Анализ эволюции метафорических моделей на этом турбулентном историческом фоне позволяет проследить корреляцию между реальными событиями и их отражением в медиадискурсе, выявить устойчивые паттерны и динамику репрезентации России в американском общественном сознании.

Для формирования репрезентативной выборки материала был применен целенаправленный тематический отбор, по ключевым словам, "Россия", "российский", "Кремль", "Путин" с использованием встроенной поисковой системы сайта издания и базы данных LexisNexis. Из общего массива текстов были отобраны 300 статей, в наибольшей степени соответствующих исследовательским задачам. Критериями отбора выступали, во-первых, наличие развернутых метафорических контекстов, относящихся к теме исследования; во-вторых, принадлежность этих контекстов перу колумнистов и обозревателей – как более влиятельных и известных (Дэвид Игнатиус, Фарид Закария, Энн Эпплбаум, Джордж Уилл), так и менее; в-третьих, распределение отобранных текстов по периодам, позволяющее составить динамическую картину эволюции метафорических моделей.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения когнитивной теории метафоры, согласно которой метафора рассматривается не просто как риторический прием, но как базовый механизм мышления, способ концептуализации и категоризации действительности. В рамках этого подхода метафорические выражения, функционирующие в дискурсе, предстают как поверхностные манифестиации глубинных когнитивных структур – метафорических моделей, представляющих собой устойчивые соответствия между областью-источником и областью-мишенью.

Процедура анализа эмпирического материала включала несколько этапов.

На первом этапе осуществлялась сплошная выборка метафорических контекстов, репрезентирующих Россию в статьях *The Washington Post*. При этом использовался широкий подход к трактовке метафоры, учитывающий не только собственно метафорические слова и выражения, но и другие проявления непрямой образной номинации – метонимию, сравнение, аллюзию, символ и т.д.

На втором этапе производилось обобщение и систематизация обнаруженных метафорических выражений, их группировка в рамках метафорических моделей на основе общности сферы-источника и ее отображения на сферу-мишень. Особое внимание уделялось не только номинативному аспекту метафоры (какие образы используются для репрезентации России), но и ее pragматическому потенциалу, коммуникативным

эффектам, роли в реализации стратегий убеждения и манипуляции. Для этого применялись элементы критического дискурс-анализа, предполагающего рассмотрение языковых феноменов в широком социально-политическом и идеологическом контексте, с учетом отношений власти и доминирования, находящих выражение в дискурсивных практиках.

На третьем этапе прослеживалась динамика развития выявленных метафорических моделей на протяжении исследуемого периода, изменения в их частотности, продуктивности, эмоциональной окраске и оценочном потенциале. Это позволило составить целостное представление об эволюции метафорического образа России в американском медиадискурсе, выявить сдвиги и тенденции, обусловленные сменой политической конъюнктуры, трансформацией внешнеполитических приоритетов, влиянием резонансных событий и кризисов и др.

Наконец, на заключительном этапе осуществлялась концептуальная интерпретация полученных данных в свете положений теории концептуальной метафоры, дискурсивного анализа, имагологии, геополитики. Результаты исследования соотносились с более широкой проблематикой формирования национальных образов и стереотипов, их роли в межкультурной коммуникации и международных отношениях, механизмов медиавоздействия и манипуляции общественным сознанием.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ колумнистики The Washington Post за период с 2000 по 2024 год позволил выявить богатый спектр метафорических моделей, используемых для репрезентации России в американском медиадискурсе. Данные модели, отражающие устойчивые паттерны метафорической концептуализации российской действительности, демонстрируют значительное разнообразие как в плане сфер-источников метафорической экспансии, так и в аспекте эмоционально-оценочных коннотаций и pragматических эффектов.

Систематизация метафорических словоупотреблений по сферам-источникам позволила выделить несколько базовых моделей, пронизывающих дискурс The Washington Post на протяжении всего рассматриваемого периода. Наиболее частотной и продуктивной среди них является модель "Россия как империя". В рамках этой модели современная Россия метафорически уподобляется могущественной и агрессивной империи, стремящейся к восстановлению своего былого величия и доминированию на постсоветском пространстве и в глобальном масштабе. Данная модель находит выражение в многочисленных метафорических номинациях, актуализирующих концептуальные признаки «имперской» – военная мощь, экспансия, авторитаризм, контроль над обширными территориями: «The Russian bear is getting bolder» («Русский медведь становится все смелее»), «the Kremlin's imperial ambitions» («имперские амбиции Кремля»), «Putin's neo-Soviet nostalgia» («неосоветская ностальгия Путина»), «Moscow's iron grip on its neighbors» («железная хватка Москвы на своих соседях»).

Показательно, что если в начале 2000-х годов метафора империи использовалась преимущественно для ретроспективной характеристики СССР и советской внешней политики, то в дальнейшем она все чаще проецируется на современные реалии, превращаясь в доминантную призму, сквозь которую американские обозреватели воспринимают и интерпретируют действия России на международной арене. Особенно явственно эта тенденция проявляется в контексте военных конфликтов и geopolитических кризисов с участием РФ – будь то война с Грузией в 2008 г., украинские события 2014 и 2022 гг. или операция в Сирии, когда в текстах ведущих колумнистов издания начинают усиливаться метафоры неоимперского реваншизма и милитаризма: 22 сентября 2008 – «...to Moscow's violent attempts to roll back democracy, reassert its empire and control European energy resources» («...насильственные попытки Москвы подорвать демократию, восстановить свою империю и контролировать европейские энергетические ресурсы») (примечательно, что здесь издание транслирует мнение грузинского политического деятеля М. Саакашвили) [20], 5 сентября 2024 г. – «This is Ukraine's industrial heartland and a key wing of the mythic project of Novorossiya, a Russian imperialist vision for its domains by the Black Sea that dates back to the 18th century» («Это промышленно развитый регион Украины и ключевое звено мифического проекта Новороссии – российского империалистического видения своих владений на Чёрном море, которое зародилось в XVIII веке») [23].

Наиболее ярким примером реализации метафорической модели «Россия как империя» может служить цитата из материала The Washington Post за 2024 год: And in Putin's view, the most precious jewel unfairly ripped from the imperial crown is Ukraine («И, по мнению Путина, самая драгоценная жемчужина, несправедливо вырванная из имперской короны, – это Украина») [14]. В данном фрагменте метафорическая насыщенность достигается через сочетание нескольких стилистических средств: развернутой метафоры короны как символа имперской власти, образа драгоценного камня (precious jewel) как метафоры территориальной ценности, а также экспрессивного глагола ripped (вырванная), усиливающего драматизм и эмоциональную окраску высказывания. Примечательно, что подобная концентрация образных средств демон-

стрирует, как современная политическая колумнистика выходит за рамки традиционной журналистики, приближаясь к художественной прозе, где эмоциональное воздействие на читателя достигается через насыщенный литературный язык. Такая стилистическая гибридизация не только подчеркивает имперские амбиции России, но и создает яркую, эмоционально окрашенную картину насильтственного распада некогда единой империи и ее текущее стремление к соединению путем насилия над другими странами.

Характерно, что метафорическая проекция имперских амбиций России распространяется в текстах The Washington Post не только на постсоветское пространство, но и на отдаленные регионы, традиционно находившиеся вне сферы российских интересов. Так, вмешательство РФ в сирийский конфликт на стороне правительства Б. Асада трактуется не иначе как проявление неоимперской стратегии Кремля, нацеленной на возвращение статуса сверхдержавы и расширение геополитического влияния в ключевых точках земного шара, исполнение империалистической, по словам колумниста Д. Игнатиуса, «многовековой мечты»: 8 мая 2020 г. – «Russia is likely to emerge with several important military bases in the Mediterranean, achieving a centuries-old dream» («Россия, скорее всего, получит несколько важных военных баз в Средиземноморье, осуществив многовековую мечту») [12], «The tactics Russia deploys are wide-ranging, including using military force to defeat the Western-backed opposition in Syria and waging a sophisticated propaganda war on multiple fronts. Russia even seems willing to risk armed conflict with the United States» («Тактика, которую использует Россия, разнообразна и включает в себя применение военной силы для разгрома поддерживаемой Западом оппозиции в Сирии и ведение изощренной пропагандистской войны на нескольких фронтах. Россия, похоже, даже готова рискнуть вступить в вооружённый конфликт с Соединёнными Штатами») [21]. Неслучайно в последние годы все чаще звучат алармистские прогнозы о неизбежности глобальной конфронтации между «неоимперской» Россией и «свободным миром» во главе с США – конфронтации, чреватой новым витком гонки вооружений и скатыванием к логике холодной войны. По словам Э. Эпплбаум, «In Russia, revanchism has returned» («В Россию вернулся реваншизм»). В этом контексте сама метафора империи все больше приобретает характер не аналитического инструмента, а идеологического клише, призванного легитимировать любые, самые жесткие меры противодействия «российской угрозе».

Метафорическая милитаризация образа России тесно переплетается с другой продуктивной моделью – «Россия как агрессор». В системе координат The Washington Post Россия предстает как источник многочисленных угроз и вызовов международной безопасности – от прямой военной интервенции до кибератак, вмешательства в выборы, подрыва демократических институтов. Россия метафорически изображается как «a rogue state» («государство-изгой»), «a revisionist power» («ревизионистская держава»), «a predator on the prowl» («хищник в поисках добычи»), чья агрессивная политика несет миру хаос и разрушение. «Русские тоже очень заинтересованы в наших выборах, – подчеркивает колумнист Э. Эпплбаум, – ... Им почти ничего не стоит попытаться посеять страх и истерию в Соединенных Штатах» («The Russians also have a major interest in our election... <...> It costs them almost nothing to try to create fear and hysteria in the United States») – здесь не менее примечательно, что от локального вмешательства (в президентские выборы) автор в нескольких предложениях переходит к национальному (в менталитет США в целом).

Соответствующие метафорические контексты изобилуют милитарной лексикой и образами насилия, создающими атмосферу страха и алармизма: «the specter of Russian aggression looms over Europe» («призрак российской агрессии нависает над Европой»), «the Kremlin's belligerent behavior» («воинственное поведение Кремля»), «Moscow's war on the West» («война Москвы против Запада»), «Putin's military adventurism» («военный авантюризм Путина»). Интересен здесь и соотносимый с Россией образ «призрака» («specter», «ghost»), который, с одной стороны, воплощает тревожащее присутствие чего-то неосознанного и пугающего, а с другой – указывает на непредсказуемость и неопределенность будущих действий. Если в 1990-е годы эта метафора преимущественно использовалась для описания эфемерности и нежизнеспособности советского наследия, своеобразного «призрака коммунизма», бродящего по руинам СССР, то с середины 2000-х годов она приобретает новую коннотацию – зловещего, но вполне реального присутствия с постепенным усилением и переходом от образа с пассивными характеристиками до активных, подчеркивая, как устраивающий характер этого присутствия, так и сложность противодействия ему:

- 1) «Stalin's Ghost Still Haunts the World» («Призрак Сталина до сих пор бродит по миру») [10].
- 2) «Clinton's decision resurrects the "ghost of Yalta." That conjures up the West's World War II pact with the Soviet Union that Havel said "allowed Stalin to swallow up half of our continent and bring history there to a halt» («...Решение Клинтон воскрешает «призрак Ялты». Это напоминает о пакте Запада с Советским Союзом во время Второй мировой войны, который, по словам Гавела, «позволил Сталину поглотить половину нашего континента и остановить там ход истории»).

3) «That threat, the specter of further Russian aggression, is prompting sharp defense spending increases and a rethink of the continent's reliance on the United States and other far-flung arms suppliers» («Эта угроза, призрак дальнейшей российской агрессии, побуждает к резкому увеличению расходов на оборону и переосмыслению зависимости континента от Соединённых Штатов и других отдалённых поставщиков оружия») [17].

Характерной чертой этой модели является ее ярко выраженная негативная эмоционально-оценочная заряженность, превращающая метафору в инструмент не столько рационального анализа, сколько идеологической борьбы и манипулятивного воздействия. Демонизированный образ России как вероломного и безжалостного агрессора последовательно внедряется в массовое сознание, формируя ощущение экзистенциальной угрозы. Метафоры такого рода апеллируя напрямую к эмоциям страха и ненависти. Они подталкивают к восприятию мира в чёрно-белых тонах, по принципу «кто не с нами, тот против нас», исключая саму возможность диалога и компромисса с «империей зла».

Особую роль в формировании этого враждебного образа России сыграла метафорическая презентация украинского кризиса 2014 г. и последующих событий на Донбассе и на территории Украины в целом в 2022-2023 гг. «Гибридная война» РФ против Украины предстает на страницах The Washington Post как архетипический акт агрессии тоталитарного режима против молодой демократии, причем сама лексема «агрессия» употребляется не в международно-правовом, а именно в метафорически-эмоциональном ключе. Присоединение Крыма квалифицируется не иначе как «annexation» («аннексия»), «Anschluss» («аншлюс»), «landgrab» («захват земли»), а поддержка непризнанных республик Донбасса – как «invasion» («вторжение»), «incursion» («нарушение границы»), «aggression against a sovereign state» («агрессия против суверенного государства»).

Знаковыми в этом плане стали статьи ведущих комментаторов издания, где действия России в Крыму и на Донбассе в 2014 г. косвенно (путем риторических вопросов): «Is Vladimir Putin acting like Hitler?» («Неужели Владимир Путин ведет себя как Гитлер?»), – или посредством приема аналогии уподоблялись гитлеровской экспансии 1930-х годов (здесь подразумевается аналогичное сравнение вторжения в Крым – с захватом Чехословакии): «Having attained power in their respective societies, Hitler and Putin both set their sights on economic and military renewal and on reversing their respective nations' unjust humiliation, by force if necessary. The latter co-opted some former Soviet republics and militarily occupied others, just as Hitler marched the Wehrmacht into the Rhineland in 1936, took Czechoslovakia in 1938 – and, well, you get the idea» («Придя к власти в своих странах, Гитлер и Путин оба поставили перед собой цель экономического и военного возрождения и восстановления справедливости в отношении своих народов, при необходимости – с помощью силы. Последние присоединили к себе некоторые бывшие советские республики и оккупировали другие точно так же, как Гитлер ввёл вермахт в Рейнскую область в 1936 году, захватил Чехословакию в 1938 году – ну, вы поняли») [11].

Аналогичные формулировки, но уже значительно большие по частотности упоминания, используются и в контексте событий российско-украинского кризиса 2022-2023 гг.:

1) «Vladimir Putin's planned blitzkrieg» on Ukraine («запланированный Владимиром Путиным блицкриг на Украине»).

2) «Putin, whose lamented Soviet Union was then Hitler's ally, knows Hitler's tactics» («Путин, чьё государство, Советский Союз, было тогда союзником Гитлера, знает гитлеровскую тактику») [16].

3) «While claiming to be fighting “neo-Nazis,” Putin is creating his own fascist cult whose symbol is the letter Z» («Заявляя, что он борется с «неонацистами», Путин создаёт свой собственный фашистский культ, символом которого является буква Z») [19].

Во всех случаях проводятся прозрачные исторические параллели, призванные активировать в сознании читателя устойчивый комплекс негативных ассоциаций, связанных с идеей нацистской угрозы и необходимости ей противостоять. Тем самым Россия не просто лишается какой-либо исторической и моральной правоты в украинском конфликте – она символически исключается из категории «нормальных» государств и помещается в одну семантическую плоскость с режимами XX века. Ее действия по защите собственных интересов *a priori* рассматриваются как проявления агрессии и экспансионизма, требующие немедленного и решительного отпора.

Закрепление метафоры «российской агрессии» в медийном и политическом дискурсе США, как было выявлено, носит системный характер. Ухудшение отношений России и Запада в последнее десятилетие имеет под собой комплекс объективных причин геополитического, экономического, идеологического характера. Вместе с тем, роль дискурсивно-метафорических механизмов в конструировании международной напряженности не стоит недооценивать. Как показало наше исследование, доминирование конфронтационных моделей метафорической презентации России в медийном пространстве США способствовало легитимации и нормализации логики новой холодной войны задолго до того, как эта логика обрела практическое воплощение в санкциях, военных приготовлениях, разрыве каналов коммуникации.

Другим важным аспектом метафорического образа России в СМИ США является модель «варварской, нецивилизованной страны». Эта модель, уходящая корнями в давнюю традицию ориенталистского дискурса, противопоставляет «просвещенный» Запад и «отсталую» Россию, представляющую как чуждую нормальным ценностям демократии, прав человека, свободного рынка. В текстах ведущих обозревателей The Washington Post постсоветская Россия предстает как «a nation imprisoned by its past» («нация, плененная своим прошлым»), «a country ruled by autocracy and KGB-style thuggery» («страна, управляемая авторитарией и бандитизмом в стиле КГБ»), «a dying civilization, mired in petro-nationalism and great-power illusions» («умирающая цивилизация, погрязшая в нефтяном национализме и великодержавных иллюзиях»). Характерным примером построения такой метафорической репрезентации является мнение Р. Коэна, где Россия предстает не только как варвар, но и как изгой с «темным прошлым»: «Russia, it seems, may be turning its back on Europe – but not, ominously, on some of its ugly 20th-century history» («Россия, похоже, может отвернуться от Европы, но, как ни странно, не от своей мрачной истории XX века») [22]. При этом акцентируются такие негативные характеристики российского общества, как коррупция, правовой нигилизм, ксенофобия, имперские амбиции, фундаментальная неспособность к демократическому развитию. «Regime led by a KGB officer who spares no effort to whitewash and glorify the Soviet past» («Режим, возглавляемый офицером КГБ, который не жалеет сил, чтобы обелить и прославить советское прошлое») – так характеризуется «путинская Россия» на современном этапе. Этим Россия символически удаляется из категории «нормальных» государств, принадлежащих к «цивилизованному миру», и метафорически соотносится с местом-«тюрьмой народов»: «Czarist Russia, which Lenin called "the prison of the peoples," is reemerging and has in Vladimir Putin an ambitious warden» («Царская Россия, которую Ленин называл «тюрьмой народов», возрождается, и у неё есть амбициозный надзиратель в лице Владимира Путина») [16].

Показательна в этом плане эволюция метафорического образа В.В. Путина на страницах The Washington Post. Если в начале своего правления российский лидер нередко изображался как прагматичный и рациональный политик, способный вывести страну из хаоса 1990-х годов («sober, reliable partner» – «трезвый, надежный партнер», «man who can fix Russia» – «человек, который может починить Россию»), то со временем этот образ приобретает все более негативно-экспрессивные черты («the new Stalin» – «новый Сталин», «a KGB thug in a business suit» – «бандит из КГБ в деловом костюме», «a cold-blooded killer» – «хладнокровный убийца»). Метафора «Путин как воплощение авторитаризма» становится доминирующей призмой, формирующй не только негативное восприятие российского лидера, но и всей возглавляемой им политической системы. В одной из редакционных статей The Washington Post нами было выявлено метафорическое сравнение современной России с «путинократией» (Putinocracy) – политический неологизм, обозначающий своего рода гибрид авторитаризма, клептократии и милитаризма, якобы несовместимый с ценностями демократического мира. В риторике издания особенно показательна эта тенденция к экстраполяции образа Путина на всю российскую политическую систему и общество в целом. Характерным примером служит высказывание о предстоящих на тот момент выборах в 2024 г. в России: «Barbarism is on the ballot this year» («В этом году в бюллетенях для голосования есть пункт о варварстве»), где через метафору «варварства» не просто критикуется конкретный политический лидер, но стигматизируется весь электоральный процесс и, шире, политическая культура России. Примечательно, что такая генерализация создает исаженную картину российской действительности, где поддержка действующего президента (например, она составила 87,3% по итогам 2024 года) интерпретируется не как проявление сложных внутриполитических процессов, а как свидетельство общего «варварского» состояния политической системы [15].

Характерно, что метафорическая модель «Россия как нецивилизованная страна» обнаруживает высокую степень устойчивости на протяжении всего рассматриваемого периода, будучи в меньшей степени подверженена влиянию ситуативных факторов. Ни «перезагрузка» отношений при администрации Б. Обамы, ни успешное проведение в России Олимпиады, чемпионата мира по футболу и других имиджевых мероприятий, ни отдельные прорывные достижения РФ в сфере экономики, науки, культуры, практически не утвердили ни одной метафорической модели с позитивной коннотацией.

Наиболее отчетливо ориенталистский характер модели проявился в контексте украинского кризиса 2014 года, последовавшей за ним конфронтации России с США и ЕС и особенно в контексте начала России специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022-2023 гг. Жесткая реакция Запада на присоединение Крыма и действия РФ в Донбассе и на территории Украины в целом, беспрецедентное санкционное давление со стороны западных стран в текстах ведущих обозревателей The Washington Post преподносится не просто как закономерный ответ на нарушение Москвой международного права, но как проявление естественной реакции «цивилизованного мира» на агрессию со стороны «варварской» России. Характерны в этом плане метафорические номинации типа «Russia's savage disregard for human rights» («дикое пренебрежение России к

правам человека»), «Russian barbarism in Ukraine» («российское варварство в Украине») и т.п. Метафорическая модель «Россия как нецивилизованная страна» во многом здесь соотносится с фигурой Путина как с тем, кто инициировал и продолжает «военное варварство» («military barbarism») [15].

Тем самым конфликт России с Западом из плоскости борьбы конкретных интересов переводится в цивилизационное измерение, становится новым раундом противостояния «либерального порядка» и «авторитарных сил». Сама Россия воспринимается уже не в качестве рационального игрока, преследующего собственные цели, пусть и противоречащие интересам США, а как олицетворение Хаоса и Варварства, несущее угрозу всей системе западных либерально-демократических ценностей. Подобная метафорическая презентация де-факто легитимирует любые, даже самые жесткие меры, направленные на изоляцию и «сдерживание» России. Санкции, военное давление, информационные атаки – все это подается как естественная защитная реакция цивилизации на вызов со стороны архаичных, деструктивных сил.

Вместе с тем, наряду с однозначно негативными моделями репрезентации, в дискурсе The Washington Post присутствуют и другие, более амбивалентные и неоднозначные образы России. Одним из них является метафора «шахматного игрока», отображающая Россию как искушенного, умного и дальновидного геополитического актора. В рамках этой модели Путин предстает как «a chess master» («мастер шахмат»), «a strategic genius» («стратегический гений»), «a tactician, able to outmaneuver his opponents» («тактик, способный переиграть своих оппонентов»).

Соответствующие метафорические контексты акцентируют такие качества российского лидера и руководства страны, как хладнокровие, расчетливость, умение выстраивать многоходовые комбинации и проанализировать ситуацию на несколько шагов вперед. Весьма показательны в этом плане метафоры, использующиеся для описания российской политики в Сирии («Moscow's bold gambit» – «смелый гамбит Москвы», «Putin's endgame» – «эндшпиль Путина»), российского вмешательства в американские выборы 2016 г. («the Kremlin's opening move» – «дебютный ход Кремля»), российской политики 2014-2021 гг. на территории Донбасса («Ukraine gambit» – «украинский гамбит»). Приведем некоторые из последних, участившихся в период 2022-2024 гг., ярких примеров: «Putin as chess master: Strong opening but weak endgame in Ukraine» («Путин как шахматный мастер: Сильный дебют, но слабый эндшпиль в Украине») [13].

Во всех этих случаях действия России имплицитно уподобляются искусственным шахматным комбинациям, ставящим США и их союзников в крайне невыгодное положение. Образ В.В. Путина здесь – образ хладнокровного и расчетливого игрока, умело использующего слабости и просчеты оппонента, хотя и способного ошибиться, но упорно, стратегически и любой ценой идущего к достижению собственных целей, тогда как администрации западных стран нередко представляются как неумелые, наивные, но и менее агрессивные, геополитические игроки – «Despite its commitment to supporting Ukraine, the White House continues to move with agonizing, bureaucratic caution on this vital matter» («Несмотря на приверженность поддержке Украины, Белый дом продолжает действовать с мучительной бюрократической осторожностью») [18].

Вместе с тем, при всей внешней комплиментарности метафорического фрейма «шахматной игры», он несет в себе значительный негативный потенциал в контексте репрезентации России. В самом уподоблении международной политики шахматной партии имплицитно содержится идея конфронтационности, игры с нулевой суммой, неизбежности поражения одной из сторон. Россия предстает здесь не как партнер, но как опасный и хитроумный соперник. Более того, в колумнистике Washington Post действия России часто репрезентируются как нарушающие сами правила этой «игры», что отражено в метафоре опрокинутой шахматной доски: «Putin hasn't made a bold chess move; he has overturned the chessboard. He cannot be sure where the pieces will land» («Путин не сделал смелый шахматный ход, он перевернул шахматную доску. Он не может быть уверен в том, куда упадут фигуры») [14]. Таким образом, Россия представляется не просто как противник в сложной интеллектуальной игре, но как игрок, отвергающий сами основы цивилизованного противостояния. В этом смысле сама метафора «шахматной игры», при всей ее интеллектуальной респектабельности, работает на воспроизведение той же логики конфронтации и взаимного сдерживания, что и откровенно милитаристские образы России.

Итак, подводя итог, следует отметить, что метафорическая репрезентация России в дискурсе ведущего американского СМИ обнаруживает ряд устойчивых паттернов, сохраняющих свое доминирующее положение на протяжении последних двух с половиной десятилетий. В ядре метафорической картины находится комплекс моделей, формирующих жестко негативный образ РФ как авторитарной империи, агрессивной военной державы, чуждой западным ценностям страны. Циркулируя в символическом пространстве, данные метафоры не только отражают, но и активно формируют восприятие России американским политическим классом и обществом, исподволь подталкивая их к выбору конфронтационных стратегий во взаимодействии с Москвой. Вместе с тем, наше исследование позволило выявить и определенную динамику ме-

тафорического образа России, его вариативность в зависимости от внешнего социально-политического контекста. Для большей наглядности и удобства анализа мы разделили весь рассматриваемый период на несколько этапов, отражающих смену внешнеполитических парадигм в отношениях России и США.

1) На первом этапе (2000-2008 гг.), связанном с президентством Дж. Буша-мл. и В.В. Путина, в дискурсе The Washington Post преобладают умеренно-негативные модели репрезентации России, акцентирующие ее непохожесть на западные демократии, склонность к авторитарным методам управления, имперские амбиции на постсоветском пространстве. В то же время некоторые авторы допускают возможность ограниченного партнерства с РФ по отдельным вопросам (контртерроризм, нераспространение ОМУ, энергодиалог). Наиболее частотные метафоры этого периода – «troubled (or managed) democracy», «energy superpower», «assertive (or resurgent) Russia».

2) Ситуация начинает меняться на втором этапе (2009-2012 гг.), совпавшим с приходом к власти администрации Б. Обамы и концепцией «перезагрузки» российско-американских отношений. В этот период происходит некоторая диверсификация палитры метафорических моделей, используемых в The Washington Post. Наряду с негативно-оценочными метафорами появляются и более нейтральные модели партнерства, диалога, совместного лидерства в решении региональных и глобальных проблем. Часто встречаются такие метафоры как reset (перезагрузка), partnership (партнерство), cooperation (сотрудничество), responsible stakeholder (ответственная заинтересованная сторона). В то же время полностью алармистская риторика не исчезает, особенно в контексте российско-грузинского конфликта 2008 г., где используются выражения Russian invasion (российское вторжение), Kremlin's aggression (агрессия Кремля), Putin's war (война Путина).

3) Поворотным моментом, спровоцировавшим стремительное ухудшение метафорического образа России, стал украинский кризис 2014 года и последовавшее за ним резкое обострение отношений между РФ и Западом. С этого времени (третий этап, 2013-2019 гг.) происходит стремительное нарастание частотности и эмоционального накала негативно-оценочных моделей: Россия все чаще и настойчивее именуется в терминах «империи», «агрессора», «ревизионистской державы», в то время как альтернативные модели диалога и партнерства вытесняются на глубокую периферию дискурса.

Наиболее употребительные метафоры данного этапа:

- применительно к присоединению Крыма – «annexation», «Anschluss», «land grab», «Putin's Sudetenland»;
- применительно к конфликту на Донбассе – «Russian invasion», «Kremlin-manufactured war», «Putin's guerrilla campaign»;
- применительно к российской внешней политике в целом – «imperial overreach», «great power aggression», «revanchist behavior», «expansionist drive».

4) Апофеозом милитаризации и алармизма в репрезентации России стал четвертый этап, начавшийся в 2022 году в связи с проведением Россией специальной военной операции (СВО) на Украине. В этот период негативно-оценочные метафоры достигают беспрецедентного уровня эскалации: Россия окончательно и бесповоротно позиционируется как «варварская», «фашистская», «тоталитарная» страна, несущая экзистенциальную угрозу свободному миру. Доминирующие метафоры этого этапа:

- применительно к СВО – «Putin's war of aggression», «unprovoked and unjustified invasion», «full-scale military offensive», «barbarian assault», «Kremlin's Blitzkrieg»;
- применительно к России в целом – «rogue state», «world's pariah», «global menace», «antagonist of the free world».

Показательно, что непосредственно после начала СВО ведущие колумнисты The Washington Post по сути исключили из своего дискурса все модели, связанные с партнерством, диалогом, учетом законных интересов России. Москва теперь представляется исключительно через призму метафор тотального противостояния, сдерживания, нанесения стратегического поражения. Метафорическая репрезентация конфликта на Украине приобретает ярко выраженные алармистские и даже эсхатологические коннотации - как решающей схватки Добра со Злом, Света с Тьмой, от исхода которой зависит если не судьба всего человечества, то, по крайней мере, будущее «либерального мирового порядка». В такой ситуации становится практически невозможным рациональное осмысление российских мотивов и целей, а любые призывы к сдержанности, переговорам, компромиссам воспринимаются не иначе как «умиротворение агрессора».

Статистический анализ динамики метафорических моделей по периодам позволяет увидеть постепенное, но неуклонное нарастание конфронтационности в репрезентации образа России. Если на первом этапе (2000-2008 гг.) совокупная доля негативно-оценочных моделей («империя», «авторитаризм», «угроза») составляла порядка 30% от всего корпуса релевантных метафор, то к четвертому этапу (с 2022 г.) она возросла до 80%, фактически вытеснив все альтернативные модели на глубокую периферию дискурса (таблица 1). Столь резкий сдвиг в сторону милитаризации и демонизации образа России со всей очевидностью свиде-

тельствует о нарастающем доминировании в американском медиадискурсе логики холдной войны и тотальной конфронтации – логики, во многом инспирированной самим процессом метафорического конструирования российской угрозы.

Таблица 1

Распределение метафорических моделей репрезентации России по периодам.

Table 1

Distribution of metaphorical models of representation of Russia by periods.

Метафорические модели	2000-2008	2009-2012	2013-2021	С 2022
Империя/экспансионизм	15%	18%	32%	45%
Авторитаризм/деспотизм	10%	14%	20%	25%
Угроза/агрессия	5%	8%	18%	30%
Партнер/союзник	25%	30%	12%	2%
Соперник/конкурент	30%	20%	10%	3%
Другие модели	15%	10%	8%	5%

С другой стороны, было бы неверным утверждать, что метафорическая репрезентация России в американских СМИ носит исключительно негативный и демонизирующий характер. Как показывает наше исследование, даже в рамках преимущественно алармистского дискурса The Washington Post сохраняются отдельные «островки» более нейтрального или амбивалентного восприятия России. Скажем, на протяжении всех рассматриваемых этапов продолжает использоваться метафорическая модель «шахматного игрока», которая, помимо отрицательных коннотаций, акцентирует также внимание на положительных (с точки зрения американского прагматизма) качествах – стратегический ум, дальновидность и расчетливость российского руководства. Однако удельный вес подобных моделей неуклонно снижается по мере эскалации геополитической напряженности и их влияние на общую тональность дискурса остается крайне незначительным.

Другим важным результатом нашего анализа стало выявление корреляции между частотностью алармистских метафор в адрес России и «температурой» реальных российско-американских отношений. Было установлено, что периоды наибольшей эскалации милитаристской риторики (2008, 2014, 2022 гг.) непосредственно предшествовали или совпадали по времени с острыми кризисами в двусторонних отношениях – будь то российско-грузинский конфликт, противостояние вокруг Украины или СВО. При этом сами метафоры выступают не просто как «термометр», фиксирующий ухудшение международного климата, но и как активный фактор, усугубляющий и легитимизирующий это ухудшение. Образы России как агрессивной, ревизионистской державы, несущей экзистенциальную угрозу Западу в колонках The Washington Post и других влиятельных американских медиа, способствуют формированию в сознании политического класса и широкой общественности атмосферы страха, враждебности, непримиримости в отношении Москвы. В результате сужается пространство для диалога, компромиссов, учета интересов другой стороны, возникает порочный круг взаимных обвинений и контробвинений. Политика начинает строиться по принципу «око за око», когда любой недружественный шаг одного из участников автоматически влечет за собой симметричную реакцию оппонента.

Разумеется, было бы неверно сводить всю сложность и многоаспектность российско-американских отношений исключительно к фактору метафорической репрезентации России в СМИ США. Было бы наивным полагать, что строгий мораторий на алармистские метафоры в адрес России способен в одночасье разрешить фундаментальные геополитические противоречия между двумя странами или устранить все многочисленные раздражители в двусторонних отношениях. Очевидно, что существуют реальные, объективно обусловленные расхождения между РФ и США по целому ряду ключевых проблем мировой политики – и эти расхождения невозможно снять одним лишь отказом от воинственной риторики или сменой метафорического фрейминга. Вместе с тем, как показывает наше исследование, доминирование негативно-оценочных моделей репрезентации России в американском медиадискурсе вносит весомый вклад в воспроизведение логики конфронтации, блокируя саму возможность альтернативного восприятия российской политики и мотивации. Выработка нового языка коммуникации, свободного от воинственно-алармистских – непременное условие стабилизации отношений между Россией и США.

Выходы

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что метафорическая репрезентация России в медиадискурсе США представляет собой не просто вспомогательный инструмент описания международно-политических реалий, но активный механизм конструирования этих реалий, определяющий базовые параметры восприятия России американским политическим классом и обществом. Выявленное в ходе настоящего исследования до-

минирование негативно-оценочных милитаристских и морбидальных моделей метафоризации свидетельствует о глубинной враждебности и непримиримости в отношении РФ, характерной для современного американского истеблишмента. Последовательно создавая образ России как экзистенциальной угрозы Западу, враждебной и агрессивной державы, несущей миру хаос и разрушение, ведущие СМИ США, способствуют легитимации логики новой холодной войны. Безусловно, преодоление негативных стереотипов и клише в презентации России, равно как и формирование альтернативных, более сбалансированных нарративов – это сложный, длительный и болезненный процесс, затрагивающий фундаментальные мировоззренческие установки и глубоко укорененные идеологические конструкты. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, даже самые устойчивые и, казалось бы, незыблевые образы врага поддаются коррекции и трансформации – при наличии добной воли и встречных усилий обеих сторон. Отказ от воспроизведения воинственно-алармистских метафор в адрес друг друга, фокусировка на позитивной повестке и точках соприкосновения интересов могли бы стать первыми необходимыми шагами на этом длинном и тернистом пути. По меткому выражению Дж. Лакоффа, «метафоры, которыми мы живем, определяют наше будущее» [5] – и в наших силах наполнить эти метафоры позитивным, жизнеутверждающим содержанием.

Список источников

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 30 – 32.
2. Банина Е.Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9. Киров: КГУ, 2001.
3. Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Вопросы языкоznания. 2001. № 2. С. 73 – 94
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. Г.К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387 – 422.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252 с.
6. Максимова А.Б. Речетворческий потенциал метафоры как многофункционального феномена мышления и языка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 142. С. 165 – 171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechetrocheskiy-potentsial-metafory-kak-mnogofunktionalnogo-fenomena-myshleniya-i-yazyka> (дата обращения: 12.01.2025).
7. Никонова Е.А. Жанр “opinion”: жанрообразующие параметры // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 2. С. 120 – 127.
8. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / пер. с фран. А.М. Сухотина, под ред. Р.И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Цыбина Ю.Ю. Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурсе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-suschnost-metaforicheskikh-modeley-v-pedagogicheskem-diskurse> (дата обращения: 12.01.2025).
10. Charles Fenyvesi. Stalin's Ghost Still Haunts the World // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1979/12/16/stalins-ghost-still-haunts-the-world/14d54dad-4b8c-4bbf-bccb-51b7993539db/> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Charles Lane. Is Vladimir Putin truly a modern-day Hitler? // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/charles-lane-is-vladimir-putin-truly-a-modern-day-hitler/2014/03/05/1666bd12-a47a-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 12.02.2025).
12. David Ignatius. Russia's scavenger diplomacy is in full effect in the Middle East // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/america-on-the-wane-russias-scavenger-diplomacy-is-succeeding-in-the-middle-east/2020/05/07/a4bbec6c-9097-11ea-9e23-6914ee410a5f_story.html (дата обращения: 12.01.2025).
13. David Ignatius. Putin as chess master: Strong opening but weak endgame in Ukraine // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/15/putin-biden-diplomatic-solution-ukraine/> (дата обращения: 12.01.2025).
14. Eugene Robinson. Putin's attack on Ukraine is about more than his own delusions of grandeur // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/24/putin-attack-ukraine-restore-russian-empire/> (дата обращения: 12.01.2025).

15. George F. Will. As Putin's military barbarism continues, U.S. credibility is at stake // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (дата обращения: 12.01.2025).
16. George F. Will. Can NATO restrain Russia? // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/george-f-will-can-nato-restrain-russia/2014/03/26/bccc793e-b448-11e3-8cb6-284052554d74_story.html (дата обращения: 12.01.2025).
17. Lee Hockstader. Europe bickers while the Russian threat grows // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/03/11/russia-threatens-europe-infighting/> (дата обращения: 12.01.2025).
18. Max Boot. Ukraine urgently needs Russia's frozen funds. Yet the West still balks // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/22/frozen-russian-funds-for-ukraine/> (дата обращения: 12.01.2025).
19. Max Boot. Putin is Sovietizing Russia. It is becoming the country my family fled in 1976 // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/14/putin-taking-russia-back-to-soviet-union/> (дата обращения: 12.01.2025).
20. Mikheil Saakashvili. Answering Russian Aggression // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (дата обращения: 12.01.2025).
21. Michael Sharnoff. Why Russia will prevail in Syria // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/made-by-history/wp/2018/02/27/why-russia-will-prevail-in-syria/> (дата обращения: 12.01.2025).
22. Richard Cohen. A Putin affiliate evokes Hitler. The West should be worried // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/richard-cohen-a-putin-affiliate-evokes-hitler-the-west-should-be-worried/2014/04/21/ddbd3794-c980-11e3-95f7-7ecdde72d2ea_story.html (дата обращения: 12.01.2025).
23. Ishaan Tharoor. MAP: Russia's expanding empire in Ukraine and elsewhere // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/09/05/map-russias-expanding-empire-in-ukraine-and-elsewhere/> (дата обращения: 12.01.2025).
24. Is Vladimir Putin acting like Hitler? // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-vladimir-putin-acting-like-hitler/2014/03/09/cc6f9d14-a62c-11e3-b865-38b254d92063_story.html (дата обращения: 12.01.2025).

References

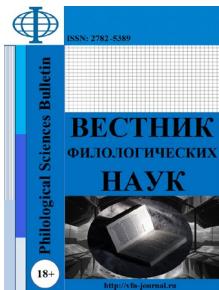
1. Anderson B. Imagined Communities. Moscow: Canon-Press-C, Kuchkovo Pole, 2001. Pp. 30–32.
2. Banina E.N. Evaluative Component of Meaning in the Semantics of Metaphor: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.9. Kirov: KSU, 2001.
3. Baranov A.N. Metaphors in Political Discourse: Linguistic Markers of the Crisis of the Political Situation Issues of Linguistics. 2001. No. 2. P. 73 – 94
4. Bart R. Introduction to the Structural Analysis of Narrative Texts. Trans. G.K. Kosikov. Foreign Esthetics and Theory of Literature of the XIX-XX Centuries: treatises, articles, essays. M.: Moscow State University, 1987. P. 387 – 422.
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Trans. from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova; edited and with a preface by A.N. Baranov. M.: URSS, 2004. 252 p.
6. Maksimova A.B. Speech-creating potential of metaphor as a multifunctional phenomenon of thinking and language. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2011. No. 142. P. 165 – 171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechetvorcheskiy-potentsial-metafory-kak-mnogofunktionalnogo-fenomena-myshleniya-i-yazyka> (date of access: 12.01.2025).
7. Nikanova E.A. Genre “opinion”: genre-forming parameters. Humanitarian Sciences Success. 2022. No. 2. P. 120 – 127.
8. Saussure Ferdinand de. Course of general linguistics. Trans. from French. A.M. Sukhotin, edited by R.I. Shor. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
9. Tsybina Yu.Yu. Linguistic essence of metaphorical models in pedagogical discourse. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. No. 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-suschnost-metaforicheskikh-modeley-v-pedagogicheskem-diskurse> (date of access: 12.01.2025).

10. Charles Fenyvesi. Stalin's Ghost Still Haunts the World. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1979/12/16/stalins-ghost-still-haunts-the-world/14d54dad-4b8c-4bbf-bcbb-51b7993539db/> (date of access: 12.01.2025).
11. Charles Lane. Is Vladimir Putin truly a modern-day Hitler? The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/charles-lane-is-vladimir-putin-truly-a-modern-day-hitler/2014/03/05/1666bd12-a47a-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (date of access: 12.01.2025).
12. David Ignatius. Russia's scavenger diplomacy is in full effect in the Middle East. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/america-on-the-wane-russias-scavenger-diplomacy-is-succeeding-in-the-middle-east/2020/05/07/a4bbec6c-9097-11ea-9e23-6914ee410a5f_story.html (date of access: 12.01.2025).
13. David Ignatius. Putin as chess master: Strong opening but weak endgame in Ukraine. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/15/putin-biden-diplomatic-solution-ukraine/> (date of access: 12.01.2025).
14. Eugene Robinson. Putin's attack on Ukraine is about more than his own delusions of grandeur. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/24/putin-attack-ukraine-restore-russian-empire/> (date of access: 12.01.2025).
15. George F. Will. As Putin's military barbarism continues, U.S. credibility is at stake. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (date of access: 12.01.2025).
16. George F. Will. Can NATO restrain Russia? The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/george-f-will-can-nato-restrain-russia/2014/03/26/bccc793e-b448-11e3-8cb6-284052554d74_story.html (date of access: 12.01.2025).
17. Lee Hockstader. Europe kickers while the Russian threat grows. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/03/11/russia-threatens-europe-infighting/> (date of access: 12.01.2025).
18. Max Boot. Ukraine urgently needs Russia's frozen funds. Yet the West still balks. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/22/frozen-russian-funds-for-ukraine/> (date of access: 12.01.2025).
19. Max Boot. Putin is Sovietizing Russia. It is becoming the country my family fled in 1976. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/14/putin-taking-russia-back-to-soviet-union/> (date of access: 12.01.2025).
20. Mikheil Saakashvili. Answering Russian Aggression. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2008/09/23/answering-russian-aggression/75d1ad72-5f29-4a9f-a2c8-2eae3bb99cae/> (date of access: 12.01.2025).
21. Michael Sharnoff. Why Russia will prevail in Syria. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/made-by-history/wp/2018/02/27/why-russia-will-prevail-in-syria/> (date of access: 12.01.2025).
22. Richard Cohen. A Putin affiliate evokes Hitler. The West should be worried. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/richard-cohen-a-putin-affiliate-evokes-hitler-the-west-should-be-worried/2014/04/21/ddbd3794-c980-11e3-95f7-7ecdde72d2ea_story.html (date of access: 12.01.2025).
23. Ishaan Tharoor. MAP: Russia's expanding empire in Ukraine and elsewhere. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/09/05/map-russias-expanding-empire-in-ukraine-and-elsewhere/> (date of access: 12.01.2025).
24. Is Vladimir Putin acting like Hitler? The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/is-vladimir-putin-acting-like-hitler/2014/03/09/cc6f9d14-a62c-11e3-b865-38b254d92063_story.html (date of access: 12.01.2025).

Информация об авторах

Чебыкина Е.С., АНО "Агентство Креативных Индустрий", chebykina.yekaterina@gmail.com

© Чебыкина Е.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

¹ Чэнь Ци

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности образа рассказчика в документальном цикле Никиты Михалкова «Музыка русской живописи»

Аннотация: данная статья посвящена характеристикам образа рассказчика в документальном фильме Никиты Михалкова «Сентиментальное путешествие на мою Родину. Музыка русской живописи». Режиссеры: Виталий Максимов, Никита Михалков, сценаристы – Виталий Максимов, Никита Михалков. Музыка – Артемьев. Цикл состоит из пятнадцати фильмов, в каждом из которых представлена одна или две картины русских художников, всего 19 картин. Рассказ о картинах и их интерпретация ведутся от лица персонифицированного рассказчика, которым выступает сам режиссер фильма Никита Михалков. Для выявления главных характеристик образа рассказчика в документальном цикле в статье используется методы контекстуального и нарративного анализа кинодискурса. Новизна исследования заключается в применении метода нарративного анализа к исследованию документального цикла, сочетающего в себе особенности медиадискурса и искусствоведческого дискурса. В статье делается вывод о том, что персонифицированный рассказчик в документальном цикле является структуро- и смыслообразующим центром кинодискурса. Нарративный подход позволяет проанализировать документальный фильм как набор композиционных блоков (эпизодов), организованных точкой зрения рассказчика-нarrатора, а также выявить характеристики рассказчика, обладающие воздействующим потенциалом для формирования и продвижения идеи автора. Главными характеристиками образа рассказчика в данном цикле являются первоначальное повествование, реализующееся в персонифицированном типе рассказчика; особый хронотоп, позволяющий объединить хронотоп рассказчика с хронотопом картины; ярко выраженная субъективность выражения отношения рассказчика к описываемым картинам и художникам; эксплицитная оценочность; гуманистический тон (направленность) рассказа, который и создает цельность документального фильма. Рассказчик рассказывает о произведениях живописи, пытаясь донести до зрителей их русский характер, русскую природу, и русскую душу.

Ключевые слова: рассказчик, документальный фильм, кинотекст, хронотоп, выбор повествовательной точки зрения, первое лицо, живопись

Для цитирования: Чэнь Ци. Особенности образа рассказчика в документальном цикле Никиты Михалкова «Музыка русской живописи» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 75 – 80.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; **Одобрена после рецензирования:** 06 марта 2025 г.; **Принята к публикации:** 26 марта 2025 г.

¹ Chen Qi

¹ St Petersburg State University

Features of the narrator's image in Nikita Mikhalkov's documentary series "Music of Russian Painting"

Abstract: this article is devoted to the characteristics of the narrator's image in Nikita Mikhalkov's documentary "A Sentimental Journey to My Homeland. Music of Russian painting". Directors: Vitaly Maximov, Nikita Mikhalkov, screenwriters: Vitaly Maximov, Nikita Mikhalkov. Music by Artemyev. The series consists of fifteen films, each of which features one or two paintings by Russian artists, a total of 19 paintings. The story about the paintings and their interpretation is conducted on behalf of a personalized narrator, who is the director of the film Nikita Mikhalkov. To identify the main characteristics of the narrator's image in the documentary cycle, the article uses the methods of contextual and narrative analysis of film discourse. The novelty of the research lies in the application of the method of narrative analysis to the study of the documentary cycle, combining the features of media discourse and art criticism discourse. The article concludes that the personalized narrator in the documentary cycle is the structural and semantic center of the film discourse. The narrative approach allows us to analyze a documentary as a set of composite blocks (episodes) organized by the narrator's point of view, as well as to identify the narrator's characteristics that have an influencing potential for shaping and promoting the author's idea. The main characteristics of the narrator's image in this cycle are the primary narrative, realized in a personalized type of narrator; a special chronotope that allows you to combine the chronotope of the narrator with the chronotope of the painting; pronounced subjectivity of expressing the narrator's attitude to the described paintings and artists; explicit evaluative; humanistic tone (orientation) the story that creates the integrity of the documentary. Russian narrator tells about the paintings, trying to convey to the audience their Russian character, Russian nature, and Russian soul.

Keywords: narrator, documentary, film text, chronotope, choice of narrative point of view, first person, painting

For citation: Chen Qi. Features of the narrator's image in Nikita Mikhalkov's documentary series "Music of Russian Painting". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 75 – 80.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

В последнее время изучению кинодискурса отводится большое место в исследованиях [2, 3, 5, 6]. Кинодискурс рассматривается как особый нарратив. Предметом исследования становятся структура и свойства речевого нарратива, методы и приемы «нarrативизации» изображения, и их взаимодействие.

Целью нарративного анализа документального фильма исследователи считают не только определение традиционных нарративных структур (таких как нарративные инстанции, авторские стратегии, фокализация, интрига), но и выявление специфических фигур экранного нарратива. Эти фигуры определяют, как визуальный ряд взаимодействует с вербальным повествованием, как происходит синтез эпической и миметической нарратории, какие способы используются для нарративизации «фонового» изображения и нарративных речевых актов, т.е. как фигура рассказчика включается в структуру документального фильма [5].

Одной из главных фигур документального нарратива является рассказчик, он является посредником между автором (режиссером) и зрителем и определяет структурно-смысловую организацию дискурса документального кино. Фигура рассказчика в документальном фильме, как и в художественном произведении, определяется событием рассказывания (кто, где, о чем) и реализуется в процессе общения нарратора с адресатом-читателем или зрителем (кому, зачем). Таким образом, рассказчик в документальном кино должен обладать референтной компетенцией (предметно-тематический аспект нарратива), креативной компетенцией (концептом авторской позиции и речевой маски субъекта нарратории), рецептивной компетенцией (установкой на адресованность, условия организации текста, регулирующиеся исторически сложившимися конвенциями) [7, с. 11-13].

Ситуация рассказывания, местоположение рассказчика в пространстве документального фильма, как и в художественном тексте, может различаться по типу диегетического (принадлежащего миру текста) и недиегетического повествователя (всезнающего повествователя) [4], что можно соотнести с такими формами рассказчика в документальном кино, как персонифицированный и неперсонифицированный рассказчик (голос за кадром) [6].

Целью данной статьи является определение главных структуро- и смыслообразующих характеристик образа рассказчика в документальном цикле «Сентиментальное путешествие на мою Родину. Музыка русской живописи» (1995). К таким характеристикам мы относим, вслед за В. Шмидом [9], позицию рассказчика по отношению к описываемым событиям (хронотоп рассказчика и хронотоп произведения живописи), характер отношения рассказчика к описываемым событиям (субъективное/объективное отношение), целеполагание рассказчика по отношению к адресату (общая интенция).

Материалы и методы исследований

В документальном цикле «Сентиментальное путешествие на мою Родину. Музыка русской живописи» представлен персонифицированный рассказчик, им является сам режиссер фильма Никита Михалков. Рассказчик выступает интерпретатором 19-ти живописных произведений, которые он выбрал сам для документального цикла: «Живопись эта, которую мы выбрали, она не подбиралась нами ни хронологически, ни тематически; это индивидуальный выбор – вот то, что я лично люблю, и то, что, как мне кажется, выражает русский характер, русскую природу, да и вообще то, что как бы лежит в основе этой таинственной международной фразы о таинственности русской души» (Фильм 1 – Портрет А.П. Струйской. Художник П.С. Рокотов) Для выявления главных характеристик образа рассказчика в документальном цикле в статье используется методы контекстуального и нарративного анализа кинодискурса.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим первую структурообразующую характеристику рассказчика в этом документальном цикле – хронотоп рассказчика. В данном цикле отчетливо прослеживается связь хронотопа рассказчика и хронотопа картины. Рассказчик ведет рассказ о картине или художнике в месте написания картины, или в месте, похожем на то, что изображено на картине. Например, рассказывая о картине К.А. Коровина «Портрет артиста Ф.И. Шаляпина» (1911), рассказчик находится на побережье Черного моря.

Константин Коровин: Костя Коровин – любимец училища, любимец девушек, любимец друзей; иногда вспыльчивый, иногда ленивый, иногда прилежный, переменчивый, как вот эта погода сегодня на Адриатическом море. (Фильм 7 – Портрет артиста Ф.И. Шаляпина. Художник К.А. Коровин)

В начале второго фильма рассказчик говорит:

Только что прошел дождь. Мы находимся в дубовом лесу, где может быть когда-нибудь, мог бы писать свою картину «Дождь в дубовом лесу» Иван Иванович Шишкин, это было в 1891 году (Фильм 2 – Дождь в дубовом лесу. Художник И.И. Шишкин).

А в четвертом фильме рассказчик находится в беседке загородного дома, напоминающем усадьбу Репина (рассказ о картине И.Е. Репина «На дерновой скамье» (1876)), и рассказывает детям об устройстве дерновой скамьи.

Вот картина, о которой мы сегодня будем говорить, она называется «На дерновой скамье». Знаешь дерн? Никто не знает, что такое дерн? Ну вот трава. Вот если ее срезать, то есть не саму траву, а вот корешочки вместе с землей, это называется дерн (Фильм 4 – На дерновой скамье. Художник И.Е. Репин).

В пятом фильме мы видим рассказчика в лодке, плывущей по каналу Санкт-Петербурга:

Вот так много лет назад в средине прошлого века, да и в начале его можно было плыть на рябике (старинная лодка) по петербургским каналам. Это тоже был один из видов транспорта, можно было добираться и пешком: зимой – на санях, летом, весной и осенью – на таких вот экипажах, но и на рябиках, на маленькой лодке, на которых можно было попасть практически в любой край Петербурга, там, где были каналы. На таком рябике кто-нибудь мог бы попасть в дом, где жил и работал замечательный русский художник – Петр Андреевич Федотов (Фильм 5 – Завтрак аристократа. Художник П.А. Федотов).

Таким образом, позиция рассказчика при описании произведения и биографии художника приближена к месту, в котором происходят события картины. Зрители могут почувствовать атмосферу, в которой художник создавал свое произведение. Кроме того, зрители могут узнать образ жизни художников или героев картины.

Присутствие рассказчика в кадре и воссоздание атмосферы создания картины, о которой он рассказывает, соотносится с установкой адресованности рассказчика, а именно с целью донести до зрителя через воссоздание атмосферы картины – атмосферы России. Эта цель рассказчика сформулирована в первом фильме цикла: «Это попытка как бы услышать, воссоздать через живопись ту атмосферу России, ... Я хочу, чтобы вы услышали эти картины, почувствовали эту атмосферу, и через это попытались увидеть и ощутить всю панораму той великой страны, которая была и, будем надеяться, будет» (Фильм 1 – Введение цикла Н. Михалков, 1995).

Таким образом хронотоп как структурообразующая характеристика рассказчика становится смыслообразующей характеристикой, так как именно она дает возможность реализовать субъективное отношение рассказчика к описываемому предмету (биографии художника и его картины).

В документальном фильме «Музыка русской живописи» режиссер (Никита Михалков) выбирает первое лицо и сам предстает как рассказчик, чтобы описать свое восприятие картины и выразить отношение к художнику. Рассказчик в этом документальном фильме излагает свои мысли зрителям от первого лица.

Так, во втором фильме рассказчик начинает с самого себя (я думаю, на мой взгляд) и четко высказывает свои взгляды на произведения И.И. Шишкина (фантастическое, поразительное, удивительное сочетание).

Но и даже в этой как бы в французской манере Шишкин сумел передать то фантастическое, поразительное состояние природы, состояние, вот, русской средней полосы природы – после дождя, в этой дымке голубой, которые в общем-то, я думаю, мог бы передать только художник, который по-настоящему это чувствует.

Так вот, картина, ... она, на мой взгляд, являет собою поразительное совершенно, поразительное сочетание Шишкинской мощи, удивительной техники, и в то же время возможности писать абсолютно по-разному, не как Шишкин.

По мнению рассказчика, в картинах Шишкина существует гармония, его произведения воздействуют и на настоящее, и на будущее. Более того, в фильме эмоционально говорится о собственном понимании и чувствах рассказчика по отношению к самому художнику, его творческому опыту и картинам.

А в девятом фильме, когда рассказчик представляет другую картину Шишкина «Полдень. В окрестностях Москвы» (1869), он говорит следующее:

Вы посмотрите, какая поразительная сила в этой картине! Какая мощь, какая любовь, какой темперамент! И что самое главное, это реальный момент жизни, это момент сиюсекундный! Это происходит сейчас, и мы как бы находимся внутри этого. Вот почему, мне кажется, что живопись Шишкина, это та живопись, которая позволяет не только понять русский характер, русскую природу, но и изнутри ее услышать, ее ощутить.

Кроме того, на основе объективного анализа и исследования рассказчик высказывает свое мнение о художниках П.А. Федотове, А.Г. Венецианове и Ф.А. Васильеве.

Федотов – это первый художник, который абсолютно по-другому взглянул на человека. Это не постановочный портрет, это не религиозные темы на своих картинах, это не исторический мотив, это живые люди, которых знал Федотов, люди, которых знали в Петербурге. Причем, это не просто наблюдение, это глубочайший анализ таких людей с иронией, со знанием их (Фильм 5 – Завтрак аристократа. Художник П.А. Федотов).

И вот картина, о которой мы будем говорить дальше, картина «Жнецы», это может быть не самая знаменитая картина Венецианова, но наиболее точно передающая, на мой взгляд, вот это отношение Венецианова к этим людям (Фильм 11 – Жнецы. Художник А.Г. Венецианов).

Таким образом, благодаря объективному исследованию и субъективному пониманию самого рассказчика, зрители могут не только понять опыт и мысли художника, но и понять картины с точки зрения рассказчика, что позволяет по-новому прочувствовать картины.

Третья особенность образа рассказчика в этом документальном цикле – гуманистический тон рассказчика. По сравнению с двумя особенностями, упомянутыми выше, эта особенность образа рассказчика в документальном цикле не столь очевидна, но можно сказать, что она является наиболее важной, поскольку она тесно связана с основной направленностью всего документального фильма.

В статье В.В. Чепуриной обобщается важнейшая характеристика рассказчика – способность к композиционному объединению отдельных эпизодов текста художественного произведения. Рассказчик помогает понять и интерпретировать события, анализирует чувства и мотивы персонажей, описывает обстановку и делится личным опытом [8].

Именно эта характеристика образа рассказчика в документальном цикле создает цельность документального фильма. Рассказчик рассказывает о произведениях живописи, пытаясь выявить их русский характер, русскую природу, и русскую душу.

Например, когда рассказчик представляет И.Е. Репина, внимание рассказчика сосредоточено не на личности Репина как художника, а на его особенностях настоящего человека, который живет в гармонии с природой и семьей:

Я думаю, что Репин, попав в эту атмосферу, забыл про то, что надо быть гражданином, что необходимо клеймить, так сказать, забыл. Там – природа, Россия, ходят люди, говорят об изящном, уходят с мольбертами, возвращаются с этюдами. Вот в этом состоянии замечательного, освобожденного внутренне духовного, гармоничного успокоения, он пишет портрет своей дочки, который, на мой взгляд, и есть бриллиант его живописи – маленький, совсем незаметный, может он и сам к нему относился как проходящему. Но на самом деле, это то, что дает возможность сказать о Репине не только как о великом живописце и гражданине, а еще и как о человеке, который существует в этой интимной жизни, связи с природой, с семьей, со своими

ощущениями —то, что, наверное, и есть фиксация времени, фиксация эпохи (Фильм 10 – Девочка с букетом. Художник И.Е. Репин).

Рассказчик в данном документальном фильме не раз упоминает о взаимосвязи между природой и творчеством художников. Природа, гармония, настоящий окружающий нас мир, – именно в этом существует русский характер, существует гуманистический дух:

Так вот, пейзажи Шишкина, как и любые пейзажи художников, требуют времени. Вот этот пейзаж, когда ты смотришь на него внимательно и долго, начинаешь ощущать, как и любой пейзаж настоящего мастера, когда гармония между тем, кто пишет картину, между тем, что он пишет, между тем, кто смотрит на эту картину, в единую ноту собирается, тогда возникает та гармония, то единство, которое позволяет настоящему искусству, воздействует и на настоящее, и на будущее. (Фильм 2 – Дождь в дубовом лесу. Художник И.И. Шишкин)

Я думаю, что, поняв это, можно почувствовать, каким же образом этот ритм страны, этот ритм характера, был согласен с ритмом природы, а ритм природы согласовался с ритмом художника Венецианова, его учеников, и как всё вместе это создавало ту гармонию, которую и можно внимательно рассматривая, ощутить и почувствовать, что же такое была наша Россия. (Фильм 6 – Утро помещицы. Художник А.Г. Венецианов).

Для Шишкина природа была учителем, а цель его художественной жизни – это слияние с природой, с гармонией. (Фильм 9 – Полдень. В окрестностях Москвы. Художник И.И. Шишкин).

И вся его жизнь в дальнейшем была опять же построена на этой борьбе, но единственным, что могло его удержать в каком-то пусть относительном равновесии, это его постоянная связь с природой, через его живопись. И связь его живописи с природой, совсем тем, что существовало вокруг него. (Фильм 12 – Кабинет дома в Островках. Художник Г.В. Сорока).

Выводы

Нarrативный подход позволяет проанализировать документальный фильм как цельный нарративный текст, представляющий собой набор композиционных блоков (эпизодов), организованных точкой зрения рассказчика-нarrатора, а также выявить характеристики рассказчика, обладающие воздействующим потенциалом для формирования и продвижения идеи автора.

Таким образом, главными структуро- и смыслообразующими характеристиками образа рассказчика в документальном фильме «Сентиментальное путешествие на мою Родину. Музыка русской живописи» являются первоначальное повествование, реализующееся в персонифицированном типе рассказчика, связывающего хронотоп рассказывания о картине с самой картиной; ярко выраженная субъективность выражения отношения рассказчика к описываемым картинам и художникам и эксплицитная оценочность; гуманистический тон (направленность) рассказа, который проявляется как в отборе картин, так и в их интерпретации.

Список источников

1. Алешанова И.В. Нарративность: определение понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 43 – 47.
2. Бэдли Х. Техника документального кинофильма / пер. с англ. Ю.Л. Шер. М.: Искусство, 1972. 240 с.
3. Зайченко С.С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 82 – 86.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Яз. рус. культуры, 1996.
5. Пронин А.А. Диегетический нарратор в документальном фильме-портрете // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2015. Вып. 3. С. 216 – 223.
6. Пронин А.А. Документальный фильм как нарратив: пределы интерпретации // Вестник ВГУ. Серия: филология. журналистика. 2016. № 2. С. 133 – 137
7. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.
8. Чепуринова В.В. Вариативность образа рассказчика в речевом исполнительском искусстве // Культурный код. 2022. № 3. С. 100 – 112.
9. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 311 с.

References

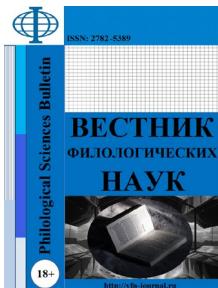
1. Alešanova I.V. Narrativity: definition of the concept. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2006. No. 3. P. 43 – 47.
2. Badley H. Documentary film technique. Trans. from English by Yu.L. Sher. Moscow: Iskusstvo, 1972. 240 p.

3. Zaychenko S.S. Some features of film discourse as a sign system. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2011. No. 4 (11). P. 82 – 86.
4. Paducheva E.V. Semantic studies (Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative). Moscow: Languages of Russian Culture, 1996.
5. Pronin A.A. Diegetic narrator in a documentary portrait film. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. 2015. Iss. 3. P. 216 – 223.
6. Pronin A.A. Documentary film as a narrative: limits of interpretation. Bulletin of Voronezh State University. Series: philology journalism. 2016. No. 2. P. 133 – 137
7. Tyupa V.I. Narratology as analytics of narrative discourse. Tver: Tver state university, 2001.
8. Chepurina V.V. Variability of the image of the narrator in speech performing art. Cultural code. 2022. No. 3. P. 100 – 112.
9. Schmid V. Narratology. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 311 p.

Информация об авторах

Чэнь Ци, Санкт-Петербургский государственный университет, 3147839040@qq.com

© Чэнь Ци, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 32.019.5 + 0.70

¹ Шульц Э.Э.

¹ Московский государственный лингвистический университет

Русская революция в современном общественном мнении России в контексте коммуникации государства и общества

Аннотация: статья посвящена исследованию восприятия революции 1917 г. в России в современном российском общественном мнении. В статье использованы данные социологических исследований крупных фондов для сравнения с собственными проведенными исследованиями. Проведенные исследования позволяют подтвердить и уточнить ряд выводов более ранних опросов, а также определить новые тренды в общественном мнении относительно революции 1917 г. и ряда исторических персон, которые неразрывно связаны с этим историческим событием. Показательным является интерес населения России к революции, последовавшей гражданской войне и историческим деятелям в сравнении с другими событиями в истории СССР, в общем по аудитории и в зависимости от принадлежности к возрастной группе, где указанные события уступают лишь таким событиям как «Великая отечественная война», «Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина» и «Олимпиада в Москве в 1980 г.». Интересные данные дал замер уровня положительной и негативной оценки революции и, как оказалось, более важно – нейтрального отношения, а также отношение россиян к таким фигурам как Ленин, Троцкий, Сталин и персонам, которые ассоциировано противостоят образу революции и указанных исторических личностей – Николай II, А.И. Солженицын, А.Д. Сахаров. Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на нарратив в медиаполе и в противовес современной кинопродукции и целому ряду художественных произведений, в том числе в большом количестве приуроченным к 100-летнему юбилею революции в России, большей частью негативизирующих образы самой революции и ее деятелей, в массовом сознании в России произошел обратный процесс – повышение интереса, снижение негатива и рост позитивного отношения. В данном контексте можно говорить об определенном протесте массового сознания на предлагаемые установки направленных медийных и немедийных коммуникаций.

Ключевые слова: образ революции, Русская революция в общественном мнении, образ СССР, восприятие Русской революции, протестные коммуникации, медийные коммуникации, немедийные коммуникации

Для цитирования: Шульц Э.Э. Русская революция в современном общественном мнении России в контексте коммуникации государства и общества // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 81 – 89.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Shults E.E.

¹ Moscow State Linguistic University

Russian revolution in contemporary public opinion of Russia in the context of communication between the state and society

Abstract: the article is devoted to the study of the perception of the 1917 revolution in Russia in modern Russian public opinion. The article uses the data of sociological research of the several Funds for comparison with our own research. The studies carried out allow us to confirm and clarify a number of conclusions of ear-

lier surveys, as well as determine new trends in public opinion regarding the 1917 revolution and a number of historical persons that are inextricably linked with this historical event. Indicative is the interest of the Russian population in the revolution that followed the civil war and historical figures in comparison with other events in the history of the USSR, in general by audience and depending on belonging to the age group, where these events are inferior only to such events as the "Great Patriotic War", "Launch of the first satellite and flight into space by Yu. Gagarin" and "Olympics in Moscow in 1980". Interesting data measured the level of positive and negative assessment of the revolution and, as it turned out, more important – neutral attitude, as well as the attitude of Russians to such figures as Lenin, Trotsky, Stalin and persons who are associatively opposed to the image of the revolution and these historical figures – Nicholas II, A.I. Solzhenitsyn, A.D. Sakharov. The results of the study demonstrate that, despite the narrative in the media field and in contrast to modern film production and a number of works of art, including in large numbers timed to coincide with the 100th anniversary of the revolution in Russia, mostly negativizing the images of the revolution itself and its leaders, in the mass consciousness in Russia there was a reverse process – an increase in interest, a decrease in negativity and an increase in positive attitudes. In this context, we can talk about a certain protest of the mass consciousness on the proposed installations, where directed media and immediate communications become a zone of interference between imperative and protest communications.

Keywords: the image of the revolution, the Russian revolution in public opinion, the image of the USSR, the perception of the Russian revolution, protest communications, media communications, non-media communications

For citation: Shults E.E. Russian revolution in contemporary public opinion of Russia in the context of communication between the state and society. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 81 – 89.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Образы революции в России 1917 г. и ее деятелей на протяжении уже более ста лет являются определенным барометром общественных настроений. Революция в России 1917 г. лежит в основании образования СССР, 100-летний юбилей которого страна отметила в 2022 году. Отношение к этому «краеугольному камню» целого периода в истории России, изменившего общество и государство и продолжающего оказывать влияние на современную Россию, еще долго будет актуальным в исследовательских работах и общественной мысли [1].

Оценка восприятия образов революции в России на современном этапе представляет особый интерес в связи с тем, что, начиная с 1990-х гг. эти образы в медиапространстве, а также в немедийных коммуникациях (художественные, научные и научно-популярные произведения, учебники, кинофильмы, театральные постановки и т.д.) подавались почти исключительно в негативном ключе и оценках. При этом, следует учитывать, что большая часть немедийных коммуникаций в современных условиях становятся медийными за счет процессов медиатизации общества и приобретает сверхмассовый охват (сообщения о просмотренных кинолентах, театральных постановках и прочитанной литературе с выражением позиции и оценок событий и персонажей становятся массовыми в социальных сетях и формируют наиболее массовые представления).

2017 г. – год столетия революции является определенным маркером, так как в отличие от научной дискуссии, в которой пошел процесс переосмысления роли революции в мировой и российской истории и оценки ее деятелей, медиапространство и особенно «масскульт» выдали максимально негативные образы. Учитывая особенности регулирования СМИ и медиакоммуникаций в России, а также финансирование кинофильмов (и сериалов), которые дали максимальный негатив (в первую очередь образам Ленина и Троцкого) получается, что такие образы являются государственной установкой или отсутствием определенной политики в данном вопросе, что не отменяет представления населения об императивности установок со стороны государства. Следование данным образом в общественном мнении является успехом коммуникации, изменение общественного мнения в противоположную сторону – протестом против установок. Проверим результаты.

Материалы и методы исследований

Возьмем для анализа целую серию социологических опросов (где два последних были проведены исследовательской группой, включающей автора данной статьи) и посмотрим динамику и современной состояния населения России к революции в России и ее наиболее известным деятелям.

Результаты и обсуждения

В октябре и ноябре 2021 г. были проведены два проектных социологических опроса по вопросу отношения к СССР с целью исследования отношения россиян к СССР, советскому периоду, отдельным его этапам и личностям.

Первый опрос (далее – «опрос студентов») охватил 103 респондента в возрасте от 17 до 34 лет с высоким образовательным уровнем, с более глубоким знанием истории России и вовлеченностью в предмет [2, 3].

Второй опрос (N=1015) был проведен в период 26.10-31.10.2021 г. методом онлайн интервью: городское население РФ, города с населением 100 тысяч жителей и более, женщины и мужчины 18-64 лет, выборка составила 1015 интервью [4].

Показательным является интерес населения к определенным событиям в истории СССР. Максимальные значения набирают: «Великая отечественная война» – 42%, «Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина» – 30%, «Олимпиада в Москве в 1980 г.» – 29%. При этом революция 1917 г. стойко удерживает интерес на уровне 24%, 23% отдается интересу периоду Гражданской войны в России – связанному с революцией. Наибольший интерес к изучению в молодежных группах – от 18 до 34 лет – представляют Великая отечественная война (30% и 39%), Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина (27% и 34%), Революция 1917 года (24% и 24%), Гражданская война (23% и 18%) (рис. 1).

«Революция 1917 г.» имеет большую связь в ассоциациях с СССР у возрастной группы «18-24» – 37%, снижаясь до 27% в группе «25-34», до 20% в группе «35-44» и снова повышаясь до 26% в группе «45-64». Гражданская война в России после революции имеет большие ассоциации с СССР у молодых поколений: 26% в группе «18-24», 15% в группе «25-34», 6 и 7% в группах «35-44» и «45-64». Здесь можно заключить, что более старшие поколения в силу образования в СССР имеют сильную связь в сознании эпохи СССР и революции, и эта же связь появляется в новых поколениях. Возрастная группа «35-44», чьи школьные годы пришлись на конец 1980-х, 1990-е гг. и начало 2000-х имеют иные представления о революции 1917 г. в связи с эпохой СССР.

	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина	56%	43%	52%	60%	61%
Великая отечественная война	54%	49%	52%	52%	58%
Олимпиада в Москве в 1980 году	46%	25%	38%	48%	55%
Стройки 70-х годов (БАМ и т п)	36%	14%	19%	40%	50%
Революция 1917 года	26%	37%	27%	20%	26%
Освоение целины	21%	7%	14%	26%	27%
Война в Афганистане	21%	17%	20%	23%	23%
Холодная война	19%	22%	20%	18%	19%
Индустриализация	16%	9%	13%	19%	17%
Гражданская война	11%	26%	15%	6%	7%
Коллективизация	11%	12%	12%	16%	8%
Репрессии в 30-е – начале 50-х годов	10%	7%	8%	12%	11%
Оттепель после смерти И. Сталина	9%	14%	8%	8%	9%
Голод тридцатых годов, голодомор	7%	14%	11%	4%	4%
XX съезд и разоблачение культа личности	7%	10%	5%	5%	8%
НЭП	5%	9%	7%	2%	4%
Преследования диссидентов в 70-80-е годы	5%	1%	8%	6%	4%
Затрудняюсь ответить	2%	4%	4%	1%	1%

Рис. 1. Ассоциации СССР с историческими событиями.

Fig. 1. Associations of the USSR with historical events.

Критические оценки Октябрьской революции почти не различаются в зависимости от возрастной группы – от 27% до 30% (28% – «18-24», 27% – «25-34», 30% – «35-44», 29% – «45-64»). Максимальные положительные оценки в возрастной группе «45-64» – 27%, затем следует группа «35-44» – 22% и сильное падение в молодых группах – 13% для «18-24» и 18% для «25-34». Примечателен уровень нейтральной оценки события: 43% для группы «45-64», 48% для группы «35-44» – фактически, это возрастные группы мак-

симального разделения общества на «белых» и «красных», более высокие показатели нейтрального отношения в группах «18-24» (60%) и «25-34» (55%) говорит уже о других поведенческих стереотипах (рис. 2).

	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
Октябрьская Революция 1917 года	Позитивные оценки (8-10)	22%	13%	18%	22%
	Нейтральные оценки (4-7)	49%	60%	55%	48%
	Критические оценки (1-3)	29%	28%	27%	30%
Николай II	Позитивные оценки (8-10)	30%	23%	31%	27%
	Нейтральные оценки (4-7)	50%	56%	51%	52%
	Критические оценки (1-3)	20%	21%	18%	21%
В. Ленин	Позитивные оценки (8-10)	28%	27%	27%	26%
	Нейтральные оценки (4-7)	47%	50%	46%	48%
	Критические оценки (1-3)	25%	23%	27%	26%
И. Сталин	Позитивные оценки (8-10)	31%	24%	29%	39%
	Нейтральные оценки (4-7)	44%	52%	43%	45%
	Критические оценки (1-3)	25%	24%	27%	16%
Л. Троцкий	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
	Позитивные оценки (8-10)	8%	14%	9%	6%
	Нейтральные оценки (4-7)	56%	63%	56%	57%
	Критические оценки (1-3)	37%	23%	35%	38%

Рис. 2. Отношение к Революции и историческим деятелям.
Fig. 2. Attitude towards the Revolution and historical figures.

Отдельный опрос студентов и аспирантов, обучающихся на гуманитарных направлениях (N=103), по вопросу «Как Вы относитесь к Октябрьской революции 1917 года?» дал следующие результаты. 36% ответов дали середину шкалы от отрицательной к положительной оценке. Однаковое количество респондентов проголосовали за крайние позиции: положительную и отрицательную – по 11,7% опрошенных. 25,2% признают более отрицательную оценку, а 15,6% – более положительную, чем отрицательную. В целом, результаты этого опроса подтверждают результаты опроса по стране в возрастных категориях «18-24» и «25-34», однако с меньшим объемом критических оценок, увеличивая категории «скорее положительная» и «скорее негативная». Видимо, здесь сказывается уровень гуманитарного образования.

Примечательно, что позитивные, негативные и нейтральные оценки В.И. Ленина почти не разнятся в зависимости от возрастной группы. Позитивные: 27%, 27%, 26% и 30% соответственно возрастным группам. Негативные: 23%, 27%, 26% и 25% соответственно возрастным группам. Нейтральные оценки: 50%, 46%, 48% и 45% соответственно возрастным группам.

Максимально позитивная оценка фигуры И.В. Сталина принадлежит возрастной группе «35-44» – 39%. Примерно одинаковый уровень позитивной оценки демонстрируют группы «25-34» и «45-64» – 29% и 30%, соответственно. Уровень позитивной оценки несколько падает в группе «18-24» – 24%, но здесь ниже и негативное отношение – 24% в сравнении с 27% в группе «25-34» и 28% в группе «45-64». Группа «35-44» демонстрирует не только максимальную позитивную оценку И.В. Сталина, но и минимальную негативную – 16%. Три возрастные группы – «25-34», «35-44», «45-64» – демонстрируют близкие значения нейтрального отношения в оценке И.В. Сталина – 43%, 45% и 42%, соответственно. Группа же «18-24» дает максимальные нейтральные значения оценок – 52%.

Бросается в глаза, что по возрастным группам показатели позитивных, негативных и нейтральных оценок почти совпадают. Исключение составляет возрастная группа «35-44», которая дает рост позитивных оценок Сталина в сравнении с Лениным (39% против 26%), резкое снижение негативных оценок (16% против 26%) при почти одинаковых показателях нейтральных оценок (45% и 48%).

Опрос студентов и аспирантов, обучающихся на гуманитарных направлениях (N=103), по вопросам отношения к Ленину и Сталину дали сходную динамику. Вопрос «Как Вы относитесь к Ленину?» дал следующие результаты. 12,6% – однозначно положительная оценка, 13,6% – однозначно отрицательная. Почти одинако-

вые значение дополняются срединным значением положительного и отрицательного отношения – 23,3%. Скорее положительная оценка набрала наибольшие результаты – 30,1%, а скорее отрицательная – 20,3%.

Абсолютно негативная оценка фигуры Сталина в 2,1 раза превышает абсолютно положительную – 14,6% против 6,8%. 23,3% респондентов заняли срединную позицию. Для 32,1% положительная оценка несколько перевешивает отрицательную, для 23,3% отрицательная оценка перевешивает положительную. Сумма положительной оценки (оценки от 1 до 4) – составляет 38,9%. Сумма отрицательной оценки (оценки от 7 до 10) составляет 37,7%. Таким образом, несмотря на перевес резко отрицательной оценки фигуры Сталина, эти значения крайне низки – 14,6%, особенно в сравнении с теми данными, что давали 1980-е – 2000-е гг. При этом, в целом положительное отношение у образованной в области истории молодежи преувеличивает: 38,9% против 37,7% (а при учитывании оценки «5» в сторону «скорее положительная, а оценки «6» в сторону «скорее отрицательная», эта разница становится еще ощутимее: 52,2% против 47,4%).

Резкий водораздел в обществе демонстрирует и отношение к фигуре Николая II: примерно одинаковое (с небольшим превалированием позитивных оценок) позитивных и негативных оценок и высокий уровень нейтральных оценок – от 48 до 56% в разных возрастных группах, которые сильно сходны с такими же оценками Ленина, Сталина и Октябрьской революции. Результаты по фигуре Николая II можно рассматривать как зеркальные к фигурам Ленина и Сталина и событиям Октябрьской революции.

Отдельный опрос аспирантов и студентов (N=103) дает близкую картину, но с некоторыми уточнениями. Абсолютно положительная и абсолютно отрицательная оценки Николая II близки по показателям: 13,6% – положительная оценка, 12,6% – отрицательная. Срединное значение (ни позитивно, ни негативно) – 30,1%. Николай II в советское время воспринимался антиподом Ленина, и положительная оценка одного давала отрицательную отношение к другому. Следует после опроса по Ленину ожидать «скорее отрицательное» больше, чем в «скорее положительное отношение», однако здесь все наоборот. Положительная оценка все-таки перевешивает отрицательную у 28,2% респондентов (в сравнении с 15,6%, у которых отрицательная оценка все-таки перевешивает положительные черты).

Фигура Л.Д. Троцкого имеет сильную негативную оценку – 37% против 8% позитивной, но следует отметить и здесь 56% голосов за нейтральное отношение в оценке этого деятеля революции. При этом, максимальный позитив и минимальный негатив демонстрирует возрастная группа «18-24»: 14% позитивной оценки (против 9%, 6% и 6% в других возрастных группах) и 23% негативной оценки (против 35%, 38% и 41% в других возрастных группах). В этой самой молодой группе и наибольший процент нейтральной оценки – 63% (против 56%, 57% и 53% в других возрастных группах). Что говорит о сходном отношении всех возрастных групп от 25 лет, но начинающем отличаться отношении в группе моложе 25 лет.

Опрос студентов и аспирантов по отношению к Троцкому дал следующее распределение: 1 – 6,8%, 2 – 2,9%, 3 – 3,9%, 4 – 11,7%, 5 – 35,9%, 6 – 12,6%, 7 – 7,8%, 8 – 4,9%, 9 – 4,9%, 10 – 8,7%. Абсолютно положительная оценка («1») – 6,8% – и абсолютно отрицательная («10») – 8,7% – крайне малы и почти не отличаются друг от друга. Максимальное значение получила оценка «ни положительная, ни отрицательная» – баллы «5» и «6» – 48,5%. Если прибавить к этому значения оценки близкие к середине – «4» и «7» – то получаем, 68% ответов респондентов. Примечательно, что данная оценка идет вразрез как с советскими нормами (троцкистский уклон, антиленинец и т.д.), так и с современными негативными образами Троцкого в масскульте.

Интересным представляется сравнить с результатами оценки более современных деятелей, олицетворяющих либеральное, антисоветское, диссидентское движение – А.И. Солженицын и А.Д. Сахаров – противоположность деятелям революции и раннего Советского периода. Максимальная позитивная оценка А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова в возрастной группе «45-64» – 33% и 46%, соответственно. Выделяется еще позитивная оценка А.Д. Сахарова в группе «35-44» – 36%. Остальные показатели примерно одинаковые в оценке одного и другого деятеля в разных возрастных группах: 18% в группе «18-24», 24% в группе «25-34», 24% по Солженицыну и 36% по Сахарову в группе «35-44». Эти данные тоже можно рассматривать как зеркальные в отношении к Революции, фигурам Ленина и Сталина (рис. 3).

Опрос студентов и аспирантов дал несколько отличные результаты. Выделяется резко отрицательное отношение респондентов к Солженицыну – 17,5% и скорее отрицательное – 44,7%. 35% опрошенных сказали, что положительного и отрицательного было примерно одинаково. 28,1% опрошенных данную фигуру оценивают скорее оценивают положительно (явный сдвиг восприятия в аудитории с высоким образовательным уровнем). Более сбалансированным, с меньшим отрицательным отношением, выглядит оценка фигуры академика Сахарова. Почти одинаковые показатели дает оценка фигуры А.Д. Сахарова: 12,6% против 10,7% и высокая доля нейтральной оценки – 35% опрошенных. И здесь мы наблюдаем изменение в отношении к фигуре – одному из символов либеральных изменений в России.

	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
А. Солженицын	Позитивные оценки (8-10)	27%	18%	24%	24%
	Нейтральные оценки (4-7)	52%	64%	53%	55%
	Критические оценки (1-3)	21%	19%	23%	21%
А. Сахаров	Позитивные оценки (8-10)	35%	18%	24%	36%
	Нейтральные оценки (4-7)	48%	64%	54%	53%
	Критические оценки (1-3)	17%	18%	23%	11%

Рис. 3. Отношение к некоторым персоналиям второй половины XX в.

Fig. 3. Attitude towards some personalities of the second half of the 20th century.

Очевидны оценки, разделяющие российское общество: Октябрьская революция – 22% позитив, 29% негатив, фигура Николая II – 30% позитив, 20% негатив, В.И. Ленин – 28% позитив, 25% негатив, И.В. Сталин – 31% позитив, 25% негатив, А.И. Солженицын – 27% позитив, 21% негатив. Эти же события и персоны имеют и высокий уровень нейтральной оценки: Октябрьская революция – 49%, Николай – 50%, В.И. Ленин – 47%, И.В. Сталин – 44%, А.И. Солженицын – 52%. Эти события и персоны в разные периоды истории России имели крайние официальные интерпретации от максимального позитива к максимальному негативу. Поляризация отношений говорит о сохраняющемся расколе в обществе, высокая доля нейтрального отношения, скорее всего, говорит об изменении отношения населения России в подходах к принципам оценки исторических деятелей и событий: от крайних стадий восхваления и хулы до попыток взвешенных оценок в историческом контексте.

При этом, все еще высокий уровень критического отношения к революции, Ленину, Сталину (29%, 25% и 25%) отражает результаты воздействия масс-культуры на аудиторию (большой объем фильмов и сериалов с негативными образами революционеров и революции в России, особенно запущенные к 100-летию революции).

Данные исследования коррелируют с данными общероссийских исследований общественного мнения.

По данным опроса ВЦИОМ 2016 г. 57% россиян определяли революцию как историческую неизбежность. При этом последствия Октябрьской революции в целом оценивались скорее положительно (61%), причем не только в старшем поколении, но и молодежью. Крайние позиции во взглядах на революцию ослабевают, революция все больше воспринимается как сложное и противоречивое явление, имеющее позитивные и негативные аспекты [5].

Согласно опросам Фонда «Общественное мнение» в 2020 г. 54% россиян видят в Октябрьской революции больше положительных, чем отрицательных последствий, 23% уверены, что отрицательных последствий было больше [6].

Опросы россиян «Левада-центра» о самых выдающихся личностях, которые идут уже более 30 лет дают следующую картину. В 1989 г. самой выдающейся личностью Ленина называли 72%, в 1994 г. – 34%, в 1999 г. – 43%, в 2021 г. – 30% [7]. Спад между 1989 г. и 1994 г. был обусловлен резкой сменой во всех областях и сменой отношения к ушедшему государству – СССР – и революции и ее деятелям, которые стояли в основе этого государства. В дальнейшем заметны некоторые колебания, но в целом, уровень 30% 2021 г. сильно напоминает уровень 1994 г.: как и в период начала 1990-х сработал информационный фон, который на протяжении начала 2000 – 2021 гг. выдавал мейнстримом резко негативное отношение к Ленину, связанное не только (и не всегда столько) с революцией, сколько с развалом империи, а затем развалом СССР.

По опросам Левада-центра с 2006 года наблюдается рост доли положительных оценок роли В.И. Ленина в истории России – с 40% (в 2006 г.) до 67% (в 2024 г.) [10]. Опрос 2024 г. дал 21% респондентов, проголосовавших за «целиком положительную роль Ленина» и 46% – за «скорее положительную» (в сумме – 67%); за «скорее отрицательную» – 11%, за «резко отрицательную» – 5% (затруднились ответить – 17%). Примечателен рост на 5-6% в обоих ответах за положительную роль Ленина по сравнению с 2017 г. за счет переходания из групп «скорее отрицательную» (-6%) и затруднившихся ответить (-6%).

Опрос ВЦИОМ 2024 г. дал следующие результаты: 47% респондентов, указавших, что знают, кто такой Ленин, декларирует к нему положительное или скорее положительное отношение, 30% – безразличное, 15% – относятся к этой фигуре отрицательно. Интересно, что чаще положительная оценка определяется среди двух категорий с точки зрения медиапотребления: активные телезрители – 67% положительного от-

ношения, и приверженцы смешанной модели медиапотребления – 53%. Эти же группы считают, что деятельность Ленина принесла стране больше пользы – по 46% в обеих группах [13].

Динамика отношения к фигуре Сталина сильно отличается. В 1989 г. его называли самой выдающейся личностью 12%, в 1994 г. – 20%, в 1999 г. – 35%, в 2003 г. – 40%, в 2008 г. – 36%, в 2012 г. – 42%, в 2017 г. – 38%, в 2021 г. – 39% [7]. Т.о., достигнув пиковых значений на рубеже 20 и 21 веков, эти оценки сохраняются уже 20 лет.

В опросах россиян «Левада-центра» о самых выдающихся личностях И.В. Сталин получает самое большое количество голосов с 2012 г. Опрос, проведенный в мае 2021 года (N=1620) дал следующие показатели: И. Сталин (39%), В. Ленин (30%), А. Пушкин (23%), Пётр I (19%) и В. Путин (15%) [7].

В опросах того же «Левада-центра» в мае 2021 г. на утверждение «Сталин был великим вождем» 56% опрошенных россиян ответили «скорее согласны» или «полностью согласны» (31% полностью согласен, 25% – скорее согласен); при этом, только 8% россиян категорически не согласны с таким утверждением и еще 6% – «скорее не согласны» (27% остановились на ответе «в чем-то согласен, в чем-то не согласен»). Причем, динамика с 2016 г. дает рост в два раза с 28% до 56% оценки россиянами Сталина как великого вождя, и сокращение с 23% до 14% тех, кто с этим не согласен [8].

Отдельный вопрос о личном отношении к Сталину россиян дал 60% тех, кто относится с восхищением, с уважением, с симпатией к данной личности (с восхищением – 5%, с уважением – 45%, с симпатией – 10%); неприязненное отношение, страх, отвращение и ненависть вызывает фигура Сталина у 11% респондентов (еще 3% затруднились с ответом, для 28% фигура Сталина безразлична). Причем, за последние годы доля ответа «с уважением» выросла с 29% (2018 г.) до 45% (2021 г.), а «с симпатией» с 6% (2019 г.) до 10% (2021 г.) [8].

Опрос 2023 г. показал, что с мая 2021 года отношение к И.В. Сталину практически не изменилось. 47% респондентов относятся к нему с уважением (в мае 2021 – 44%), 23% – безразлично (в мае 2021 – 27%), ещё 16% – с симпатией либо восхищением (в мае 2021 – 15%). 8% испытывают негативные эмоции (в мае 2021 – 11%). Утверждение, что Сталин был великим вождем в 2024 г. поддержали 85% респондентов. Полностью согласились – 32% (+1% в сравнении с 2021 г.), «скорее согласен» – 22% (-3%), «в чем-то согласен, в чем-то нет» – 31% (+4%), «полностью не согласен» – 6% (-2%), «скорее не согласен» – 6%, затруднились ответить – 4% (+2%). Таким образом, в данном вопросе флюктуации за последние 3 года незначительны, часть из них может находиться в зоне статистической погрешности [11].

С сравнительной точки зрения для анализа причин и трендов интересны данные социологического исследования на Украине («Киевский международный институт социологии», июнь 2021, N=2007, методом телефонных интервью с использованием computer-assisted telephone interviews, CATI и личный опрос), где с утверждением, что Сталин является великим вождем, согласились только 16% респондентов, а не согласились 40% (16% среди тех, кто полностью или скорее согласился, и 34% тех, кто ответил «с чем-то согласен, с чем-то нет») [8]. Данные свидетельствуют о влиянии современных политических трендов и идеологии украинских властей, при серьезной базе тех, кто сохраняет отличающиеся представления.

Интересен и срез в опросах Левада-центра по отношению россиян к установке памятника И.В. Сталину. Если в 2000-е преобладало негативное отношение: (36-37% опрошенных выступали против такого памятника, позитивно – около четверти, то в 2021 г. установку памятника Сталину поддержало 48% респондентов и только 20% выступило против (N=1620, 20-26 мая 2021 года) [9]. Причем, рост поддержки произошел во всех социально-демографических группах, но самым существенным – среди самых молодых (в 5 раз) и обеспеченных респондентов (в 3 раза). Наибольшее отрицательное отношение показывают возрастные категории 40-55 лет, проживающие в крупнейших городах, получившие высшее образование. Возрастные группы «55 лет и старше» дали 52% положительных ответов, респонденты возрастной группы «18-24 лет» дали 50% положительных ответов), а «25-39 лет» – 45% [9].

Эти данные меняют картину позитивного отношения к Сталину только в старших поколениях и с более низким уровнем образования.

Выводы

Революция 1917 года в России с самого ее происхождения вызывала диаметрально противоположные оценки в общественной мысли и массовом сознании. Период СССР был характерен максимально позитивным отношением и эмиграцией негативного отношения за рубеж страны. В конце 1980-х общественное отношение качнулось как маятник к прямо противоположному положению: негативное отношение к революции словно вернулось из эмиграции и стало доминантной общественной мысли и общественного мнения. Первые 20 лет 21 века, похоже, что мода в общественной мысли стала расходиться с общественным мнением: художественная литература, фильмы, телевизионные передачи и пресса продолжают в массе своей продвигать

негатив по отношению к Русской революции, общественное же мнение начинает сдвигаться в сторону позитивной оценки и в сторону нейтральной оценки, которая говорит о более взвешенном подходе россиян к событиям исторического прошлого, как сложных процессов, проходивших в определенных условиях, несущих в себе неизбежно как положительные, так и отрицательные черты, в которых необходимо выделять положительные для страны и общества сдвиги, с также объективные и субъективные факторы.

Отношение к именам революции, оставшимся в истории, прошло более сложный путь. Ленин имел высокую положительную оценку на протяжении всей истории СССР и потерял большую часть в доли населения с такой оценкой только в 1990-е гг. Троцкий был подвергнут анафеме при Сталине, несколько «поправил» свое реноме в 1990-е, но высоких рейтингов так и не добился (несмотря на феномен до сих пор существующих троцкистов и притягательности среди молодежи образов бунтарей, и феномен «команданте Че», на который образ Троцкого частично претендует). Stalin после смерти в 1953 г. был сведен с пьедестала народного обожания и обвинен в отходе от ленинизма и настоящего правильного ленинского пути. В брежневскую эпоху образ Сталина был частично восстановлен, но императивы Оттепели продолжали доминировать, выплеснувшись во второй половине 1980-х и 1990-е гг. в состояние массового общественного негатива по отношению к данной исторической фигуре. Начиная с 2000- гг. общественное отношение к этой фигуре начинает меняться, и сегодня мы видим, что Stalin является одной из самых рейтинговых исторических фигур в отечественной истории для россиян.

Отношение к «Революция» и «Ленин» имеют прямую связь, хотя и не прямую зависимость, так как революция может расцениваться респондентами как объективный процесс, принесший много благ простому народу, а Ленину могут вменять «претензии» террора (который нужно было избежать в революции), антицерковную политику, будущий распад СССР через 70 лет и т.п. [12]. Stalin рассматривается как продолжение революционных изменений, с одной стороны, и как упразднение революционных перегибов в пользу национального государственного строительства. Lenin побеждает в общественном мнении как революционер, Stalin побеждает, как государственник. Троцкий проигрывает по всем направлениям. Герои Перестройки и 1990-х – Солженицын и Сахаров – сохраняют часть приверженцев, но уже не имеют «всенародной любви». Общественное мнение, очевидно, предпочитает национальные и государственные интересы России в противовес идеям диссидентства, либерализма и глобализма.

Таким образом, несмотря на нарратив в медиаполе и в противовес сериалам, кинофильмам и целому ряду художественных произведений, в том числе в большом количестве приуроченным к 100-летнему юбилею революции в России, большей частью негативизирующих образы самой революции и ее деятелей, в массовом сознании в России произошел обратный процесс – повышение интереса, снижение негатива и рост позитивного отношения к революции в России 1917 г. и деятелям этой революции. В данном контексте можно говорить об определенном протесте массового сознания на предлагаемые установки направленных медийных и немедийных коммуникаций.

Список источников

1. Багдасарян В.Э., Журавлев В.В., Ларионов А.Э. Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 1. С. 85 – 97.
2. Багдасарян В.Э., Журавлев В.В., Ларионов А.Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. 304 с.
3. ВЦИОМ. Сто лет без Ленина. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sto-let-bez-lenina> (дата обращения: 08.03.2024).
4. Годовщина революции. Октябрьская революция в жизни страны и российских семей. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14489> (дата обращение: 09.07.2022).
5. Октябрьская революция: 1917-2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolyuuciya-1917-2017> (дата обращения: 09.07.2022).
6. Левада-Центр. Самые выдающиеся личности в истории. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samye-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 08.01.2022).
7. Левада-Центр. Отношение к Сталину: Россия и Украина. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (дата обращения: 08.01.2022).
8. Левада-центр. Stalin-Центр и памятник Сталину. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (дата обращения: 08.01.2022).

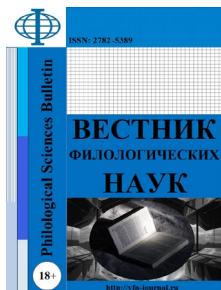
9. Левада-центр. Представления о личности Владимира Ленина и его роли в истории страны. URL: <https://www.levada.ru/2024/04/16/predstavleniya-o-lichnosti-vladimira-lenina-i-ego-roli-v-istorii-strany/?ysclid=m8091rb8c446583413> (дата обращения: 08.03.2024).
10. Левада-центр. Отношение к Сталину. URL: <https://www.levada.ru/2023/08/15/otnoshenie-k-stalinu/?ysclid=m809q3b33o398766303> (дата обращения: 08.03.2024).
11. Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти. Материалы международной научной конференции: материалы социологических исследований / отв. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Издательство «Наукоемкие технологии», 2021. Ч. 2. 65 с.
12. Шульц Э.Э. К вопросу о методах и подходах в изучении Русской революции // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2020. № 459. С. 171 – 177.
13. Шульц Э.Э. Ленин: проблемы осмыслиения собственной истории // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 159 – 170.

References

1. Baghdasaryan V.E., Zhuravlev V.V., Larionov A.E. Young People's View of the Soviet Era: Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Journal of Political Studies. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 85 – 97.
2. Baghdasaryan V.E., Zhuravlev V.V., Larionov A.E. Perception of the Soviet Past in the Context of the Formation of New Identities, Memory Wars, and Images of the Future in the Post-Soviet Space. Moscow: Prospect, 2022. 304 p.
3. VTsIOM. One Hundred Years Without Lenin. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sto-let-bez-lenina> (date of accessed: 08.03.2024).
4. Anniversary of the Revolution. The October Revolution in the Life of the Country and Russian Families. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14489> (date of accessed: 09.07.2022).
5. The October Revolution: 1917-2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolyuziya-1917-2017> (date of accessed: 09.07.2022).
6. Levada Center. The Most Outstanding Personalities in History. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samye-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (date of accessed: 08.01.2022).
7. Levada Center. Attitudes towards Stalin: Russia and Ukraine. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (date of access: 08.01.2022).
8. Levada Center. Stalin Center and the monument to Stalin. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalinsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (date of access: 08.01.2022).
9. Levada Center. Ideas about the personality of Vladimir Lenin and his role in the history of the country. URL: <https://www.levada.ru/2024/04/16/predstavleniya-o-lichnosti-vladimira-lenina-i-ego-roli-v-istorii-strany/?ysclid=m8091rb8c446583413> (date of accessed: 08.03.2024).
10. Levada Center. Attitude to Stalin. URL: <https://www.levada.ru/2023/08/15/otnoshenie-k-stalinu/?ysclid=m809q3b33o398766303> (date of accessed: 08.03.2024).
11. Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Proceedings of the International Scientific Conference: Materials of Sociological Research. Ed. V.V. Zhuravlev. SPb.: Science-Intensive Technologies Publishing House, 2021. Part 2. 65 p.
12. Schulz E.E. On the Question of Methods and Approaches in the Study of the Russian Revolution. Bulletin of Tomsk State University. Series "History". 2020. No. 459. P. 171 – 177.
13. Schulz E.E. Lenin: Problems of Understanding One's Own History. Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 464. P. 159 – 170.

Информация об авторах

Шульц Э.Э., кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Nuap1@ya.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'27

¹Артамонов А.С., ²Сосунова Г.А.

¹Университет науки и технологий МИСИС
²Государственный университет просвещения

Особенности верbalной репрезентации ассоциативно-смыслового поля концепта «афроколумбиец» в песенном дискурсе

Аннотация: в статье предпринята попытка выявить вербальные единицы, которыми выражаются в песенном дискурсе элементы ассоциативно-смыслового поля концепта «афроколумбиец». Для достижения этой цели был произведен ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 23 респондента. Полученные данные были обработаны и проанализированы. На втором этапе был произведен контекстуальный анализ текстового материала, которым послужили три песенных композиции. Данные ассоциативного эксперимента были соотнесены с результатами контекстуального анализа для выявления наиболее значимых элементов ассоциативно-смыслового поля. Сделан вывод: в песенном дискурсе наиболее репрезентативными являются лексические единицы, обозначающие культурные особенности афроколумбийского населения, а также лексические единицы, определяющие характеристики данной этнической группы. При этом лексические единицы, обозначающие социальное положение афроколумбийцев, хотя и занимают важное положение в ассоциативно-смысловом поле, имеют не столь значительную репрезентацию в песенном дискурсе.

Ключевые слова: песенный дискурс, Колумбия, испанский, концепт, афро, лингвокультурология

Для цитирования: Артамонов А.С., Сосунова Г.А. Особенности вербалной репрезентации ассоциативно-смыслового поля концепта «афроколумбиец» в песенном дискурсе // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 90 – 97.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Artamonov A.S., ²Sosunova G.A.

¹University of Science and Technology MISIS
²Federal State University of Education

Particularities of the verbal representation of the associative-semantic field of the concept "Afro-Colombian" in song discourse

Abstract: the article attempts to identify which verbal units the elements of the associative-semantic field of the concept "Afro-Colombian" are expressed in song discourse. To achieve this goal, an associative experiment was conducted, in which 23 respondents participated. The data obtained were processed and analyzed. At the second stage, a contextual analysis of the text material was performed, based on three song compositions. The results of the associative experiment were correlated with the results of the contextual analysis to identify the most significant elements of the associative semantic field. The conclusion is made: in song discourse, the most representative are the lexical units denoting the cultural characteristics of the Afro-Colombian population, as well as the lexical units defining the characteristics of this ethnic group. At the same time, the lexical units denoting the social status of Af-

ro-Colombians, although they occupy an important position in the associative and semantic field, their representation in song discourse is not so significant.

Keywords: song discourse, Colombia, Spanish, concept, afro, cultural linguistics

For citation: Artamonov A.S., Sosunova G.A. Particularities of the verbal representation of the associative-semantic field of the concept "Afro-Colombian" in song discourse. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 90 – 97.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Данная работа освещает один из аспектов исследования этноспецифической концептосферы колумбийского варианта испанского языка. Важной частью этой концептосферы являются этнокультуронимы, то есть лексические единицы, которые «обладают национально-специфическим предметно-логическим значением, и развили самобытную систему лингвокультурологических ассоциаций и символов» [11]. Среди этнокультуронимов колумбийского варианта испанского языка, можно выделить лексемы, называющие различные региональные культуры этой страны: *paísa* (житель департамента Антиокья), *costeño* (жительカリбского побережья), *cachaco* (житель центрального региона), *indígena* (индеец) и другие. В этом же ряду находится и этнокультуроним *afrocolombiano* (афроколумбиец), являющийся гипонимом по отношению к понятию *afrodescendiente* (перевод: человек африканского происхождения).

Колумбия является полиглоттальной страной, культура которой сформировалась в результате смешения трех культур, а, следовательно, в национальном варианте языка прослеживается наличие «трех компонентов: испанского, американо-индейского и афро-колумбийского» [10]. Этот факт подтверждается данными переписи населения 2023 года, в ходе которой было выявлено, что 50,3% населения относят себя к метисам, 26,4 % к белым, 9,5% к индейцам и 9% самоидентифицируют себя как афроколумбийцы [15]. Несмотря на то, что афроколумбийцы являются меньшинством, эта этническая группа внесла значительный вклад в формирование культуры страны благодаря включению в неё различных элементов своей национальной культуры [4].

Целью данной работы является определение вербальных единиц, выражающих содержание концепта «афроколумбиец» в контексте более широкого исследования национально-специфической концептосферы колумбийского национального языка, в связи с тем, что «анализ концептов и их языковых репрезентаций позволяет выявить особенности мировосприятия представителей той или иной этнической культуры, особенности их менталитета и национального характера» [8].

Отметим, что в лингвокультурологии концепт «является специфическим отражением действительности, дающим общее представление о предмете, явлении или отношении и их оценку» [2]. В свою очередь, в процессе лингвокультурологического исследования для описания концепта и его анализа могут использоваться различные языковые средства, которые входят в его ассоциативно-смысловое поле. К таким средствам относятся: прямые и производные номинации концепта; однокоренные слова, связанные со средствами вербализации концепта; контекстуальные синонимы; метафорические номинации концепта и его производных (например, персонификация, метафоры, эпитеты); свободные словосочетания, которые обозначают признаки, характерные для концепта [7].

Вербальные репрезентаты и ассоциаты концепта могут быть представлены в виде ассоциативно-смыслового поля (АСП), структура которого состоит из ядра, периферической части, а также может иметь индивидуально-авторский слой [1].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался ассоциативный эксперимент, в котором приняли 23 респондента – носителя колумбийского варианта испанского языка. Произведена классификация слов-ассоциатов и квантивативный анализ. На втором этапе был произведен контекст-анализ 3 текстов музыкальных произведений, отражающих содержание концепта «афроколумбиец». Далее результаты ассоциативного эксперимента были соотнесены с результатами контекстуального анализа. Проведен дискурс анализ, контент анализ, лингвокультурологический комментарий и этимологическая справка. Для пояснения значения лексических единиц, не поддающихся дословному переводу, использован лингвокультурологический комментарий.

Результаты и обсуждения

В результате ассоциативного эксперимента было собрано 100 реакций, которые были сгруппированы по следующим категориям: внешний вид, география и расовые признаки, качества характера, социальное положение, культура. В скобках указано количество повторяющихся реакций (таблица 1).

Таблица 1

Результаты ассоциативного эксперимента.

Table 1

The results of associative experiment.

Категория	Реакции	Кол-во реакций	Три наиболее частых реакции
Культура	Sabor – вкус / зажигательность (4), tambores – барабаны, baile (4) – танец, música (3) – музыка, herencia – наследие, cultura (2) – культура, tradiciones – традиции, deporte – спорт, comida – еда, gastronomía – гастрономия, ritmo – ритм, talento – талант, negritudes – негритюд, pescado – рыба	23	1. Sabor (4) 2. Baile (4) 3. Música (3)
Социальные факторы	Esclavitud (2) – рабство, desigualdad (2) – неравенство, marginalización – маргинализация, marginado – маргинальный, opresión – угнетение, racismo – расизм, pobre – бедный, pobreza – бедность, identidad – идентичность, diversidad – разнообразие, minoría – меньшинство, superación – преодоление, segregación – сегрегация, desventajas – недостатки, inequidad – неравенство, tristeza – грусть, cimarrón – беглый раб, gringo – иностранец, eufemismo – эвфемизм, palabra – слово, tibio – ни то ни сё, variedad – разнообразие	22	1. Desigualdad / inequidad (3) 2. Esclavitud (2) 3. Pobreza (2)
Характеристика	Alegre (3) – радостный, alegría (3) – радость, feliz (2) – счастливый, orgullo (2) – гордость, orgulloso – гордый, extrovertido – общительный, fuerte (2) – сильный, espontáneo – спонтанный, vivaz – жизнерадостный, sencillez – простота, carisma – харизма, amable – приветливый	19	1. Alegría (6) 2. Orgulloso (4) 3. Fuerte
Этническое происхождение	negro – негр (5), raza negra – черная раса, raza – раса, comunidad negra – негритянская община, raizal (3) – раисалец, África (2) – Африка, aafrodescendiente – человек африканского происхождения, descendencia africana – африканское происхождение, mulato – мулат, mestizaje – смешение рас	17	1. Raza negra (7) 2. Afrodescendiente (4) 3. Raizal (3)
География	Pacífico (5) – Тихоокеанское побережье, Palenque (2) – Паленке (населенный пункт), palenquero (2) – житель Паленке, Chocó (3) – Чоко, naturaleza – природа, ballenas – киты	14	1. Pacífico (5) 2. Palenque / palenquero (4) 3. Chocó
Внешний вид	Trenzas – косички, crespos – кудрявые, cabello apretado – плотные полосы, dientes blancos – белые зубы, rizos – кудри	5	1. Волосы и прическа 2. Dientes blancos

Следующим этапом исследования является контекстуальный анализ текстов песен. В первую очередь отметим ценность песенного дискурса как источника материала для проведения лингвокультурологического исследования, ввиду того что «он связан с социальным окружением и является зеркалом действительности».

сти того или иного общества» [5]. Кроме того, «музыка Колумбии является столпом национальной культуры» [6], и содержит в себе культурные архетипы и мифологемы.

Обратимся к тексту песни «Моя свобода» Джо Арройо, который считается одним из лучших исполнителей карибской музыки в Колумбии. Текст представлен на языке оригинала и сопровождается вольным авторским переводом. В тексте и переводе жирным шрифтом выделены слова, входящие в ассоциативно-смысловое поле концепта «афроколумбиец».

«A Cartagena y Palenque llegó mi raza africana
Que derramó su sangre todita en la orilla del mar
Cargando el español todo el oro que llevó
Y tan sólo le ha dejado su tambor
Al indio lo emancipó, al negro lo esclavizó
Confundiéndose en lágrimas con sudor
Como la india Catalina fue virtuosa su vida
Y como tener hambre todita se liberó
Fue en un 11 de noviembre
Indios palokos a luchar
Llenos del espíritu de libertad
Con mi raza nadie puede,
Con mi gaita y mi cantar
Y el tambor que mira mira ay negra ven pa acá

Negra piel canela vamos ya, vamos a gozar
Con sabor latino, vámónos a disfrutar
Negra piel canela vamos ya, vamos a gozar
Toca un bullerengue, un mapalé, una cumbia ven
pa acá
Esa negra linda tiene el sabor y el tumbao para
gozar

Negra piel canela vamos ya, vamos a gozar
Desde Cartagena, del Caribe tropical,
Te canta un nativo la versión original
Mi raza sufrida, fuerte como el guayacán
Perdieron la vida en manos del mayoral
Negra piel canela vamos ya, vamos a gozar
Pero dejaron la huella en mi piel canela» [12].

В Картахену и Паленке прибыла моя африканская раса,
Которая пролила свою кровь на берегу моря
Испанец уехал и увез с собой золото
Оставив им только их барабан
Индееца он освободил, негра поработил
Сквозь пот, слёзы и голод
Как индейка Каталина, чья жизнь была добродетельна,
Она освободилась
Это было 11 ноября
Индейцы палокос сражаются
Наполненные духом свободы
Мою расу никто не одолеет,
Мою флейту и моё пение
И барабан, смотри, давай негритянка, иди сюда

Негритянка, кожа цвета корицы давай, давай наслаждаться
С латинским вкусом, давайте наслаждаться
Негритянка, кожа цвета корицы. давай, давай наслаждаться
Сыграйте бульеренге, мапале, кумбию для нас.
У этой симпатичной негритянки есть зажигательность и
грация чтобы желание наслаждаться.

Негритянка, кожа цвета корицы, давай уже, давай наслаждаться
Из Картахены, тропического Карибского моря,
Уроженец поет вам оригинальную версию
Моя многострадальная раса, крепкая как гвайкан
Они погибли от рук начальника
Негритянка, кожа цвета корицы, давай наслаждаться
Но они оставили отпечаток на моей коже цвета корицы.

Текст данной композиции насыщен словами, выражениями и терминами, относящимися к концептуальному полю «афроколумбиец». Поясним те из них, которые нуждаются в лингвокультурологическом комментарии. Относительно названия населенного пункта Паленке (полностью Сан-Басилио-дэль-Паленке), важно подчеркнуть его историческое и культурное значение для афроколумбийского населения, а в частности то, что это поселение было основано беглыми рабами, которых испанцы привозили в город Картахену для продажи на рынке рабов. Сан-Басилио-дэ-Паленке было объявлено ЮНЕСКО шедевром нематериального культурного наследия человечества в 2005 году. Жители Сан-Басилио-дэль-Паленке, который считается «уголком Африки в Колумбии», сохранили африканские культурные традиции, среди которых особую роль занимает исполнение традиционных ритмов на барабанах. Барабан (*el tambor*) является сакральным инструментом для афроколумбийцев, реализующим разнообразные социальные функции, например, символическую и коммуникативную. Барабан является символом свободы для афроколумбийского населения, так как испанские колонизаторы наказывали рабов за исполнение традиционной музыки, однако африканцы находили способы следовать своим традициям и передавать их из поколения в поколение. Степень культурной обособленности Паленке так высока, что его жители сформировали свой креольский язык паленкеро (*palenquero*), который является смесью испанского и африканских языков.

В песне «Моя свобода» описывается тяжелый опыт порабощенных африканцев – страдание, слезы, пот, голод. Однако тяжелая доля африканцев противопоставляется их музыкальной и танцевальной культуре, которая позволяет им почувствовать себя свободными. Лирический герой желает насладиться различными ритмами музыки африканского происхождения (бульеренге, мапале, кумбии) в компании симпатичной спутницы, отмечая не только привлекательность «негритянки с кожей цвета корицы», но и наличие у неё таких качеств как *sabor* и *tumbao* (грация, ритмичность). Эти термины являются крайне ёмкими в культурном плане и в то же время труднопереводимыми на русский язык. Лексема *sabor* имеет не только значение, связанное с гастрономическим миром (вкус, аромат, оттенок), но также и ряд значений поведенческого характера: «ритмичность, экспрессивность, наслаждение, веселье, зажигательность». В песенных текстах часто встречаются производные от него лексемы *sabrosura* (вкуснятина), *sabrosón* (общительный, довольный), *sabrosear* (наслаждаться). В свою очередь слово *tumbao*, изначально означающее ритм африканских барабанов в музыке сальсы, имеет также значение «грация, ритмичность, покачивание бедрами».

Примечательным является использование метафоры *mi raza fuerte como guayacán* (моя раса сильна как гуаякан), где гуаякан – название эндемичного вида деревьев из Южной Америки, известного своей прочностью и долговечностью. У коренных народов Америки это дерево считалось священным и являлось символом стойкости и духовной силы.

Рассмотрим текст песни “Buenaventura y Caney”, группы «Ниче» и его перевод:

«Que sepan en Puerto Rico, que es la tierra del jibarito
A Nueva York hoy mi canto, perdonen que no les dedico

A Panamá, Venezuela, a todos, todos hermanitos
El Grupo Niche disculpas pide pues, no es nuestra culpa

Que en la costa del Pacífico hay un pueblo que lo llevamos

En el alma, se nos pegaron y con otros no comparamos
Allá hay cariño, ternura, ambiente de sabrosura

Los cueros van en la sangre, del pequeño hasta el más grande

Son niches como nosotros, de alegría siempre en el rostro

A ti, mi Buenaventura, con amor te lo dedicamos...

Donde el negro solo, solito se liberó

Rienda suelta al sabor y al tambor le dio» [14].

Пусть знают в Пуэрто-Рико, родине хибарито,
Нью-Йорку эту песню, извините, не посвящаю,
У Панамы, Венесуэлы и у всех братишек
Группа «Ниче» просит прощения, ведь мы не виноваты

В том, что на тихоокеанском побережье есть народ,
который проник в нашу душу
Они там закрепились, и с другими мы их не сравниваем

Там есть ласка и нежность, зажигательная атмосфера
Барабаны ритмы в крови от мала до велика

Они такие же негры, как и мы, на их лицах всегда радость,

Тебе, Буэнавентура, с любовью посвящаем...

Там где негр своими силами освободился,
Сбросил узду, и начал зажигать и играть на барабанах

В этом произведении используются ключевые для афроколумбийской лингвокультуры понятия: *el Pacífico*, *sabrosura / sabor*, *alegría*, *tambor*, а также аллюзии к исторической судьбе чернокожего населения (рабство и освобождение от него). Примечательно использование синекдохи и метафоры «*los cueros van en la sangre*», что буквально означает «куски кожи у них в крови». Имеется ввиду кожа животных, которая натягивается на барабан. Эта метафора раскрывает сакральное значение барабанов для колумбийцев африканского происхождения. Кроме того, в тексте фигурирует лексема *niche* (негр), которая может иметь как уничижительное значение по отношению к чернокожим, так и дружеское, братское, в зависимости от контекста.

Текст песни «Мы – тихоокеанское побережье», группы ChocQuibTown насыщен большим количеством слов и выражений, принадлежащих к ассоциативно-смысловому полю концепта «афроколумбиец»:

Somos pacífico, estamos unidos
Nos une la región
La pinta, la raza y el don del sabor

Ok, si por si acaso usted no conoce
En el pacífico hay de todo para que goce
Cantadores, colores, buenos sabores

Мы – Тихоокеанское побережье, мы едины
Нас объединяет регион
Внешний вид, раса и дар зажигательности

Хорошо, если вдруг вы знаете
На Тихом океане есть всё, чтобы вы могли наслаждаться

Y muchos santos para que adores
Ok, Es toda una conexión
Como un corillo Chocó, Valle, Cauca
Y mis paisanos de Nariño
Todo este repertorio me produce orgullo
Y si somos tantos
Porque estamos tan al cucho
...

Y eso que no te he hablado de Buenaventura
Donde se baila el currulao, salsa
Puerto fiel al pescado
Negras grandes con gran tumba'o
Donde se baila aguabajo y pasillo
En el lado del río
Con mis prietillos

Es del Pacífico, Guapi, Timbiquí, Tumaco
El bordo Cauca
Seguimos aquí con la herencia africana
Más fuerte que antes
Llevando el legado a todas partes
De forma constante
Expresándonos a través de lo cultural
Música, artes plástica, danza en general
Acento golpia'o al hablar
El 1, 2, 3 al bailar
Después de eso seguro hay muchísimo más
Este es pacífico colombiano
Una raza un sector
Lleno de hermanas y hermanos
Con nuestra bámbara y con el caché
Venga y lo ve usted mismo
Pa' vé como es, y eh!
Piense en lo que se puede perder, y eh!
Pura calentura y yenyeré, y eh!
Y ahora dígame que cree usted
Porque Colombia es más que coca, marihuana y café

Певцы, цвета, вкусная еда
И много святых, которым ты можешь поклоняться
Да, это целое объединение,
Как кричалка: Чоко, Валье Каука,
И мои земляки из Нариño
Весь этот репертуар вызывает у меня гордость
И если нас так много
Почему мы в такой дыре?

...
И это я тебе еще не говорил о Буэнавентуре,
Где танцуют куррулао, сальсу,
Порт, где много рыбы
Большие негритянки с большой грацией
Где танцуют агуабахо и пасильо
На берегу реки
С моими черными братьями

С Тихого океана Гуапи, Тимбики, Тумако
Побережье Каука
Мы здесь чтим африканское наследие
Сильнее, чем раньше
Распространяем наследие повсюду
На постоянной основе,
Выражая себя через культуру
Музыку, изобразительное искусство, танцы в целом
Характерный акцент в речи
1, 2, 3 во время танца
И конечно еще много другого
Это тихоокеанское побережье Колумбии
Одна раса, один сектор
Полный сестер и братьев
С нашим танцем бамбара и неповторимым стилем
Приезжайте и посмотрите сами
Как тут у нас, и эй!
Подумайте о том, что вы можете потерять, и эй!
Чистая жара и вечеринка, и эй!
А теперь скажите мне, что думаете
Ведь Колумбия – это больше, чем кокаин, марихуана и кофе

Ассоциатами, входящими в АСП концепта «афроколумбиец» являются географические названия региона El Pacífico, департаментов: Valle del Cauca, Nariño, Chocó, а также населенных пунктов: Timbiquí, Tumaco, Guapi, Buenaventura. Другой категорией слов и словосочетаний являются те, которые описывают расовую принадлежность: negras (негритянки), prietillos (букв. негритята), raza negra (черная раса), la raza (раса), color (цвет). К категории «культура» относятся такие слова, как: herencia africana (африканское наследие), baile (танец), música (музыка), cantador (исполнитель традиционной музыки), музыкальные жанры и танцы: currulao, salsa, aguabajo, pasillo, bambara, еда: pescado (рыба), sabores». Отдельного внимания заслуживает эмотивная лексика: «don del sabor (дар зажигательности), tumbao (грация), yenuere (вечеринка, тусовка), calentura (жара, страсть), orgullo (гордость), fuerte (сильный), caché (стиль)». Относительно слова yenuere отметим, что оно является африканизмом и «было завезено на тихоокеанское побережье Колумбии и используется в современном разговорном языке как жаргонизм для обозначения вечеринки» [9].

Выводы

Данное исследование дает ценную информацию о содержании концепта «афроколумбиец» в национальном варианте испанского языка Колумбии. Во-первых, материал ассоциативного эксперимента дает представление о том, какие слова входят в ассоциативно-смысловое поле анализируемого концепта, и о том какие из

них являются наиболее значимыми. Ядром АСП концепта «афроколумбиец» являются слова из ассоциативной категории «этническое происхождение»: raza negra, negro, prieto, niche, afrodescendiente и другие, в то время, как на периферии находятся все прочие ассоциаты. При этом на лидирующие позиции по количеству реакций вышли ассоциативные категории «культура», «социальные факторы», и «характеристика».

Таким образом, если использовать самые часто называемые ассоциаты по каждой категории: sabor, desigualdad, alegría, raza negra, el pacífico, trenzas, то коллективное стереотипическое представление об афроколумбийцах мыслится как «веселые и зажигательные представители негроидной расы, с характерными прическами, живущие на тихоокеанском побережье Колумбии в условиях неравенства».

Результаты исследования представляют интерес прежде всего для расширения и обогащения знаний по лингвокультурной специфике и лексическому составу национальных вариантов испанского языка.

Список источников

1. Верескун С.А. Построение и верификация ассоциативно-смыслового поля концепта с использованием лексикографических источников // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 507 – 512.
2. Жирова И.Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 111 – 115.
3. Зубарева Е.О., Шустова С.В., Исаева Е.В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 17 – 26.
4. Конкина Е.И., Филановская-Зенкова И.Д. Культурно-географическая характеристика современной Колумбии // НАУ. 2023. № 87-3. С. 27 – 31.
5. Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е. Репрезентация аксиологической диады мир / война как элемента языковой картины мира (на материале французского языка) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, pragmaticальном и культурологическом аспектах: материалы XI Международной научной конференции. Челябинск: ЧелГУ, 2022. Ч. 2. С. 126 – 128.
6. Парфенова Е.И. Искусство и культура Колумбии // Инновационная наука. 2024. № 10-1. С. 187 – 188.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
8. Семенова И.В., Ли Л. Концептуальная сфера «живая природа» и ее репрезентация в песенном дискурсе русского народа // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 272 – 278.
9. Тарнаева Л.П., Никульникова Н.Ю. Особенности лексического состава национальных вариантов испанского языка Латинской Америки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 6.
10. Тарнаева Л.П., Никульникова Н.Ю. Особенности лексического строя колумбийского национального варианта испанского языка // Язык и культура. 2022. № 59. С. 2012 – 2019.
11. Чеснокова О.С. Испанский язык Колумбии: Лингвокультурологическое исследование. Саарбрюкен, 2012. 107 с.
12. Arroyo J. Mi libertad. URL: <https://www.musixmatch.com/es/letras/Joe-Arroyo/Mi-Libertad> (дата обращения: 11.01.2025).
13. ChocQuibTown. Somos Pacífico. URL: <https://www.letras.com/chocquibtown/1969666/> (дата обращения: 11.01.2025).
14. Grupo Niche. Buenaventura y Caney. URL: <https://www.letras.com/grupo-niche/17010/english.html> (дата обращения: 11.01.2025).
15. Latinobarometro 2024. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (дата обращения: 11.01.2025).

References

1. Vereskun S.A. Construction and verification of the associative-semantic field of a concept using lexicographic sources. Problems of history, philology, culture. 2011. No. 3 (33). P. 507 – 512.
2. Zhirova I.G. From a word to the meaning of a word and a concept. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 1-1 (55). P. 111 – 115.
3. Zubareva E.O., Shustova S.V., Isaeva E.V. Conceptual field in the modern linguistic paradigm. Eurasian humanitarian journal. 2019. No. 3. P. 17 – 26.
4. Konkina E.I., Filanovskaya-Zenkova I.D. Cultural and geographical characteristics of modern Columbia. NAU. 2023. No. 87-3. P. 27 – 31.
5. Nelyubova N.Yu., Finskaya T.E. Representation of the axiological dyad peace / war as an element of the linguistic picture of the world (based on the French language). Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: materials of the XI International scientific conference. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2022. Part 2. P. 126 – 128.

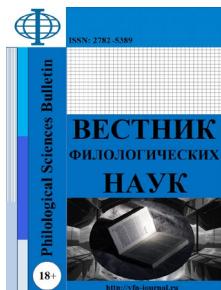
6. Parfenova E.I. Art and culture of Columbia. Innovative science. 2024. No. 10-1. P. 187 – 188.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
8. Semenova I.V., Li L. The conceptual sphere of "living nature" and its representation in the song discourse of the Russian people. The Age of Science. 2021. No. 25. P. 272 – 278.
9. Tarnaeva L.P., Nikulnikova N.Yu. Features of the lexical composition of the national variants of the Spanish language in Latin America. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. No. 6.
10. Tarnaeva L.P., Nikulnikova N.Yu. Features of the lexical structure of the Colombian national variant of the Spanish language. Language and Culture. 2022. No. 59. P. 2012 – 2019.
11. Chesnokova O.S. The Spanish Language of Colombia: A Linguocultural Study. Saarbrücken, 2012. 107 p.
12. Arroyo J. Mi libertad. URL: <https://www.musixmatch.com/es/letras/Joe-Arroyo/Mi-Libertad> (date of accessed: 11.01.2025).
13. ChocQuibTown. Somos Pacífico. URL: <https://www.letras.com/chocquibtown/1969666/> (date of accessed: 11.01.2025).
14. Grupo Niche. Buenaventura y Caney. URL: <https://www.letras.com/grupo-niche/17010/english.html> (date of accessed: 11.01.2025).
15. Latinobarometro 2024. URL: <https://www.latinobarometro.org/lat.jsp> (date of accessed: 11.01.2025).

Информация об авторах

Артамонов А.С., старший преподаватель, Университет науки и технологий «МИСИС»,
alx.artamonov@gmail.com

Сосунова Г.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения,
galinarta@mail.ru

© Артамонов А.С., Сосунова Г.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 801.6

¹Довлеткиреева Л.М., ¹Расумов В.Ш.

¹Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова

Особенности чеченского стихосложения (на материале устно-поэтического творчества)

Аннотация: в статье проводится исследование системы чеченского стихосложения. Подробно рассматривается история вопроса и мнения различных ученых: Х. Ошаева, З.К. Мальсагова, З. Джамалханова, Я. Вагапова, Ш. Арсанкуаева и Х. Туркаева. Авторы статьи привлекают фольклорный и авторский материал для всестороннего анализа. Поднимается вопрос несоответствия силлабо-тонической системы стихосложения структуре и специфике фонетики и грамматики чеченского языка. В качестве основных препятствий для встраивания чеченской поэзии в данную систему, по мнению авторов, являются такие особенности чеченского языка, как фиксированное ударение, соотношение долгих и кратких слогов, более устойчивый, по сравнению с русским языком, порядок слов в предложении и др. Рассматриваются особенности стопы, дактилические и хореические формы чеченского стиха. Авторы подчеркивают спорность вопроса о силлабо-тонической системе в чеченской поэзии, приводят аргументы в пользу силлабического принципа строения поэтического произведения в чеченской поэзии, который более органично соотносится с фонетическими и морфолого-синтаксическими характеристиками чеченского языка.

Ключевые слова: чеченское стихосложение, чеченский фольклор, система языка, стопа, рифма, слог, силлабо-тоническое стихосложение, силлабическое стихосложение

Для цитирования: Довлеткиреева Л.М., Расумов В.Ш. Особенности чеченского стихосложения (на материале устно-поэтического творчества) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 98 – 103.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 06 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Dovletkireeva L.M., ¹Rasumov V.Sh.

¹Chechen State University named after A.A. Kadyrov

Features of Chechen versification (on the material of oral poetic creativity)

Abstract: The article studies the system of Chechen versification. The history of the issue and the opinions of various scholars are considered in detail: H. Oshaev, Z.K. Malsagov, Z. Dzhambalkhanov, Ya. Vagapov, Sh. Arsanukayeva and Kh. Turkayeva. The authors of the article draw on folklore and authorial material for a comprehensive analysis. The issue of the discrepancy between the syllabo-tonic system of versification and the structure and specifics of the phonetics and grammar of the Chechen language is raised. According to the authors, the main obstacles to the integration of Chechen poetry into this system are such features of the Chechen language as fixed stress, the ratio of long and short syllables, a more stable word order in a sentence compared to the Russian language, etc. The features of the foot, dactylic and trochaic forms of Chechen verse are considered. The authors emphasize the controversial nature of the issue of the syllabo-tonic system in Chechen poetry, and provide arguments in favor of the syllabic principle of the structure of a poetic work in Chechen poetry, which more organically correlates with the phonetic and morphological-syntactic characteristics of the Chechen language.

Keywords: Chechen versification, Chechen folklore, language system, foot, rhyme, syllable, syllabo-tonic versification, syllabic versification

For citation: Dovletkireeva L.M., Rasumov V.Sh. Features of Chechen versification (on the material of oral poetic creativity). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 98 – 103.

The article was submitted: February 23, 2025; Approved after reviewing: March 06, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Чеченская литература относится к числу младописьменных и начала формироваться в первые годы советской власти. Основой для молодой чеченской поэзии стали, прежде всего, произведения фольклора: героические и лирические песни, которые веками существовали в устной традиции. Эти произведения обладают устойчивыми и тщательно разработанными традициями, включают определённый круг сюжетов и персонажей, а также используют характерные поэтико-стилистические средства.

Значительную роль в становлении основ чеченской литературы сыграла арабоязычная лирика. Ее поэтика и традиции проникали в народное творчество и речевую культуру через тексты Корана. Основными носителями и распространителями этих духовных ценностей выступали религиозные школы – хульджы, которые на протяжении долгих десятилетий оставались единственными и немногочисленными «очагами» культуры.

Целью данного исследования является стремление выявить особенности чеченского стихосложения, опираясь на характерные для языка фонетические и грамматические черты. В этом также заключается новизна нашей работы, так как в предыдущих изысканиях были предприняты попытки выявления определенных принципов стихосложения без опоры на своеобразие звуковой и грамматической систем чеченского языка.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе чеченского стихосложения на материале устно-поэтического творчества. Впервые предпринимается попытка систематизированного описания метрических, ритмических, рифмических и звуковых особенностей чеченского народного стиха с учетом жанровой специфики и исторического контекста.

Материалы и методы исследований

Как исследователи чеченского стиха (Х. Ошаев, З.К. Мальсагов, З. Джамалханов, Я. Вагапов, Ш. Арсанукаев и Х. Туркаев) воспринимали языковые особенности? В своих работах они придерживались мнения о силлабо-тоническом принципе стихосложения в чеченском фольклоре и, как следствие, его приемлемости для поэзии. Х. Ошаев и З. Джамалханов отмечали ритмичность илли (чеченских песен), выделяя дактиль в героических и хорей / дактиль в девичьих песнях [6, с. 12].

Ш. Арсанукаев в своей статье «Современный чеченский стих» утверждает, что «чеченский стих, как и русский, силлабо-тонический» [1, с. 65].

По мнению Х. Туркаева, «в подавляющем большинстве чеченские героико-эпические песни, служившие основным хранилищем изобразительных средств, написаны четырёхстопным дактилем и имеют обычно 11-12 слогов. Это во многом определяется фонетическими особенностями чеченского языка, где ударение всегда падает на первый слог. В то же время слова чеченского языка располагают долгими и краткими гласными, которые соответственно образуют долгие и краткие» [8, с. 54].

Форма национального стиха определяется национальным языком. При анализе поэтических форм необходимо исходить из этого. Однако, в некоторых исследованиях национальной поэзии отправной точкой является не чеченский язык, а силлабо-тонический принцип. Вместо того чтобы исходить из уникальных элементов языка (фиксированное ударение, окончания, долгота гласных), их пытаются встроить в силлабо-тонический принцип, необоснованно распространяемый на фольклор и поэзию.

Мы считаем, что, опираясь на своеобразие языка, необходимо выработать соответствующее отношение к существующим принципам стихосложения, а не заниматься поиском элементов силлабо-тоники и сведением на нет специфических сторон языка.

Мы используем следующие методы: качественно-количественная характеристика текста, метод сплошной выборки, типологический анализ, ассоциативный метод и др.

Результаты и обсуждения

При анализе чеченского стихосложения следует исходить из структуры языка: фонетики, словообразования и морфосинтаксиса. Обнаруживая элементы силлабо-тоники, важно учитывать и не проявившиеся возможности.

Например, единодушно отмечая дактилические и хореические размеры в чеченском стихе, исследователи не объясняют отсутствие других. Причина, очевидно, в фиксированном ударении, ключевой особенности языка, ограничивающей распространение силлабо-тоники. Фиксированное ударение, на первый взгляд, благоприятствует дактилию и хорею, но препятствует другим силлабо-тоническим размерам.

На наш взгляд, фиксированное ударение является непреодолимым препятствием в распространении силлаботоники на чеченский стих. Насколько это соответствует действительности, покажут цитаты из героических песен, которые, по словам вышеупомянутых исследователей чеченского стиха, написаны четырехстопным дактилем (после каждой строки цифровой указывается количество слогов в ней):

Буйсанан цхъа зама йаъллачу хенахъ 11
Буйсанан кхозлагIчу декъехъ, 8
Йолайелла чуйахар цу хъешийн ото чу кIант вина ва нана, 19
Набарах ма велира, Таркхочун жима кIант, 13
Дагара хайтира кIант винчу нанас Таркхочун кIанте. 16
Цунах дIакъаъхири Таркхочун жима кIант. 12
ШолгIа а тIегIоътира кIант вина нана, 12
ТIаккха цунах хъакхабелира исхаран чоин тIам, 15
Дуткъачу туьраца сел чехка байкхири 12
Таркхочун кIанта исхаран чоин тIам, 11
Хъайдда дуъхъал ма йаъхара кIант вина нана 13
Шен жимчу кIантана, 6
Мотт беш, йист ма хилира кIант вина ва нана: 13
– Дакъаза ма вала, шен жима ва кIант, 11
Ирча кхъа беа ша: хъан деган доттагIа 11
Таркхочун жима кIант ша хъарам ма хили 12
Мерзачу хъан йезаргана цу дуъхъал ото чохъ, 14
Тховсалерчу ва буса йуъхъIаържо йина хъуна 14
Мерзачу доттагIо, 6
ТIехтохам хир бу-кха, доттагIа ца вийча! – 12
Олуш, лен йелира кIант вина нана. 10
(«Илли о таркинце, сыне вдовы») [3, с. 250].

Неясно, на чем основан вывод исследователей о написании чеченских героических песен четырехстопным дактилем. Даже простой подсчет слогов в приведенном тексте это не подтверждает. Количество слогов в стихах варьируется (от 6 до 19), что характерно и для других героических песен. Следовательно, утверждение о строгом следовании устной поэзии силлабо-тоническому размеру (дактилю) ошибочно, так как не соблюдается даже равенство слогов.

Героические песни часто содержат 12- и 11-сложные стихи, но это не значит, что другие размеры чужды принципам устной поэзии.

Утверждение о чеченском героическом эпосе ("рифмы нет, ритм всегда") верно лишь отчасти. Эпос действительно своеобразен, но говорить об отсутствии рифмы – неточно. В произведениях устной народной поэзии, по результатам проведенного подсчета слогов в метрических периодах, с одной стороны, вполне допустимо и желательно употребление рифмы или звуковых созвучий, выполняющих функции той же рифмы, а с другой – далеко не всегда и не столь строго соблюдается ритм.

Если вопреки моментам своеобразия языка и количественным показателям стиха допустить (как делались исследователями), что в чеченском эпосе господствует силлабо-тонический принцип стихосложения, то как рассматривать – с точки зрения теории стихосложения – в четырехстопном дактиле перепад слогов от 6 до 19? Возможно ли в каждом отступлении от дактиля видеть нарушение поэтических форм героических песен? Существовало мнение, что подобные отклонения являются нарушением даже в рамках повествовательных законов героических песен. На наш взгляд, гораздо логичнее признать, что указанный принцип стихосложения чужд чеченской поэтике.

Ритмический разнобой, имеющий место в приведенной цитате, был обусловлен своеобразием стилистической и фонетической системы чеченского языка, а не выражением силлабо-тонического принципа стихосложения, который если чеченская поэзия и должна принимать к руководству, то в обязательном порядке с определенными дополнениями и исключениями, соответствующими природе языка и фольклора.

В этом плане в основу предполагаемых корректив должны лечь следующие моменты своеобразия языка: во-первых, фиксированное ударение на первом слоге слова; во-вторых, мера свободы членов предложения в рамках высказывания; в-третьих, соотношение по долготе и напряженности ударного и безударных слогов.

Наличие нефиксированного ударения и определенная свобода членов предложения являются основными свойствами языка, создающими условия для полноцерной силлабо-тонической организации поэтической речи.

Данные свойства являются теми реалиями языка, без которых нет в силлабо-тоническом произведении не только многообразия рифмы, но и многообразия ритма (стихотворных размеров – дактиля, хорея, анапеста и т.д.) Свободное ударение, произвольно падая на любой слог, разрушает слово стиха как лексическую единицу и превращает его в чистую звуковую величину. Иначе говоря, слово, разделенное между стопами, теряет свое семантическое значение и предстает комбинацией звуков. А разрушение лексических единиц необратимо влечет за собой упразднение синтаксиса.

В исследовании чеченской поэзии, проведённом З.К. Мальсаговым, представлена противоположная точка зрения на структуру чеченской стопы. Автор отмечает: «Анализ чеченского стиха позволяет выявить характер ритмического элемента, который можно условно назвать стопой. Этот термин в чеченской метрике установлен, поскольку чеченский стих, в отличие от классической европейской поэзии, представляет собой семантически значимое целое, где границы стопы совпадают со словоразделом. Подобное явление наблюдается и в русской народной поэзии. Этот аспект, связанный с неподвижным ударением в чеченском языке, необходимо учитывать для правильного понимания особенностей чеченской поэзии» [5, с. 27].

З.К. Мальсагов противопоставляет живую чеченскую стопу, конкретное проявление языка, абстрактной европейской стопе – идеальной, но редко реализуемой норме. Чеченская стопа – это органичное трёхсложное единство с ударением на первом слоге, чаще всего образованное одно- и двусложным словом, реже – тремя односложными. В последнем случае она выполняет функцию дактиля.

Мальсагов подчеркивает, что стопа – это ритмическая, а не семантическая единица; наличие или отсутствие смысла в стопе не влияет на ритм стиха.

Чеченский стих и его структура не вызывали споров среди исследователей. Я. Вагапов подчеркивает, что чеченская стопа начинается и заканчивается словом, в отличие от русской. З.К. Мальсагов считает чеченскую стопу семантической, состоящей из одного, двух или трех слов, и не допускающей использования слов из других слов для ее завершения [2, с. 60].

На наш взгляд, авторы цитируемых работ, стараясь определить своеобразие чеченской стопы, доказали обратное – отсутствие силлабо-тонической стопы. Слово, представленное в виде стопы, не перестает выражать то значение, которое оно выражало до превращения его в ритмическую величину.

Чеченская стопа в силу своего стопроцентного совпадения со словом не может считаться силлабо-тонической стопой. Она остается совершенно непроницаемой для силлабо-тонической ритмической связи, которая осуществляется созданием стоп из независимых от семантики слов.

Как говорилось выше, силлабо-тонический стих на чеченском языке создается путем отбора однородных ритмических единиц. Под понятием однородных ритмических единиц подразумевается отбор слов с одинаковым количеством слогов.

Исходя из того факта, что чеченскому стиху присущи только два размера (дактиль и хорей), можно сделать следующий вывод, что названные два размера делят словарный арсенал языка на две части.

К примеру, дактиль на чеченском языке может быть составлен трехсложными словами или комбинацией двусложного с односложным. Это значит, что последние два вида слов, будучи некоррелятивными, не могут принимать участия в формировании дактилического стиха.

Чеченский хорей также проблематичен: в его основе двусложные слова (реже – сочетания односложных), а трехсложные и непарные односложные разрушают форму. При этом половина слов чеченского языка не участвует в создании силлабо-тонического стиха. Это говорит о том, что силлабо-тоника не подходит для чеченского стихосложения, поскольку обедняет поэта почти половиной ритмических возможностей. Силлабо-тонический принцип не универсален, а ритм стиха должен определяться особенностями самого языка.

Упомянутые исследователи считают, что чеченский стих может быть дактилическим или хореическим. Однако, на наш взгляд, это не так, поскольку в чеченском стихе нет стоп, соответствующих этим размерам. Периодическое повторение трехсложных слов / словосочетаний в героических песнях и двусложных – в лирических, было ошибочно воспринято как наличие дактиля и хорея соответственно.

Вряд ли это внешнее сходство послужило основой для теории силлабо-тоничности чеченского стиха. Насколько обманчиво и недостаточно для серьезных выводов это сходство становится ясно при изучении поведения стопы как ритмической единицы.

Во-первых, силлабо-тоническая стопа – ритмическая единица, носитель звука. Чеченская стопа, напротив, в силлабо-тонической системе не является ритмической единицей. Стих отличается от прозы музыкальной организацией звуков (стоп / слогов, независимых от семантики). В чеченском языке таких независимых элементов нет, следовательно, нет и стиха в силлабо-тоническом понимании.

Во-вторых, ритмическая связь в силлабо-тонике не зависит от границ слов, а в чеченском стихе – полностью зависит.

В-третьих, силлабо-тоническая стопа создается по ритмическому плану, а чеченская стопа, неотделимая от слова, не поддается искусственному воспроизведению и не меняется в зависимости от позиции в ритмической цепи.

Возьмем для примера четыре стиха из «Илли о сыне вдовы и сыне грузин» [4, с. 64]:

Цу ханнийн божалахъ дой паргIат ва даыхна,
Цу хъешийн ото чохъ шаыш паргIат ва бевлла,
Даан сиха хIоттийра бордаха ва дилха,
Малан сиха хIоттийра и сирла ва къарькъа,

Ритмические данные стихов представляют следующий рисунок:

В чеченском стихосложении первые стихи часто начинаются с необычной стопы: два ударных и один безударный слог. Такая стопа не встречается в силлабо-тоническом стихосложении (например, русском) и характерна для языков с фиксированным ударением. Она играет ключевую роль в ритмической организации речи на этих языках.

Появление таких трехсложных стоп объясняется сочетанием односложных и двусложных слов. Следовательно, утверждение о том, что чеченский стих, помимо силлабо-тонических стоп, использует еще три, образованные комбинацией двух ударных и одного безударного слога, вполне обосновано. В противном случае ритмическая организация речи на чеченском языке была бы невозможна. Чеченская поэзия достигает ритмической соразмерности именно через эти трехсложные и двусложные стопы, известные как чеченские спондей и пиррихий.

Силлабо-тонический принцип плохо подходит для чеченского стиха. Дактиль и хорей (основные размеры) страдают из-за предлогов и приставок, нарушающих размер. В дактиле предлоги допустимы только с двусложными словами, в хорее – с односложными, но и это часто не помогает избежать нежелательного амфибрахия. Отсутствие предлогов и приставок, в свою очередь, разрушает синтаксис и ритмическую организацию стиха. Получается, что грамматика чеченского языка в целом препятствует использованию силлабо-тоники. Главное свойство чеченской "семантической" стопы – её невоспроизводимость – ключевой фактор, препятствующий распространению силлабо-тоники. Это обусловлено не только фиксированным ударением, но и закрепленным порядком слов в предложении. Даже если бы ударение способствовало созданию нужной стопы, своеобразие чеченского синтаксиса стало бы непреодолимым препятствием.

Выводы

Чеченская поэзия, уходящая корнями в устное народное творчество, отражает культуру и мироощущение народа. Для нее характерны морально-этические ценности и традиции, передаваемые из поколения в поколение. Основная форма – четырехстрочные строфы, с вариативной длиной строк. Ритм, созданный интонацией и акцентами, придает стихам музыкальность. Рифма и звукопись усиливают эмоциональное воздействие.

Авторы данной статьи проанализировали работы Х. Ошаева, З.К. Мальсагова, З. Джамалханова, Я. Вагапова, Ш. Арсанкуаева и Х. Туркаева по вопросам чеченского стихосложения, а также ряд произведений чеченского фольклора и поэзии и пришли к выводу, что чеченский стих не силлабо-тонический, а силлабический.

Тот факт, что в чеченском языке есть долгие, полудолгие и краткие гласные, а вместе с ними и долгие, краткие слоги, на наш взгляд, ставит под сомнение функциональную роль ударения в чеченском языке. Другими словами, функцию ударения в чеченском языке выполняет долгий слог.

«Такое обстоятельство заставляет задуматься о том, что силлабический принцип для чеченского стихосложения является более приемлемым хотя бы потому, что в его стихообразовательной системе главным является не ударение, а одинаковые слоги. Тем более замечено, если в одном из стихов строфы слогов оказывается больше, то звучание в этом стихе ослабевает, таким образом, строка выравнивается со следующей. В чеченских народных лирических песнях таких примеров довольно много, здесь и далее указано количество слогов в тексте на чеченском языке» [7, с. 93]:

Со суйренах йаьккхи, мама, 8
Со Іуйренах йаьккхи, мама, 8
Хазчу кЛанта, йола бохуш, 8
Со дакъаза йаьккхи, мама 8 [3, с. 390].

Таких примеров в чеченской народной лирике очень много. Именно поэтому мы считаем, что силлабический принцип стихосложения присущ чеченской народной лирике и является, без сомнений, доминирующим. В то время как силлабо-тоническая система стихосложения в применении к чеченскому стилю обнаруживает множество нарушений, по нашему мнению, по той причине, что не соответствует фонетико-грамматической организации чеченского языка. Так, фиксированное ударение является непреодолимым препятствием в распространении силлаботоники на чеченский стих, также этому препятствуют мера свободы членов предложения в рамках высказывания и соотношение по долготе и напряженности ударного и безударных слогов.

Проанализировав особенности чеченского стихосложения, мы также пришли к выводу, что чеченская стопа остается совершенно непроницаемой для силлабо-тонической ритмической связи, которая осуществляется созданием стоп из независимых от семантики слогов. В пользу отказа от силлабо-тонического принципа в чеченском стихосложении говорит также тот факт, что больше половины лексем чеченского языка оказываются невовлеченными в процесс силлабо-тонического стихосложения.

Список источников

1. Арсанукаев Ш.А. Современный чеченский стих (на чеченском языке). Аргун, 1984. № 2. С. 63 – 69.
2. Вагапов Я.С. Становление чеченского стиха (на чеченском языке). Орга, 1962. № 1. С. 59 – 61.
3. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. Нохчин халкъан барта кхолларалла: в 2-х ч. Махачкала, 2012. Ч. 2. С. 477.
4. Завриев М.А-А. О поэзии // В поисках художественного метода. Критические статьи. Грозный: Книга, 1988. С. 62 – 66.
5. Мальсагов З.К. Чеченский народный стих // Известия Ингушского НИИ. Владикавказ, 1933. Т. 4. Вып. 2. С. 1 – 5.
6. Ошаев Х.Д., Джамалханов З.Д. Предисловие к сборнику «Чеченские илли и лирические песни» // Чеченский фольклор (на чеченском языке). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1959. Т. 1. С. 3 – 15.
7. Расумов В.Ш. О некоторых особенностях метрики чеченской народной лирики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 92 – 98.
8. Туркаев Х.В. Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры: Избр. Труды: в 5 т. 1965-1978. М.: Наука, 2015. Т. 2. 382 с.

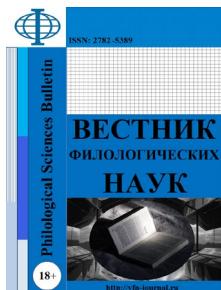
References

1. Arsanukaev Sh.A. Modern Chechen Verse (in the Chechen language). Argun, 1984. No. 2. P. 63 – 69.
2. Vagapov Ya.S. Formation of Chechen Verse (in the Chechen language). Orga, 1962. No. 1. P. 59 – 61.
3. Dzhambekov O.A., Dzhambekova T.B. Nokhchin Khalkan Barta Khollaralla: in 2 parts. Makhachkala, 2012. Part 2. 477 p.
4. Zavriev M.A-A. About Poetry. In Search of an Artistic Method. Critical Articles. Grozny: Kniga, 1988. P. 62 – 66.
5. Malsagov Z.K. Chechen folk verse. News of the Ingush Research Institute. Vladikavkaz, 1933. Vol. 4. Iss. 2. P. 1 – 5.
6. Oshaev Kh.D., Dzhamalkhanov Z.D. Preface to the collection “Chechen illi and lyrical songs”. Chechen folklore (in the Chechen language). Grozny: Chechen-Ingush book publishing house, 1959. Vol. 1. P. 3 – 15.
7. Rasumov V.Sh. On some features of the metrics of Chechen folk lyrics. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2014. No. 2. P. 92 – 98.
8. Turkaev Kh.V. The artistic world of Chechens in the context of Russian history and culture: Selected works. Works: in 5 volumes. 1965-1978. Moscow: Nauka, 2015. Vol. 2. 382 p.

Информация об авторах

Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», dlida@inbox.ru

Расумов В.Ш., кандидат филологических наук, доцент, кафедра чеченской филологии, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Vakha66@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1' 373.612

¹ Победаш Е.В.

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Анализ семантических возможностей приставки пере- в глаголе переесть

Аннотация: статья посвящена анализу семантики префикса *пере-* в глаголе *переесть*. В Русской грамматике выделяется 10 типов глагольных значений приставки *пере-*, которые были соотнесены с четырьмя основными лексическими значениями глагола *переесть*. Для каждого значения был проведен анализ сочетаемости, определена семантика переносного значения глагола и особенности его употребления (источником дискурсивного материала выступил Национальный корпус русского языка). В первом значении *пере-* является префиксом-интенсификатором, эмоциональным выражением отклонения от нормы. Во втором значении, отражающем дистрибутивный способ глагольного действия, выделяется значение поочередно распространяющегося на ряд объектов воздействия, при этом значение глагола расширяется до поглощения человеком человека в значении ‘подавить, довести до определенного состояния (бедности, болезни, смерти)’. Третье значение глагола «Съесть больше, чем кто-либо» соотносится с типом «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя того же действия» и редко встречается в речи. В последнем рассмотренном значении префикс *пере-* соотносится с префиксом *про-* в семантике действия, направленного сквозь какой-либо предмет; актуализируется процесс разрушения, разделения на две части. В ходе исследования были выявлены метафорические единицы, образованные благодаря многозначности приставки *пере-*, которая может добавлять мотивирующему глаголу смысловые оттенки переполненности, отклонения от нормы, количества объектов, негативных межличностных отношений.

Ключевые слова: префикс *пере-*, способ глагольного действия, гастрономическая метафора, норма, многозначные приставки

Для цитирования: Победаш Е.В. Анализ семантических возможностей приставки *пере-* в глаголе *переесть* // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 104 – 111.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Pobedash E.V.

¹ Lomonosov Moscow State University

Analysing the semantic possibilities of the prefix *pere-* (over) in the verb *pereest'* (to overeat)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the semantics of the prefix *pere-* in the verb *pereest'* (to overeat). The Russian Grammar identifies 10 types of verbal meanings of the prefix *pere-*, which were correlated with the four main lexical meanings of the verb *pereest'* (overeat). For each meaning, we analysed combinability, determined the semantics of the verb's figurative meaning and the peculiarities of its use (the source of discursive material was the National Corpus of the Russian Language). In the first meaning, *pere-* is a prefix-intensifier, an emotional expression of deviation from the norm. In the second meaning, reflecting the distributive mode of verbal action, the meaning of alternately spreading to a number of objects of influence is emphasised, with the meaning of the verb extending to the absorption of a person by a person in the sense of 'suppress, bring to a certain state (poverty, illness, death)'. The third meaning of the verb 'To eat more than someone' correlates with the type 'by means

of the action named by the motivating verb, to surpass another performer of the same action' and rarely occurs in speech. In the last considered meaning the prefix pere- corresponds with the prefix pro- in the semantics of the action directed through some object; the process of destruction, separation into two parts is actualised. The study revealed metaphorical units formed due to the multivalence of the prefix pere-, which can add semantic connotations of overcrowding, deviation from the norm, number of objects, negative interpersonal relations to the motivating verb.

Keywords: prefix pere-, manner of verbal action, gastronomic metaphor, norm, polysemous prefixes

For citation: Pobedash E.V. Analysing the semantic possibilities of the prefix pere- (over) in the verb pereest' (to overeat). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 104 – 111.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

В настоящее время большое количество научных исследований посвящено словообразовательному значению глагольных приставок. В русском языке многие приставки полисемантичны, добавление той или иной приставки к одной глагольной основе может привнести дополнительные смысловые оттенки. Как отмечает В.Н. Немченко, в семантическом отношении «префиксы характеризуются тем, что обычно не влияют существенным образом на значение слова, к которому присоединяются, а лишь уточняют его значение в том или ином отношении, добавляют к его значению некоторый оттенок» [1, с. 21].

В данной работе мы обратимся к одной из самых многозначных приставок – пере-, для которой в Русской грамматике [2] представлено 10 типов глаголов с разными оттенками значения. Ученые исследовали разные аспекты префикса пере-: как словообразовательный ресурс выражения экспрессивности в современном русском языке [3], как средство выражения нормативно-оценочных смыслов при номинации объектов динамического мира [4], в контексте антонимической пары «слишком – недостаточно» по отношению к понятию нормы [4, 5] и пр.

Рассмотрение способов глагольного действия в контексте отражения языковой картины мира народа является актуальной задачей лингвокультурологии и этнолингвистики. Обиходно-бытовая лексика в первую очередь имплицитно содержит национально-культурные коннотации и подвергается метафоризации. Лексика концептуальной сферы «Еда» в настоящее время находится под пристальным вниманием исследователей: описаны образные средства языка, отражающие метафоризацию гастрономической деятельности («Словарь русской пищевой метафоры» под ред. Е.А. Юриной [6-8]), выявлены особенности значения и функционирования в речи глаголов морфемно-характеризованных способов действия с семантикой «есть» и «пить» [9].

В русском языке, когда мы хотим указать, что результат приема пищи превысил норму, чаще всего используем лексемы «объесться» и «переесть». Подробный анализ особенностей глагола объесться проведен О.А. Димитриевой [10]. Целью работы является исследование значения приставки пере- в данном глаголе, анализ сочетаемости глагола переесть, семантика переносного значения глагола и особенности его употребления.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования служат примеры из Национального корпуса русского языка [11] – тексты XX-XXI вв. При рассмотрении значения приставки пере- в составе глагола переесть применяются методы семантического, компонентного и контекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Толковый словарь Ожегова дает следующее определение: 1. Съесть лишнее. П. за обедом. 2. кого (что). Превзойти в еде (разг.). Всех п. 3. (1 и 2 л. не употр.), что. О чем-н. едком: разъедая, разрушить, разделить на части. Ржавчина переела проволоку [12].

В Толковом словаре Ушакова: 1. чего и без доп. Наесться в излишестве чего-н.; противоп. надоесть. Ребенок переел каши. Переел за обедом. 2. кого-что. Съесть больше другого (простореч.). Этот обжора всех переест. 3. что. Разъедая, разрушить, разделить надвое или на части (о кислотах и т.п.). Ржавчина переела проволоку [13].

В Малом академическом словаре: 1. чего и без доп. Съесть слишком много, причинив себе вред. Пересть сладостей. Ребенок переел. 2. перех. Разг. Съесть всё, многое. – Все переели, – сказала татарка, – всю

скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всем городе. Гоголь, Тарас Бульба. З. перех. Разъедая, разрушая химически, разделить надвое. Ржавчина переела железный обруч [14].

Таким образом, выделим следующие основные значения для анализа:

1. Съесть лишнее, съесть слишком много.
2. Съесть все имеющиеся запасы, все, что было в наличии.
3. Съесть больше, чем кто-либо.
4. Разъесть, разрушить, разделить на части.

Для того чтобы выявить значения приставки пере- в каждом значении, обратимся к РГ-80 [2, с. 363-364].

Итак, если рассматривать первое выделенное значение глагола «съесть лишнее / больше нормы, съесть слишком много», то в данном случае, на наш взгляд, находит отражение значение глагола «с нежелательно большой длительностью и интенсивностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [2].

Валентность глагола переесть в этом значении заполняется существительным в родительном падеже: Викуся зашептала, что у нее горло разболелось сильно, это вдобавок к кашлю, а Катя, конечно, съязвила, не удержалась: «Ай-я-яй! Неужели мороженого переела?» (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)). Однако, когда выяснилось, что он просто переел капусты и не имел никаких антигосударственных намерений, его похоронили... на вольном кладбище (Р.А. Соколовский. Стихи: опус 58, пункт 10, или Другой Николай Шатров // «Волга», 2015). Травиться, правда, она не собиралась, просто переела маринованной свеклы. Если только вот этого кизила вчера переела (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)). Думает, что я с ним, потому что я переела фиников (Е.В. Колина. Дневник измены (2011)). Видимо, животных белков он переел в заполярном детстве, так что оно и понятно вполне (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)).

Либо глагол употребляется без дополнения: – Да, – сдавленно прохрипел господин Орехов, – видать, перееял я, судари мои (К. Букша. Эрнст и Анна (2002)). Вы явно переели и с жиру беситесь! – и увела свою маму в квартиру (П.В. Жеребцова. Дневник (2001)). Я часто раскаивался в том, что переел, перепил и переговорил, и никогда в том, что недоел, недопил, недоговорил (А.В. Никитенко. Дневник (1855)). К тому же он чувствовал себя сегодня неважко: и устал, и переел в эти юбилейные дни, в животе была тяжесть каменная и отрыгалось тухло, не помогали салол с беладонной, а слабительных он пить не любил (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1-25 (1968)).

При анализе высказываний с глаголом переесть в указанном значении были выделены следующие особенности:

1. Чаще всего эксплицируются последствия действия, мотивированного глаголом переесть: боли в животе, общее недомогание, тошнота и т.п.: Капусту правда тоже ела. Может рябины переела? Тяжело на живот-то (Форум: Детям о Роботах (2013)). В этом случае люди идут на искушение поесть, подвергая себя риску переесть и лечь спать с полным желудком, вследствие чего опять возникают проблемы со здоровьем и самочувствием (А. Яшкин. Питание каратиста (2003)). Олег переел, у него расстроился желудок, он уже не хочет мечей, сабель и шпаг (С.Н. Есин. Дневник (1995)). – Ну, она у нас вообще-то жадненькая. – Вот и переела. Давайте сделаем клизму (Н.Б. Саярова. Дневник (1994)). Кроме того, обычно очень осторожный в еде, он уже некоторое время ест что попало, а вчера явно переел мяса из борща, и сегодня заболело брюхо (Ю.Л. Нельская-Сидур. Дневники 1968-1973 (1968)). Андрей переел и потом сильно мучился болью в животе (Ю.А. Кривулина. Дневник (1943)).

2. Еще одно последствие переедания – общее состояние лености, расслабленности, сонливости: Он в литературе с вяльцой разбирался, с переевшим сильно, порыгивающим интересом (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011). Лица у всех были сонные и какие-то переевшие (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)).

3. Можно выделить такое приятное следствие переедания, как общее состояние удовлетворенности, уверенности в себе, даже превосходства: Вы явно переели и с жиру беситесь! – и увела свою маму в квартиру (П.В. Жеребцова. Дневник (2001)).

4. Фиксируется высшая степень последствий переедания – смерть, гибель вследствие употребления какого-либо определенного продукта/блюда либо однократного употребления слишком большого количества еды: После избрания в 68-летнем возрасте он сделал еще одного ребенка с некоей монахиней и скончался, переев жареных угрей [Е.Ю. Деготь. Венеция (2011)]. Когда ехали в Уфу, стали выносить покойников – тех, кто переел продуктов: колбасы, яиц, картошки и т.п. (Д.Н. Карапис. Дневник (2004)). Загадка в том, что люди с изощренным вкусом, гурманы, переевшие все на свете: черепах и лангустов, любые деликатесы, именно они умирают гораздо раньше, гораздо раньше теряют жизненную энергию, нежели те, кто питается одним хлебом и водой, изредка овощами (В. Крупин. Как только, так сразу (1992)). – Никого не убивали, –

говорит старик, – а купец помер своею смертью, ехал из Александрова, стал закусывать под березой... ну, его и хватило, переел-перепил (И.С. Шмелев. Богомолье (1930-1931)).

Отмечается переносное употребление глагола *переесть* в данном значении, можно говорить о гастрономической глагольной метафоре. Данный тип метафоры будем считать неполным, так как происходит сочетание гастрономического глагола с негастрономическим существительным (согласно классификации О.А. Дормидонтовой [15]). Примечательно, что глагол может употребляться и без объекта: Она подумала: я перечитала. В смысле как *переела*. У меня несварение ума (Г. Щербакова. Дивны дела Твои, Господи... (2001)). В данном примере происходит повтор одной и той же приставки: *перечитала* – *переела*. По утверждению М.А. Кронгаузера, «повтор представляет собой стандартный усилительный прием» [16, с. 224], в этом случае существенен общий и повторяемый семантический признак: потребление сверх нормы (*перечитать* – длительное интенсивное совершение действия, названного мотивирующим глаголом; читать много на протяжении какого-либо промежутка времени). При этом с точки зрения языка сложно представить ситуацию, в которой человек прочитал лишнее, прочитал больше, чем может *«переварить»*. В данном случае глагол *переела* актуализирует значение *переполненности*, невозможности быстро усвоить полученную информацию.

Кроме того, в переносном значении глагол сочетается с объектом в форме родительного падежа: Однако не могу сказать, что я этой темы «*переел*», – ничего подобного (Б. Минаев. Зрителя – на сцену! // «Октябрь», 2013). По-моему, мы этого «удовольствия» уже *переели* в глянцевых журналах (Ф. Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002). – Наверное, я *переел* семги и демократического пирожка (Ю.М. Нагибин. Моя золотая теща (1994)). Нам, которые *переели* этой светской культуры, всё-таки хочется иметь священника образованного. <...> Материя только обворовывает идею. Я *переел* этой науки... Не могу без ссылок (В.В. Бибихин. Алексей Федорович Лосев. Записи 1970-1973 (1970-1974)). *Переел*. Художественности, правды – всего этого *переел* (А. Битов. Усталость паровоза (1991)). В данных примерах прослеживается семантическое схождение с приставкой *пере-* в глаголах пересмотреть, перечитать, переслушать, перезаниматься (разг.). *Переесть* темы = переслушать информации, пересмотреть новостей, перечитать СМИ. *Переели* этого «удовольствия» в журналах = *перечитали*. *Переели* светской культуры = пересмотрели, долгое время жили в условиях светскости; *переел* науки = перезанимался. В.С. Губич отмечает, что в данном значении *пере-* является префиксом-интенсификатором, выражает эмоциональное отношение к отклонению от эталона [17, с. 96].

Кроме того, если мы обратимся к семантическим связям приставки *пере-* в глаголе *переесть* с другими приставками в высказывании, то обнаружим частотное употребление синонимичной приставки в глаголе *перепить*. Происходит повтор одной и той же приставки с целью усиления интенсивности действий, называемых мотивирующими глаголами. (*Перелюбить* = *переесть* = *перепить*: чрезмерное увлечение тем, что должно иметь меру) (М.О. Меньшиков. Дневник 1918 года (1918)). Уже на некотором удалении от ворот Серго я вовсе остановился – два *перепивших*-*переевших* гостя окропляли, а третий облевывал забор хозяина свадьбы (Г.А. Сванидзе. Свадьба // «Волга», 2009). – Никого не убивали, – говорит старик, – а купец помер своею смертью, ехал из Александрова, стал закусывать под березой... ну, его и хватило, *переел-перепил* (И.С. Шмелев. Богомолье (1930-1931)). Слыхали вы когда-нибудь, чтобы корова, как иной человек, могла *переесть* или *перепить*? (А. Ференчук. Пути-дороги // «Огонек». № 27, 1959). Антонимичной же приставкой, которая часто употребляется в пределах одного высказывания с приставкой *пере-* в рассматриваемом значении выступает приставка *недо-*. Имеет значение «не полностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом, не довести его до необходимой нормы» [2, с. 361]. Например: Я часто раскаивался в том, что *переел*, *перепил* и *переговорил*, и никогда в том, что *недоел*, *недопил*, *недоговорил* (А.В. Никитенко. Дневник (1855)). Лучше *переесть*, чем *недоспать*! Исследование, проведенное учеными медицинского факультета университета Пенсильвании, выявило, что регулярное недосыпание чуть ли не более опасно, чем полное отсутствие сна в течение нескольких дней (Лучше *переесть*, чем *недоспать*! (2003))

В данном случае следует отметить, что в языке не закреплено единое представление о норме: скорее, она остается на усмотрение индивидуума. В первом примере автор отмечает, что лучше *недо-*, чем *пере-*: он никогда не жалел, когда делал что-то меньше нормы (меньше ел, пил и говорил), чем превышал норму (незжелательно много ел и пил и говорил). Здесь же уместно вспомнить анекдот: Лучше *недоспать*, чем *переспать*. Недосып можно доспать. Пересып отоспать нельзя.

Второе значение приставки – «Съесть все имеющиеся запасы, все, что было в наличии» – представлено типом «глаголы со знач. многократного и поочередного действия, распространенного на все или многие объекты, или совершенного всеми или многими субъектами» [2, с. 364]. Валентность глагола *переесть* заполняется на множественный субъект и после себя обычно требует винительного падежа: *переесть* все, всех, то есть *съесть* все, что было: – Как вы все изголодались, лошадей всех *переели*, а теперь скотские ко-

жи в пищу впотребляете, так вот царь-батюшка жалость возымел к вам... (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939-1945)). «В истории нет подобного примера, – говорится в современном дневнике, – писать трудно, что делалось: осажденные переели лошадей, собак, кошек, мышей, грызли разваренную кожу с обувью... (В.В. Сиповский. Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах (с XVI до XVII ст.) (1904)). Верным признаком выводки лисиц в данном месте, если неизвестны норы, служит отсутствие какой-либо молодой дичи, как зайцев, так и пернатой, – все переедено еще летом (Л.П. Сабанеев. Охотничий календарь (1885)). Теперь в этих степях легче устрицу найти, чем суслика, – всех переели (М.В. Вишняк. Черный год. Публицистические очерки (1922)). В данном случае можно говорить о дистрибутивном способе глагольного действия, помимо достижения результата выделяется значение действия, поочередно распространяющегося на ряд объектов. Так, в примере лошадей переели – съели всех лошадей, но не одновременно, а в определенной последовательности; переели лошадей, собак, кошек, мышей аналогично: съели животных один за другим, в результате никого не осталось. Кроме того, отметим метафорическое значение глагола переесть, когда действие направлено на человека или глобально на всех людей. В примере не привыкшие к такому труду с отчаянием восклицали: «Мироед, весь мир переел (С.Ф. Платонов. Полный курс лекций по русской истории (1898-1899)) речь идет о власть имеющем человеке, который причиняет зло всему миру, то есть многим людям. Таким образом, значение физического поглощения пищи расширяется до поглощения человеком человека в значении ‘подавить, довести до определенного состояния (бедности, болезни, смерти)’. Как отмечают Е.А. Юрина, Н.А. Живаго, «принятие пищи метафорически переосмысливается как испытание негативного опыта межличностных отношений» [18, с. 113].

Отметим способность глагола переесть с отрицательной частицей не выражать количественное значение. Валентность глагола заполняется родительным падежом. Например, Тайга перекипела гнусом, успокоилась, зашуршала отгорающим листом, закраснела брусникой, сладкими, будто в варенье, сделались голубика и черника, дичи не переесть, рыбы в речках не переловить (В. Астафьев. Царь-рыба (1974)). Дичи не переесть, рыбы не переловить – содержит значение большого количества, невозможности съесть всю дичь, выловить всю рыбу. Если хочешь, князь, у нас останься, останься; хлеба новгородского не переешь, и удел тебе дадим, как Сузdalскому князю даем хлеб и удел (Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)) – не переешь указывает на невозможность съесть весь хлеб в связи с его большим количеством. А для спорыни: коли они это сделают, то у них хлеба-то будет сколько хошь, ешь – не переешь (С.Т. Семенов. Счастливый случай (1897)) – в данном примере редупликант ешь – не переешь так же отражает количественное значение: хлеба настолько много, что достичь результата и съесть весь хлеб невозможно (ср. с образованными по той же модели носить – не переносить, читать – не перечитать, пахать – не перепахать).

Следующее значение – «Съесть больше, чем кто-либо» соотносится с типом «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя того же действия» [2, с. 364]. Глагол управляет существительным в винительном падеже с указанием на лицо, над которым одерживается верх. Тип продуктивный, ср. переспорить, переиграть, перехитрить, перекричать, однако с глаголом переесть было найдено не так много примеров, что, возможно, связано с отсутствием соревновательности в данной области и положительного отношения к «победителю» (в отличие, к примеру, от глагола перепить + кого?, так как такие конструкции отражают положительное значение, даже гордость за победителя, человека, который может выпить больше всех и оставаться в трезвом уме: Никто еще не мог перепить Юру, и никто не видал его пьяным (А.И. Куприн. Листригоны (1911)). В старинных песнях доблесть богатыря измерялась способностью перепить других и выпить невероятное количество вина (Н.И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (1860)). Я могу перепить людей, – строго заметил ей дядя Сандро, – потому я и знаменитый тамада (Ф. Искандер. Чик чтит обычай (1967)).

Разумеется, тетушка Хрисула на этой свадьбе всех переговорила, переела, но перепить дядю Сандро ей все-таки не удалось (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)) – здесь переели и переговорила всех – значит съела больше других, превзошла их в действии, названном мотивирующим глаголом есть.

И последнее значение – «Разъесть, разрушить, разделить на части» затруднительно отнести к какому-либо из указанных типов, по семантике ближе к первому типу, определенному для приставки про-: «действие, названное мотивирующим глаголом, направить сквозь что-н., через что-н., вглубь» [2, с. 367]. Е.А. Юрина и Н.А. Живаго отмечают: «Разрушение пищи в процессе еды соотносимо с механическим повреждением или разрушением материального объекта под действием трения, окисления, высокой температуры, яркого света» [18, с. 110], что находит отражение в значении глагола переесть в следующих примерах: А к тому же у Гленны потерялась коза: переела верёвку и ушла, хитрая тварь (Тики Шельен. Детские воспоминания о. Корулла, корабельного врача и священника на «Согласии» (2015)). Твоему батьке, может, вши гашник пе-реели, я же не вступаю в ихнее дело?.. (М.А. Шолохов. Калоши (1926)). Штаны у профессора того, как

хвост, сзади болтались; подтяжки вошь переела, а верёвочка перевязная лопалась (В.В. Иванов. Часы (1920-1926)). Валентность глагола заполняется винительным падежом, действие, направленное на объект, связано с его разрушением вследствие того, что субъект его проел, в процессе поглощения пищи разделил на две части, испортил, довел до непригодного состояния, оставил дыры на местах укусов: коза переела веревку – разгрызла ее, вши гашник переели – пояс, скорее всего, распался на две части, подтяжки вошь переела – вши их повредили, истончили, довели до непригодного для носки состояния.

Метафорическое значение реализуется в личностной сфере – один человек «переел» другого в значении ‘надоел, измучил, утомил’. В первую очередь на ум носителю языка придет выражение переесть плешь (проесть плешь) кому [с] чем. Прост. Утомить кого-л. Рассказами, просьбами и т.п. [19, с. 505]: – Любимые стихи Соньки, – говорит Рублев. – Она ими плешь начальству переела (Виктор Конецкий. Вчерашние заботы (1979)). Физиоман-литературовед переел плешь администрации жалобами на ночной лай и санитарные нарушения со стороны бесхозных собак (Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978)). Он и так мне уже всю плешь переел (А. Геласимов. Год обмана (2003)). Плешью обычно называют лысину или участок тела без волос/без шерсти (плешь на боку у собаки). Соответственно в данном случае реализуется значение повредить, проесть какой-то участок до появления кожи – многократное повторение действия до достижения результата: переел плешь администрации жалобами – много и часто жаловался, утомил жалобами.

Глагол переесть при переносном употреблении в данном значении переходит из пищевой сферы в личностную, происходит перенос с разрушения какого-либо предмета (пояса, веревки) на разрушение части человеческого тела: так, можно переесть горло или шею. В данном случае от переесть плешь – в значении надоесть, утомить чем-либо наблюдается переход на важные для жизни человека части тела – горло / шею (ср. со схожим перегрызть горло / глотку). Мне наши музейные дела во как горло переели, ну вот и сковорился я с молоденькой сотрудницей и поехал с ней в выходной (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)). Болтология! Тебе не пообещай – горло переешь. – Это... это бесчестно! – выкрикнул старик, и тотчас глухо ударила дверь парадной (Нина Катерли. Все что угодно (1981)). Хощь сейчас выметайся. Ты мне всю шею переела. – Пойдем, Василий, – сказал Кузьма (В. Распутин. Деньги для Марии (1967)). Через десять минут Николай уже знал, что сейчас она живет одна и счастлива довольно, о замужестве и не думает, так оно переело ей горло (Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951-1956)). Мало они что-то это разумеют, в каждом пустяке только и ладят, что нельзя ли как отцу горло переесть... [А.Ф. Писемский. Батька (1861)). Хозяйство мне просто шею переело [И.С. Никитин. Письма (1853-1861)]. Горло переели – в высшей степени надоели. В данных примерах субъект демонстрирует высшую степень негативного отношения к адресату: переесть отцу горло – буквально убить отца, так как разрушение, разделение на части неминуемо ведет к смерти. Либо утверждается высокая степень усталости, разрушения личности под воздействием какого-либо дела или человека: хозяйство/замужество горло переело.

Кроме того, в ходе анализа был обнаружен такой объект воздействия, как печень: Я знал ее всего пять минут, но она уже успела переесть мне всю печень (А. Геласимов. Год обмана (2003)). Печень, наряду с сердцем, является важным органом, она фильтрует кровь и отвечает за очищение тела и души человека. Переесть печень в данном контексте выступает синонимичным выражением к фразеологизму сидеть в печенках, указывает на надоедливость субъекта.

Помимо негативного физического воздействия, находит отражение и отрицательное психическое воздействие – на чувства человека, за которые отвечает сердце: То было только осенью, что у меня тоска все сердце переела, когда он торопился ко мне и, переходя по жердям через реку, оступился, упал и чуть не утонул (П.Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)). – ІІ-ы, у меня у самого сердце, как золой, переело (Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)). Тоска сердце переела – буквально разъела его, оставила проплешины, душевые раны, которые не заживают.

Выводы

Таким образом, мы выделили четыре основных значения глагола переесть на основе анализа толкований, представленных в авторитетных толковых словарях, и последовательно соотнесли их со значениями приставки пере-, предлагаемыми в Русской грамматике-80. В первом значении пере- является префиксом-интенсификатором, эмоциональным выражением отклонения от нормы (эксплицируются последствия действия, мотивированного глаголом переесть, большинство из них отрицательные: боли, спазмы, общее состояние недомогания и даже смерть, из положительных – состояние удовлетворения, чувство превосходства). Во втором значении определяется дистрибутивный способ глагольного действия, помимо достижения результата выделяется значение действия, поочередно распространяющегося на ряд объектов, при этом значение глагола расширяется до поглощения человеком человека в значении ‘подавить, довести до определенного состояния (бедности, болезни, смерти)’. Третье значение глагола связано с определенной сорев-

новательностью: переесть всех – съесть больше всех, однако его употребление в речи не частотно, что может быть связано с отсутствием критериев выбора победителя и самой цели выиграть, превзойти соперника в количестве съеденного. В последнем рассмотренном значении префикс пере- соотносится с префиксом про- в семантике действия, направленного сквозь какой-либо предмет; актуализируется процесс разрушения, разделения на две части. При этом разрушаться могут как явления физического мира (ремень, пояс, шапка), так и личностные границы человека (он мне все горло перееел – в высшей степени надоел, утомил, вымотал). Помимо прямого значения глагола и анализа его валентности и семантики приставки, были выявлены метафорические единицы, образованные благодаря полисемантическости приставки пере-, которая может добавлять мотивирующему глаголу смысловые оттенки переполненности, отклонения от нормы, количества объектов, негативных межличностных отношений.

Список источников

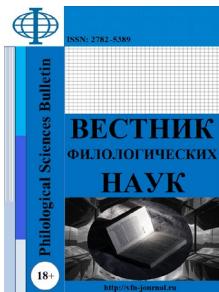
1. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.
2. Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
3. Каширина М.М. Семантический потенциал префикса пере- как словообразовательный ресурс выражения экспрессивности в современном русском языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 27 (66). № 1. Ч. 2. С. 46 – 52.
4. Серышева Ю.В., Филь Ю.В. Глаголы с вторичными префиксами пере- и недо- сквозь призму языкового сознания носителей русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 386. С. 24 – 35.
5. Даики Хоригути. Лучше пере-, чем недо-, или семантическая автономность русских префиксов пере- и недо- // Актуальные проблемы русского словообразования: мат-лы традиционного Республиканского семинара в рамках Узбекистанской научной школы русского словообразования. Ташкент, 2017. С. 27 – 32.
6. Боровкова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры. Блюда и продукты питания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 428 с.
7. Балдова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры. Гастрономическая деятельность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Т. 2. 546 с.
8. Балдова А.В., Герасимова М.В., Живаго Н.А., Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры. Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Т. 3. 454 с.
9. Димитриева О.А. Глаголы характеризованных способов действия с семантикой «есть» и «пить» в русской языковой картине мира: дис. канд. филол. наук: 5.9.5. Чебоксары, 2016. 223 с.
10. Димитриева О.А. Норма и результат приема пищи: глаголы наесться и обесться // Научный диалог. 2016. № 2. С. 21 – 35.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
12. Ожегов И.С., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка И.С. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. URL: <https://slovarozhegova.ru/>.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, ОГИЗ, 1935-1940. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/default.asp>.
15. Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков): дис. канд. филол. наук: 5.9.5. Тамбов, 2011. 24 с.
16. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. 288 с.
17. Субич В.Г. Градуальность и интенсификация языковой количественности (на материале русского, английского и японского языков) // Вестник ВятГУ. 2009. № 2. С. 93 – 98.
18. Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строем русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 107 – 121.
19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

References

1. Nemchenko V.N. Modern Russian. Word formation. Moscow: Higher. school, 1984. 255 p.
2. Russian grammar. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 1. 783 p.
3. Kashirina M.M. Semantic potential of the prefix *pere-* as a word-formation resource for expressing expressiveness in modern Russian. Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V.I. Vernadsky. Series "Philology. Social communications". Vol. 27 (66). No. 1. Part 2. P. 46 – 52.
4. Serysheva Yu.V., Fil Yu.V. Verbs with secondary prefixes *пере-* and *недо-* through the prism of linguistic consciousness of native Russian speakers. Vestn. Tomsk State University. 2014. No. 386. P. 24 – 35.
5. Daiki Horiguchi. Better *pere-* than *nedo-*, or semantic autonomy of Russian prefixes *пере-* and *недо-*. Actual problems of Russian word formation: materials of the traditional Republican seminar within the framework of the Uzbekistan scientific school of Russian word formation. Tashkent, 2017. P. 27 – 32.
6. Borovkova A.V., Grekova M.V., Zhivago N.A., Yurina E.A. Dictionary of Russian food metaphor. Dishes and food products. Tomsk: Publishing house of Tomsk. University, 2015. Vol. 1. 428 p.
7. Baldova A.V., Grekova M.V., Zhivago N.A., Yurina E.A. Dictionary of Russian food metaphors. Gastronomic activities. Tomsk: Publishing house Tom. Univ., 2017. Vol. 2. 546 p.
8. Baldova A.V., Gerasimova M.V., Zhivago N.A., Yurina E.A. Dictionary of Russian food metaphors. Subject, object, tools of gastronomic activity. Tomsk: Publishing house Tom. Univ., 2019. Vol. 3. 454 p.
9. Dimitrieva O.A. Verbs of characterized modes of action with the semantics "eat" and "drink" in the Russian language picture of the world: dis. ...cand. Philol. Sciences: 5.9.5. Cheboksary, 2016. 223 p.
10. Dimitrieva O.A. Norm and result of eating: verbs to eat and overeat . Scientific dialogue. 2016. No. 2. P. 21 – 35.
11. National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
12. Ozhegov I.S., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language I.S. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 4th ed., add. M.: Azbukovnik, 1997. URL: <https://slovarozhegova.ru/>.
13. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vol. Ed. D.N. Ushakova. M.: Soviet Encyclopedia, OGIZ, 1935-1940. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>.
14. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Edited by A.P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. Moscow: Rus. language; Polygraphresources, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/masabc/default.asp>.
15. Dormidontova O.A. Gastronomic metaphor as a means of conceptualizing the world (based on Russian and French): diss. ... Cand. Philology: 5.9.5. Tambov, 2011. 24 p.
16. Krongauz M.A. Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 288 p.
17. Subich V.G. Graduality and intensification of linguistic quantity (based on the Russian, English and Japanese languages). Bulletin of Vyatka State University. 2009. No. 2. P. 93 – 98.
18. Yurina E.A., Zhivago N.A. Metaphorization of food absorption in the figurative structure of the Russian language. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2015. No. 3. P. 107 – 121.
19. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Large dictionary of Russian proverbs. Moscow: ZAO OLMA Media Group, 2007. 784 p.

Информация об авторах

Победаш Е.В., кандидат педагогических наук, преподаватель, кафедра сопоставительного изучения языков МГУ имени М.В. Ломоносова, elka_evgeniya@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.111

¹ Сафина А.Р.

¹ Набережночелнинский государственный педагогический университет

Стилистический синтаксис как средство создания образов в романе Н. Спаркса «Последняя песня»

Аннотация: в статье рассматриваются синтаксические стилистические средства как способ раскрытия образов персонажей произведения американского писателя Николаса Спаркса «Последняя песня». Стилистический синтаксис позволяет передать эмоции и чувства персонажей, заострив на них внимание читателя, помогая глубже понять переживания героев. Для достижения поставленной цели была сделана выборка примеров, содержащих синтаксические стилистические средства, передающие эмоционально-психологическое состояние героев анализируемого произведения. Методология исследования включала метод сплошной выборки, коммуникативно-прагматический метод, метод контекстуального анализа. В результате исследования был сформирован эмоционально-психологический образ двух персонажей романа – неизлечимо больного пианиста Стива и его дочери Ронни. Помощью синтаксических стилистических средств, среди которых было отмечено частое использование анафоры и параллельных конструкций, писатель акцентирует внимание читателя на том, как по-разному воспринимают болезнь Стива оба персонажа. Стив приходит к некоему спокойному и умиротворенному восприятию довольно быстро, при этом его жизнь продолжает быть наполнена различными желаниями, в то время как его дочь испытывает более широкий спектр чувств и эмоций, включающих страх, гнев и чувство вины.

Ключевые слова: художественная проза, стилистический синтаксис, стилистические средства, воздействие, анафора, параллельные конструкции

Для цитирования: Сафина А.Р. Стилистический синтаксис как средство создания образов в романе Н. Спаркса «Последняя песня» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 112 – 117.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Safina A.R.

¹ Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Stylistic syntax as a means of creating images in the novel «The Last Song» written by N. Sparks

Abstract: the article considers syntactical stylistic devices which reveal the images of characters in the novel «The Last Song» written by the American writer Nicholas Sparks. The stylistic syntax allows the writer to convey the emotions and feelings of the characters, focusing the reader's attention on them, helping to better understand the feelings of the characters. To achieve the purpose of the study a selection of examples, containing syntactical stylistic devices that convey the emotional and psychological state of the characters of the analysed novel, was made. The research methodology is represented by the method of continuous sampling, the communicative-pragmatic method and the method of contextual analysis. As a result of the study, an emotional and psychological image of two characters in the novel was formed – terminally ill pianist Steve and his daughter Ronnie. Through syntactical stylistic devices, among which the frequent use of anaphora and parallel constructions was noted, the

writer focuses the reader's attention on how differently both characters perceive Steve's illness. Steve comes to a kind of calm and peaceful perception quite quickly, while his life continues to be filled with various desires, but his daughter experiences a wider range of feelings and emotions, including fear, anger and guilt.

Keywords: fiction, stylistic syntax, stylistic means, influence, anaphora, parallel constructions

For citation: Safina A.R. Stylistic syntax as a means of creating images in the novel «The Last Song» written by N. Sparks. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 112 – 117.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена тем, что многообразие стилистических средств вызывает неиссякаемый интерес у исследователей как в области стилистики, так и в области лингвокультурологии и других областях языкоznания [7, с. 577]. По справедливому замечанию М.В. Баранчук, стилистические средства синтаксического уровня играют важную роль при интерпретации художественного произведения, составляя его ядро и помогая передать индивидуальный стиль писателя [4, с. 72]. В своем исследовании Е.С. Коршунова отмечает то, что синтаксические средства выразительности помогают «выстраивать образ главного героя» [8, с. 492]. Другой важной функцией стилистического синтаксиса является усиление эмоциональности повествования [8, с. 492]. Синтаксические стилистические средства позволяют привлечь внимание читателя и стимулировать его интерес к содержанию прочитанного [9, с. 59].

Целью работы является анализ функционирования стилистического синтаксиса в романе американского писателя Николаса Спаркса «Последняя песня». Задачи исследования: сделать выборку примеров использования стилистического синтаксиса на материале романа Н. Спаркса «Последняя песня»; на основе анализа случаев использования синтаксических стилистических средств в данном произведении раскрыть образы двух главных персонажей, с точки зрения эмоционально-психологического аспекта.

О роли синтаксических средств в выражении эмоционального состояния героев произведения говорит в своей статье Е.В. Стрельницкая [10, с. 161], о способности передавать переживания и страдания персонажей упоминает коллектив авторов статьи [2, с. 527]. С точки зрения О.В. Александровой, стилистический синтаксис относится к «метаязыку стилистики», поскольку стилистический прием «является обнаружением потенциальных выразительных возможностей определенных средств общеноядного языка» [1, с. 8]. Именно синтаксис контролирует порядок, в котором читатель получает впечатления [5, с. 142], таким образом реализуя функцию художественного воздействия.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили примеры, которые были выделены из романа американского писателя Николаса Спаркса «Последняя песня». В ходе проведения исследования были задействованы такие методы, как метод сплошной выборки, коммуникативно-прагматический метод, метод контекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Несмотря на тривиальность сюжетной линии и ее кажущейся простоте, в романе «Последняя песня» Н. Спарксу удалось создать нечто новое и оригинальное. Определенную роль в этом сыграли синтаксические стилистические средства, послужившие прекрасным средством создания ярких и запоминающихся образов персонажей анализируемого произведения. И хотя, как точно отмечает О.В. Александрова, при написании художественного произведения автор меньше всего думает о том, что ему следует употребить те или иные синтаксические конструкции, рассмотрение этих средств при анализе текста позволяет исследователю «установить лингвистические основы выразительности текста» [1, с. 97-98]. Остановимся более подробно на синтаксических стилистических средствах, используемых Н. Спаркском в романе «Последняя песня».

Одним из главных героев произведения является Стив Миллер, от лица которого ведется часть повествования. Стив – пианист и учитель в прошлом, отец двух детей. Узнав, что у него рак на терминальной стадии, он решает провести свое последнее лето с детьми, чтобы наверстать упущенное и навсегда запомниться им жизнерадостным, полным сил и здоровья человеком. He knew what it meant when cancer metastasized, he knew what it meant to have cancer not only in his stomach, but also in his pancreas. He knew the odds of surviving were next to nil (анафора). Как видим, мужчина сохраняет способность к логическим рассуждениям: он понимает, что все люди смертны, и рано или поздно смерть пришла бы и за ним.

У Стива было много планов на жизнь, но он понимает, что не стоит винить судьбу в несправедливости, бессмысленно спорить с судьбой и терять драгоценное время, которое можно провести с родными и близкими людьми. Однако подобная болезнь никогда не даст о себе забыть. В своих рассуждениях с использованием параллелизма и простых коротких предложений Стив дает хороший совет по поводу того, как сделать вид, что ты не болен, и перестать думать о постоянно мучающей тебя боли: I tried not to think about it. I focused on other things. Самыми приятными для отца были воспоминания о своих детях и осознание того, что они живы и здоровы, что их ждет светлое будущее. Стив благодарен своим детям просто за то, что они есть в его жизни, что они рядом с ним в самый трудный для него период: Thank you, Ronnie. Thank you for coming. And thank you for the way you made me feel each and every day we had the chance to be together (анафора и частичный параллелизм). Казалось бы, самым логичным было начать лечение, попытаться «выторговать» у судьбы несколько лишних месяцев. Однако мужчина сразу отсекает подобный вариант, прямо говоря об этом доктору. Комбинация анафоры, параллелизма и корневого повтора усиливает психологический эффект от твердости принятого им решения:

- Before we start going into that, I want to talk about some of your options.
- There are no options <...>
- There are always options, – he [the doctor] said.

Как видим из приведенных ранее примеров, часто автором комбинируется несколько синтаксических стилистических средств, благодаря этому усиливается создаваемый эффект и происходит передача чувств и эмоций героев [6, с. 102]. В своем труде И.В. Арнольд говорит о явлении стилистической конвергенции, подразумевающей концентрацию нескольких стилистических приемов, выполняющих единую стилистическую функцию, в одном месте [3, с. 100], при этом все приемы, используемые в комбинации, усиливают и оттеняют друг друга.

Стив сразу отсекает все планы и мечты о будущем. Его мысли являются простой констатацией фактов, в них не чувствуется горечи, обиды или негодования. Для передачи его внутреннего монолога автором используются курсив, простые эллиптические предложения, риторический вопрос и риторическое ответствование: His 401(k) plan? Won't need it. A way to make a living in his fifties? Doesn't matter. His desire to meet someone new and fall in love? Won't be fair to her, and to be frank, that desire ended with the diagnosis anyway.

Теперь рассмотрим желания, которые испытывал герой произведения с момента получения смертного приговора. Среди них можно выделить следующие:

1) желание избавиться от страха смерти: He was going to die, and sooner rather than later. <...> In less than a year, he was going to die (обрамление).

2) желание не быть одному, находиться рядом с близкими людьми в минуты, когда его одолевал страх перед неизбежным: He was scared and he was alone (анафора и полный параллелизм).

3) желание провести последние месяцы вместе с детьми несмотря на то, что ему придется лгать: It would be a summer filled with lies, but what choice did he have if he wanted to get to know them again? (риторический вопрос). Однако, желание до конца оставаться искренним и открытым человеком, отцом, которым его дети смогут гордиться, приводит к тому, что он говорит им правду: It was time to stop lying; it was time to tell the truth (анафора и полный параллелизм).

4) желание понять смысл своего существования: Either God existed or He didn't; he would either spend eternity in heaven, or there would be nothing at all (частичный параллелизм).

5) сильное и естественное для отца желание, чтобы его дети были счастливы и их дни не омрачались его неизлечимой болезнью: I know I should have told you, but I wanted a normal summer, and I wanted you to have a normal summer (эпифора).

6) желание услышать Бога, почувствовать его присутствие: It [God's presence] had been with him in the workshop as he'd labored over the window with Jonah; it had been present in the weeks he'd spent with Ronnie. It was present here and now as his daughter played their song, the last song they would ever share (анафора, частичный параллелизм, корневой повтор, анадиплозис).

Как видим, в мыслях Стива Миллера до последнего вздоха была не болезнь, убивавшая его, а его дети и Бог, присутствие которого он тщетно пытался почувствовать на протяжении всей жизни, но ощущал лишь в конце. Он сохранял бодрость духа и спокойствие до самой смерти ради своих детей.

Примечательно, что Николасом Спарксом чаще всего используется комбинация таких синтаксических стилистических средств, как анафоры и параллелизма (полного или частичного), что прослеживается не только в данном романе, но и в других его произведениях. Подобный выбор не случаен: путем повторения начальной части высказывания автор обращает внимание читателя на переживания персонажа, помогая понять, о чем он сожалеет или чему радуется.

Теперь обратимся ко второму главному герою данного произведения – Веронике (Ронни) Миллер, дочери Стива. Сперва мы наблюдаем вспышку страха перед неизвестным, которая передается повторением метафоры «was frozen in place»: She watched as her dad grabbed the rail to keep his balance <...> and even Will was frozen in place. <...> For what seemed like the longest few seconds of her life, Ronnie was frozen in place, suddenly more scared than she'd ever been. Далее страх сменяется отрицанием происходящего, что выражается градацией в сочетании с параллельными конструкциями: It wasn't true. It couldn't be true. Затем следует гнев на ложь отца, который акцентируется при помощи курсива, антитезы и эпифоры:

- If you weren't going to tell me, why did you bring me down here? So I could watch you die?
– I asked you to come so I could watch you live.

Следующим чувством, которое начинает испытывать девушка, становится чувство вины. Винить Ронни склонна что и кого угодно:

1) жестокую судьбу, которая отбирает у ее отца возможность увидеть, как его дети повзрослеют: He would never see her married; he would never hold a grandchild (анафора и частичный параллелизм). В отличие от Стива, Ронни не разделяет его философско-умиротворенной позиции. Она не может смириться с тем, что один из самых близких для нее людей, человек, который вырастил ее, который привил ей настоящую любовь к музыке и открыл ее дар, благодаря которому она стала такой, какая есть, скоро исчезнет из ее жизни навсегда, оставшись лишь воспоминанием в ее голове. Все это кажется ей крайне несправедливым: It wasn't fair. None of this was fair at all (обрамление и градация).

2) жизнь, за ее логичный конец – смерть: There would come a time when he would no longer be able to do this, when he would no longer be around (анафора).

3) быстротечность времени: She needed more time with him. She needed him to listen as she whined; she needed him to forgive her when she made mistakes. She needed him to love her the way he had this summer. She needed all of it forever, and she knew it wouldn't happen (анафора и частичный параллелизм).

4) докторов за их беспомощность, за то, что они не могут исцелить ее отца, вернуть его к полноценной и здоровой жизни: This was the place where sick people came; this was the place where people came to die, and she knew her father would see this place again (анафора и частичный параллелизм).

5) людскую память, которая готова придать забвению человека, стоит ему уйти в мир иной. Не имеет значения то, что для кого-то он мог быть всем: отцом, другом, советчиком, опорой и поддержкой. Девушка не-гласно протестует против этого, потому что изменить что-то не в ее силах: такова природа людей. She didn't want that to happen to her dad. She didn't want him forgotten in a matter of weeks – he was good man, a good father, and he deserved more than that (анафора и частичный параллелизм).

6) саму себя за:

а) эгоизм и безразличие: It broke her heart to know she hadn't been paying attention; she'd been so caught up in her own life that she hadn't even noticed (частичный параллелизм). Because she'd thought only about herself. Because she'd wanted to hurt him. Because she hadn't cared (анафора, частичный параллелизм и градация).

б) неконтролируемый и необоснованный гнев: Despite herself, she remembered the day she'd arrived at his house and the anger she'd felt toward him; she remembered storming off, the thought of touching him as alien to her as space travel (анафора).

в) ненависть: She'd hated him then and she loved him now (антитеза и полный параллелизм).

г) умение прощать: If she hadn't come to stay with him, if she hadn't given him a chance, it might have been easier to let him go (анафора).

д) бессилие: She was alone and her father was dying, and there was absolutely nothing she could do to stop it (частичный параллелизм и полисинтетон).

е) страх: But I'm scared <...> And my dad... (апозиопезис). Умолкание в данном примере ясно иллюстрирует весь спектр эмоций, царивший в душе у юной девушки: огромный страх перед смертью, перед болезнью, отчаяние, осознание безысходности ситуации, непонимание того, что еще можно сделать.

ж) нежелание отпустить: How could she tell the doctors not to do anything? How could she let him die? (анафора и частичный параллелизм).

з) то, что потеряла слишком много времени в попытках понять, что еще она может сделать для своего отца: She wasn't ready, she hadn't shown him the song. She needed another day. It's not time yet (короткие простые предложения, частичный параллелизм).

и) свою близорукость: She didn't know the novelists he liked to read, she didn't know his favorite animal, and if pressed, she couldn't begin to guess his favorite color (анафора и частичный параллелизм). Прожив столько лет рядом с отцом, Ронни с ужасом осознает, что ничего о нем не знает, более того, никогда не хотела узнать, пока не настало время, когда это было единственным, что ей оставалось, когда срок, отмеренный жизнью ее от-

цу, подходил к концу. Но время нельзя повернуть вспять, в этом ей приходится убедиться на собственном горьком опыте: She wanted to do something to make this nightmare go away. She wanted to turn back the clock to the moment the turtles had hatched, when all was right with the world. She wanted to stand beside the boy she loved, her happy family by her side (анафора и частичный параллелизм).

Тем не менее, испытываемые страхи и переживания не помешали девушке оставаться верной и твердой опорой отцу до самого конца.

Выводы

В заключение отметим, что Николасу Спарксу в его романе «Последняя песня» удалось создать свежую и интересную историю о вполне обычных вещах. Одной из тем произведения является рак, но не он составляет его основу. Главной задачей писателя была показать, что в жизни человека нет ничего важнее его межличностных отношений (отношений с родными и близкими, любимыми людьми, друзьями и просто знакомыми), потому что именно одиночество причиняет больше боли и страдания, чем большинство недугов. Люди не должны забывать о таких понятиях, как любовь, прощение, сострадание, что неоднократно подчеркивает автор синтаксическими стилистическими средствами, важное место среди которых занимают анафора и параллелизм.

Список источников

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. 211 с.
2. Андуганова М.Ю., Сомикова Т.Ю., Степина С.Д., Лукиных А.А. Полисиндетон в тексте судебного процесса произведения Харепр Ли Н. «Убить пересмешника» // МНКО. 2023. № 3 (100). С. 526 – 528.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 13-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 384 с.
4. Баранчук М.В. Синтаксические средства выразительности романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19. № 1. С. 72 – 78.
5. Богатова Ю.А., Булаева Н.Е. О роли экспрессивных синтаксических средств в создании ритмического рисунка художественного текста (на материале произведений англоязычной научной фантастики) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3. № 2 (62). С. 141 – 144.
6. Борисенко Ю.А., Сайтаева К.С. Особенности передачи идиостиля автора подростковой литературы при переводе (на материале романа S. Chbosky «The Perks of Being a Wallflower») // Многоязычие в образовательном пространстве. 2021. № 13. С. 97 – 106.
7. Джамалова М.К., Сулейманова А.А. Экспрессивная насыщенность синтаксиса поэзии Константина Фофанова // МНКО. 2021. № 2 (87). С. 577 – 579.
8. Коршунова Е.С. Роль стилистических средств выразительности речи в создании образа главного героя в романе Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 490 – 493.
9. Котик О.В., Толстикова Л.В. Понятие экспрессивности в научном дискурсе (на материале англоязычных научных статей) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 1 (272). С. 59 – 66.
10. Стрельницкая Е.В. Синтаксические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов с английского языка на русский // Известия СПБГЭУ. 2010. № 3. С. 161 – 163.

References

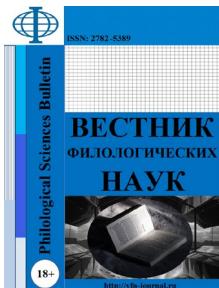
1. Aleksandrova O.V. Problems of expressive syntax. Based on the English language: Textbook. Moscow: Higher. school, 1984. 211 p.
2. Anduganova M.Yu., Somikova T.Yu., Stepina S.D., Lukinykh A.A. Polysyndeton in the text of the trial of the work of Kharepr Li N. "To Kill a Mockingbird". MNKO. 2023. No. 3 (100). P. 526 – 528.
3. Arnold I.V. Stylistics. Modern English: textbook for universities. 13th ed., reprinted. Moscow: FLINTA, 2016. 384 p.
4. Baranchuk M.V. Syntactic means of expressiveness in G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes". Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 72 – 78.
5. Bogatova Yu.A., Bulaeva N.E. On the role of expressive syntactic means in creating a rhythmic pattern of a fiction text (based on works of English-language science fiction). Bulletin of the Kemerovo State University. 2015. Vol. 3. No. 2 (62). P. 141 – 144.

6. Borisenko Yu.A., Saitaeva K.S. Features of transmitting the idiom of an author of teenage literature during translation (based on the novel by S. Chbosky "The Perks of Being a Wallflower"). Multilingualism in the educational space. 2021. No. 13. P. 97 – 106.
7. Dzhamalova M.K., Suleimanova A.A. Expressive richness of the syntax of Konstantin Fofanov's poetry. MNKO. 2021. No. 2 (87). P. 577 – 579.
8. Korshunova E.S. The role of stylistic means of expressiveness of speech in creating the image of the protagonist in R.L. Stevenson's novel "The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde". Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 490 – 493.
9. Kotik O.V., Tolstikova L.V. The concept of expressiveness in scientific discourse (based on English-language scientific articles). Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2021. No. 1 (272). P. 59 – 66.
10. Strelnitskaya E.V. Syntactic means of expressing the emotional state of a character and the peculiarities of their use in translating fiction from English into Russian. Izvestiya SPbSEU. 2010. No. 3. P. 161 – 163.

Информация об авторах

Сафина А.Р., кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», vesennyy-oduvanchik@yandex.ru

© Сафина А.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский) (филологические науки)
УДК 8.81

¹ Чотчаева И.А., ¹ Турклиева А.В.

¹ Северо-Кавказская государственная академия

Методология преподавания английского языка как наука

Аннотация: данная работа рассматривает методику обучения английскому языку как наука. В настоещее время данный вопрос переживает период переосмыслиения своих принципов и подходов. Это связано с развитием лингводидактики – отрасли методической науки, которая фокусируется на взаимосвязи языка, общения и процессов обучения. Цель исследования – всесторонний анализ взаимосвязи методики обучения английскому языку с другими науками, выявление ключевых факторов, определяющих эффективность обучения, и разработка рекомендаций по оптимизации методических подходов. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Систематизация теоретических основ методики обучения английскому языку.
2. Анализ особенностей методики обучения языку в контексте современных требований.
3. Исследование связи методики обучения языку с базисными науками.
4. Выявление связи методики с смежными науками.
5. Комплексный анализ корреляции методики с другими науками в практике обучения.

Ключевые слова: методика обучения, эффективность занятий, фокусировать, усвоения языка, психологические, лингвистические и педагогические механизмы

Для цитирования: Чотчаева И.А., Турклиева А.В. Методология преподавания английского языка как наука // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 118 – 123.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Chotchaeva I.A., ¹ Turklieva A.V.

¹ North Caucasian State Academy

Methodology of teaching English as a science

Abstract: this paper examines the methodology of teaching English as a science. Currently, this issue is going through a period of rethinking its principles and approaches. This is due to the development of linguodidactics – a branch of methodological science that focuses on the relationship between language, communication and learning processes. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the relationship between the methodology of teaching English and other sciences, identifying key factors that determine the effectiveness of training, and developing recommendations for optimizing methodological approaches. To achieve this goal, the following tasks were set:

1. Systematization of the theoretical foundations of the methodology of teaching English.
2. Analysis of the features of the methodology of teaching language in the context of modern requirements.
3. Study of the relationship of the methodology of teaching language with basic sciences.
4. Identification of the relationship of the methodology with related sciences.
5. Comprehensive analysis of the correlation of the methodology with other sciences in teaching practice.

Keywords: teaching methods, lesson efficiency, focus, language acquisition, psychological, linguistic and pedagogical mechanisms

For citation: Chotchaeva I.A., Turklieva A.V. Methodology of teaching English as a science. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 118 – 123.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование методики обучения английскому языку (АЯ) как научный подход к эффективному обучению. Это обусловлена постоянной эволюцией как самих языков, так и научного понимания процессов их усвоения. Несмотря на значительные достижения в области лингвистики, психологии, нейронаук и педагогики, вопрос выбора наиболее эффективных методов обучения остается открытым и постоянно адаптируется к меняющимся потребностям общества и новым технологиям [6]. Современный мир требует не просто знания английского языка, а умения использовать его в различных коммуникативных ситуациях, что влечет за собой необходимость переосмыслиния традиционных методик и интеграции инновационных подходов. Исследование взаимосвязи методики обучения языкам с другими науками является, таким образом, не просто академической задачей, а ключом к разработке более эффективных и адаптированных образовательных программ. Объектом нашего исследования является методика обучения АЯ как сложная, многоуровневая система, включающая в себя теоретические основы, практические приемы и оценочные инструменты. Предмет исследования – анализ корреляции между методикой и другими науками, определяющими ее развитие и эффективность.

В центре внимания современной методики находятся определение оптимальных способов обучения и учения, которые способствуют развитию коммуникативных компетенций у обучаемых.

Это основные аспекты методики:

1. Цели обучения: определение причин и задач изучения АЯ.
2. Содержание обучения: выбор материала и тем, соответствующих поставленным целям.
3. Методы и приемы обучения: разработка эффективных стратегий обучения, отвечающих современным требованиям, таких как: объяснения и демонстрации; упражнения на аудирование, говорение, чтение и письмо; использование аутентичных материалов; работа в группах и парах.
4. Средства обучения: использование учебников, словарей, аудио- и видеоматериалов, компьютерных программ.
5. Ключевые выводы: методика обучения иностранному языку – это динамично развивающаяся наука, которая тесно связана с лингводидактикой.

Методика обучения языку – это комплексная научная дисциплина, изучающая все аспекты процесса овладения английским языком, от постановки целей и выбора содержания учебного материала до организации процесса обучения и воспитания обучающихся. Она выходит за рамки простого преподавания, рассматривая глубинные психологические, лингвистические и педагогические механизмы усвоения языка как средства коммуникации и инструмента личностного развития. Методика не просто описывает как учить, но и почему определенные методы эффективны, а другие – нет, и как эти методы можно адаптировать под различные обстоятельства.

Изучение АЯ в современном глобальном мире выходит за рамки простого расширения кругозора. Овладение языками становится критически важным фактором успешной карьеры практически в любой сфере деятельности. Специалисты, свободно владеющие АЯ, обладают неоспоримым преимуществом на рынке труда, имеют доступ к более широкому кругу информации, возможностей для профессионального роста и сотрудничества с международными партнерами. Качество языковой подготовки напрямую влияет на конкурентоспособность как отдельных специалистов, так и целых компаний. Поэтому эффективность методики преподавания английского языка – ключевой вопрос, определяющий успех всего образовательного процесса.

Методика обучения АЯ как наука – лингводидактика – представляет собой сложную и многогранную область, объединяющую знания из различных дисциплин [5]. Она опирается на достижения таких наук, как лингвистика (включая фонетику, лексикологию, грамматику, стилистику и pragmatiku), психология (когнитивная психология, психология развития, психолингвистика), педагогика (дидактика, теория обучения, социология, социолингвистика) и информационные технологии. Взаимодействие этих дисциплин позволяет разработать эффективные стратегии обучения, учитывающие как специфику языка, так и индивидуальные особенности обучающихся [2]. Учебные пособия по лингводидактике и методике преподавания иностранных языков играют решающую роль в подготовке будущих преподавателей. Они призваны не только пере-

дать теоретические знания, но и сформировать практические навыки, необходимые для успешного построения и проведения уроков. Цель таких уроков – дать студентам-филологам глубокое понимание принципов обучения АЯ, познакомить их с различными методиками, технологиями и приемами, а также научить анализировать и оценивать эффективность применяемых методов. Современная методика обучения АЯ значительно эволюционировала, отказавшись от устаревших подходов, основанных на механическом заучивании грамматических правил и лексики [4].

Важным аспектом методики обучения ИЯ является разграничение объекта и предмета исследования. Объект – это то, что исследуется, а предмет – это аспект объекта, который подлежит изучению в рамках конкретного исследования. Впервые это разграничение было четко сформулировано И.Л. Бимом. Объектами методики могут быть учебные программы, учебники, учебные пособия, учебно-воспитательный процесс в целом (включая деятельность педагога и студента), а также конкретные языковые явления и навыки [1]. Предметом же исследования могут являться конкретные методы обучения, эффективность тех или иных дидактических приемов, влияние определенных факторов на процесс освоения АЯ. Это разграничение позволяет уточнить цели и задачи исследования и избежать смешения понятий. Каждая из ветвей методики имеет свой специфический объект и предмет исследования, а также свой набор методов и понятийного аппарата. Например, сравнительная методика использует методы сравнительного анализа, а историческая методика – методы исторического исследования.

Материалы и методы исследований

Методика обучения английскому языку – это сложная и многогранная наука, стремящаяся оптимизировать процесс усвоения языка. Ее структура включает в себя несколько взаимосвязанных, но самостоятельных ветвей, каждая из которых фокусируется на определенном аспекте обучения. Ключевое разделение происходит между общей и частной методикой. Общая методика обучения АЯ исследует фундаментальные закономерности процесса обучения языку, независимо от специфики аудитории, уровня подготовки обучающихся или используемых учебных материалов. Она фокусируется на универсальных принципах усвоения языка: влияние мотивации, роль памяти и внимания, этапы формирования речевых навыков, влияние когнитивных стилей на эффективность обучения, т.е. исследует универсальные дидактические подходы, эффективные стратегии преподавания, психологические аспекты языкового обучения, а также роль мотивации и когнитивных процессов в овладении языком [3]. Например, общая методика изучает оптимальные способы формирования лексического запаса, независимо от того, изучается ли английский язык в начальной школе или испанский – в университете. В последнее время общая методика активно интегрирует нейролингвистические исследования, изучая процессы обработки языковой информации в мозге и разрабатывая методы, учитывающие индивидуальные особенности нейропластичности обучающихся [8]. Также служит теоретической основой для частных методик и постоянно обогащается новыми исследованиями в области когнитивной психологии, нейролингвистики и педагогики. Например, современные исследования в области нейролингвистики помогают понять, как происходит формирование языковых навыков в мозге, что позволяет разрабатывать более эффективные методические приемы.

Частная методика, в свою очередь, сосредотачивается на специфике обучения конкретному языку. Учитывает конкретные условия обучения: возраст обучающихся, их уровень подготовки, цели обучения (например, подготовка к сдаче экзамена, профессиональное общение, туристические поездки), наличие или отсутствие языковой среды, используемые учебные материалы и технологии. Например, методика обучения английскому языку детей дошкольного возраста значительно отличается от методики преподавания делового английского взрослым. Частная методика учитывает и культурные особенности, и детей, и преподавателей, влияние межкультурной коммуникации на процесс обучения. Здесь учитываются грамматические особенности языка, его фонетика, лексика, культурный контекст и традиции его использования.

Взаимодействие общей и частной методик является ключевым для эффективного обучения. Общая методика предоставляет фундаментальные принципы, а частная – конкретные методы и приемы их реализации для каждого конкретного языка. Стремительное развитие методической науки привело к появлению специализированных направлений в рамках общей методики, таких как сравнительная, историческая и специальная методика.

Специальная методика сосредотачивается на отдельных аспектах обучения иностранному языку. Это может быть методика обучения чтению, аудированию, говорению или письму, методика работы с лексикой или грамматикой, методика использования определенных технологий (например, интерактивных досок, онлайн-платформ, искусственного интеллекта), методика обучения специфическим видам речевой деятельности (например, публичным выступлениям, переводческой деятельности, дискуссии). Специальная методика мо-

жет быть ориентирована на определенные группы обучающихся: обучение языку с особыми образовательными потребностями, обучение английскому в условиях билингвизма.

В последние годы активно развивается специальная методика, направленная на использование технологий виртуальной и дополненной реальности для повышения эффективности обучения. Сравнительная методика анализирует и сравнивает методы и подходы к обучению ИЯ в разных странах и культурах. Она изучает различные образовательные системы, учебные планы и программы, а также влияние культурного контекста на процесс обучения. Это позволяет выявлять эффективные практики и адаптировать их к различным образовательным средам. Например, сравнительный анализ методик обучения ИЯ в странах с многоязычной средой и странах с моноязычной средой может выявить специфические подходы и проблемы. Историческая методика изучает эволюцию методов обучения ИЯ, отслеживая смену парадигм и подходов на протяжении истории. Понимание исторического контекста позволяет критически оценить современные методы и избежать повторения ошибок прошлого. Например, исследование исторических методик поможет понять, почему некоторые методы, популярные в прошлом, сегодня считаются неэффективными. Специальная методика фокусируется на отдельных аспектах процесса обучения. Сюда входят методики использования технических средств обучения (ТСО), методики обучения ИЯ в условиях многоязычия, методики работы с детьми с особыми потребностями и многие другие [9]. Например, специальная методика, ориентированная на использование интерактивных досок и других цифровых ресурсов, рассматривает способы их эффективной интеграции в учебный процесс.

Важно различать общую методику, изучающую универсальные принципы обучения иностранному языку независимо от конкретного языка, и частную методику, сосредоточенную на особенностях преподавания определенного языка.

Результаты и обсуждения

В настоящее время доминируют коммуникативно-ориентированные методы, направленные на развитие всех видов речевой деятельности: говорения, аудирования, чтения и письма. Для исследования акцент сделали на практическом применении языковых знаний в реальных коммуникативных ситуациях в Северо-Кавказской государственной академии г. Черкесска для студентов медицинских вузов второго курса для специальности 31.05.01. «Лечебное дело», 31.05.02. «Педиатрия».

Обучение строилось на принципах аутентичности, интерактивности и индивидуализации. Вместо пассивного восприятия информации студенты активно участвовали в процессе обучения, работая в группах, выполняя проекты, участвуя в ролевых играх и дискуссиях. Инновационные технологии играли и играют все более важную роль в современной методике преподавания АЯ. Онлайн-платформы, мультимедийные пособия, интерактивные упражнения, виртуальные туры и видеоконференции расширяют возможности обучения, делая его более занимательным и эффективным. Использование цифровых ресурсов позволили студентам заниматься в удобном для них темпе, получать немедленную обратную связь и практиковаться в использовании языка в различных контекстах [10]. Однако, вне зависимости от применяемых технологий, ключевым фактором успеха остается мастерство педагога. Успешный преподаватель АЯ должен обладать не только глубокими знаниями языка и методики его преподавания, но и психолого-педагогическими компетенциями. Он должен уметь мотивировать обучающихся, создавать положительную атмосферу, учитывать индивидуальные особенности каждого студента, а также эффективно использовать различные методы и приемы обучения. Квалификационные требования к преподавателю АЯ включают не только высокий уровень владения языком, но и умение планировать учебный процесс, разрабатывать учебные материалы, оценивать результаты обучения и адаптировать методы преподавания к конкретным учебным ситуациям. Доброжелательное отношение позволяет студентам свободно выражать свои мысли, не боясь ошибок. Дать им возможность использовать полученные знания на практике, как в устной, так и в письменной речи. Студенты были заинтересованы и активно принимали участие.

Эксперимент, результаты которого оказались весьма впечатляющими, подтвердил гипотезу о существенном влиянии контекстуализации учебного материала на его усвоение студентами. Мы предположили, что привязка изучаемого материала к реальным медицинским случаям, ситуациям из практики и профессиональной деятельности, значительно повысит эффективность обучения. Эта гипотеза была основана на когнитивной теории обучения, которая утверждает, что знания лучше усваиваются, когда они имеют личностный смысл и интегрируются в существующую когнитивную схему студента. В рамках эксперимента, студенты-медики были разделены на две группы: контрольную и экспериментальную. Контрольная группа обучалась традиционным методом – с использованием учебников и стандартных упражнений. Экспериментальная группа, напротив, работала с тем же самым материалом, но он был представлен в контексте реальных клинических случаев, иллюстрированных подробными описаниями пациентов, анализами результатов исследова-

ний и диагностическими выводами. Студенты этой группы также участвовали в ролевых играх, имитирующих взаимодействие с пациентами на английском языке, обсуждая симптомы, диагнозы и планы лечения. Результаты эксперимента превзошли все ожидания. Студенты экспериментальной группы продемонстрировали значительно более высокое понимание медицинской терминологии и более свободное владение английским языком в профессиональной сфере. Они не только лучше усвоили лексику и грамматику, но и продемонстрировали более развитые навыки критического мышления и решения проблем. Это подтверждает, что контекстуальный подход не только улучшает запоминание, но и способствует развитию метакогнитивных навыков – способности оценивать собственные когнитивные процессы и управлять ими. Более того, у студентов экспериментальной группы наблюдался повышенный уровень мотивации к обучению. Они проявляли больший интерес к изучению материала, более активно участвовали в дискуссиях и демонстрировали более высокую степень самостоятельности в учебной работе. Важно отметить, что креативность студентов экспериментальной группы также значительно улучшилась. Ролевые игры и работа с реальными медицинскими историями стимулировали их воображение и способность находить нестандартные решения. Они научились более эффективно анализировать информацию, выстраивать логические цепочки и принимать обоснованные решения в условиях неопределенности – навыки, крайне важные для успешной врачебной практики. Таким образом, эксперимент однозначно подтвердил эффективность контекстуального подхода к обучению медицинскому английскому языку. Он показал, что интеграция учебного материала в реальные жизненные ситуации значительно повышает его усвоение, развивает креативное мышление и повышает мотивацию студентов. Полученные результаты имеют важное значение для разработки новых методик обучения, ориентированных на индивидуальные потребности студентов и их будущую профессиональную деятельность. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долговременного эффекта контекстуального обучения, анализ влияния различных типов контекстуализации на эффективность обучения и разработку инновационных дидактических материалов, ориентированных на контекстуальный подход. Полученные данные позволяют нам с уверенностью говорить о необходимости перехода к более гибким и адаптивным методикам преподаваний АЯ в медицинских вузах, что обеспечит подготовку высококвалифицированных специалистов, готовых к успешной работе в современном здравоохранении.

Выводы

В ходе исследования использовались следующие методы: системный анализ, сравнительный анализ, классификация, обобщение, моделирование, анализ научной литературы и образовательных стандартов. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации знаний о взаимосвязи методики обучения АЯ и других наук, в разработке новой модели взаимодействия этих дисциплин. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов преподавателями АЯ для совершенствования своей профессиональной деятельности, разработки инновационных методик, создания эффективных учебных материалов и адаптации образовательных программ к современным требованиям. Результаты исследования могут быть использованы также в подготовке будущих преподавателей АЯ.

И так, методика обучения АЯ – это сложная и многогранная наука, стремящаяся оптимизировать процесс усвоения английского языка.

Основные выводы о методике обучения языку: методика – это самостоятельная педагогическая дисциплина, изучающая закономерности и принципы обучения языку; методы обучения представляют собой организованную деятельность преподавателя и студента. Они универсальны и могут быть адаптированы к различным ситуациям; эффективность обучения достигается за счет комбинирования различных подходов и методов, с учетом специфики обучения [11].

В заключение, методика обучения ИЯ – это динамично развивающаяся область научного знания, которая постоянно обогащается новыми идеями и подходами. Ее цель – обеспечить эффективное и качественное обучение АЯ, что является необходимым условием в современном глобализированном мире. Взаимодействие различных ветвей методики, строгое разграничение объекта и предмета исследования и учет достижений смежных наук – залог её дальнейшего успешного развития.

Список источников

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М.: русский язык, 1977. 288 с.
2. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: учебное пособие. М.: Прогресс, 1988. 245 с.
3. Васильева Н.В. Лингвистика текста // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2010. С. 490 – 491.

4. Вопросы методики преподавания иностранных языков в средней и высшей школе / ред. А.С. Шкляева. Казань, 1961. 263 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2007. 336 с.
6. Миролюбов А.А. История отечественной методики обучения иностранным языкам. М.: Ступени, 2002. С. 11.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 164 с.
8. Фокина К.В., Тернова Л.Н., Костычева Н.В. Методика преподавания иностранного языка: конспект лекций. М.: Издательство Юрайт, 2009. 158 с.
9. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. М.: Просвещение, 1986. 223 с.
10. Harmer J. The Practice of English Language Teaching: 4th edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 448 p.
11. Howatt A.P.R., Widdowson H.G. A history of English language teaching. Oxford: Oxford University Press, 2004. 394 p.

References

1. Bim I.L. Methods of Teaching Foreign Languages as a Science and Problems of School Textbooks. Moscow: Russian Language, 1977. 288 p.
2. Bim I.L. Theory and Practice of Teaching German in Secondary School: A Manual. Moscow: Education, 1988. 245 p.
3. Vasilyeva N.V. Text Linguistics. The Great Russian Encyclopedia. Moscow: BRE, 2010. P. 490 – 491.
4. Questions of Methods of Teaching Foreign Languages in Secondary and Higher Schools. Ed. A.S. Shklyev. Kazan, 1961. 263 p.
5. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of Teaching Foreign Languages. Lingvodidactics and Methods. M.: Academy, 2007. 336 p.
6. Mirolyubov A.A. History of Russian Methods of Teaching Foreign Languages. M.: Steps, 2002. 11 p.
7. Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication. M., 2000. 164 p.
8. Fokina K.V., Ternova L.N., Kostycheva N.V. Methods of Teaching a Foreign Language: Lecture Notes. M.: Yurait Publishing House, 2009. 158 p.
9. Shatilov S.F. Methods of Teaching German in Secondary School. M.: Education, 1986. 223 p.
10. Harmer J. The Practice of English Language Teaching: 4th edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 448 p.
11. Howatt A.P.R., Widdowson H.G. A history of English language teaching. Oxford: Oxford University Press, 2004. 394 p.

Информация об авторах

Чотчаева И.А., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Северо-Кавказская государственная академия, chotchaeva66@list.ru

Турклиева А.В., Северо-Кавказской государственной академии, aturklieva18@gmail.com

© Чотчаева И.А., Турклиева А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.1

¹ Чумаченко Н.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Игровая журналистика: понятие, история, жанровый состав

Аннотация: статья посвящена феномену игровой журналистики и критике видеоигр в российской практике. Для достижения целей работы проводится обзор литературы по тематике игровой журналистики в России и за рубежом. Для контекстуализации определенных трендов и установок в игровой журналистике сопоставляются факты из ее истории. Проводится подробный анализ аудитории игровой журналистики, на основе которого приводится новая классификация игроков с точки зрения их статуса как аудитории игровой журналистики с уникальными потребностями и выделяются те подтипы, которые более или менее склонны обращаться к материалам в жанре игровой критики. Выделяется и очерчивается понятие «игровая критика». Подробно описывается жанровый состав игровой журналистики. Самые актуальные для исследования жанры рассмотрены более подробно, приведены их определения. Установлена позиция жанра обзора, рецензии или ревью в иерархии аналитических и информационных жанров внутри игровой журналистики. С применением междисциплинарной литературы в области PR и теории журналистики создается концепция и проблематика современной игровой критики. Приводятся и анализируются подходы к игровой критики с точки зрения исследователей в области дисциплины game studies. На основании анализа целей, главных функций, дробления целевой аудитории и фактов из истории игровой журналистики делается ряд выводов об особом значении в данном сегменте медийного пространства критики видеоигр как сегмента современного российского и международного арт-медиадискурса, а также о существующих тенденциях и трендах в ней и альтернативные подходы к ее организации.

Ключевые слова: игровая журналистика, медиакритика, видеоигра, интерактивные медиа, жанр, интернет

Для цитирования: Чумаченко Н.А. Игровая журналистика: понятие, история, жанровый состав // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 124 – 131.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Chumachenko N.A.

¹ Saint Petersburg State University

Games journalism: definition, history, genre composition

Abstract: in the provided article we gave a justification to games journalism and games critique as phenomena. To achieve that, we reviewed the literature on the subject of games journalism both in Russia and abroad. We provided factoids from games journalism's history to contextualize certain patterns and trends. Target audience of game's journalism is thoroughly analyzed, after which we created a new classification of plates as potential audiences of game's journalism and some of them are singled out as more or less likely to engage with gaming critique. The nomination of "gaming critique" is given and defined. Genre structure of games journalism is described thoroughly. The most relevant genres for study are defined. We determined the positioning of the review genre among

other informational and analytical ones. Using theory of journalism and PR structure and issues of games journalism are identified. Game critique concepts from the perspective of game studies are introduced and analyzed. Based on our analysis of the goals, functions, history and audience of games journalism we came to a conclusion of the importance of games criticism in the area.

Keywords: games journalism, media critique, videogame, interactive media, genre, internet

For citation: Chumachenko N.A. Games journalism: definition, history, genre composition. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 124 – 131.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность исследований видеоигр и игровой журналистики продолжает расти в связи с растущим общественным спросом как на сами игры, так и информацию о них. Будучи относительно новым явлением, видеоигры постоянно расширяют свой функционал, их скорое технологическое развитие и рост популярности стали причинами контекстуализации игр как инструмента идеологической борьбы и закрепили их в центре социологической «культурной войны», поэтому видеоигры оказались в зоне внимания сразу нескольких технических и гуманитарных дисциплин. Кроме того, видеоигры как медиафеномен требуют качественного информационного сопровождения, которое является задачей игровой журналистики.

Игровая журналистика заняла свое место в современном российском медиапространстве более тридцати лет назад. Ее внезапное появление и быстрое развитие связаны с эволюцией рынка видеоигр на территории бывшего СССР. Немногочисленные исследователи, изучающие феномен игровой журналистики, рассматривают этот медийный пласт в целом, не останавливаясь на частных его характеристиках. На наш взгляд, существует необходимость внести уточнения в описание данного феномена, основываясь на особенностях соответствующего информационного поля.

Цель данного исследования: определить цели игровой журналистики, аудиторию, жанровую систему и контент не только игровой журналистики в целом, но и критики видеоигр, опираясь на теоретическое описание феномена и его историю.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели были проанализированы концепции российских и зарубежных филологов, социологов и специалистов в области game studies, опубликованные с 2002 по 2020 г. Также учитывалось экспертное мнение журналистов, публикующихся на российском игровом сайте DTF.

Использование словосочетания «игровая журналистика» для обозначения, интересующего нас явления, оспаривается. Предлагаются альтернативные варианты, такие как «журналистика видеоигр» или «гейм-журналистика». Мы настаиваем на использовании номинации «игровая журналистика», так как авторы материалов о видеоиграх и их читатели ассоциируют исследуемую нами область массмедиа именно с этим словосочетанием.

В исследованиях игровой журналистики часто встречаются расхождения в трактовке терминов. Обратимся к определению, которые предлагают Р.П. Баканов и Р.И. Сабирова – «Игровая журналистика – это вид журналистики, нацеленный на описание и обсуждение видеоигр. Ее основу, как правило, составляет цикл материалов "анонс, превью, реview, прохождение". Игровая журналистика имеет свою специфическую аудиторию, называемую фанатами видеоигр (геймерами)» [1].

Преимущества предлагаемой дефиниции в том, что при ее создании использовались, учитывались базовые характеристики ИЖ: цели, жанровая система и целевая аудитория игровой журналистики. Но наш материал заставляет внести некоторые уточнения.

К тому же, в данной работе внимание будет уделяться критике видеоигр как ключевому сегменту игровой журналистики, поэтому сразу оговоримся, для нас понятия «игровая журналистика» и «игровая критика» не тождественны. Игровая критика, представленная в игровой журналистике в виде жанров рецензии, обзора или реview – это ключевое и основополагающее явление в игровой журналистике, ее часть, которую мы подробнее рассмотрим при описании жанрового состава ИЖ. Номинации «игровая критика» и «критика видеоигр» в нашем понимании обозначают практику, в ходе которой игровой журналист, рецензент, создает критический материал – рецензию на видеоигру, или же результат этой практики – непосредственно публикацию в жанре реview или обзора.

Игровая журналистика объединяет СМИ, предоставляющим специальную информацию для нишевой аудитории, что дает нам право отнести эти издания к классу специализированных [3]. Специализация является первой причиной, по которой ИЖ полагается на продажецентричные концепции в подходе к PR, что определяется рынком нишевой, специфической, дополнительной информации [4].

Для более точного определения места, которое занимают игровая журналистика и критика в российском медиапространстве, стоит выделить еще несколько отличительных особенностей. К этим особенностям относятся: сочетание развлекательной, просветительской и рекламной функций, при явном преобладании последних двух; ярко выраженная антропоцентричность; параллельное использование информационных, аналитических и PR-жанров. Эти характеристики объединяют дискурс видеоигр в игровой журналистике с арт-медиадискурсом [5].

Результаты и обсуждения

Задачи игровой журналистики неоднократно менялись за историю ее существования. Американский торговый журнал «Play Meter» (1972-2018) стал первым изданием, публикующим обзоры видеоигр. Однако, первые критические материалы в журнале не стали полномерным аналитическим списанием интерактивного художественного высказывания, коим является видеоигра [6]. Первые в истории игровой журналистики критические материалы были призваны помочь хозяевам аркадных залов в выборе наиболее прибыльных машин для своих заведений. Тем не менее, многие отличительные особенности современного жанра видеоигрового обзора: например, десятибалльная шкала оценивания, впервые появились именно в Play Meter [7]. Отсюда можно сделать вывод, что установочной целью игровой критики является продвижение цифрового медиапродукта, представленного в формате игры.

На определение курса развития игровой критики в последние 30 лет влияет целевая аудитория. В первых исследованиях игровой журналистики, которые ставили перед собой задачу определить целевую или потенциальную аудиторию игровой журналистики, к ней зачастую относили всех представителей субкультуры геймеров. Однако, такое определение опровергается статистическими данными. Согласно подсчетам аналитического центра НАФИ, в 2022 году около 60% населения России старше 18 лет периодически играют в видеоигры [8]. Эта цифра несопоставима с аудиторией игровых изданий. Веб-сайт DTF, который является самым популярным в России СМИ о видеоиграх, ежемесячно посещают 9,2 млн. уникальных пользователей. Это значение намного ниже предполагаемого количества российских геймеров, даже несмотря на то, что аудитория ресурса увеличивается за счет освещения явлений популярной культуры, не связанных с видеоиграми, таких как анимация, кинематограф, комиксы и т.д.

В такой ситуации целесообразно попытаться поделить данную группу на подгруппы, основываясь, с одной стороны, на признаках релевантных для теории журналистики, а с другой – на их особенностях как представителей субкультуры.

Геймеров как носителей видеоигрового хобби можно разделить на подгруппы на следующих основаниях:

- предпочтаемая платформа;
- наиболее привлекательные жанры видеоигр;
- время, регулярно затрачиваемое на хобби;
- предпочтение в соревновательных, кооперативных или одиночных играх.

Геймеры как аудитория игровой журналистики могут дифференцироваться по следующим параметрам:

- потребность в актуальной информации о функционировании игровой индустрии;
- общая осведомленность в специфической тематике игровой журналистики;
- необходимость прочтения/просмотра критических материалов о видеоиграх для совершения информированной покупки;
- уровень технической грамотности.

По этим критериям геймеров можно разделить на три основные категории. Для обозначения этих групп мы будем использовать фразы из лексикона самих игроков, которые используют и игровые журналисты для обращения к аудитории. Первая – хардкорные геймеры. Игроки этой группы интересуются культурой видеоигр в различных проявлениях, имеют высокий уровень технической грамотности, интересуются новостями игровой индустрии, разбираются в игровых студиях и знают многих творцов по именам. Как правило, хардкорный геймер будет играть на нескольких игровых платформах – в большинстве случаев одной из них будет персональный компьютер – три или более часов в день. Предпочтение игровых жанров среди хардкорных геймеров обусловлено лишь вкусом индивида. Так как он активно интересуется новинками игровой индустрии и выискивает информацию о них, он будет знакомиться с широким спектром проектов. При этом он будет полагаться на игровую критику для принятия решения о покупке, так как не имеет возможности опробовать все предлагаемые его вниманию проекты из-за их количества. Велика вероятность,

что у него высокий ранг в одной или более соревновательных видеоиграх. Часто такой геймер будет иметь другие увлечения, связанные с играми, в том числе играми вторичной медиальности: коллекционными карточными играми, настольными играми и т.д. [9].

Вторая группа – казуальные геймеры. Как и хардкорные геймеры, казуальные геймеры интересуются новостями видеоигр, но только в контексте анонсов новых проектов, часто только от крупных компаний. Они не имеют глубоких познаний о игровой индустрии, но знают некоторые факты. Как правило казуальный геймер будет использовать домашнюю консоль для игры. В день он тратит на игры 3 часа или меньше. Казуальные геймеры отдают предпочтение жанрам: шутер от первого лица; приключение от третьего лица; приключение в открытом мире; интерактивное кино. В большинстве случаев они избегают: стратегий в реальном времени; 4X стратегий; пошаговых РПГ; симуляторов. Казуальный геймер может проводить значительное количество времени в соревновательных играх, но зачастую его сессия будет проходить с друзьями (в одиночку – крайне редко) и состоять из казуальных матчей (не на рейтинг). Он будет опираться на маркетинг и упоминания в СМИ, чтобы узнавать о выходе новых игр, вследствие чего большая часть проектов, с которыми он будет знакомиться, будет относиться к AAA классу. Казуальный геймер полагается на игровую критику, в частности на систему оценок и их агрегаторы, чтобы сформировать мнение о предстоящей покупке. Он может быть заинтересован в других проявлениях популярной культуры (зачастую они не будут напрямую связаны с суперсубкультурой гиков, например – кинематограф) [10].

Третья категория – гиперказуальные геймеры. Эта группа игроков по большей части не заинтересована в проявлениях игровой культуры и деятельности игровой индустрии. Гиперказуальные геймеры играют почти эксклюзивно на мобильных устройствах в игры жанров, доминирующих на планшетах и смартфонах: три в ряд, tower defence, idle game и т.д. Большинство этих игр не имеют соревновательного компонента. Игровая сессия такого игрока обычно длится час или менее [11]. Гиперказуальные геймеры не являются аудиторией игровой журналистики, так как не имеют потребности в информации об индустрии или новинках мира видеоигр. По этой причине и потребности в игровой критике у них нет. Более того, многие игровые веб-сайты в целом отказываются от освещения мобильных игр, которые входят в сферу интереса гиперказуального геймера.

Можно выделить также несколько более малочисленных типов, таких как ретро-геймеры и киберспортивцы. Хоть игровая журналистика и соответствует их запросам в той или иной мере, эти типы занимают куда более узкую нишу и, что немаловажно, не имеют потребности в игровой критике.

Именно существование категории гиперказуальных геймеров вызывает большую разницу между числом предполагаемой аудитории игровой критики (субкультура геймеров в полном объеме) и ее действительным количеством, так как по данным вышеупомянутого исследования 74% всех российских геймеров используют мобильные устройства как одну из платформ, на которых они играют.

Хардкорные и казуальные геймеры, из которых состоит большинство игровой журналистики – это две отличные друг от друга категории индивидов с уникальными информационными потребностями, на основе которых сформирована игровая критика. Следовательно, жанровая система видеоигр формируется прежде всего под влиянием запросов аудитории.

Проанализировав задачи и целевую аудиторию игровой журналистики, мы можем предложить следующее определение изучаемому феномену: игровая журналистика – это сегмент журналистики, удовлетворяющий потребности хардкорных и казуальных геймеров в информации об игровой индустрии. Позднее мы дополним данную дефиницию, основываясь на анализе системы жанров игровой журналистики.

Упомянутое в начале определение игровой журналистики предполагает, что проекты, освещаемые игровыми журналистами, проходят определенный «жизненный цикл», представленный определенной последовательностью публикаций различных жанров: анонс; превью; обзор; прохождение.

Анонс представляет собой информационный жанр, в котором существование предстоящей игры впервые представлено как публично признанный факт. Жанр игрового анонса представляет собой оповещение о существовании и скором выходе игры с краткой информацией, которой с изданием поделился ее разработчик. Часто такой материал сопровождается трейлером проекта или несколько изображений, так как визуальная составляющая видеоигр является важным основанием для их оценивания, даже предварительного, как упоминалось ранее. Анонс встречается не только в игровой журналистике – напротив, этот жанр является устоявшимся в медиадискурсе.

Обзор (также именуемый ревью или рецензией) – это основополагающий жанр игровой журналистики и ее главная форма критики интерактивных произведений. Исследователи по-разному называют этот жанр: рецензия, ревью и т.д. Однако, так как критика видеоигры является отзывом не только о художественном произведении, но и о техническом продукте, мы будем продолжать называть этот жанр обзором [12].

Превью – жанр схожий с очерком или кратким отзывом о предстоящем продукте. Превью презентует первые впечатления журналиста от версии игры, которая может быть далека от официального релиза, но разработчик посчитал ее состояние достаточно удовлетворительным, чтобы показать прессе демоверсию или вертикальный срез. Основное отличие превью от обзора заключается в том, что любые замечания или похвалы, которые критик высказывает в сторону проекта, могут устареть к моменту, когда произведение доберется до игроков. По этой причине превью, хоть и несет в себе признаки критического жанра, представляет собой скорее PR-жанр, так как его основная задача – поддерживать интерес к ранее анонсированной игре и убедить читателя продолжать следить за обновлениями сайта или покупать новые выпуски журнала, чтобы не пропустить информацию о предстоящей игре.

Обзор – это основополагающий жанр игровой журналистики и ее главная форма критики интерактивных произведений. Исследователи по-разному называют этот жанр: рецензия, ревью и т.д. Однако, так как критика видеоигры является отзывом не только о художественном произведении, но и о техническом продукте, мы будем продолжать называть этот жанр обзором [12].

Эти жанры являются релевантными для игровой журналистики. Однако авторы изданий о видеоиграх также используют информационные и аналитические жанры, такие как новость, интервью, комментарий и др. В дальнейшем, мы уделим особое внимание жанру обзора как основополагающего и формообразующего не только для игровой критики, но и для игровой журналистики в целом.

Пока внесем дополнение нами выше определение: Игровая журналистика – это сегмент журналистики, обслуживающий информационные потребности хардкорных и казуальных геймеров с использованием как традиционных журналистских жанров, так и уникальных критических.

С расширением потенциальной аудитории игровой журналистики, которое произошло по причине постепенного роста доступности геймерского хобби и его переход из аркадных залов в дома участников сформированной субкультуры, целевая аудитория игровой журналистики развивалась преимущественно за счет игроков [13], как было сказано выше. В процессе модернизации жанр обзора сохранился в своем первоначальном виде: авторы игровых рецензий приоритизировали описание визуальной составляющей игры и степень, с которой игровой процесс (далее – геймплей) развлекает пользователя. Разница в том, что целью игровой журналистики стало обсуждение и описание видеоигр во всех их проявлениях. Что привело к тому, что диапазон игровой журналистики расширился до всех основных журналистских жанров [1]. Критический жанр обзора можно считать основополагающим. Что позволяет сделать вывод о том, что целью игровой критики на данном этапе является информирование аудитории о качестве продукта игровой индустрии или о ценности интерактивного произведения в формате видеоигры.

Другая цель игровой критики формулируется с учетом специфики видеоигры как художественного высказывания, а именно, ее свойства использовать интерактивные, механические, моделирующие и симуляционные компоненты в качестве собственных элементов драматургии, создания художественного образа, кинематографии, вызова в аудитории эмоционального и эстетического переживания [14]. Для платформы, не являющейся интерактивной, адекватное воспроизведение взаимосвязи инструментов видеоигры в формате журналистского материала становится трудной задачей. Для ее решения игровые журналисты, занимающиеся критикой, прибегают к описанию собственных впечатлений через описание опыта, испытанного автором и, потенциально, аудиторией. Третьей целью игровой критики является передача субъективного человеческого опыта своим читателям.

Смысловая структура обзора определяется его целями. Если автор считает обозреваемую игру достойной продвижения – он порекомендует ее и поставит высокую оценку. Для подтверждения своей позиции он вводит в текст обзора качественное описание игры (в основном ее визуальную, геймплейную и нарративную составляющие) и рассуждение о том, какой опыт эти качества передают [15].

В финальной части большинства обзоров, предлагаемых игровыми журналистами, выставляется оценка. Один из ключевых признаков игровой критики. Оценки игровых изданий формируются на агрегаторах, обсуждаются в сети и имеют значительное влияние на взаимоотношения производителей видеоигр с этими изданиями.

Последним жанром в актуальном списке, с нашей точки зрения, является прохождение - подробные руководства к игре. Зачастую игроки обращаются к прохождениям за решениями загадок или в поисках упущенных секретов. Прохождения являются важной частью игровой журналистики, однако их влияние на контент игровых изданий снизилось после перехода игровой журналистики в сеть [16].

На сегодняшний день большинство игровых изданий полностью перебрались в онлайн. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, сетевое пространство является довольно привычной средой для аудитории игровой журналистики, что, в свою очередь, позволило изданиям о видеоиграх с легкостью совер-

шить переход в сеть, так как компьютер с доступом в интернет есть у большинства адресатов. Во-вторых, неотъемлемой частью игровой журналистики на протяжении всей ее истории всегда был пользовательский контент. В эру печатных изданий читатели посыпали в редакции письма. В российской практике из авторов этих писем в итоге сложился авторский состав первых игровых журналов [17]. Эта особенность является следствием того, что основной целью игровой журналистики является презентация видеоигр. Большое количество пользовательских материалов является прямым следствием установки аудитории принимать участие в этом дискурсе.

Быстрый переход игровой журналистики в сеть и стремление аудитории быть активными участниками диалога стали причинами роста количества контента о видеоиграх на видеохостинге YouTube. Большое количество любительских роликов и их зрителей привело к тому, что большинство как печатных, так и печатных игровых изданий имеют канал на платформе.

Публикации на собственных веб-сайтах, соцсети и видеохостинги, такие как YouTube, являются тремя основными каналами связи игровой журналистики с аудиторией.

Как уже говорилось, журналисты, занимающиеся критикой видеоигр, зачастую останавливают внимание на трех компонентах игры: визуальном, нарративном и геймплейном. Особенностью именно игровой критики является возможность и необходимость освещать игровой процесс интерактивного произведения четвертичной медиальности. Под медиальностью в данном контексте подразумевается уровень, на котором игра (любая игра, теория медиальностей относится не только к видеоиграм, но только они представляют четвертичную медиальность) является репрезентацией реальности [18].

Исследователи в области геймдизайна и game studies также поднимают вопросы игровой критики в своих работах. Уже сложившийся в КМ подход в этих дисциплинах они называют MDA (mechanics, dynamics, aesthetics) [19]. Однако многие из них высказывают неудовлетворенность данной моделью, трактуют ее иначе, нежели авторы игровых изданий, или вовсе предлагают собственные концепции игровой критики [20]. Это представляет интерес, так как именно специалисты в области этих дисциплин входят в составы студий, занимающихся разработкой видеоигр. И в этом смысле они в том числе находятся под влиянием игровой журналистики, ведь критический и коммерческий успех их проекта во многом зависит от отзывов журналистов и, что немаловажно, игровая критика влияет на формирование дискурса вокруг предмета изучения game studies. Так, датский исследователь Ларс Конзак еще в 2002 году предложил по-новому представлять игру в критических и аналитических материалах. В стандартной практике игровой критики рецензенты фокусируются на трех составляющих игры – визуальной, нарративной и геймплейной. Он же делит игру на семь «слоев». В частности, обращает внимание на освещение отсылочности конкретной видеоигры к другим интерактивным произведениям, ее связи с предыдущими проектами тех же авторов или индустрии в целом. Этот компонент является важной составляющей критики других творческих форм, но в игровых обзорах встречается редко.

Первые слои видеоигры, которые необходимо освещать, по мнению Конзака – технические. Под техническими аспектами игры он понимает те устройства, на которых игра может запуститься. Это важно, так как в индустрии популярна практика «эксклюзивности», которую издатели применяют, чтобы вынудить заинтересованного в их проектах покупателя приобрести не только игру, но и устройство, на которой она сможет запуститься. Данная практика редко освещается или критикуется в игровых СМИ.

Более сложные, в понимании Конзака, аспекты видеоигры включают ее «функции». Те элементы, на которых строится взаимодействие интерактивного произведения. Также он предлагает уделять внимание социокультурной динамике, вызываемой игрой либо в геймерской культуре, либо в глазах аудитории [21].

Тот факт, что исследователи выдвигают собственные подходы к игровой критике важен, так как он демонстрирует сосредоточенность ИЖ исключительно на запросах аудитории, для которой важнее всего оперативность и лаконичность получаемой информации. В то же время развитие дискурса видеоигр предполагает и подробный анализ с различных ракурсов, с одной стороны, как художественного произведения, а с другой – как технического программного обеспечения. Данная особенность также является отличительной для игровой критики.

Выводы

На основании анализа достаточно объемной эмпирической базы мы предлагаем уточнить основные понятия из сферы игровой журналистики: начиная с базовой дефиниции. Нами выявлены ключевые характеристики целевой и фактической аудитории, направление модернизации жанра рецензии. Проанализировав аудиторию и жанровый состав игровой журналистики, мы выявили проблематику игровой критики, которая сосредоточена на определенных аспектах игры как технического продукта и вторческого произведения. Игровая

журналистика в целом и критика видеоигр в частности, как интенсивно развивающиеся медиафеномены остаются объектами междисциплинарных исследований.

Список источников

1. Баканов Р.П., Сабирова Р.И. Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 166 – 176.
2. Юдина Е.И. Медиапространство как культурная и социальная система: монография. М.: Прометей, 2005. С. 30 – 40.
3. Чуков П.И. Специализированные газеты как тип издания: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Ростов-на-Дону, 2004. С. 26.
4. Зинин Р.В., Полонский А.В. Специализированные периодические издания в сфере культуры как канал рекламной коммуникации. 2020. ООО Издательско-полиграфический центр "ПОЛИТЕРРА". С. 66 – 72.
5. Цветова Н.С. Дискурс искусства в современной российской журналистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. № 1. С. 231 – 237.
6. Югай И.И. Основные этапы освоения медиатехнологий искусством // Вопросы культурологии. 2013. № 4. С. 18 – 22.
7. Johnson Yolanda A. Small Business Sourcebook: The Entrepreneur's Resource. Gale Research. Vol. 1. 1998. P. 73.
8. НАФИ: Гейминг в России – 2022. Социальные и экономические эффекты // URL: <https://nafi.ru/projects/it-i-telekom/geyming -v-rossii-2022-sotsialnye-i-ekonomicheskie-effekty/>.
9. Baumann F. Hardcore Gamer Profiling: Results from an unsupervised learning approach to playing behavior on the Steam platform // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 126. P. 1289 – 1297.
10. Kuittinen J. Casual games discussion // Proceedings of the 2007 conference on Future Play. 2007. P. 105 – 112.
11. Charoenpruksachat A., Longani P. Comparative study of usability evaluation methods on a hyper casual game // 2021 Joint International Conference on Digital Arts, Media and Technology with ECTI Northern Section Conference on Electrical, Electronics, Computer and Telecommunication Engineering. IEEE. 2021. С. 153 – 156.
12. Коданина А.Л., Струрова А.О. «Игровая» журналистика как массово-коммуникационный феномен // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 6 (31). С. 4.
13. Kent S.L. The Ultimate History of Video Games. From Pong to Pokemon and Beyond... the Story Behind the Craze That Touched Our Lives and Changed the World. Crown, 2010. Vol. 1. 100 p.
14. Тармаева В.И. Компьютерные игры и игровая журналистика // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. No. 5 (360). С. 343 – 350.
15. Zagal J.P., Ladd A., Johnson T. Characterizing and Understanding Game Reviews // Proceedings of the 4th International Conference on the Foundations of Digital Games. New York: ACM, 2009. P. 215 – 222.
16. Nylund N. Walkthrough and let's play: evaluating preservation methods for digital games // Proceedings of the 19th International Academic Mindtrek Conference. 2015. С. 55 – 62.
17. Костин С. Журнал «Великий Дракон» – DTF. 29.04.2020. URL: <https://dtf.ru/retro/124852-zhurnal-veliikiy-drakon>.
18. Гундольф С. Фрейермут. Игры. Геймдизайн. Исследование игр / пер. с нем. А.И. Кропивкина. Х.: Издательство «Гуманитарный центр», 2021. С. 46 – 50.
19. Jeon G. A Study on the Game Criticism: Meta-analytical Approach to Game Critiques // Journal of Korea Game Society. 2013. Vol. 13. № 3. С. 19 – 30.
20. Jagoda P. Videogame criticism and games in the twenty-first century // American Literary History. 2017. Vol. 29. № 1. С. 205 – 218.
21. Konzack L. Computer game criticism: A method for computer game analysis // CGDC Conf. 2002. С. 91 – 98.

References

1. Bakanov R.P., Sabirova R.I. Game journalism in the modern Russian media space: problems and functional diversity. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2018. Vol. 2. No. 2. P. 166 – 176.
2. Yudina E.I. Media space as a cultural and social system: monograph. Moscow: Prometheus, 2005. P. 30 – 40.
3. Chukov P.I. Specialized newspapers as a type of publication: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.01.10. Rostov-on-Don, 2004. 26 p.
4. Zinin R.V., Polonsky A.V. Specialized periodicals in the field of culture as a channel of advertising communication. 2020. ООО Publishing and Printing Center "POLITERRA". P. 66 – 72.

5. Tsvetova N.S. Discourse of art in modern Russian journalism. Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature. 2012. No. 1. P. 231 – 237.
6. Yugay I.I. The main stages of mastering media technologies by art. Questions of cultural studies. 2013. No. 4. P. 18 – 22.
7. Johnson Yolanda A. Small Business Sourcebook: The Entrepreneur's Resource. Gale Research. Vol. 1. 1998. 73 p.
8. NAFI: Gaming in Russia – 2022. Social and Economic Effects. URL: <https://nafi.ru/projects/it-i-telekom/geyming -v-rossii-2022-sotsialnye-i-ekonomicheskie-effekty/>.
9. Baumann F. Hardcore Gamer Profiling: Results from an unsupervised learning approach to playing behavior on the Steam platform. Procedia Computer Science. 2018. Vol. 126. P. 1289 – 1297.
10. Kuittinen J. Casual games discussion. Proceedings of the 2007 conference on Future Play. 2007. P. 105 – 112.
11. Charoenpruksachat A., Longani P. Comparative study of usability evaluation methods on a hyper casual game. 2021 Joint International Conference on Digital Arts, Media and Technology with ECTI Northern Section Conference on Electrical, Electronics, Computer and Telecommunication Engineering. IEEE. 2021. P. 153 – 156.
12. Kodanina A.L., Sturova A.O. "Game" journalism as a mass communication phenomenon. Scientific notes of Novgorod State University. 2020. No. 6 (31). 4 p.
13. Kent S.L. The Ultimate History of Video Games. From Pong to Pokemon and Beyond... the Story Behind the Craze That Touched Our Lives and Changed the World. Crown, 2010. Vol. 1. 100 p.
14. Tarmaeva V.I. Computer games and game journalism. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 5 (360). P. 343 – 350.
15. Zagal J.P., Ladd A., Johnson T. Characterizing and Understanding Game Reviews. Proceedings of the 4th International Conference on the Foundations of Digital Games. New York: ACM, 2009. P. 215 – 222.
16. Nylund N. Walkthrough and let's play: evaluating preservation methods for digital games. Proceedings of the 19th International Academic Mindtrek Conference. 2015. P. 55 – 62.
17. Kostin S. Magazine "The Great Dragon" – DTF. 29.04.2020. URL: <https://dtf.ru/retro/124852-zhurnal-velikiy-drakon>.
18. Gundolf S. Freyermuth. Games. Game Design. Game Research. Trans. from German by A.I. Kropivkina. Kh: Publishing House "Humanitarian Center", 2021. P. 46 – 50.
19. Jeon G. A Study on the Game Criticism: Meta-analytical Approach to Game Critiques. Journal of Korea Game Society. 2013. Vol. 13. No. 3. P. 19 – 30.
20. Jagoda P. Videogame criticism and games in the twenty-first century. American Literary History. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 205 – 218.
21. Konzack L. Computer game criticism: A method for computer game analysis. CGDC Conf. 2002. P. 91 – 98.

Информация об авторах

Чумаченко Н.А., Санкт-Петербургский государственный университет, st065188@student.spbu.ru

© Чумаченко Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹ Фу Шаньшань

¹ Тяньцзиньский университет иностранных языков

Мотив деревьев в романах Льва Толстого

Аннотация: с помощью мастерского художественного подхода Лев Толстой создал в своих романах символический «мир деревьев». Деревья как символы природы становятся свидетелями человеческих судеб и социальных потрясений, а также воплощают человеческие желания и тайные стремления. В данной статье с помощью метода внимательного чтения текста анализируется, как изображение деревьев в романах Толстого выходит за рамки простого описания природы, становясь зеркалом человеческих эмоций и мыслей. В творчестве Толстого деревья символизируют вечность природы, контрастируя с социальными потрясениями и хрупкостью жизни, что отражает глубокие размышления автора о человеческом существовании, социальном порядке и вечной силе природы.

Ключевые слова: Лев Толстой, роман, изображение деревьев, тематическое содержание

Для цитирования: Фу Шаньшань. Мотив деревьев в романах Льва Толстого // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 132 – 136.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Fu Shanshan

¹ Tianjin University of Foreign Studies

The motif of trees in Leo Tolstoy's novels

Abstract: with his masterful artistic technique, Leo Tolstoy constructs a symbolic "kingdom of trees" in his novels. As symbols of nature, trees not only bear witness to the fates of characters and social upheavals but also carry humanity's aspirations and hidden desires. Through close textual analysis, this paper examines how Tolstoy's depiction of trees transcends mere natural description, becoming a mirror of human emotions and thoughts. In Tolstoy's works, trees symbolize the eternity of nature, standing in stark contrast to social turmoil and the fragility of life, thereby revealing Tolstoy's profound reflections on human existence, social order, and the enduring power of nature.

Keywords: Leo Tolstoy, novel writing, depiction of trees, thematic implications

For citation: Fu Shanshan. The motif of trees in Leo Tolstoy's novels. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 132 – 136.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Природа является домом для человеческой души и вечной темой в русской литературе. «Природа могла быть сочувствующей, сопереживающей, равнодушной и враждебной – но в любом случае она оставалась сферой, на которую распространялись человеческие эмоции, страсти, рефлексия – то есть антропосферой» [1, с. 32]. Василий Жуковский вкладывал романтическую страсть в описание природы; Фёдор

Тютчев умело сочетал природные образы с лирической философией; Иван Тургенев демонстрировал первые признаки экологического сознания. Природа в литературе перестала быть просто фоном, она активно участвует в создании смысла произведения.

В славянской мифологии «мировое дерево» рассматривается как центр вселенной, связывающий небеса, землю и подземный мир, символизируя единство природы и человеческой жизни. В Библии дерево познания добра и зла становится символом грехопадения, раскрывая вечный конфликт между свободой воли и моральным выбором. В буддизме дерево Бодхи, под которым Будда достиг просветления, символизирует мудрость и внутренний покой. Эти образы деревьев с их богатой символикой стали вечными темами в литературе, искусстве и философии.

В романах Льва Толстого изображение деревьев занимает центральное место в теме природы. С помощью символики он создает живой «мир деревьев», связывая их с судьбами персонажей и формируя глубокий резонанс между природой и человеком. Деревья становятся отражением внутреннего мира персонажей, воплощением их стремлений и желаний. Толстой через детальное описание деревьев исследует человеческое существование, духовный мир и эмоции, раскрывая сложные и глубокие связи между человеком и природой, что придает его произведениям философскую глубину.

Материалы и методы исследований

В качестве объектов исследования выбраны классические романы Льва Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». С помощью методов внимательного чтения текста и индуктивного анализа в статье исследуется, как Толстой использует образы деревьев как уникальный художественный прием для передачи эмоций и мыслей персонажей, создания многогранных образов и развития сюжета. Цель данной работы – раскрыть глубокий смысл, заложенный в описании деревьев в произведениях Толстого, и показать его философские размышления о сущности человеческого существования, построении социального порядка и вечной силе природы. Это позволяет глубже понять художественные достижения и интеллектуальную глубину творчества Толстого.

Результаты и обсуждения

Во-первых, деревья и люди как единое сообщество судеб. Роман «Война и мир» на фоне масштабного исторического повествования объединяет сцены войны и повседневной жизни, создавая многогранную социальную картину. Две встречи князя Андрея с древним дубом через безмолвный диалог человека и природы раскрывают его путь к духовному пробуждению и самосовершенствованию. В один из ясных весенних дней князь Андрей отправляется в своё имение в Рязани. Среди уже зеленеющих берёз, черёмухи и ольхи он замечает огромный дуб. «Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно, видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болячками. С огромными своими неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися берёзами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца» [2, с. 466]. Дуб как будто говорит: «Весна, и любовь, и счастье! – И как не надоест вам всё один и тот же глупый бессмысленный обман! Всё одно и то же, и всё обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья» [2, с. 466]. В этот момент князь Андрей, переживший ранение на войне и смерть жены при родах, замкнулся в себе и уже два года не покидал своих владений. «Толстой не только показывает внутреннюю «текучесть» человека, но и чутко живописует «психологию» пейзажа, которая в творчестве Толстого всегда приобретает свой облик, живет вне человека, но через свои явления ярко отражает его внутренний мир» [3, с. 2]. Описание дуба, лишённого жизненных сил, становится отражением душевных страданий и внутреннего кризиса князя Андрея. Дуб олицетворяется, его существование выходит за рамки объективной реальности, превращаясь в символ определённого состояния бытия и воплощение духовного спасения.

Для решения дел в имении князь Андрей посещает графа Илью Ростова и встречает наивную и жизнерадостную Наташу. Её чистота и энергия становятся исцеляющей силой, пробуждающей в Андрее давно забытые чувства счастья и страсти. На обратном пути князь снова проезжает через лес. Он невольно начал любоваться тем самым дубом, который искал, но теперь его было не узнать. Старый дуб преобразился, раскинувшись шатром сочной, тёмной зелени, стоя неподвижно и слегка покачиваясь в лучах заката. Исчезли корявые пальцы, шрамы и прежнее выражение сомнений и печали. Сквозь твёрдую, столетнюю кору, в местах, где не было ветвей, пробивались яркие, молодые листья, и трудно было поверить, что это старое дерево могло породить такую свежую зелень. Этот вид пробуждает в Андрее радость, и перед ним, как на картине, возникают воспоминания о прошлом: безграничное небо Аустерлица, нежный взгляд покойной жены, глубокие разговоры с Пьером и очаровательный образ Наташи при лунном свете. Эти моменты, которые когда-то кратковременно пробуждали его, теперь, как семена, пробиваются сквозь почву, даря ему новую

силу. Князь Андрей осознаёт, что жизнь не должна ограничиваться самоизоляцией, а должна быть направлена на позитивное влияние на других, передачу счастья и надежды.

Преображение дуба от увядания к процветанию демонстрирует очищающую силу природы для человеческой души, напрямую способствуя духовному пробуждению князя Андрея. В двух встречах с дубом дерево становится не только молчаливым свидетелем внутренних изменений героя, но и словно связывает свою судьбу с его судьбой, дыша с ним в унисон. Изменения в состоянии дуба и трансформация внутреннего мира Андрея взаимно отражают глубокую связь между духовными поисками героя и пробуждением божественного начала в природе. Они взаимно вдохновляют друг друга, вместе раскрывая жизненную силу, создавая глубокий образ гармоничного резонанса между человеком и природой.

Во-вторых, деревья как воплощение человеческих желаний. В романе «Анна Каренина» Левин, как alter ego Толстого, воплощает в себе честность, доброту, искренность и преданность в любви и работе, что отражает идеальное ядро автора. Левин твёрдо верит, что земля и сельское хозяйство являются основой русского общества, а качество жизни крестьян напрямую влияет на стабильность и процветание страны. Поэтому он стремится улучшить методы ведения сельского хозяйства, повысить эффективность использования земли и улучшить жизнь крестьян.

Толстой использует весенние деревья как символ надежд Левина на реформы: «Левин, как дерево весною, ещё не знающее, куда и как разрастутся эти молодые побеги и ветви, заключённые в налитых почках, сам не знал хорошенко, за какие предприятия в любимом его хозяйстве он примется теперь, но чувствовал, что он полон планов и предположений самых хороших» [4, с. 140]. Весенние деревья, выпускающие новые побеги, перекликаются с внутренним волнением Левина, символизируя его горячее ожидание будущего и амбиции в реформах.

Однако путь Левина к реформам не был лёгким. Консерватизм крестьян, их приверженность традиционным методам земледелия и скептицизм по отношению к новым подходам создавали серьёзные препятствия. Сложность реальности и консервативное отношение крестьян неоднократно ставили под сомнение идеализм Левина. Тем не менее, сила природы всегда вдохновляла его, побуждая преодолевать барьеры между ним и крестьянами. С приходом весны, когда снег ещё не полностью растаял, на голых ветвях деревьев уже тихо распускались молодые зелёные побеги. Они, как вестники жизни, провозглашали чудо возрождения и продолжения, внося новые надежды и бесконечные возможности в эту спящую землю. После кратковременного уныния Левин вновь обретает решимость, выбирая путь сближения с крестьянами через терпение и мудрость. Деревья, ожившие среди остатков снега, не только знаменуют начало нового сезона, но и предвещают приход мира, полного жизни. Описание деревьев в этом эпизоде отражает надежды Левина на успех своих реформ и его стремление к социальному прогрессу.

В-третьех-Изображение деревьев как выход человеческих желаний. В романе «Война и мир» Борис Друбецкой, выходец из обедневшей дворянской семьи, является типичным оппортунистом. С чёткой целью он сближается с самой богатой невестой Москвы – Жюли, стремясь через брак подняться по социальной лестнице. Он тонко улавливает её склонность к меланхолии и намеренно играет роль меланхоличного поклонника, чтобы удовлетворить её эмоциональные потребности. Однажды Борис рисует в альбоме Жюли два дерева и подписывает: «Сельские деревья, ваши тёмные сучья стряхивают на меня мрак и меланхолию» [2, с. 616]. Эти два дерева символизируют его и Жюли: одно представляет его самого, другое – её, намекая на то, что их судьбы должны быть переплетены. Борис пытается через метафору деревьев передать Жюли эмоциональный резонанс: только они могут понять глубину печали друг друга и стать единственными спутниками, способными утешить друг друга. Однако за внешним выражением чувств скрывается сильное желание Бориса достичь социального статуса, богатства и власти. Деревья здесь становятся воплощением желаний: с одной стороны, они символизируют эмоциональную манипуляцию Бориса по отношению к Жюли Карагиной, стремление реализовать свои амбиции через брак; с другой стороны, метафора деревьев отражает суть утилитарных отношений в дворянском обществе, где выражение чувств часто служит достижению материальных целей. Толстой через этот образ не только раскрывает лицемерную сущность Бориса как оппортуниста, но и критикует распространённое в обществе явление использования брака как инструмента для реализации личных желаний. Двойственная символика деревьев раскрывает как внутренние желания персонажей, так и сложность человеческой природы, и лицемерие общества.

В «Анне Карениной» Толстой через описание природы тонко отражает ухудшение отношений Анны и Вронского: «И Вронскому и Анне московская жизнь в жару и пыли, когда солнце светило уже не повесеннему, а по-летнему, и все деревья на бульварах уже давно были в листвах, и листва уже были покрыты пылью, была невыносима; но они, не переезжая в Воздвиженское, как это давно было решено, продолжали жить в опустылевшей им обоим Москве, потому что в последнее время согласия не было

между ними» [4, с. 670]. Переход от тёплого весеннего солнца к жаркому летнему символизирует нарастающее напряжение и беспокойство в их отношениях. Пыльные листья усиливают атмосферу подавленности и удушья, намекая на их усталость и недовольство текущим положением. Анна остро чувствует, что любовь Вронского к ней остывает, а сам Вронский сожалеет о том, что оказался в затруднительном положении из-за этих отношений. Внутренний разрыв между ними углубляется, они начинают винить друг друга в жизненных неурядицах, и взаимные обиды постепенно разрушают их некогда пылкую любовь.

Толстой через объективное описание деревьев раскрывает конфликт желаний между влюблёнными. Союз Анны и Вронского возник из желания любви, но по мере развития отношений чувства Анны превращаются в сильное стремление к контролю и обладанию. Из страха потерять Вронского она начинает постоянно сомневаться в нём и следить за ним, пытаясь через контроль над его действиями обеспечить его верность. Однако это стремление к обладанию погружает её в пучину ревности и тревоги, что в конечном итоге приводит к её душевному краху. Вронский, изначально привлечённый красотой и обаянием Анны, видел в ней объект завоевания. Желание покорить её заставило его отказаться от других социальных активностей и карьерных возможностей, полностью посвятив себя отношениям с Анной. Однако с угасанием страсти он начинает осознавать, что зависимость Анны и осуждение общества угрожают его репутации и карьере. Этот конфликт приводит к внутреннему разладу, и он постепенно отдаляется от Анны эмоционально. Деревья, покрытые пылью в летний зной, становятся символом конфликта их желаний: стремление Анны к контролю и обладанию сталкивается с желанием Вронского обрести свободу и независимость. Это противостояние желаний в конечном итоге разрушает их отношения, становясь ядром трагедии.

В-четвертых, изображение деревьев как выражение противостояния человека, природы и общества. В творчестве Льва Толстого образы растений часто наделяются глубоким метафорическим смыслом, раскрывающим состояние персонажей и социальную реальность. «Толстой, описывая психологическое состояние своих героев, обладает уникальной особенностью: когда жизнь висит на волоске, сознание персонажа остро улавливает мельчайшие детали окружающего мира, особенно те, что находятся ближе всего к ним» [5, с. 134]. Эта особенность проявляется в нескольких сценах: князь Андрей, тяжело раненный, непроизвольно обращает взгляд на небо и облака, которые раньше игнорировал; Пьер, попав в плен, изначально расслабленный и беспечный, обретает энергию и даже находит красоту в мрачной погоде и грязи разрушений; а Николай Ростов, впервые оказавшись на поле боя, под угрозой смерти замечает одинокое дерево, которое глубоко привлекает его внимание.

Когда кавалерийский полк Ростова начинает атаку, в его сознании возникает невидимая, пугающая граница, разделяющая врагов и союзников. Эта граница символизирует грань между жизнью и смертью, а дерево, находящееся в её центре, становится олицетворением этой границы. «Он заметил одинокое дерево впереди. Это дерево сначала было впереди, на середине той черты, которая казалось столь страшною» [2, с. 209]. Перед лицом жестокости войны и человеческой борьбы, это одинокое дерево демонстрирует спокойствие и вечность, превосходящие хаос. Оно символизирует не только продолжение жизни, но и противопоставление порядка природы и человеческой судьбы. Вечное существование дерева резко контрастирует с хрупкостью человеческой жизни, и в момент, когда жизнь висит на волоске, это дерево пробуждает в Ростове глубокую любовь и жажду жизни. Используя образ дерева, Толстой не только раскрывает психологическое состояние персонажей в экстремальных ситуациях, но и углубляет философские размышления о сущности человеческого существования.

Накануне Бородинского сражения князь Андрей, получив приказ о выступлении, смотрит на ряд спокойных берёз за забором: «Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня бы небыл» [2, с. 863]. Тучи войны снова сгущаются, и спокойные, прекрасные берёзы на солнце резко контрастируют с приближающимся огнём сражения, заставляя его задуматься о вечности природы, социальных потрясениях и хрупкости жизни.

Деревья как символы природы представляют её вечность и спокойствие, тогда как война и социальные потрясения проявляются как нечто временное и интенсивное. Несмотря на то, что человеческие эмоции и стремления могут быть глубокими и масштабными, они всё же не способны изменить ход истории. Идеалы и усилия человека могут обратиться в прах, а сама жизнь на войне может быть хрупкой, как травинка. В творчестве Толстого деревья становятся символом, молчаливым свидетелем взлётов и падений человечества, его страданий. Их существование превосходит шум войны, напоминая людям, что, несмотря на бурные потрясения в обществе, природный цикл продолжается, вечный и неизменный.

Толстой через изображение деревьев создаёт систему символов, подчёркивающих контраст: гармоничная и вечная природа противопоставляется нестабильному обществу и хрупкой жизни. Деревья как симво-

лы природы своим постоянным существованием напоминают людям о вечных ценностях, выходящих за рамки социальных конфликтов.

Выводы

«Лев Толстой придает природе образ совершенства и высшего блага, подчеркивая гармонию между человеком и природой, а также роль природы в пробуждении нравственных чувств человека» [6, с. 67]. В своих романах Толстой наделяет деревья богатым символическим значением, делая их не только частью природного ландшафта, но и метафорическим воплощением человеческих эмоций, судеб и духовных поисков. Через образы деревьев Толстой раскрывает сложность человеческих чувств, выражает глубокие размышления о социальном порядке, смысле жизни и силе природы. Деревья в творчестве Толстого не только углубляют художественную выразительность его произведений, но и предлагают уникальный взгляд на понимание взаимоотношений человека и природы, демонстрируя глубокую проницательность и художественное мастерство Толстого в литературном творчестве.

Список источников

1. Жаравина Л.В. Природоописания Варлама Шаламова: «Колымские рассказы» // Природа и человек в художественной литературе: материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. С. 32 – 41.
2. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: ДА!Медиа, 2014. 1364 с.
3. Данг Тхи Тху Хыонг. Природа и «Пейзаж души» в романе Льва Толстого «Воскресение» // Вестник КГУ. 2014. № 5. С. 1 – 4.
4. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: ДА!Медиа, 2014. 740 с.
5. Борисовна Л.В. Человек и природа в романе Л.Н. Толстого. «Война и мир». Магнитогорский государственный университет. 2001. С. 129 – 135.
6. Чжан Синьюй. Взгляды Льва Толстого на природу и образы персонажей в его романах // Русская литература и искусство. 2017. № 3. С. 67 – 76.

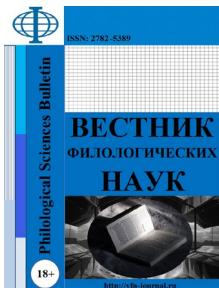
References

1. Zharavina L.V. Natural descriptions of Varlam Shalamov: "Kolyma stories". Nature and man in fiction: materials of the All-Russian scientific conference. Volgograd: VolsU Publishing House, 2001. P. 32 – 41.
2. Tolstoy L.N. War and Peace. Moscow: DA! Media, 2014. 1364 p.
3. Dang Thi Thu Huong. Nature and the "Landscape of the Soul" in Leo Tolstoy's novel "Resurrection". Bulletin of KSU. 2014. No. 5. P. 1 – 4.
4. Tolstoy L.N. Anna Karenina. Moscow: DA! Media, 2014. 740 p.
5. Borisovna L.V. Man and Nature in the Novel by L.N. Tolstoy. "War and Peace". Magnitotor State University. 2001. P. 129 – 135.
6. Zhang Xingyu. Leo Tolstoy's Views on Nature and Character Images in His Novels. Russian Literature and Art. 2017. No. 3. P. 67 – 76.

Информация об авторах

Фу Шаньшань, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 1773950835@qq.com

© Фу Шаньшань, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 821. 511. 142

¹ Идрисова Н.П., ¹ Гасанова П.С.

¹ Дагестанский государственный университет

Образ национального платка в романе Ф. Алиевой «Комок земли ветер не унесет»: лингвистический и лингвокультурологический анализ

Аннотация: в статье в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах анализируются языковые средства создания образа национального платка в романе Фазу Алиевой «Комок земли ветер не унесет». Определяется национальная символика образа платка. Образ национального платка дается в статье как комплекс следующих составляющих: образ платка матери, образ платка молодой девушки, образ платка вдовы. Одним из ярких трогательных образов романа является образ матери лирического героя. Большую роль для раскрытия образа матери играет в романе платок. В художественном тексте данный образ представляет собой целую систему единиц текста. Она дает целостное представление о герое, выполняя сюжетообразующую функцию. Платок является ключевой художественной деталью. Используется автором как стилистический прием.

Ключевые слова: национальный платок, шаль, деталь одежды, возраст, социальный статус, образ, язык одежды, фрагменты национальной культуры

Для цитирования: Идрисова Н.П., Гасанова П.С. Образ национального платка в романе Ф. Алиевой «Комок земли ветер не унесет»: лингвистический и лингвокультурологический анализ // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 137 – 141.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Idrisova N.P., ¹ Gasanova P.S.

¹ Dagestan State University

The image of the national headscarf in F. Aliyeva's novel "A lump of earth will not be carried away by the wind": linguistic and linguacultural analysis

Abstract: the article analyzes linguistic and linguocultural aspects of linguistic means of creating the image of a national headscarf in the novel by Fazu Aliyeva "A lump of earth will not be carried away by the wind". The national symbolism of the headscarf image is determined. The image of the national headscarf is given in the article as a complex of the following components: the image of a mother's headscarf, the image of a young girl's headscarf, the image of a widow's headscarf. One of the most striking and touching images of the novel is the image of the mother of the lyrical hero. A handkerchief plays an important role in revealing the image of the mother in the novel. In a literary text, this image represents a whole system of text units. It provides a holistic view of the hero, performing a plot-forming function. The headscarf is a key artistic detail. It is used by the author as a stylistic device.

Keywords: national shawl, shawl, detail of women's clothing, age, social status, image, language of clothing, fragments of national culture

For citation: Idrisova N.P., Gasanova P.S. The image of the national headscarf in F. Aliyeva's novel "A lump of earth will not be carried away by the wind": linguistic and linguacultural analysis. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 137 – 141.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность избранной нами темы, прежде всего, определяется тем, что проза народной поэтессы Дагестана Фазу Алиевой в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах не исследовалась. В лингвистических работах последних лет в сопоставительном плане исследованы языковые средства создания разных женских образов в поэзии Фазу Гамзатовны. Национальный платок, который является основной и важной деталью традиционного костюма горянки, в романе «Комок земли ветер не унесет» играет большую роль для создания ярких женских образов, каким является образ матери лирического героя. Наименования одежды в литературно-художественном тексте участвуют в создании образа персонажа [5].

Актуальность исследования вызвана также научной необходимостью и важностью изучения лингвокультурного микроконцепта «платок», который является отражением культуры, менталитета, обычаев аварского народа.

Проведенное нами исследование может способствовать дальнейшей разработке и более глубокому осмыслению теории художественной детали, а также позволит продемонстрировать на значимость изучения различных деталей бытовой лексемы «одежды» для создания художественного образа произведения.

Основная цель работы – системно-комплексное исследование языковых средств создания образа национального платка в романе народной поэтессы Дагестана Фазу Алиевой «Комок земли ветер не унесет».

Поставленная цель определила основные задачи исследования:

1. Провести лингвистический анализ лексемы *къаз* «платок» в романе Ф. Алиевой «Комок земли ветер не унесет».
2. Выявить сюжетообразующие особенности функционирования лексемы *къаз* «платок» в романе.
3. Описать национальный платок как способ характеристики персонажей.
4. Продемонстрировать лингвокультурную специфику традиционного женского платка.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили примеры, объективирующие концепт «платок» как женский головной убор, извлеченные методом сплошной выборки из романа Фазу Алиевой «Комок земли ветер не унесет».

При написании работы использованы следующие конкретные методы: описательный метод, метод компонентного анализа, дистрибутивный метод, а также концептуальный метод.

Настоящее исследование опирается на работы исследователей отечественного языкознания Масловой В.А., Карасика В.И., Арутюнова Н.Д, Апресяна Ю.Д.

Результаты и обсуждения

К одним из ярких фрагментов национальной культуры относится концепт «одежда», через которую можно увидеть материальную и духовную самобытность народа [4]. В современном мире подобные исследования играют важную роль, так как прослеживается тенденция к глобализации и заимствованию [9].

Особое место в романе «Комок земли ветер не унесет» занимает образ женского платка *къаз* «платок». Национальный платок – это часть дагестанского традиционного костюма, в котором отражается не только культура народа, его быт, менталитет, но и душа народа [7].

В аварском языке для обозначения женского головного убора используется несколько лексем: *къаз* «платок» – это обобщенное название, *шаль* «платок с бахрамой», *гормендо* «тонкий шелковый платок с особым восточным рисунком», *тастар* «большой вязанный тюлевый платок», *чынчы* «длинная материя в виде платка, которая завязывается на голову женщины», *чохтло* «головной убор в виде чепчика», *гынката* «тонкий батистовый платок».

Платок горянки веками служил не только как красивая деталь женской одежды, он также являлся эталоном целомудрия, скромности горянки. По нормам мусульманской религии женщине запрещается обнажать волосы, волосы ее должны быть покрыты платком или чадрой «длинной материи в виде платка».

В романе Фазу Алиевой «Комок земли ветер не унесет» созданы изумительные женские образы при помощи такой детали одежды как *къаз* «платок». Платок в романе является художественной деталью, которая играет особую роль не только в обрисовке конкретного персонажа, но и в сюжете самого произведения, и в выражении авторской позиции [2].

Платок горянки говорил о ее социальном статусе, о ее возрасте, о семейном положении.

Белый набивной платок с чаще всего украшал голову невесты или являлся праздничной одеждой молодой девушки. Белый платок считался нарядным атрибутом женской одежды. Большое значение имело размеры платка, вышивка, длина бахромы. Чем больше его размеры, чем красивее вышивка, тем ценнее был платок:

Х1афизатида бүк1ана, чөрхго бацун т1ад ч1ван, т1орал гъарун, симис бараб хъаялаб шал. «На Хафизат был, все тело, которое покрывал, с бахрамой в виде колосьев, белый платок».

Не менее важным являлся цвет платка. Цветовая символика занимает важное место в литературоведении, так как она позволяет раскрыть скрытые смыслы и подтексты произведений [10]. Цвет являлся носителем информации о социальном и возрастном статусе человека [3]. Автор романа использует символику цвета как показатель возраста женщины. Яркий, белый, цветной платок носили молодые девушки, невесты, а коричневый платок носили взрослые, старые женщины.

Белый платок накидывала невеста, полностью таким платком закрыв свое лицо. У аварцев принято невесту наряжать двумя платками. Лицо невесты закрывают гормендо «тонкий шелковый платок» и сверху накидывают белый крепдешиновый вышитый платок с бахромой. Такой же белый платок дарила мать невесты подруге невесты. В романе «Комок земли ветер не унесет» детально описывается свадебный обряд. По традиции, на машину невесты также привязываются различные платки:

Г1адаталда рекъон, бах1аральул эбелаль дида ч1вана хъаялаб Китай-шал, машинаядаги бухъана хъаялаб гормендо. «По обычаяу, невесты мама накинула на меня Китай-платок, на машину привязала белое гормендо».

Важным оказывается цвет платка, его размеры, разновидности. Например, постаревшую маму автор романа одевает в коричневый платок:

Габунидехун бухъун ч1вараб сурмияб шалида гъокъан ракун рук1ана гъельул хъаялал расал. Из-под накинутого на плечо ее коричневого платка выглядывали седые волосы».

В воспоминаниях из детства появляется образ молодой мамы. Здесь автор романа использует яркие цвета платков:

Гъале, берцинаб, чараб шаликъан раккун, лах1ч1ег1ерал к1ург1арал расалгун, чини г1адаб гвангъарааб нодоялда бак1-бак1алда г1ет1ул гаралги рек1ун, ракъалде т1аде къулун йиго г1олохъанай гъей. «Вот из-под красивого пестрого платка выглядывают иссиня черные, кучерявые волосы, как фарфор на блестящем лбу местами выступили капли пота, наклонилась на землю молодая она».

Как великий мастер слова, Фазу Гамзатовна очень трогательно рассказывает читателю о трагической гибели отца, о том, как мать меняла свою роскошную шаль из тафты на черный вдовий платок – платок траура, скорби. Горянка пожизненно носила черный платок, как траур по мужу: Бец1хъаялаб гурдеялда т1асан къурун габунихун бухъарааб ч1ег1ераб шалги ч1ван, накабиги керенги буххулаго зодобехун ах1и балей ийк1ана гъей. «В темно-синем платье, сверху закрутив на шее завязанном черном платке, она била свою грудь и колена, и взвывала к небесам».

В романе мы находим описание самого распространенного среди горянок платка гурмендо «платок из очень тонкого шелка». Гурмендо бывало разных цветов. На нем вручную печатался узор в виде восточных огурцов, края обрамлялись полоской из разных цветов. На некоторых старинных гормендо имеются надписи на арабском языке.

– Гъале, – ян абуна горбодасан хъаялаб гурмендоги нахъе гъабун, гъениб кверги баҳъун, Париханица, – гъаниб ханжарги лъун, хъуниги ине гъеч1о дун гъесие. – «Вот, – сказал, с шеи белый гурмендо убрав, вот сюда, вытачив кинжал приложив, если даже зарежете, я за него не выйду замуж».

Как мы знаем, костюм, препрезентируя личность, визуализирует ее статус [1]. В романе «Камок земли ветер не унесет» в нескольких эпизодах, где описывается одежда лирических героев, упоминается о тастаре «вязаном платке». Такой платок вязали крючком из очень тонких шелковых ниток, он имел легкую круговую структуру. Тастан «вязанный, тюлевый платок» считался самым нарядным и дорогим покрывалом для головы. По наличию тастара определялся статус и социальное положение женщины. У аварцев тастар «тюлевый платок» имелся только у девушек из богатых семей. Тастан приобретали у кумыков в Шурабазаре (Темир-Хан-Шура).

Эбелаль ишан гъабун, дун цояб рокъое ах1ана, ва рагъараб гъансиниса босун, дида цебе рехана цо-чанго к1аз, босе гъаб тастар мугъалда рехейин абуни. «Мама мне кивнула, позвала меня в соседнюю комнату, и из открытого сундука кинула к моим ногам несколько платков, на этот тастар накинь на плечи, сказал».

Тастаралда гъоркъа баккараб эбелальул к1иго ч1ег1ераб гъар г1одой къуланцинахъе ракъалде хъвалеб буgilan кcolaan. «Из-по тастара которые выглядывали мамины две черные косы казалось, что каждый раз, когда наклонялась, что касались земли».

Если в горах символом достоинства настоящего мужчины всегда считалась его папаха, то символом примирительной, миротворческой женской силы выступает платок [6].

В старину женский платок использовался как символ мира, как способ примирения враждующих сторон. В романе подробно описывается горский обычай, связанный с миротворческой деятельностью женского платка. Когда на годекане подрались мужчины двух известных в селе тухумов, женщина по имени Халун сняла с себя платок и кинула в гурьбу дерущихся мужчин, которые уже успели вытащить кинжалы из ножен. Таким образом остановила кровопролитие. В чем секрет такого обычая, спросите? Весь секрет в том, что в горах проявляют большое уважение к женскому платку, как символу чести. Сняв с себя платок, женщина обнажает свою голову, что является для нее большим позором. На такой крайний шаг горянка шла ради того, чтобы не произошло кровопролитие:

Тухум къибикъун букъана годекланиб, цинтлаго «вай, чвалел руго» ян чирчидана Хуризадай! Бахъун ханжаргун вортана Галибек Жамалил къудияв вацасде. Гъеб мехаль годекланиб цинтлаго сас къотлана. Къокъаб лага-черхалъул гладан йикланиги, Халунил къваарараб бихынчиясул гладаб букъана гъаракъ. Цебе рехун бачлана гъельул сурмияб халатал жвалазул шал. Ма, глохъаби, члавай гъанже цоцацайн. «Тухум разделился надвое в годекане, и вдруг услышали крик Хуризадай: «Ой, убивают, убивают! Вытащив кинжал, Алибек набросился на старшего брата Жамала. Хоть и маленького роста была Халун, но голос у нее был сильный, мужественный, как у мужчины. Впереди, посередине мужчин, которые вцепились друг в друга, упал ее коричневый платок с длинной бахромой. На, молодые, убивайте теперь друг друга, сказав».

Другая разновидность старинного нарядного женского платка, который описывается в романе «Комок земли ветер не унесет» – это гынкатаан «прозрачный белыйшелковый платок».

Фазу Алиева использует данную бытовую лексему для описания нарядов молодых горянок:

Ботлодаса хъуштлунги ун, гъельул горбода парпалеб букъана гынкатаан, глиндайин абуни, кенчлолел рукъана меседил къилкъал. «С головы упав, скользнув, на ее шее разевался белый прозрачный платок, а на ушах сверкали золотые серьги».

В романе «Комок земли ветер не унесет» Фазу Гамзатовна, описывая древние обычаи, воссоздавая образ старины, использует архаичные названия женских головных уборов, таких как чохтю «головной убор в виде чепчика с серебряными украшениями», чинчлу, чадра «длинная материя, которая завязывалась поверх чохто».

Гүжида щварал члорал гладин, чинчлуюлда гъокъан къапичлого гъесде руссун ратулаан Халунил берал. «Будто, стрелы, достигшие цели, из-под чадры, на него смотрели Халун глаза».

Выводы

Таким образом, исследование показывает, что «язык одежды» в художественном тексте представляет собой систему единиц текста, которая дает целостное представление о герое, выполняя сюжетообразующую функцию.

Национальный платок в романе «Комок земли ветер не унесет» является важной художественной деталью и стилистическим приемом в создании ярких женских образов. Платок, как женский головной убор, является не только средством выражения социального положения женщины, ее возраста, но и средством выражения авторского отношения к своему лирическому герою.

Список источников

1. Абиева М.Н. Поэтика костюма в прозе А.П. Чехова: монография. Барнаул: Алт ГПУ, 2018. 230 с.
2. Абрамова Е.И. Костюм как полифункциональная деталь в исторической прозе XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2006. 146 с.
3. Вановская Л.А. Семантика русской одежды: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Тамбов, 2003. 22 с.
4. Исакова А.М. Семантика и функционирование лексем тематической группы «Одежда» // Социолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 86 – 92.
5. Кулакова Н.В. Наименования одежды в языке А.С. Пушкина: лексикографический и функционально-стилистические аспекты: дис ... канд. филол. наук: 5.9.6. М, 2000. 24 с.
6. Магомедова С.М. Образ материинской шали в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой: лингвокультурологический анализ // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 80 – 83.
7. Магомедов А.Дж., Алимова Б.М., Гаджилова Ф.А. Платок в народной одежде Дагестана // Культурная жизнь регионов. 2018. № 2. С. 133 – 140.
8. Магдилова Р.А., Мусалаева Н.М. Названия старинной женской одежды и ее деталей в бухтинском говоре андалальского диалекта аварского языка // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 202 – 203.

9. Моргун Н.Ю. О концепте «love» в коммуникативном сознании читателей газеты «The guardian» // Вестник филологических наук. 2022. № 2. Т. 3. С. 144 – 147.

10. Лю Сяоя. Цветовая символика в повести А.П. Чехова «Дуэль» // Вестник филологических наук. 2024. № 11. Т. 4. С. 79 – 86.

References

1. Abieva M.N. Poetics of costume in the prose of A.P. Chekhov: monograph. Barnaul: Alt GPU, 2018. 230 p.
2. Abramova E.I. Costume as a multifunctional detail in historical prose of the 20th century: dis. ... candidate of philological sciences: 10.01.01. Tver, 2006. 146 p.
3. Vanovskaya L.A. Semantics of Russian clothing: dis. ... candidate of philological sciences: 5.9.6. Tambov, 2003. 22 p.
4. Isakova A.M. Semantics and functioning of lexemes of the thematic group "Clothing". Sociolinguistic studies. 2021. Iss. 9. P. 86 – 92.
5. Kulakova N.V. Names of clothes in the language of A.S. Pushkin: lexicographic and functional-stylistic aspects: diss ... cand. philological sciences: 5.9.6. M, 2000. 24 p.
6. Magomedova S.M. The image of the mother's shawl in the poetry of Rasul Gamzatov and Fazu Aliyeva: lingocultural analysis. Bulletin of the Dagestan State University. 2012. Iss. 3. P. 80 – 83.
7. Magomedov A.D., Alimova B.M., Gadzhilova F.A. Scarf in the folk clothing of Dagestan. Cultural life of the regions. 2018. No. 2. P. 133 – 140.
8. Magdilova R.A., Musalaeva N.M. Names of ancient women's clothing and its details in the Bukhta dialect of the Andalal dialect of the Avar language. The world of science, culture, education. 2016. No. 4 (59). P. 202 – 203.
9. Morgun N.Yu. On the concept of "love" in the communicative consciousness of readers of the newspaper "The Guardian". Bulletin of philological sciences. 2022. No. 2. Vol. 3. P. 144 – 147.
10. Liu Xiaoya. Color symbolism in A.P. Chekhov's story "Duel". Bulletin of philological sciences. 2024. No. 11. Vol. 4. P. 79 – 86.

Информация об авторах

Идрисова Н.П., кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков для гуманитарных факультетов, Дагестанский государственный университет, nursiyat@mail.ru

Гасanova П.С., Дагестанский государственный университет, Patimat192001@gmail.com

© Идрисова Н.П., Гасanova П.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1

¹ Шахбанова З.И.

¹ Дагестанский государственный университет

Цветообозначающая лексика в русском и даргинском фольклоре

Аннотация: язык обладает уникальной способностью слова концентрировать культурный и исторический опыт этноса, который способствует получению культурно-исторической информации. Вопросы, связанные с колоративной лексикой в рассматриваемых языках, имеют большую значимость. Язык фольклора считается одним перспективных направлений, который выявляет этнопсихологические смыслы. В них колоративная лексика играет значительную роль. Фольклорные тексты содержат в себе маркированные упоминания о характере и настроениях народа. Колоративная лексика в фольклоре русского и даргинского народов занимает значительное место в общей системе этих языков. Анализ цветообозначений в русском и даргинском фольклоре показал, что колоративная лексика в фольклорной картине мира обоих языков занимает достаточно заметное место.

Ключевые слова: русский язык, даргинский язык, фольклор, цветообозначения, колоративная лексика, цветовосприятие, цветовые темы

Для цитирования: Шахбанова З.И. Цветообозначающая лексика в русском и даргинском фольклоре // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 142 – 147.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Shakhbanova Z.I.

¹ Dagestan State University

Color-denoting vocabulary in Russian and Dargin folklore

Abstract: language has the unique ability of words to concentrate the cultural and historical experience of an ethnic group, which contributes to the acquisition of cultural and historical information. Issues related to corporate vocabulary in the languages under consideration are of great importance. The language of folklore is considered one of the promising directions that reveals ethnopsychological meanings. Colorative vocabulary plays a significant role in them. Folklore texts contain marked references to the character and moods of the people. The colorative vocabulary in the folklore of the Russian and Darginian peoples occupies a significant place in the general system of these languages. The analysis of color meanings in Russian and Dargin folklore has shown that the colorative vocabulary occupies a fairly prominent place in the folklore picture of the world of both languages.

Keywords: the Russian language, the Dargin language, folklore, color definitions, color vocabulary, color perception, color themes

For citation: Shakhbanova Z.I. Color-denoting vocabulary in Russian and Dargin folklore. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 142 – 147.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность работы. Сопоставительный анализ вопросов, связанных с колоративной лексикой в рассматриваемых языках являются актуальными на сегодняшний день, поскольку они составляют значимую сферу жизни носителей данных языков. Этнический менталитет наилучшим образом проявляется в фольклоре данных языков. До недавнего времени он не учитывался при создании языкового портрета, хотя и проявляется весьма неожиданно.

Основная цель – характеристика цветообозначений в русском и даргинском фольклорных произведениях.

Задачи:

- дать характеристику цветообозначений в даргинском и русском фольклоре;
- выявить характер функционирования цветовой лексики в произведениях фольклора обоих языков.

Материалы и методы исследований

Материалом для работы послужили пословицы, фразеологические единицы, песни, извлеченные из различных источников, словарей русского и даргинского языков, в том числе «Словарь даргинских пословиц и поговорок» [1], «Сборника русских народных пословиц и поговорок» [3].

В работе использованы следующие методы: сопоставительный метод, метод описания и метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

Одной из примечательных тем, которая привлекает многих исследователей, является колоративная лексика. Существует немало работ в различных языках, посвященных цветообозначениям. Об этом писали З.И. Комарова [5], М.Б. Талапина [5], А.М. Прохорова [10], Н.А. Мартянова [7], Онол, Энхэлгэр [9], Ф.А. Тугушевой [12] и других.

Феномен цветовосприятия характеризует то обстоятельство, что система цветообозначений – объект интересной сферы лингвистики – она менее других систематизирована.

В настоящее время вопросы, связанные с цветовосприятием поднимаются в различных аспектах и имеет существенное значение в жизни человека. Сюда относятся и национальные обычаи, кухня, характер представителей этноса и многое другое [4]. Цвет в лингвистической науке находит свое выражение в так называемой колоративной лексике [9].

Понятие о цветообозначениях зачастую зависит от функционирования системы слова, которое выражает данные понятия. Такое понимание цветообозначений имеет универсальный характер.

Отмечено, что описание каждого цветообозначения зависит от значительного количества различных аспектов, в том числе и аспекта этнической склонности к тем или иным цветообозначениям. В этнических общностях существенно значение языка. А состояние родного языка есть пример проявления этнического характера языка. Человек чрезвычайно привязан к родному языку. Это обусловлено неповторимым пониманием образного мышления, которое наполнено уникальностью родного языка для каждого человека. Все эти ощущения закреплены в системе языка и составляют национальное своеобразие.

Известно, что «цветовой словарь этноса отражает традиции той или иной культуры, формирующейся в разных исторических и географических условиях» [12].

Во всех языках отмечаются реликты древнего состояния культуры. Различия восприятия и оценки света обусловлены особенностями употребления цветов у разных этносов.

Во всех языках существуют базовые цвета: белый, черный, красный, синий, желтый и зеленый. Каждый из этих цветов получает дополнительные осмыслиения у разных культур. Кто-то ограничивается четырьмя цветами – желтым, красным, белым и черным. У каких-то народов существуют такие разделения между цветами, как холодные и теплые. В ряде языков существует множество различных оттенков, связанных с ментальностью народа, с его прошлым и будущим.

Следовательно, колоративная лексика у каждого народа она разная, позволяющая выделить основные ассоциации. Цвет – это особая система кодирования информации [2].

Язык фольклорных произведений выявляет этнопсихологические смыслы. В данных произведениях цветовая лексика играет существенную роль.

Цветообозначения в фольклорных произведениях русского и даргинского народов занимают значительное место в общей системе этих языков. В пословицы и поговорки превратились меткие строки из песен, загадок, сказок, былин и частушек.

Для примера привлечем пословицы и поговорки рассматриваемых языков.

В русском фольклоре часто используются такие цвета, как красный, черный и белый. Наиболее широко распространен красный цвет, он представляет понятие «красивый»: Красна река берегами, а обед пирогами. Обед красен не ложкой, а едоком. Красно поле пшеном, а беседа умом. Беседа красна содержанием.

Беседа не без красного словца. И красно, и пестро, да пусто цветом. Бой красен мужеством, а приятен дружеством.

В русском языке «прилагательное «красный» является общеславянским и восходит к значению слова «краса» [6].

В русской пословичной картине мира черный цвет чаще всего выступает антиподом белому: Черна корова, да бело молоко. Работа черна, да денежка бела. Черен, да задорен; бел, да смел. Мыло черно, да моет бело [3].

В ряде случаев черный цвет выступает признаком чего-то темного, грязного: Горшок над котлом смеется, да оба черные. Черен мак, да все едят.

Белый цвет в пословичной картине русского не так часто встречается: Белые ручки чужие труды поедают [3].

В даргинской пословичной картине мира широко распространены ц1уба «белый» и ц1удара «черный» цвета. В даргинской пословичной картине мира они также, как и в русской, выступают антиподами: Ц1уб г1яббаси ц1удара барх1и г1яг1нибиркур. «Белая монета пригодится в черный день». Ц1уб аг1яббаси ц1удара барх1илис мях1камбиру. «Белую монету берегут на черный день». Ц1уб кагъар ц1ударбарили хъалли, г1ях1деш х1ебира. «Оттого, что исписал бумагу, пользы не будет». Ц1убсилисра ц1удара или калзан. «Белое принимаешь за черное». Ц1удара бала дирцили хъалли ц1уб х1едира. «Черная шерсть не побежеет даже после стирки». Ц1удара чех1ебаисини, ц1убара чех1ебиу. «Тот, кто не увидел черное, не увидит и белое». Ц1ударара ц1убара бек1-бек1ли дек1ардирен. «Умей отличать белое от черного» [1].

В ряде случаев привлекается и прилагательное светлый: Ц1ябдешла ахир шала саби. «Конец тьмы – свет». Шала чебаисини, ц1ябдешра чебиу. «Тот, кто увидел светлое, увидит и темное».

Сопоставительный анализ пословиц двух языков показал, что в рассматриваемых языках не отмечаются соответствия с приведенными цветными компонентами.

Широко используемое в пословицах русского языка цветобозначение «красный», в даргинском не отмечается.

В фразеологической картине мира рассматриваемых языков наблюдается ряд фразеологических единиц с цветными прилагательными. В даргинском языке чаще других встречаются цвета ц1уба «белый» и ц1удара «черный»: Ц1уб арцла дях1имц1алаван «очень красивая девушка» (букв. «как зеркало из белого серебра»). Ц1уб арцла андайла рег1 (поэтич.) «очень красивая белолицая девушка» (букв. «из белого серебра люб»). Ц1уб арцла г1яббасунар (поэтич.) «очень нарядная и красивая» (букв. «с монетами из белого серебра»). Ц1уб арцла лагъа «любимая» (букв. «голубка из белого серебра»). Ц1уб иг1яйгъуна цулби «об очень красивой девушке» (букв. «зубы чистого жемчуга»). Ц1уб х1урхъи «недоступный, гордый» (букв. «белая снежная гора»). Ц1уба урчиличи атес «похвалить при всех» (букв. «посадить на белую лошадь»). Ц1уба бях1ван «с бледным, больным видом» (букв. «как белая стена»). Ц1уба вава «любимая девушка» (букв. «белый цветок»). Ц1уба муκъара «любимая, нежная» (букв. «белый ягненок»). Ц1уба муκъарагъуна «о ребенке с кротким нежным характером» (букв. «как белый ягненок»). Ц1уба урчила мурда «самый лучший, победитель» (букв. «всадник белого коня»). Ц1удар барх1и «траурный день» (букв. «черный день»). Ц1удар душман «заклятый враг» (букв. «черный враг»). Ц1удара дях1 «ненавистное лицо, ненавистный человек» (букв. «черное лицо»). Ц1удара хя «заклятый враг» (букв. «черная собака»). Ц1удара ч1ич1ала «о коварном человеке» (букв. «черная змея»). Ц1удара балагъ «о человеке, оставляющем за собой горе и страдания; об убийце» (букв. «черное несчастье»). Ц1удара варгъила вег1 (поэтич.) «бесстрашный, храбрый, наводящий ужас на врагов» (букв. «обладатель черной бурки»). Ц1удара вац1аван «наводящий ужас, темный, страшный» (букв. «как темный лес»). Ц1удара вякълякъи «о болтливой, сварливой женщине» (букв. «черная сорока»). Ц1удара кагъути «траурные письма» (букв. «черные письма»). Ц1удара къяnavan «о назойливом человеке» (букв. «словно черный ворон»). Ц1удара тупанг «чернявый, смуглый человек» (букв. «черное ружье»). Ц1удара урк1и «о человеке с коварными и гнусными помыслами» (букв. «черная душа»). Ц1удара ч1акаван кайзурси «храбрый, отважный человек» (букв. «выглядит как черный орел»). Ц1удара ч1ич1ала «коварный человек» (букв. «черная змея»). Ц1удара ч1ич1ай г1ях1си хабар х1еху «от коварного человека хороших вестей не жди» (букв. «черная змея хорошую весть не принесет»).

В ФЕ даргинского языка также отмечаются бухъут1а «желтый», х1унт1ена «красный», хъанц1а «синий». В даргинской фольклорной картине мира хъанц1а «синий» выступает в значении «серый»: Бухъут1а изала «желтуха, гепатит» (букв. «желтая болезнь»). Бухъут1а шайт1ан «о часто болеющем человеке» (букв. «желтый шайтан»). Бухъут1а вавагъуна «о красивой девушке» (букв. «словно желтый цветок»). Х1унт1ен виахъес «заставить стесняться, поругать» (букв. «вгонять в краску»). Х1унт1ен мургъи «бесценный, очень

хороший» (букв. «красное золото»). Х1унт1ен виэс «сильно стесняться» (букв. «покраснеть до корней волос»). Хъанц1 бец1 «храбрый, мужественный человек» (букв. «серый волк»).

Хъанц1 урхъназир бялихъван «комфортно, уютно, хорошо» (букв. «как рыба в синем море»). Хъанц1 урхъуван «безбрежное, бесконечное, большое» (букв. «словно синее море»). Хъанц1а урхъу шинниван (поэтич.) «глаза наполнились влагой» (букв. «как синее море водою»). Хъанц1 урхъула хъамхъаван «о человеке с мягким характером» (букв. «словно пена синего моря»). Хъанц1а урчи «победитель» (букв. «серый конь») [1].

В русской фразеологической картине мира наиболее частыми выступают красный, черный и белый цвета. Черный характеризует негативное, отрицательное явление или событие: черная душа, черное сердце, черный замысел, черный день.

Понятие «красный» активен в фразеологизмах русского языка, он выступает маркером всего красивого и яркого: красна девица, красный двор. В 20 столетии «красный» выступал как цвет революции и последовавших за ней событий: красный уголок, красный следопыт.

«Белый» русских ФЕ – символ отличия: белая ворона; символ окружающего предметного мира: белый свет не мил, средь бела дня, белый дом, белая зарплата.

В фольклорных частушках, песнях обоих языков наиболее активно наблюдаются цветообозначения.

В даргинских народных песнях х1унт1ена «красный» выступает символом долгожданного, желанного света и солнца. Усилителем эмоций, раскаленных чувств и напряжения в даргинском языке выступает х1унт1ена «красный» цвет, точнее огненно-красный «ц1аван х1унт1ена» [8].

Хъанц1 урхънала г1елабад
Х1унт1ен берх1и абухъун
Урхъура, чебсаргъули,
Дуб-дубкад къуч1урбухъун.
«За синим морем
Красно солнышко встало
Разбудив и море
Двинулся по краю».

В даргинских народных песнях хъанц1а «синий» выступает не значении «серый», как это наблюдается в пословицах, а в собственном значении:

Хъанц1 урхъназир зе къякъон,
Дац1алла дац1аллири
Гъищди къакъати г1ямру.
«Как соль в синем море
Хоть бы растаяла
Эта постылая жизнь...».

В даргинских народных песнях активно используются ц1уба «белый» и ц1удара «черный» цвета, который выступают для описания красоты любимой девушки, символом всего доброго, желанного, любимого и красивого:

Кагъалла андайлишир
Ц1удара къашла нудбар.
Нудбела дях1яраур
Ляг1лу-якъутла х1улбар.
Ц1удара х1авайлишир
Ц1уб арцла г1ябасунар.
Ц1уб иг1я хъвяб някъбашир.
«На бумажном лбе

Черные брови
Под черными бровями
Глаза как агаты.

На черном платье
Монеты из белого серебра
На белых перламутровых кистях
Из белого серебра браслеты».

В русской песенной культуре активно отмечаются все базовые цвета: красный, черный, белый, желтый:
В песне «Купалинка»:
Вышивала, вышивала б

Черным шелком вышивала
Милому платочек...
Сено косила тут
Красна девица душа
По прокосыицу к ней
Добрый молодец идет....
Ой и чье это
Зажелтело стоя?
Иваново поле
Зажелтело стоя...

Выводы

Проведенный анализ показал, что наиболее распространены в обоих языках белый, черный и красный цвета. Лексема «красный» в русском фольклоре выступает в значении «красивый», в даргинском – в значении «долгожданный, желанный». Лексема «черный» является в обоих языках символом негатива, печали, траура, опасности. Прилагательное «белый» в обоих языках чаще всего является антиподом черному. В даргинской песенной лирике ц1уба «белый» выступает для описания красоты любимой, ее телесных достоинств (белая кожа, белый как перламутр лоб, белые кисти рук, белое серебро рук и браслетов).

В русской пословичной картине мира преобладают красный, черный и белый цвета. В даргинской – красный цвет отсутствует, но ц1уба «белый» и ц1удара «черный» широко распространены.

Таким образом, в русской фольклорной традиции преобладают все базовые цвета: красный, черный, белый, желтый. В даргинской – чаще красный, синий, белый и черный. Остальные цвета используются в единичных случаях.

Список источников

1. Гасанова У.У. Словарь даргинских пословиц и поговорок. Махачкала, 2014. 300 с.
2. Дюпина Ю.В. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 220 – 221.
3. Жигулев А. Русские народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1958. 287 с.
4. Залевская Т.Е., Залова И.М. Термины цветообозначения в русском и немецком языках (на примере прилагательных «красный» и «желтый») // Modern Humanities Success. 2024. № 3. С. 85 – 89.
5. Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ароматический фрагмент: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2011. 220 с.
6. Люлина А.Г., Ван Сюэцзяо. Этимология и семантика цветообозначения «красный» (红) в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 72 – 76.
7. Мартынова Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 56 – 66.
8. Никатуева А.М. История изучения лексики цветообозначений в даргинском и английском языках // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3. С. 321 – 323.
9. Онол Энхдэлгэр. Цветообозначения в русском языке (с позиций носителя монгольского языка): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. М., 1996. 18 с.
10. Прохорова А.М. Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 1. С. 252 – 255.
11. Сапига Е.В., Репина М.В., Жукова С.В. Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. Т. 8. № 2. Ч. 2. С. 192 – 195.
12. Тугушева Ф.А. Семантика цветообозначений в разносистемных языках: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Нальчик, 2003. 23с.

References

1. Gasanova U.U. Dictionary of Dargin proverbs and sayings. Makhachkala, 2014. 300 p.
2. Dyupina Yu.V. Classifications of color designations in linguistic literature. Young scientist. 2013. No. 1. P. 220 – 221.
3. Zhigulev A. Russian folk proverbs and sayings. Moscow: Moskovsky rabochy, 1958. 287 p.
4. Zalevskaya T.E., Zalova I.M. Color designation terms in Russian and German (using the adjectives "red" and "yellow"). Modern Humanities Success. 2024. No. 3. P. 85 – 89.

5. Komarova Z.I., Talapina M.B. Linguistic color picture of the world: an achromatic fragment: a monograph. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural Federal University, 2011. 220 p.
6. Lyulina A.G., Wang Xuejiao. Etymology and semantics of the color designation "red" (红) in Russian and Chinese. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2024. Vol. 17. Iss. 1. P. 72 – 76.
7. Martyanova N.A. "Symbolic" color designations in Russian linguoculture. Philology and man. 2013. No. 4. P. 56 – 66.
8. Nikatueva A.M. History of the study of the vocabulary of color designations in the Dargin and English languages. The world of science, culture, education. 2017. No. 3. P. 321 – 323.
9. Onol Enkhdelger. Color designations in the Russian language (from the standpoint of a native Mongolian speaker): dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.5. Moscow, 1996. 18 p.
10. Prokhorova A.M. Color symbolism in English and Russian set phrases. Prospects of Science and Education. 2014. No. 1. P. 252 – 255.
11. Sapiga E.V., Repina M.V., Zhukova S.V. Color designations in modern linguistics: semantic and semiotic aspects. Krasnodar: Historical and socio-educational thought, 2016. Vol. 8. No. 2. Part 2. P. 192 – 195.
12. Tugusheva FA. Semantics of color designations in languages of different systems: diss. ... Cand. Philological sciences: 5.9.5. Nalchik, 2003. 23 p.

Информация об авторах

Шахбанова З.И., кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков для естественно-научных факультетов, Дагестанского государственного университета, nurselin7@mail.ru

© Шахбанова З.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (турецкий язык) (филологические науки)
УДК 811.512.161

¹Шихзадаева Н.С., ¹Кадыров Р.С.

¹Дагестанский государственный университет

Функциональные особенности ориентализмов в турецком языке

Аннотация: в статье рассматриваются функциональные особенности ориентализмов в турецком языке, включая заимствования из арабского и персидского языков. Анализируется их лексико-семантическая природа и роль в формировании современного турецкого языка. Основное внимание уделяется выявлению арабизмов, персизмов и других восточных заимствований, а также их системному описанию и принадлежности к различным лексико-семантическим категориям. Исследование основано на описательном методе с элементами сравнительного анализа, что позволяет глубже понять семантические процессы, характерные для ориентализмов. В статье подчеркивается, что древние заимствования из арабского языка прочно вошли в лексическую систему турецкого языка и активно используются как в разговорной, так и в литературной речи. Результаты исследования имеют как научную новизну, так и практическую значимость, способствуя лучшему пониманию влияния восточных языков на турецкий язык и его диалекты.

Ключевые слова: турецкий язык, заимствования, арабский язык, лексико-семантическая природа, персизмы, восточные заимствования, лексико-семантические категории, описательный метод, сравнительный анализ, разговорная речь, научная новизна, структурно-семантические, фонетические особенности заимствований

Для цитирования: Шихзадаева Н.С., Кадыров Р.С. Функциональные особенности ориентализмов в турецком языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 148 – 152.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Shikhzadaeva N.S., ¹Kadyrov R.S.

¹Dagestan State University

Functional features of orientalism in the Turkish language

Abstract: the article examines the functional features of Orientalism in the Turkish language, including borrowings from Arabic and Persian. It analyzes their lexicosemantic nature and role in the formation of modern Turkish. The main focus is on identifying Arabisms, Persianisms, and other Eastern borrowings, as well as their systematic description and classification into various lexicosemantic categories. The research is based on a descriptive method with elements of comparative analysis, which allows for a deeper understanding of the semantic processes characteristic of Orientalism. The article emphasizes that ancient borrowings from the Arabic language have firmly entered the lexical system of Turkish and are actively used in both spoken and literary speech. The results of the study have both scientific novelty and practical significance, contributing to a better understanding of the influence of Eastern languages on Turkish and its dialects.

Keywords: the Turkish language, borrowings, the Arabic language, lexicosemantic nature, Persianisms, Eastern borrowings, lexicosemantic categories, descriptive method, comparative analysis, spoken language, scientific novelty, structural-semantic, phonetic features of borrowings

For citation: Shikhzadaeva N.S., Kadyrov R.S. Functional features of orientalism in the Turkish language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 148 – 152.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Ориентализмы, или заимствованные слова и выражения из восточных языков, играют важную роль в формировании лексического состава турецкого языка. Эти заимствования происходят в основном из арабского, персидского языков, а также из других восточных языков. В данной статье мы рассмотрим функциональные особенности ориентализмов в турецком языке, их влияние на язык и культуру, а также проблемы, связанные с их использованием.

Материалы и методы исследований

В данной статье для исследования арабских и персидских заимствований в турецком языке использовались следующие материалы и методы:

1. Материалы:

- Лексикографические источники: Использовались словари и лексиконы, содержащие арабизмы и парсизмы, а также специализированные словари турецкого языка, чтобы выявить и проанализировать заимствованные слова.
- Литературные тексты: Анализировались произведения турецкой литературы, включая как классические, так и современные тексты, для выявления контекста употребления заимствованных слов.
- Научные статьи и исследования: Обращение к существующим исследованиям в области лексикологии и семантики, которые касаются заимствований в турецком языке, для получения дополнительной информации и контекста.

2. Методы:

- Описательный метод: Основной метод исследования, который позволил систематически описать лексико-семантические особенности арабизмов и парсизмов в турецком языке.
- Сравнительно-исторический анализ: Применялся для уточнения этимологии лексических единиц и выявления их происхождения, а также для сравнения с близкородственными языками.
- Лексико-семантический анализ: Использовался для классификации заимствованных слов по различным семантическим разрядам, что позволило выявить их функциональные особенности и влияние на развитие турецкого языка.
- Контекстуальный анализ: Применялся для изучения употребления заимствованных слов в различных контекстах, что помогло понять их значение и роль в языке.

Эти материалы и методы позволили глубже понять функциональные особенности ориентализмов в турецком языке и их влияние на лексическую систему.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые аспекты, касающиеся арабских и персидских заимствований в турецком языке, а также их функциональные особенности и влияние на лексическую систему.

1. Лексико-семантические особенности:

- Арабизмы и парсизмы в турецком языке демонстрируют разнообразие семантических значений, что позволяет классифицировать их по различным лексико-семантическим разрядам. Например, слова, относящиеся к общественно-политической жизни, такие как "Hükümet" (правительство), имеют четкое значение и активно используются в современном языке [8, с. 54].

- Заимствования в области воспитания и учебы, такие как "Ders" (урок) и "Terbiye" (воспитание), показывают, как арабские слова интегрировались в образовательный контекст, обогащая его.

2. Этимология и исторический контекст:

- Сравнительно-исторический анализ позволил установить, что многие арабизмы имеют древние корни и были заимствованы в разные исторические периоды, что свидетельствует о длительных культурных и торговых связях между арабскими и тюркскими народами.

- Установлено, что некоторые слова, такие как "Cevap" (ответ), имеют производные формы, которые активно используются в современном языке, что подчеркивает их устойчивость и адаптивность [10, с. 28].

3. Контекстуальное употребление:

• Контекстуальный анализ показал, что заимствованные слова используются не только в разговорной речи, но и в литературных произведениях, что свидетельствует об их значимости в культурной и социальной жизни.

• Примеры имен, таких как "Abdullah" и "İbrahim", показывают, как арабские и древнееврейские заимствования обогатили турецкий язык, придавая ему уникальные культурные и исторические особенности.

4. Влияние на развитие языка:

• Арабизмы и персидизмы играют важную роль в формировании современного турецкого языка, обогащая его лексический состав и расширяя возможности выражения.

• Исследование показало, что заимствования не только обогащают язык, но и создают новые семантические связи, что способствует его динамичному развитию [3, с. 48].

Таким образом, результаты исследования подтверждают значимость арабских и персидских заимствований в турецком языке, подчеркивая их роль в формировании лексической системы и культурной идентичности. Эти заимствования не только обогащают язык, но и служат важным свидетельством исторических и культурных связей между народами.

1. Разнообразие семантических значений: Ориентализмы в турецком языке демонстрируют широкий спектр значений, что позволяет классифицировать их по различным лексико-семантическим разрядам. Например, арабизмы, такие как "hükümet" (правительство) и "kitap" (книга), имеют четкие и конкретные значения, которые активно используются в современном языке. В то же время, некоторые слова могут иметь несколько значений в зависимости от контекста, что делает их использование более гибким [2, с. 45].

2. Культурные и исторические коннотации: Многие ориентализмы несут в себе культурные и исторические ассоциации, что придает им дополнительный смысл. Например, слово "gül" (роза) не только обозначает цветок, но и символизирует красоту и любовь в турецкой поэзии. Таким образом, использование таких слов может обогащать текст культурными отсылками и эмоциональной нагрузкой.

3. Интеграция в лексическую систему: Ориентализмы прочно вошли в лексическую систему турецкого языка и стали неотъемлемой частью его структуры. Они используются как в разговорной, так и в литературной речи, что свидетельствует о их адаптации и устойчивости. Например, слова "şehir" (город) и "saray" (дворец) активно используются в повседневной жизни и литературе, что подчеркивает их значимость.

4. Семантические изменения: В процессе заимствования многие ориентализмы претерпели семантические изменения. Некоторые слова могли изменить свое значение или приобрести новые оттенки в зависимости от контекста и времени. Например, слово "cevap" (ответ) в арабском языке может иметь более узкое значение, тогда как в турецком языке оно стало более универсальным и используется в различных контекстах [1, с. 120].

5. Функциональные особенности: Ориентализмы выполняют различные функции в языке, включая обозначение понятий, связанных с культурой, наукой, политикой и повседневной жизнью. Они обогащают язык, создавая новые семантические связи и расширяя возможности выражения [6, с. 36]. Например, слова, относящиеся к образованию, такие как "ders" (урок) и "terbiye" (воспитание), показывают, как арабские заимствования интегрировались в образовательный контекст.

6. Исторические связи: Заимствования из арабского и персидского языков в турецкий язык имеют глубокие исторические корни, восходящие к временам Османской империи. В течение нескольких столетий Османская империя была центром культурного и торгового обмена между Востоком и Западом, что способствовало активному заимствованию слов и выражений. Арабский язык, как язык ислама и науки, оказал значительное влияние на развитие турецкого языка, особенно в области религии, права и литературы.

7. Этимология заимствованных слов: Многие ориентализмы имеют свои корни в арабском и персидском языках, и их этимология часто отражает культурные и социальные аспекты тех времен. Например, слово "kitap" (книга) происходит от арабского "كتاب" и связано с традицией письма и образования. Аналогично, слово "saray" (дворец) имеет персидское происхождение и связано с архитектурными традициями, характерными для восточных культур [4, с. 63].

8. Культурные и религиозные влияния: Арабские и персидские заимствования в турецком языке часто связаны с культурными и религиозными аспектами. Например, слова, относящиеся к исламу, такие как "namaz" (молитва) и "hacı" (паломник), имеют арабское происхождение и отражают важные элементы исламской культуры. Эти слова не только обозначают конкретные понятия, но и несут в себе культурные и духовные значения.

9. Социальные изменения: С течением времени, с изменением политической и социальной структуры общества, некоторые ориентализмы претерпели изменения в своем значении и использовании. Например, в современном турецком языке слова, которые когда-то имели строгое религиозное значение, могут исполь-

зоваться в более широком контексте. Это свидетельствует о динамичности языка и его способности адаптироваться к новым условиям [9, с. 120].

10. Влияние на современный турецкий язык: Этимология и исторический контекст ориентализмов продолжают оказывать влияние на современный турецкий язык. Многие заимствованные слова стали основными терминами в различных областях, таких как наука, искусство и политика. Понимание их этимологии помогает лучше осознать культурные и исторические связи, которые существуют между Турцией и восточными странами [5, с. 13].

Таким образом, лексико-семантические особенности ориентализмов в турецком языке подчеркивают их важность и многообразие, а также их влияние на развитие языка и культуры. Эти заимствования не только обогащают лексический запас, но и служат важным свидетельством исторических и культурных связей между народами.

А также изучение этимологии и исторического контекста ориентализмов в турецком языке позволяет глубже понять, как восточные заимствования обогастили лексический состав и культурную идентичность турецкого языка, а также их роль в формировании исторической памяти и культурных традиций.

Примеры заимствованных слов в турецком языке

1. Арабизмы.

Арабизмы – это слова, заимствованные из арабского языка. Они часто используются в литературной и разговорной речи, а также в научных и религиозных текстах. Вот несколько примеров:

- Kitap (كتاب) – книга. Это слово широко используется в турецком языке и является основным термином для обозначения книги.
- Mektep (مکتب) – школа. Это слово также имеет арабское происхождение и используется для обозначения учебного заведения.
- Hükümet (حكومة) – правительство. Это слово используется в политическом контексте и обозначает орган власти.

2. Персидцы.

Персидцы – это слова, заимствованные из персидского языка. Они часто связаны с культурными и художественными аспектами, такими как поэзия и архитектура. Примеры персидцев:

- Gül (گل) – роза. Это слово используется для обозначения цветка и часто встречается в поэзии.
- Şehir (شهر) – город. Это слово обозначает населенный пункт и широко используется в повседневной речи.
- Saray (سراي) – дворец. Это слово используется для обозначения больших и роскошных зданий, часто связанных с правителями.

3. Другие восточные заимствования.

Кроме арабских и персидских заимствований, в турецком языке также встречаются слова из других восточных языков [7, с. 83]. Например:

- Çay (چای) – чай. Это слово заимствовано из китайского языка и стало неотъемлемой частью турецкой культуры, так как чай является популярным напитком в Турции.
- Kahve (قهوة) – кофе. Это слово пришло из арабского языка и обозначает популярный напиток, который также имеет важное значение в турецкой культуре.

Выходы

Заимствованные слова в турецком языке играют важную роль в его развитии и обогащении. Арабизмы и персидцы, а также слова из других восточных языков, не только расширяют лексический запас, но и отражают культурные и исторические связи Турции с другими регионами. Понимание этих заимствований помогает глубже осознать богатство и разнообразие турецкого языка, а также его уникальную идентичность.

Список источников

1. Аксан Д. Развитие турецкого языка и поэтапное изучение турецкого // Издательство Турецкой языковой ассоциации. Анкара, 2004. С. 115 – 130.
2. Берка А. Место арабских и персидских слов в турецком языке // Издательство Альфа. Стамбул, 2010. С. 36 – 58.
3. Джелик А. Чрезмерное использование арабских и персидских слов в турецком языке // Журнал турецкого языка и литературы. 2015. С. 45 – 60.
4. Зейрек Д. Место и значение арабских и персидских слов в турецком языке // Журнал турецкого языка и литературы. 2013. № 4. Т. 7. С. 56 – 70.

5. Йылмаз Х. Структура словаря турецкого языка и заимствованные слова // Исследования турецкого языка и литературы. 2014. № 1. Т. 8. С. 12 – 25.
6. Коркмаз М. Значение и использование заимствованных слов в турецком языке // Издательство Нобель. Анкара, 2021. С. 23 – 54.
7. Сезер Е. Словарные значения заимствованных слов в турецком языке // Исследования турецкого языка. 2011. № 2. Т. 5. С. 78 – 90.
8. Туран М. Области использования арабских и персидских слов в турецком языке // Издательство Университета Богазичи. Стамбул, 2016. С. 45 – 60.
9. Эргин М. Заимствованные и родные слова в турецком языке // Издательство Илетишум. Стамбул, 2009. С. 112 – 134.
10. Öztürk A. Влияние арабских и персидских слов на турецкий язык // Журнал языковых и лингвистических исследований. 2018. № 1. Т. 14. С. 23 – 35.

References

1. Aksan D. Development of the Turkish Language and Step-by-Step Study of Turkish. Publishing House of the Turkish Language Association. Ankara, 2004. P. 115 – 130.
2. Berka A. The Place of Arabic and Persian Words in the Turkish Language. Alfa Publishing House. Istanbul, 2010. P. 36 – 58.
3. Jelik A. Excessive Use of Arabic and Persian Words in the Turkish Language. Journal of the Turkish Language and Literature. 2015. P. 45 – 60.
4. Zeyrek D. The Place and Meaning of Arabic and Persian Words in the Turkish Language. Journal of the Turkish Language and Literature. 2013. No. 4. Vol. 7. P. 56 – 70.
5. Yilmaz H. The Structure of the Vocabulary of the Turkish Language and Loanwords. Studies of the Turkish Language and Literature. 2014. No. 1. Vol. 8. P. 12 – 25.
6. Korkmaz M. Meaning and Use of Loanwords in Turkish. Nobel Publishing House. Ankara, 2021. P. 23 – 54.
7. Sezer E. Dictionary Meanings of Loanwords in Turkish. Turkish Language Studies. 2011. No. 2. Vol. 5. P. 78 – 90.
8. Turan M. Areas of Use of Arabic and Persian Words in Turkish. Bogazici University Publishing House. Istanbul, 2016. P. 45 – 60.
9. Ergin M. Borrowed and Native Words in Turkish. Iletishim Publishing House. Istanbul, 2009. P. 112 – 134.
10. Öztürk A. The Influence of Arabic and Persian Words on the Turkish Language. Journal of Language and Linguistic Studies. 2018. No. 1. Vol. 14. P. 23 – 35.

Информация об авторах

Шихзадаева Н.С., факультет востоковедения, Дагестанский государственный университет,
nellifatima@list.ru

Кадыров Р.С., доктор филологических наук, профессор, кафедра востоковедения, Дагестанский государственный университет,
ruskadir@yandex.ru

© Шихзадаева Н.С., Кадыров Р.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.512.162

¹ Агакишиева Ш.М.

¹ Бакинский славянский университет

Обогащение терминологического пласта азербайджанского языка за счет заимствований

Аннотация: в статье рассматривается роль заимствований в обогащении терминологического пласта азербайджанского языка. Обсуждается, как заимствования входят в лексическую систему нашего языка и как они обогащают терминологический пласт языка. Здесь также были высказаны ценные мнения азербайджанских лингвистов. Заимствования играют особую роль в обогащении словарного запаса азербайджанского языка. Язык каждого народа, его лексический строй считается носителем истории и культуры этого народа. Как история и культура нации не могут оставаться в стороне от многочисленных влияний, так и ее язык не может оставаться в стороне от этих влияний. Как и все систематизированные языки, сохранившие свое существование в мире, определенная часть лексического состава азербайджанского языка постоянно обогащается за счет заимствований. Заимствованные слова в лексической системе языка чаще всего наблюдаются в терминологическом слое языка. Процесс обогащения терминологического слоя языка постоянно развивается в связи с общественно-политическим и научно-техническим развитием. Процесс ввода заимствованных терминов в терминологическую систему языка продолжается. Вхождение заимствованных терминов в язык представляет собой лингвистический процесс. Ведь заимствования в терминологии не свидетельствуют о бедности языка, а, наоборот, служат показателем его обогащения на основе языковых связей.

Ключевые слова: азербайджанский язык, терминологический пласт, лексическая система, заимствования, лингвистика, словарь

Для цитирования: Агакишиева Ш.М. Обогащение терминологического пласта азербайджанского языка за счет заимствований // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 153 – 159.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Aghakishiyeva S.M.

¹ Baku Slavic University

Enriching the terminological layer of the Azerbaijani language through borrowings

Abstract: the article examines the role of borrowings in enriching the terminological layer of the Azerbaijani language. It discusses how borrowings enter the lexical system of our language and how they enrich the terminological layer of the language. Valuable opinions of Azerbaijani linguists were also expressed here. Borrowings play a special role in enriching the vocabulary of the Azerbaijani language. The language of each nation and its lexical structure are considered to be the bearer of the history and culture of this people. Just as the history and culture of a nation cannot remain aloof from numerous influences, so its language cannot remain aloof from these influences. Like all systematized languages that have preserved their existence in the world, a certain part of the lexical composition of the Azerbaijani language is constantly being enriched through borrowings. Borrowed words in the lexical system of a language are most often observed in the terminological layer of the language. The process of enriching the terminological layer of the language is constantly evolving in connection with socio-political, scientific and technological development. The process of introducing borrowed terms into the terminological system

of the language continues. The entry of borrowed terms into a language is a linguistic process. After all, borrowings in terminology do not indicate the poverty of the language, but, on the contrary, serve as an indicator of its enrichment based on linguistic connections.

Keywords: the Azerbaijani language, terminological layer, lexical system, borrowings, linguistics, dictionary

For citation: Aghakishiyeva S.M. Enriching the terminological layer of the Azerbaijani language through borrowings. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 153 – 159.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Увеличение заимствованных терминов в лексике азербайджанского языка является проявлением расширения межъязыковых связей. Развитие международных связей, общественных связей и интеграция в мировую науку приводят к развитию и постоянному обогащению терминологии. Расширение политических, экономических, культурных и научных связей с разными странами обогатило вхождение новых терминов в словарный запас языка. В последние годы резко возросло количество заимствованных терминов, расширился диапазон их использования в отдельных словарях и языке прессы. В последние годы резко возросло количество заимствованных терминов, расширился диапазон их использования в отдельных словарях и языке прессы. В современное время, особенно в связи с внедрением в нашу жизнь и повседневную жизнь технологий информатики, стали обычным явлением заимствованные термины. Направления развития терминологии должны регулироваться на основе определенных норм и правил. Подобно тому, как обработка производных терминов в языке как иностранное слово требует регулирования, так и в процессе терминизации собственных слов языка необходимо учитывать определенные требования и нормы.

Изучение путей и происхождения терминов в азербайджанском языке является одной из проблем, привлекающих внимание исследователей. Основываясь на представлениях Н.Худуева о заимствованных терминах, можно отметить, что одним из способов обогащения словарного запаса языка является создание новых терминов под влиянием других иноязычных элементов. Конечно, когда мы говорим о посторонних языковых элементах, мы имеем в виду здесь не насильственное влияние, а влияние, связанное с естественным развитием языка.

Материалы и методы исследований

В статье использован метод сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

Определенная часть терминов в языке фактически была приобретена в результате необходимости по отношению к потребности. Полученные таким образом термины играют особую роль в развитии языка. В языке также есть термины, которые введены в язык принудительно. Например, со временем в наш язык в результате арабского нашествия вошли термины арабского и персидского происхождения. Учитывая все это, слова и термины можно разделить на две группы:

- 1) необходимые заимствованные слова;
- 2) обязательные заимствованные слова.

М.Ш. Гасымов отметил по поводу заимствований: «Термины заимствуются как через литературный язык, так и через разговорный язык. Термины, полученные через литературный язык, выражают научно-технические, общественно-политические и другие понятия, используемые в ограниченном кругу. Термины, усвоенные посредством разговорной речи, представляют собой в основном слова, относящиеся к быту, образу жизни, хозяйству и другим областям» [2, с. 153].

В процессе использования заимствованных терминов наблюдаются следующие особенности.

1. Некоторые производные термины употребляются только в живом разговорном языке, а не в литературном.

2. Заимствованные термины входят в словарный запас языка и выражают это и другие понятия как в устной, так и в письменной его ветви;

3. Заимствованные термины могут выйти из употребления через определенное время. Этот процесс идет по-разному.

Лингвист Мамед Гасымов пишет об этом процессе: «Каждый язык имеет свою фонетическую систему и грамматическую структуру. Поэтому каждый язык, заимствуя слова и термины из другого языка, под-

чиняет их своим фонетическим и грамматическим правилам. В литературном языке Азербайджана слова и термины, принадлежащие другим языкам, принимаются в соответствии с их нормами» [2, с. 156]. В этом отношении условия заимствования можно разделить на две группы:

1. Термины, которые усваиваются без изменений;
2. Термины, полученные путем внесения изменений.

В азербайджанском литературном языке определенная часть терминов, заимствованных из других языков, используется без каких-либо изменений. Наблюдения показывают, что в первые годы советской власти термины усваивались и присваивались, но в последующие годы мы не наблюдаем этого процесса [8]. С течением времени русский язык и формы терминов, пришедших в наш язык через русский язык, сохранились. Давайте посмотрим на следующие факты:

- Такое правило сохранилось и в заимствованной терминологии, когда употребление двух согласных в начале и в конце слова не характерно для азербайджанского литературного языка. Например: biznes, rels, metr, plan, partiya, portal, kvartal, klub, futbol, mitinq и т.д.

- Две одинаковые или разные гласные в начале, середине и конце слова сохранились в заимствованной терминологии, которая перешла в азербайджанский язык. Например: okean, realizm, ideologiya, kulturologiya, biologiya и т.д.

- Последовательность тонких и толстых гласных в азербайджанском языке проявляется как закон, создающий гармонию в словах. Эта функция не ожидается в большинстве полученных терминов. Например: teatr, kino, alqoritm, sintaksis и т.д.

- В нашем языке ударение падает на последний слог слов, но в терминах заимствования эта закономерность не ожидается. Например: analiz, termometr, realizm, kamera, respublika и т.д.

В азербайджанский литературный язык переходят и суффиксы, образующие термины, равнозначные терминам. Эти суффиксы не претерпели никаких изменений в нашем языке. Например, loq-fiziolog, terminoloq, dialektoloq, vitse-vitse-prezident, vitse-admiral, realist, idealist, ika-pedaqogika, anti-anti-faşist и т.д.

2. Определенная часть терминов русского и европейского происхождения действительно приспосабливается к законам нашего языка, претерпевает изменения и усваивается в нашем литературном языке.

- когда суффиксы, обозначающие женский род в русском языке, вместе с терминами переходят в наш язык, этот суффикс сокращается. Например, temperatura-temperatur, atmosfera-atmosfer, idioma-idiom, apteka-aptek, qəzetə-qəzət и т.д.

- если производный термин состоит из основного и лексического суффиксов, то за основу термина берется и добавляется специфический суффикс азербайджанского языка. Например, traktorist – traktor+çu, kolxoznik – kolxozi+çu и т.д.

- в русском языке суффикс множественного числа существительных, полученных в форме множественного числа, сокращается или используется с добавлением суффикса множественного числа азербайджанского языка. Например, sutka+lar, mebel+lər и т.д.

- термин русского происхождения-словосочетания, попадая в наш язык, подчиняются правилам нашего языка и используются как национальное слово. Основа слова, составляющего это соединение, сохраняется и адаптируется к грамматическим показателям нашего языка. Например, komandir briqad – briqada komandiri, komandir roti – rota komandiri и т.д.

Хотя заимствования в нашем языке – это различные особенности терминологии, мы затрагиваем определенную ее часть.

Заимствованные термины можно изучить и в целом решить, что независимо от того, из какого языка был заимствован термин, он включает в себя ряд важных терминов. Рассмотрим следующее;

- термин отражает фонетические, лексические, грамматические принципы языка, из которого он заимствован;

- заимствование терминов без унификации;
- язык рецепторов принимает правила вместе с термином;
- термин, принятый в языке рецепторов, является унифицированным;
- термин, заимствованный из родственного языка, унифицирован;
- термин, производный от неродственного языка, является унифицированным [3, с. 118].

Терминологические наблюдения показывают, что унификация бывает 2 видов:

1. Естественная унификация.
2. Спонтанная унификация.

Полученный термин претерпевает изменение фонетического, морфологического и семантического значения в результате «отбора» при естественной унификации. Эти термины формируются и смешиваются

ся с собственными словами языка в течение определенного периода времени с учетом собственных внутренних возможностей языка [9]. Этот процесс является длительным процессом. Начиная со Средневековья, началось расположение терминов и слов арабского и персидского происхождения. Например, qaidə-qayda, faidə-fayda, saət-saat, şəm-şəm и т.д. Фонетические изменения наблюдаются также в словах русского и европейского происхождения. Например, aptek-aptek, vedro-vedrə, qazeta-qəzət и т.д. В такой унификации учитываются фонемная система и закон дисгармонии азербайджанского языка.

С. Халилова отмечает: «Язык объективно выполняет свою операцию отбора и замены, общепринятые варианты приобретают жизненную основу и остаются в языке, другие варианты удаляются из терминологии. Хотя отдельные лица пытаются использовать термины, которые не являются приемлемыми, общество в целом препятствует использованию этого термина, его распространению. А стандартизация терминологической системы государством дает правовую основу для борьбы с таким использованием ресурсов национального литературного языка» [4, с. 153]. Этот вопрос является неотъемлемой частью борьбы за чистоту нашего языка. Регулирование чистоты азербайджанского языка должно постоянно контролироваться государством.

2. Унификация, вызванная определенной необходимостью, возникает спонтанно. Причины этого можно сгруппировать следующим образом.

а) заимствования из правил языка;

б) использование заимствований становится неактивным из-за их взаимности в языке.

В процессе заимствования терминов в нашем языке приведение заимствованных терминов в соответствие с правилами языка иногда допускается до крайности. В результате заимствованный термин образовался от заимствованного корня, а его производные образованы собственными суффиксами нашего языка, или заимствованный термин был переведен на наш язык. Такие допущенные ошибки в процессе заимствования термина нередко создавали путаницу, недопонимание в языке. Например, о замене интернациональных терминов в языке Мамед Гасымов пишет: «Как правило, интернациональные термины нужно использовать без перевода. Потому что более целесообразно принять термины, которые не имеют соответствующей обратной связи, или дать объяснение в нескольких словах и запутать их. Однако этот аспект часто упускается из виду. Например: слова гуманист и гуманизм используются в большинстве языков мира без перевода. А на азербайджанском языке переводится и используется как *insanrərvər* и *insanrərvərlıq*. В этом действительно нет необходимости» [4].

Иногда термины, заимствованные из нашего языка, используются без необходимости в языке. Например, использование таких слов, как шоу-программа вместо развлекательной программы, креатив вместо создателя, мониторинг вместо наблюдения, лицензия вместо разрешения, создает в нашем языке весомость и путаницу.

Если в нашем языке есть какой-либо термин или слово, взятие второго эквивалентного слова из других языков без места вредит чистоте нашего языка. Г.Ф. Неманзаде в своей статье пишет, что развитые страны обогатили свои языки, заимствовав многие слова у народов, более культурных, чем они сами. Даже сегодняшние школьники знают, что это естественный закон мира. Но проблема в том, что существует большая разница между тем, что говорим мы, и тем, что говорят другие страны.

Процесс обогащения терминологического слоя лексической системы азербайджанского языка за счет заимствований происходил в определенные исторические периоды, в связи с различными событиями и процессами. Смена исторических формаций, развитие науки, техники, общественно-политических отношений привели к постоянному развитию и обновлению терминологического пласта языка. Использование заимствованных слов в языке не является показателем бедности нашего языка. Как и во всех мировых языках, азербайджанский язык заимствует слова из других национальных языков или обратный процесс обеспечивает взаимное обогащение языков друг друга. Это приводит к образованию общего научного языка среди системных языков, существующих в мире. В результате развития науки, техники, общественно-политических отношений каждый из языков мира заимствовал слова из других языков, активизировался процесс обогащения терминологического слоя языка. Проведенные исследования терминологической системы азербайджанского языка доказывают, что заимствованные слова, составляющие важную часть лексической системы азербайджанского языка, а не заимствованные термины, составляющие определенную часть терминологического пласта, исследованы и даны классификации разнообразия исходного языка, к которому они относятся. На основе исследований профессора Икрама Гасымова можно отметить, что наблюдения за терминологической системой лексики современного азербайджанского языка показывают, что в этом слое термины, заимствованные из различного происхождения, имеют опреде-

ленные количественные показатели, по разнообразию исходных языков такие термины можно разделить на две группы:

1. Производные термины арабского и персидского происхождения.
2. Заемственные термины русского происхождения.

В результате оккупации азербайджанских земель Арабским халифатом, начиная с VII века, и пропаганды ислама, оба языка взаимно заимствовали слова друг у друга. Переработка и закрепление в терминологическом слое нашего языка терминов арабского и персидского происхождения связано с рядом культурных, социально-политических отношений. Использование арабского языка в художественном стиле как языка науки, а персидского языка как языка поэзии привело к перемещению и стабилизации огромного количества терминов арабского и персидского происхождения из обоих языков в наш язык. Н. Мамедли отмечает: «Арабский язык в Азербайджане, а также на всем Востоке можно сравнить с исторической ролью, которую латынь играет в Европе. Если большинство арабских слов проникло в наш язык через Персидский, то арабский язык опосредовал переход терминов из ряда восточных языков в азербайджанский [6, с. 24].

В терминологическом слое лексической системы азербайджанского языка и в наше время преобладают термины арабского и персидского происхождения. Саялы Садыгова утверждает, что «термины арабского и персидского происхождения не были разработаны на одном уровне в терминологических областях. Из исследований становится ясно, что экономические, политические, религиозные, философские термины арабского и персидского происхождения сегодня преобладают в терминологии азербайджанского языка. В частности, религиозная терминология богата терминологическими единицами этого языка [7, с. 206].

В связи с влиянием исламской религии, религиозных обрядов, общественно-политической роли термины арабского происхождения и в современный период функционируют в нашем языке. Например, şeyh, axund, namaz, azan, oruc, aşura, hədis, islam, mövhumat, ixrac, mədh и т.д.

В терминологической системе азербайджанского языка, как и в терминах арабского и персидского происхождения, суффиксы также образуются в процессе словотворчества. В современном азербайджанском языке, а также в терминологии в процессе словотворчества чаще всего участвуют суффиксы ad // ət, i // vi, kar // gər, xana, baz, kar, şünas, dar, keş, арабского и персидского происхождения.

Термины арабского и персидского происхождения сыграли важную роль в обогащении терминологического пласта азербайджанского языка в VII-XIX веках. Основываясь на мнении профессора Севиль Мехтиевой о роли арабских и персидских терминов в обогащении терминологического пласта, можно отметить, что трудно прояснить историю персидских заимствованных слов в азербайджанском языке. В целом на этапе формирования азербайджанского национального языка основным терминологическим источником научного стиля выступили арабский и персидский языки.

Исследования показывают, что даже в современное время в терминологическом пласте активно используются термины арабского и персидского происхождения. Профессор Икрам Гасымов отмечает: «Хотя многие слова арабского и персидского происхождения, которые до сих пор используются в качестве активной терминологической единицы, претерпели небольшое семантическое и фонетическое изменение, исторически существовавшие в нашем языке термины стали использоваться для обозначения того или иного понятия. Например, sürsat, sülh, səngər, qiyam и т.д. [6, с. 189].

Одним из основных источников обогащения терминологического пласта азербайджанского языка является русский язык и термины, полученные через него. Начиная с XIX века развитие научных, литературно-культурных, экономических и политических связей с Россией отразилось на терминологическом слое языка. Саяли Садыгова в своем исследовании пишет, что на этом этапе источник заимствований в терминологическом слое азербайджанского языка еще более расширился. Наряду с турецким, арабским и персидским языками эти источники были включены также русский и западноевропейский языки. В этот период основной причиной преобладания заимствований из русского языка в терминологическом слое языка является то, что русский язык используется наряду с азербайджанским языком. Научно-техническое развитие в России обогатило терминологический пласт азербайджанского языка заимствованиями русского происхождения. Роль терминологических единиц, заимствованных из русского языка, в развитии терминологических систем национальных языков в XX веке неоспорима. Термины из русского языка можно разделить следующим образом:

1. Термины, выражающие понятия, связанные с общественно-политической информацией: например, sovet, kapitalizm, sosializm, ideya, materiya, respublika и т.д.
2. Возникшие благодаря научно-техническому прогрессу. То есть термины, обозначающие научные понятия. Например, metodist, internet, pedaqogika, sografiya и т.д.
3. Термины, связанные с производством. Например, ferma, kolxoz, sovchoz, fabrik и т.д.

Новые явления и понятия сначала были названы по-русски, а затем переведены на наш язык. С.С. Халилова отмечает, что «общественно-политическая и научно-техническая терминология русского языка оказывает сильное влияние на языки СССР. Можно сказать, что почти все понятия советской системы получают свою номинацию в русском языке, а затем русский термин влияет на различные языки и заставляет их использовать свой арсенал» [3, с. 38].

Оно было адаптировано к русскому языку по международным признакам, а затем перешло в наш язык через русский язык. Когда Мамед Гасымов произносит термины, заимствованные из русского языка, он имеет в виду международные термины и группирует их.

Этот процесс, продолжавшийся до 90-х годов XX века, развился в новом направлении после обретения Азербайджанским государством независимости. С активизацией национальных языковых единиц в области терминологии некоторые термины, заимствованные из русского языка, вышли из словаря и вошли в архаичный лексикон. Наши архаичные национальные языковые единицы были возрождены и возвращены в словарный запас нашего языка. После обретения Азербайджанской Республикой независимости ее тесная связь с тюркскими языками в определенной степени повлияла и на терминологическую систему языка [10].

М. Мирзалиев отмечает о терминологии, приобретенной в годы независимости: «Большой интерес представляют особенности лексики тюркских языков, характеризующиеся возникновением независимых турецких государств в последние 10 лет. Первые годы независимости считаются новым этапом в развитии турецких языков. На этом этапе влияние социально-экономической жизни, научно-политических и культурных ситуаций на те или иные турецкие языки неоспоримо».

Серьезные изменения произошли в устной и письменной речи, художественном и официальном стиле. Несомненно, эти изменения проявляются прежде всего в лексическом слое языка. Это также естественно [2].

В современное время более предпочтительно использовать внутренние возможности языка для обогащения лексической системы языка. Как закономерное явление, связанное с научно-техническим, общественно-политическим развитием, терминологический пласт нашего языка постоянно обогащается, и в результате этого процесса в наш язык постоянно поступают заимствования из разных языков. Исследования показывают, что в современную эпоху терминологический конек нашего языка обогащается терминами, взятыми из тюркского и английского языков. Европа терминов арабского и персидского происхождения, используемых в нашем языке. В процессе замены терминами русского происхождения наблюдается некоторая терминология. Например, *ərazi-region*, *məlumat-informasiya*, *inkişaf-dinamika*, *məsaflə-interval*, *kommunikasiya-ünsiyyət* и т.д.

После обретения Азербайджанской Республикой независимости в конце XX века научно-технические и общественно-политические связи с европейскими странами развивались более быстрыми темпами. В результате этих связей в терминологическом пласте языка закрепляется терминологическая лексика европейского происхождения. В связи с экономическими и политическими отношениями, заимствующими термины из Европы в новое время, исследователи связывают их сильную позицию с притоком терминов европейского происхождения в наш язык с трудностью создания экономических и технических терминов.

Термин европейского происхождения в основном относится к латинско-греческому, французскому, английскому, немецкому, итальянскому языкам. Эти заимствованные термины используются в разных областях. В нашем языке по количеству преобладают термины латинского, английского и французского происхождения.

Выводы

В целом, возникающие новые области и приходящая с ними заимствованная терминология постоянно обогащают словарный запас языка. Определенная часть этих терминов представляет собой международную специфическую терминологию. Если международные термины изучаются в рамках заимствований, они отличаются от заимствований своими характеристиками и имеют важное значение для обогащения терминологии.

Список источников

1. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Dörd cilddə. IV ребенок. Баку, 2006. 712 с.
2. Гасымов М.Ш. Azərbaycan использует терминологию. Баку, 1993. 186 с.
3. Касымова Х. Müstəqillik illərində Azərbaycan dilində termin yaradılığının əsas istiqamətləri. Баку, 2005. 126 с.
4. Халилова С. Международный терминал. Баку, 1991. 192 с.
5. Касымов И.З. Azərbaycan terminologiyasının əsasları. Баку: Китаб аләми, 2011. 270 с.
6. Маммәдли Н.Б. Alınma terminlər. Баку, 2007. 312 с.

7. Садыкова С.А. Азербайджанская терминология. Баку: Элм, 2011. 378 с.
8. Гурбанов А. Azərbaycan dilçiliyi problemamiləti. Я сильд (2 чилдə). Баку, 2019. 384 с.
9. Аббасов Ə., Əliyev X. Muasir Azərbaycan ədəbi dili: uğurlar, problemlər // Azərbaycan dili və ədəbiyyat tədrisi. 2021. № 4 (270). С. 10 – 24.
10. Абдинова Р.Х., Гусейнова Н.В. Azərbaycan dili və nitq mədəniyyəti. Orta ixtisas təhsili müəssisələrinin tələbələri üçün dərslik. Баку: «Вяз вə тəhsil», 2021. 448 с.

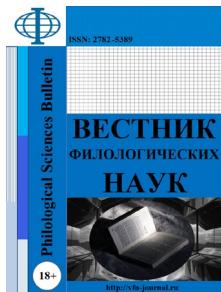
References

1. Azərbaycan dilinin izahlı lügəti. Dord cilddə. IV child. Baku, 2006. 712 p.
2. Gasimov M.Sh. Azərbaycan uses terminology. Baku, 1993. 186 p.
3. Kasymova Kh. Baku, 2005. 126 p.
4. Khalilova S. International terminal. Baku, 1991. 192 p.
5. Kasymov I.Z. Azərbaycan terminologysının əsasları. Baku: Kitab aləmi, 2011. 270 p.
6. Mammadli N.B. Alınma terminlər. Baku, 2007. 312 p.
7. Sadykova S.A. Azerbaijani terminology. Baku: Elm, 2011. 378 p.
8. Gurbanov A. Azərbaycan dilçiliyi problemləri. I am sild (2 childə). Baku, 2019. 384 p.
9. Abbasov Ə., Əliyev H. Muasir Azərbaycan ədəbi dili: uğurlar, problemlər. Azərbaycan dili və ədəbiyyat tədrisi. 2021. No. 4 (270). P. 10 – 24.
10. Abdinova R.Kh., Guseinova N.V. Azərbaycan dili və nitq mədəniyyəti. Orta ixtisas təhsili müəssisələrinin tələbələri üçün dərslik. Baku: “Elm və təhsil”, 2021. 448 p.

Информация об авторах

Агакишиева Ш.М., кандидат филологических наук, доцент, Бакинский славянский университет

© Агакишиева Ш.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.41

¹Азимов С.Р., ¹Нурбагандова Л.А.

¹Дагестанский государственный университет

Анализ реалити-шоу «Возвращение. Дети. Первые»

Аннотация: данная статья представляет собой анализ реалити-шоу, созданного в Дагестане, с целью определения соответствия его формату и заявленным целям. Исследование фокусируется на выявлении специфических жанровых черт, отличающих данное шоу от общепринятых моделей реалити-телевидения. В рамках анализа рассматриваются особенности нарративной структуры, используемые приемы построения сюжета, а также влияние культурного контекста Дагестана на формирование жанровых характеристик программы. Результаты исследования позволяют определить место данного проекта в более широком контексте развития реалити-шоу как жанра.

Ключевые слова: реалити-шоу, программа, зрители, телевидение, жанр, тематика, ведущий

Для цитирования: Азимов С.Р., Нурбагандова Л.А. Анализ реалити-шоу «Возвращение. Дети. Первые» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 160 – 165.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹Azimov S.R., ¹Nurbagandova L.A.

¹Dagestan State University

Analysis of the reality show "Return. Children. First"

Abstract: this article is an analysis of a reality show created in Dagestan in order to determine its compliance with its format and stated goals. The research focuses on identifying specific genre features that distinguish this show from the generally accepted models of reality television. The analysis examines the features of the narrative structure, the plot construction techniques used, as well as the influence of the cultural context of Dagestan on the formation of the genre characteristics of the program. The results of the study allow us to determine the place of this project in the broader context of the development of reality TV as a genre.

Keywords: reality show, program, audience, television, genre, subject, presenter

For citation: Azimov S.R., Nurbagandova L.A. Analysis of the reality show "Return. Children. First". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 160 – 165.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Девяностые годы стали пиком развития реалити-шоу. Л.П. Шестёркина даёт небольшой исторический «срез» в данном вопросе: ««Реальный мир» стал одной из наиболее популярных программ MTV, и одной из первых, представленных в формате реалити-шоу, который получил широкую популярность. Группу людей, не знакомых друг с другом, высадили на острове со снаряжением и припасами, которые они за две минуты

успели унести с корабля. Участники игры, разделившись на две команды, выполняют различные задания на сообразительность или силу и добывают себе пищу. Постепенно из команд удаляется по одному участнику» [7, с. 86].

Суть реалити-шоу заключается в отображении поведения индивида в тех условиях, в которые его помещают создатели реалити-шоу. По мнению специалистов, за этим форматом будущее и телевидения, и радио, если кто-нибудь сумеет трансформировать формат для радиоэфира, «сохраняющих дилемму», пока же этого не произошло, получать большие рейтинги и большие дивиденды придётся телевидению. Как отмечает Л.П. Шестёркина, «совершенно очевидно, что это очень рейтинговый жанр, во многом превосходящий и по рейтингам, и по технологии производства другие развлекательные жанры, что делает его очень востребованным, и если он правильно сфокусирован, то наиболее точно выбирает, тщательно проверяет и синхронизирует показания, подсчёт, апробацию и корреляцию с современными СМИ» [7, с. 112].

Актуальность исследования обусловлена Актуальность исследования обусловлена несколькими фактами, такими как быстрый рост и эволюция жанра реалити-шоу, отсутствие единой классификации, противоречивый характер жанра – реалити-шоу подвергается критике за манипулирование участниками, искажение реальности, а также за воздействие на социальные нормы и ценности. Однако, несмотря на критику, жанр остаётся чрезвычайно популярным, что делает необходимым изучение причин его привлекательности и потенциального влияния.

Основная цель исследования нашей научной работы – провести комплексный анализ жанра реалити-шоу, выявить его ключевые характеристики, определить его место в современном медиа-пространстве и оценить его влияние на аудиторию и общество. Из этого исходят задачи, которые нужно будет решить в ходе нашей научной работы:

1. Проанализировать существующие теоретические подходы к классификации и определению жанра реалити-шоу.
2. Выявить ключевые жанровые характеристики реалити-шоу, включая особенности нарратива, сюжетной композиции, использования художественно-выразительных средств.
3. Исследовать влияние социально-культурного контекста на формирование специфических черт реалити-шоу.
4. Оценить потенциальное влияние реалити-шоу на аудиторию, с учётом как позитивных, так и негативных аспектов.
5. Разработать предложения по усовершенствованию методики анализа и классификации реалити-шоу.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования выступает реалити-шоу «Возвращени. Дети. Первые». Анализ проводился на основе полного просмотра всех эпизодов.

В рамках данного исследования были использованы следующие методологические подходы:

Контент-анализ: Систематическое кодирование и анализ контента шоу, включая диалоги участников, сюжетные линии, режиссерские приемы, музыкальное оформление и т.д. Будут выявлены частоты встреч ключевых тем, характеристики персонажей и их взаимодействия.

Жанровый анализ: Сравнительный анализ исследуемого реалити-шоу с другими программами подобного жанра для определения его специфических черт. Используются теоретические работы по классификации жанров реалити-шоу.

Интерпретативный анализ: Толкование полученных данных в контексте социальных, культурных и медиийных процессов [5, с. 44].

Результаты и обсуждения

Девяностые годы стали пиком развития реалити-шоу. Л.П. Шестёркина даёт небольшой исторический «рез» в данном вопросе: ««Реальный мир» стал одной из наиболее популярных программ MTV, и одной из первых, представленных в формате реалити-шоу, который получил широкую популярность. Группу людей, не знакомых друг с другом, высадили на острове со снаряжением и припасами, которые они за две минуты успели унести с корабля. Участники игры, разделившись на две команды, выполняют различные задания на сообразительность или силу и добывают себе пищу. Постепенно из команд удаляется по одному участнику» [7, с. 86].

Суть реалити-шоу заключается в отображении поведения индивида в тех условиях, в которые его помещают создатели реалити-шоу. По мнению специалистов, за этим форматом будущее и телевидения, и радио, если кто-нибудь сумеет трансформировать формат для радиоэфира, «сохраняющих дилемму», пока же этого не произошло, получать большие рейтинги и большие дивиденды придётся телевидению. Как отмечает Л.П. Шестёркина, «совершенно очевидно, что это очень рейтинговый жанр, во многом превосходя-

щий и по рейтингам, и по технологии производства другие развлекательные жанры, что делает его очень востребованным, и если он правильно сфокусирован, то наиболее точно выбирает, тщательно проверяет и синхронизирует показания, подсчёт, апробацию и корреляцию с современными СМИ» [7, с. 112].

На сегодняшний день среди ученых нет единого мнения о типологии жанра реалити-шоу. В своей статье, опубликованной в Вестнике факультета журналистики Пермского государственного университета "Acta Diurna", А. Абраменко выделяет следующие типы реалити-шоу.

"Шоу на выживание". В этом формате участники оказываются в экстремальных условиях, где им предстоит бороться за победу до конца. Одним из главных критерии отбора является способность участников справляться с жесткими испытаниями и выполнять требования организаторов. Ярким примером такого шоу является "Выживалити", где 14 отечественных звезд проходят испытания за главный приз в 10 000 000 рублей, сталкиваясь с самыми трудными задачами на протяжении всего проекта.

"Шоу подглядывания". Этот тип шоу удовлетворяет любопытство зрителей, привлекающих личные истории и эмоции участников. Здесь особое внимание уделяется внешности участников, их харизме, способности держаться перед камерой и критически воспринимать происходящее. Такие шоу популярны, так как позволяют зрителям увидеть что-то близкое и знакомое, испытывая чувство сопричастности с героями. Примером может служить "ДОМ-2", в котором участники пытаются строить отношения на глазах у аудитории, что вызывает большой интерес.

"Шоу профи". Это формат, который сочетает развлечение с полезной практической ценностью. Участники осваивают новые ремесла или повышают профессиональные навыки, а зрители получают возможность узнать что-то новое и полезное. Примером может служить "Фабрика звезд", где участники обучаются искусству сцены и становятся эстрадными артистами в реальном времени.

Квест. Это приключенческое шоу, основанное на поиске нестандартных решений и преодолении препятствий. Участники сталкиваются с физическими и интеллектуальными вызовами, при этом требуются лидерские качества и умение принимать решения в экстремальных ситуациях. Примером такого шоу является "Большие девочки", где участницы проходят серию испытаний, включая физические нагрузки и психологические задания, и на финальном этапе оценивают свой успех в снижении веса [3, с. 65].

На основе классификации А. Абраменко, Л.П. Шестёркина выделяет несколько ключевых жанрообразующих факторов:

- содержание материала;
- методы отображения участников проекта, их характеристики и описания происходящего;
- авторская позиция по отношению к отраженному материалу;
- выразительные средства;
- стилистические особенности;
- развитие конфликтов в сюжете [7, с. 27].

По мнению А. Тертычного, эти факторы являются основой для любых журналистских произведений, независимо от канала их распространения [6, с. 104].

Наиболее подробно и понятно представлены у кандидата филологических наук Е.А. Гуцала. В своей научной работе «Реалити-шоу: некоторые аспекты типологии» Е.А. Гуцал выделил четыре типа реалити-шоу [4, с. 87].

1. «Программы с использованием скрытой камеры». Герои реалити-шоу не знают, что за ними ведётся наблюдение, участники ведут себя естественно.

2. «Документальная съёмка». Здесь Е.А. Гуцал выделяет два подтипа, таких как «подглядывание» за работой профессионалов, (пожарных, полицейских, врачей, спасателей). Вторым подтипов является «подглядывание» за жизнью звёзд. Герои при этом осведомлены о видеонаблюдении.

3. «Студийное видеонаблюдение подразумевает под собой непрерывный процесс документального запечатления какого-либо процесса».

4. «Студийная съёмка, в которой присутствует непосредственная чистота жанра».

Рассмотрим реалити-шоу «Возвращение. Дети. Первые», которое транслировалось на телеканале «ГТРК ДАГЕСТАН». Участниками шоу стали подростки в возрасте от 14 до 17 лет, являющиеся гражданами России, имеющие согласие законных представителей и прошедшие предварительный отбор. Всего в проекте приняли участие 10 подростков. Местом проведения выбрали Хунзахский район Дагестана. Это шоу отличается тем, что переносит современных дагестанцев в условия XIX века, полностью погружая их в историческую эпоху. Шоу достаточно сложное, так как участники сталкиваются с жизнью в прошлом, где все, включая быт и атмосферу, полностью соответствует прошлым временам. Родители участников не присутствуют на площадке, так как основной задачей является полное погружение детей в условия старого Дагестана.

стана. У подростков также отсутствует доступ в интернет, что усиливает эффект от проживания в условиях прошлого. Для обеспечения психологического благополучия детей на протяжении всего проекта их сопровождают психолог, этнограф и другие специалисты.

Основной целью проекта является повышение уровня знаний подростков о культуре, истории, географии и традициях народов Дагестана через погружение в повседневную жизнь региона XIX века. Этнограф проекта Майсарат Камиловна утверждает, что этот проект позволяет участникам и зрителям вернуться в век, когда традиции Дагестана были живыми, и это уникальный опыт для каждого.

Ведущими реалити-шоу являются Эмиль Гарунов и Назира Алиева. Уже на съемочной площадке ведущие встречают участников традиционным дагестанским приветствием «Ассаламу Алейкум». Визуальные образы ведущих также соответствуют тематике шоу: они одеты в национальные костюмы, что добавляет дополнительную атмосферность и аутентичность проекту.

Для того чтобы участники могли полностью погрузиться в условия прошлого, ведущие просят их сдать все современные гаджеты, предметы личной гигиены и другие вещи, не соответствующие эпохе. Участников разделяют на две команды, которые затем проходят различные испытания, погружаясь в аутентичные условия старого Дагестана. Это шоу можно отнести к нескольким типам по классификации Абраменко. Например, оно включает элементы шоу-профи, где участники осваивают незнакомые ремесла, а также элементы квеста, с испытаниями, проверяющими их на прочность. Ведущие начинают шоу словами: «Добро пожаловать в игру», что подчеркивает квестовую составляющую проекта [1, с. 15].

Первое испытание, предложенное ведущими, заключается в том, чтобы участники научились косить сено. Местные жители помогают им освоить это ремесло, что делает шоу не только развлекательным, но и образовательным, что соответствует типу «шоу профи». В этом типе реалити-шоу участники осваивают новые навыки, что имеет практическую ценность как для них, так и для зрителей, которые могут извлечь полезную информацию и получить опыт.

Конструкция программы, основанная на непредсказуемых и несанкционированных событиях, позволяет создавать уникальные сюжетные повороты. Например, на первом испытании один из участников порезался при точении косы и был срочно доставлен в медицинский пункт. Подобные инциденты подчеркивают жизнь и неожиданность происходящего, что является характерной чертой жанра реалити-шоу.

На протяжении всего шоу происходят неожиданные повороты событий. Так, ведущие в одном из эпизодов неожиданно возвращают в игру участника, который уже покинул проект, что подогревает интерес как зрителей, так и самих участников. Еще одним непредсказуемым моментом является решение одной из участниц выполнить мужскую задачу по рубке дров, что вызывает удивление и восхищение как у других участников, так и у зрителей.

Аутентичность шоу сохраняется не только в визуальной составляющей, но и в языке ведущих, которые используют традиционные выражения, такие как «Ассаламу Алейкум, баркалла», а также ссылаются на дагестанскую поэзию, афоризмы и пословицы. Например, Эмиль Гарунов цитирует пословицу: «Каждый правнук – маленькая личность», что подчеркивает связь с культурой и традициями региона.

Организаторы шоу достигли своей цели – полностью погрузить участников в атмосферу старого Дагестана. Это подтверждают комментарии самих участников: «Для меня это было чем-то удивительным и новым, теперь я на все сто процентов понимаю, как жили наши предки», – делится одна из участниц. Этот проект позволил не только детям, но и зрителям по-новому взглянуть на историю и традиции своего народа.

Проанализируем реалити-шоу «Новые звезды в Африке», транслируемое на телеканале ТНТ. В этом проекте сочетаны приключения, испытания на выносливость, челленджи и юмор, и на месяц 15 знаменитостей погружаются в джунгли, саванны, каньоны, сталкиваясь с дикими животными и трудными условиями. Основная идея шоу заключается в том, что участники вынуждены выживать без пищи. Главным призом становится еда: чем успешнее команда в преодолении испытаний, тем больше еды она получает. Если кто-то из участников решит, что не может справиться с голодом и трудностями, он имеет возможность заявить: «Я звезда! Заберите меня отсюда!». А финальный приз для победителя – 5 миллионов рублей, которые могут быть направлены на поддержку исчезающих видов животных и охрану природы.

Это шоу можно отнести к двум типам по классификации А. Абраменко: «шоу на выживание» и «шоу квест». Эти типы привлекательны для зрителей, так как происходящие события всегда непредсказуемы, что создает элемент неожиданности. Такие шоу держат аудиторию в напряжении, так как события развиваются случайным образом, и зритель не может заранее предсказать, что произойдет в следующем эпизоде. Интриги, зашифрованные миссии, а также кульминационные моменты создают интересный и увлекательный сюжет. Поэтому реалити-шоу «Звезды в Африке» стало крайне популярным, а в 2022 и 2023 годах оно возглавляло рейтинг зрительских предпочтений [1, с. 24].

В этом проекте, несмотря на то, что участники находятся в одной команде, каждый из них действует в своих интересах. Чтобы усилить интерес и добавить элемент неожиданности, ведущие используют метод провокации, заставляя участников выбирать одного человека, которому будет предоставлен иммунитет. Это решение сопровождается провокационными вопросами: «Это был общий выбор или...?» или «Вы уверены в своем выборе?» Эти вопросы заставляют участников задуматься о своих действиях и могут повлиять на ход игры.

В ходе реалити-шоу участники начинают использовать различные стратегии и интриги для победы. Например, Виолетта Чиковани комментирует: «Я здесь должна построить стратегию, чтобы выиграть, но одной это сделать невозможно». Такие высказывания подчеркивают, что участники осознают важность командной работы, но при этом активно используют личные стратегии для достижения успеха.

С каждым новым выпуском шоу становится все более напряженным, с более сложными испытаниями для участников. Сюжет продолжает развиваться, и появляются новые повороты событий, что делает шоу еще более захватывающим. Это также отражает характер жанра реалити-шоу, где динамика и неопределенность событий играют ключевую роль [2, с. 45].

Таким образом, можно заключить, что реалити-шоу является востребованным жанром телевидения, который привлекает внимание миллионов зрителей благодаря своим особенностям. Уникальная концепция, возможность участия «обычных людей», отсутствие строгого сценария и непредсказуемость событий – все эти факторы создают уникальный телевизионный опыт и являются основой популярности жанра.

Выводы

Подводя итоги проведённого исследования, можно утверждать, что в настоящее время жанр реалити-шоу занимает важное место в сетке вещания федеральных телеканалов и демонстрирует высокий уровень популярности среди зрителей.

В процессе работы также было выявлено, что реалити-шоу охватывает множество разных типологий, каждая из которых имеет собственные особенности. Наполнение программы может значительно варьироваться в зависимости от выбранной типологии. Например, в некоторых шоу участников погружают в необычные, а порой экстремальные условия, в то время как в других участники остаются в привычной для них обстановке, но становятся частью крупного конкурсного состязания, в ходе которого определяется победитель.

Мы выделили несколько ключевых особенностей жанра реалити-шоу, таких как отсутствие заранее написанного сценария, использование однодублевой съемки, участие в программах «обычных людей», а не профессиональных актёров, а также условия съёмок, максимально приближённые к реальной жизни. Эти характеристики позволяют создать динамичную драматургию, основанную на эффекте неожиданности и непредсказуемости событий.

Кроме того, в ходе исследования мы пришли к выводу, что жанр реалити-шоу продолжает развиваться и претерпевает изменения, открывая новые формы, которые могут кардинально отличаться от традиционных представлений о подобных программах.

Анализируя программы в жанре реалити-шоу, которые выходят как на федеральных, так и на региональных каналах, на примере передач «Возвращение. Дети. Первые» и «Звезды в Африке», мы пришли к выводу, что основными элементами, определяющими успех программ, являются их приближенность к реальной жизни и искренность эмоций участников. Эти факторы создают уникальную атмосферу, которая привлекает зрителей.

В ходе исследования также было выявлено, что многие реалити-шоу могут быть синтезом различных жанров, сочетаю в себе несколько форматов из существующих типологий жанра.

Изучение жанра реалити-шоу и его особенностей представляет собой важную составляющую в исследовании телевизионной системы жанров в целом, поскольку такие программы пользуются огромной популярностью у зрителей по всему миру.

Список источников

1. Абраменко А. Реалити-шоу на современном российском телевидении. М.: Высшая школа, 2005. 304 с.
2. Казакова Л.П. Психология массовых коммуникаций: учеб. пособие. Моск. гос. ун-т печати имени Ивана Федорова. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2014. 214 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007980862> (дата обращения: 13.01.2025).
3. Лебедева Е. Журналистика и культура. М., 2022. 264 с.
4. Гуцал А.Е. Реалити-шоу: некоторые аспекты типологии. Екатеринбург, 2020. 152 с.
5. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов: 8-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004920408> (дата обращения: 11.10.2024).

6. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика. Учебное пособие для студентов. М.: Аспект Пресс, 2013. 176 с.

7. Шестёркина Л.П., Николаева Т.Д. Методика телевизионной журналистики: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. 79 с.

References

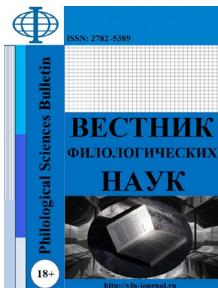
1. Abramenko A. Reality show on modern Russian television. Moscow: Higher school, 2005. 304 p.
2. Kazakova L.P. Psychology of mass communications: textbook. Moscow State University of Printing named after Ivan Fedorov. Moscow: Ivan Fedorov Moscow State University of Printing, 2014. 214 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007980862> (date of access: 13.01.2025).
3. Lebedeva E. Journalism and culture. Moscow, 2022. 264 p.
4. Gutsal A.E. Reality show: some aspects of typology. Yekaterinburg, 2020. 152 p.
5. Prokhorov E.P. Introduction to the Theory of Journalism: a textbook for university students: 8th ed., corrected. Moscow: Aspect Press, 2011. 351 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004920408> (date of access: 11.10.2024).
6. Tertychny A.A. Analytical Journalism. A textbook for students. Moscow: Aspect Press, 2013. 176 p.
7. Shesterkina L.P., Nikolaeva T.D. Methods of Television Journalism: a textbook for university students. Moscow: Aspect Press, 2012. 79 p.

Информация об авторах

Азимов С.Р., Дагестанский государственный университет, azimov.samur@mail.ru

Нурбагандова Л.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра электронных СМИ, Дагестанский Государственный университет, mila7903@yandex.ru

© Азимов С.Р., Нурбагандова Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-23

¹ Байкова А.В.

¹ Вятский государственный университет

Ложные пропозиции как одно из языковых явлений неискреннего дискурса (на примере высказываний американских политических деятелей)

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие неискренности как особой стратегии, которая ведёт к появлению неискреннего дискурса, в свою очередь, функционирующего в рамках политических текстов на английском языке. В статье представлены речевые тактики, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации. Автором подробно проанализирована тактика искажения фактов стратегии неискренности, которая применяется в англоязычных политических текстах с целью манипуляции восприятием слушателя. В качестве материала исследования используется корпус политических текстов, сформированный методом сплошной выборки на веб-сайте «PolitiFact» (<https://www.politifact.com/>), информация в которых классифицируется независимыми экспертами как правдивая и ложная. Используемые в работе методы позволили сформировать лингвистический материал и проанализировать ложные пропозиции, которые приписываются субъектам ложные признаки и ложные действия.

В результате проведенного исследования особенностей функционирования ложных пропозиций в современных англоязычных политических текстах делается вывод, что стратегия неискренности часто воплощается при помощи тактики искажения фактов, и представляет собой конструирование говорящим ложных пропозиций с целью достижения своих коммуникативных целей.

Ключевые слова: неискренний дискурс, ложные пропозиции, англоязычные политические тексты, речевая стратегия неискренности, речевые тактики

Для цитирования: Байкова А.В. Ложные пропозиции как одно из языковых явлений неискреннего дискурса (на примере высказываний американских политических деятелей) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 166 – 171.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Baykova A.V.

¹ Vyatka State University

False propositions as a linguistic phenomenon of insincere discourse (using the example of speeches by US politicians)

Abstract: this article examines the concept of insincerity as a special strategy that generates insincere discourse that functions within the framework of political texts in English. The article presents speech tactics that allow to achieve the set goals in a specific situation. The study gives a more detailed analysis of the tactics of distorting facts and the strategy of insincerity aimed at manipulating the listener's perception. The research material is a corpus of political texts selected by the continuous sampling method on the PolitiFact website (<https://www.politifact.com/>), which are classified by independent experts as "true" and "false". Theoretical analysis methods for systematizing empirical material, the continuous sampling method for selecting material, and the method of structural-semantic analy-

sis of text for identifying insincere discourse within the text made it possible to select linguistic material and analyze false propositions that attribute false attributes and false actions to objects.

The conducted study of the peculiarities of false propositions in modern English-language political texts resulted in the conclusion that the strategy of insincerity is often implemented using the tactics of distorting facts, and represents the construction of false propositions by the speaker in order to achieve their communicative goals.

Keywords: *insincere discourse, false propositions, English-language political texts, speech strategy of insincerity, speech tactics*

For citation: Baykova A.V. False propositions as a linguistic phenomenon of insincere discourse (using the example of speeches by US politicians). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 166 – 171.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

Актуальность работы заключается в исследовании понятия «неискренность (insincerity)», которая используется для обозначения широкого спектра ситуаций, когда слова или действия человека не соответствуют его настоящим мыслям или намерениям [6]. Данное понятие необходимо рассматривать с различных точек зрения: с точки зрения психического явления, так как человек сознательно искажает истину, с точки зрения социального явления, так как неискренность направлена на другого реципиента и с точки зрения лингвистического явления, то есть выражается в высказываниях, функционирующих в различных текстах [5]. Такие высказывания в разных ситуациях общения и в различном языковом окружении в совокупности образуют неискренний дискурс. Связь с контекстом и ситуацией для анализа понятия «неискренности» позволяет рассматривать его в качестве дискурсивной стратегии языковой личности и рассматривать не только в отдельных речевых актах, но и в рамках дискурса, определяемого Т. ван Дейком и В. Кинчем как серия или последовательность взаимосвязанных речевых актов [9].

Цель и задачи исследования состоят в анализе и описании специфики функционирования ложных пропозиций в современных англоязычных политических текстах. При этом неискренность рассматривается как характеристика говорящего субъекта, которая связана с его коммуникативными намерениями и особенностями ситуации общения [7].

Материалы и методы исследований

Для исследования нами был выбран корпус текстов 250 единиц, сформированный методом сплошной выборки на сайте «PolitiFact» (<https://www.politifact.com/>). Неискренняя составляющая текстов рассматривалась на основе мнений независимых журналистов, которые проводили отбор оригинальных реплик политических деятелей США и проверяли в них уровень правдивости.

Выбор методов исследования определен целью и комплексом поставленных задач, а именно: методы теоретического анализа для структуризации эмпирического материала, метод сплошной выборки при подборе материала, метод структурно-семантического анализа текста для определения в рамках текста неискреннего дискурса.

Результаты и обсуждения

Неискренность как лингвистическое явление может быть представлена в качестве особой стратегии, которая ведет к появлению неискреннего дискурса [8]. В свою очередь любая речевая стратегия реализуется в тексте в конкретных речевых тактиках или способах, под которыми понимаются речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации [2, 11, 12].

Пропозициональный анализ неискреннего дискурса считается одним из наиболее значимых теоретических методов в исследовании структур знания, лежащих в основе неискреннего дискурса, и основывается на том, что определенные реакции на ложные пропозиции свидетельствуют об их верификации. Согласно С.Н. Плотниковой под верификацией понимается «одновременное интерактивное взаимодействие с предшествующими высказываниями и действительностью, относительно которой они верифицируются» [7].

Необходимо отметить, что в лингвистике под пропозицией понимается «...суждение, выражающее общий смысл высказывания, выведенный на основе буквального значения входящих в него языковых средств» [1, 4]. Интенциональное выражение ложных пропозиций – это термин, который относится к способу выражения утверждений, содержащих неверные или ошибочные идеи, при этом акцентируя внимание на намерении говорящего и контексте, в котором производится данное выражение. Данный подход рас-

сматривает не только саму ложную информацию, но и то, какие цели ставит человек, когда высказывает недостоверные утверждения [6, 10]. Как отмечает Й. Кубинова «... говорящий может использовать ложные пропозиции для достижения определенных целей, таких как манипуляция восприятием слушателя, создание юмористического эффекта или иллюзии, а также демонстрация стиля общения или даже художественного самовыражения. В этом контексте важно учитывать, что ложные пропозиции могут иметь более глубокие и сложные мотивации, связанные с когнитивными, социальными или эмоциональными аспектами общения [3].

В данной статье на конкретных примерах рассматривается способ искажения фактов стратегии неискренности с целью манипуляции восприятием слушателя, а именно, как, приписывая суждениям ложные свойства или предикаты, говорящий строит ложную пропозицию.

"We had a landslide election," Trump said at the Jan. 7 press conference at Mar-a-Lago, his private club in Palm Beach, Florida. "We won every swing state. We won the popular vote by millions and millions of people. Nobody even knows how many people, millions, and they're still counting in some areas" (Donald Trump, 07.01.2025) / «У нас были убедительные выборы», – сказал Трамп на пресс-конференции 7 января в Мар-а-Лаго, его частном клубе в Палм-Бич, Флорида. «Мы победили в каждом колеблющемся штате. Мы выиграли по голосам избирателей, набравшим миллионы и миллионы голосов. Никто даже не знает, сколько людей, миллионы, и в некоторых районах их все еще подсчитывают» (здесь и далее перевод автора статьи – А. Байковой).

Высказывание принадлежит Дональду Трампу. Он заявляет, что выборы 2024 года были убедительными, и он победил в каждом колеблющемся штате. Комментарии Трампа создают впечатление, что подсчет бюллетеней для президентской гонки все еще продолжается. По мнению независимых экспертов, согласно этим словам Трампа, создается впечатление, что спустя два месяца после дня выборов результаты голосования в президентской гонке все еще подсчитываются. Однако на самом деле это не полностью соответствует действительности. В некоторых штатах результаты выборов все еще остаются предметом судебных разбирательств, но это не то же самое, что подсчет бюллетеней. Таким образом, неискренний дискурс в данной цитате позволяет политику преувеличить успешность своей избирательной кампании, что, в свою очередь, дает ложное представление реального положения дел.

Следующее высказывание так же принадлежит Дональду Трампу. Избранный президент Дональд Трамп в ходе предвыборной кампании дал множество обещаний о том, что он сделает, если ему будет предоставлен второй срок в Белом доме. На митинге 6 октября в Джуне Дональд Трамп заявил собравшимся:

"With your Democrat governor, you have some of the highest electricity prices and highest energy costs. It's just about at the top in Wisconsin" (Donald Trump, 06.10.2024) / «С вашим губернатором-демократом у вас одни из самых высоких цен на электроэнергию и самые высокие затраты на энергию. Они самые высокие в Висконсине».

Трамп обещал сократить расходы на электроэнергию вдвое в течение года после вступления в должность. Почему это имело значение для его сторонников, собравшихся увидеть его? Независимые эксперты считают, что по различным показателям штат Висконсин не является самым дорогим по стоимости электроэнергии в стране. Даже если посмотреть на среднюю стоимость электроэнергии в штате, которая немножко выше, чем в среднем по стране, он даже не входит в четверть самых дорогих штатов. Кроме того, Дональд Трамп лукавит, привязывая расходы на электроэнергию к губернатору штата Висконсин Тони Эверсу, который не принимает участие в установлении тарифов на электроэнергию. Приписывая объекту «электроэнергия» ложные негативные качества, Трамп пытается сформировать у реципиентов негативное отношение к действующему губернатору.

Рассмотрим еще одно утверждение Дональда Трампа относительно высказывания Камалы Харрис: Vice President Kamala Harris has been "going so far as to call me Adolf Hitler" (Donald Trump, 23.10.2024) / Вице-президент Камала Харрис «дошла до того, что стала называть меня Адольфом Гитлером».

На следующий день после того, как вице-президент Камала Харрис назвала бывшего президента Дональда Трампа «все более неуравновешенным и нестабильным», он ответил ей резкой критикой и обвинил в том, что она называет его Адольфом Гитлером. По мнению независимых экспертов, Камала Харрис не называла Трампа Гитлером. Однако она сослалась на заявления бывшего начальника штаба Трампа, который в интервью The New York Times описал случаи, когда Трамп с восхищением отзывался о Гитлере и его военном контроле. Когда ее спросили, считает ли она Трампа фашистом, был получен ответ «да». На наш взгляд, политик строит данную пропозицию для того, чтобы выставить Камалу Харрис в негативном свете и повлиять, таким образом, на реципиентов, сформировав у них негативное мнение о данном политике.

Проанализируем следующее высказывание:

“Every single county in America, every single county, Kamala Harris did worse than Joe Biden did” (Robin Vos, 06.11.2024) / «В каждом округе Америки, в каждом округе Камала Харрис показала худшие результаты, чем Джо Байден».

Данное утверждение относится Робину Восу, американскому бизнесмену и представителю Республиканской партии, который размышляет о том, почему президент Джо Байден смог победить Дональда Трампа в 2020 году, а Камала Харрис в 2024 году не смогла посоревноваться в показателях с Джо Байденом в 2020 году. По мнению независимых экспертов, это утверждение не соответствует действительности, так как разбор результатов выборов 2020 и 2024 годов только в штате Висконсин указывает на то, что за кандидатуру Камалы Харрис было отдано больше голосов, чем за Джо Байдена. Базой высказывания является ложная пропозиция, в соответствии с которой объекту «Камала Харрис» приписывается предикат «показала худшие результаты».

Обратимся к следующему примеру:

Inflation-adjusted weekly wages “are lower today than they were 50 years ago” (Bernie Sanders, 10.11.2024) / Скорректированная с учетом инфляции недельная заработка «сегодня ниже, чем 50 лет назад».

Данное высказывание принадлежит Берни Сандерсу, американскому независимому политику и общественному деятелю, сенатору от штата Вермонт с 2007 года. Берни Сандерс считает, что данную проблему необходимо рассматривать в общем историческом контексте, «недельная заработка с учетом инфляции сегодня ниже, чем 50 лет назад, что является колossalным перераспределением богатства от 90% самых бедных слоев населения к 1% самых богатых». Однако это выборочная статистика. Большинство данных показывают, что американские зарплаты выросли выше уровня инфляции по сравнению с зарплатами 50 лет тому назад. Таким образом, эксперты не обнаружили никаких доказательств, подтверждающих истинность заявления. Это означает, что представленное утверждение является ложным или было нарушено. Нарушение утверждения заключается в том, что объекту «неделя заработной платы» присваивается ложный предикат «сегодня ниже, чем 50 лет назад». Создавая это нарушенное, ложное утверждение, сенатор пытается внушить слушателям отрицательное мнение об экономическом развитии страны.

В качестве примера возьмем следующее утверждение:

“Jacky Rosen voted to allow biological men to compete in women’s sports.” (Sam Brown, 21.10.2024) / «Джеки Розен проголосовал за то, чтобы разрешить биологическим мужчинам участвовать в женских видах спорта».

Данное высказывание принадлежит представителю Республиканской партии из Невады Сэму Брауну, который обвинил своего конкурента, сенатора-демократа Джеки Розена, в том, что он позволяет спортсменам-трансгендерам соревноваться в женских видах спорта. Однако независимые эксперты считают, что Джеки Розен проголосовал против двух поправок к более широким законопроектам о расходах, которые лишили бы финансирования спортивные школы, которые разрешают трансгендерным спортсменам соревноваться в видах спорта, соответствующих их гендерной идентичности. Поправки не касались разрешения спортсменов-трансгендеров принимать участие в женских видах спорта. Используя ложную пропозицию, Сэм Браун искажает истинное положение вещей, чем вводит реципиентов в заблуждение.

Рассмотрим следующий пример:

Sen. Bob Casey "has voted in lockstep with his liberal party to defund the police" (Dave McCormick, 15.10.2024) / Сенатор Боб Кейси «проголосовал в унисон со своей либеральной партией за прекращение финансирования полиции».

Утверждение принадлежит представителю Республиканской партии Дэйву Маккорнику, который стремится сместить с поста сенатора США от Демократической партии Боба Кейси в Пенсильвании. Д. Маккорник активно рекламирует свою поддержку правоохранительным органам и представляет вопросы общественной безопасности основным направлением своей кампании. Призывы активистов прекратить финансирование полиции усилились в 2020 году после того, как полицейский Миннеаполиса убил Джорджа Флойда, смерть которого в дальнейшем спровоцировала общенациональные протесты против расовой предвзятости и неправомерных действий полиции.

По мнению независимых экспертов, Боб Кейси поддержал законопроект 2020 года, который потребовал бы в дальнейшем от полицейских управлений документировать случаи применения силы. Данный законопроект не привел бы к сокращению финансирования каких-либо агентств и не сократил бы федеральные средства, выделяемые полицейским органам. Используя в данном случае неискреннюю стратегию и нарушая пропозицию, Дэйв Маккорник пытается повлиять на слушателей и навязать им ложное представление о реальном положении дел, тем самым сформировать выгодное ему общественное мнение.

В качестве примера возьмем следующее утверждение:

Scott Lassiter “repeatedly campaigned to promote” North Carolina’s “largest-ever” school funding cut, sending public school money to “unaccountable private schools” and ending science education. (Lisa Grafstein, 12.10.2024) / Скотт Ласситер «неоднократно проводил кампании в поддержку» «крупнейшего в истории» сокращения финансирования школ в Северной Каролине, перевода государственных школьных денег в «неподотчетные частные школы» и прекращения преподавания естественных наук.

Данное высказывание принадлежит представителю Демократической партии Лизе Графштейн, которая в своей предвыборной речи в Сенат от Северной Каролины утверждает, что ее конкурент «проводил кампанию по продвижению экстремальной повестки дня», которая, среди прочего, включает в себя отмену преподавания естественных наук в школах. Речь идет о том, что Скотт Ласситер «вступил в союз и неоднократно проводил кампании по продвижению радикальной программы, которая включает в себя: крупнейшее в истории сокращение финансирования школ Северной Каролины, передачу средств государственных школ в неподотчетные частные школы и прекращение преподавания естественных наук в государственных школах». Однако, как утверждают независимые эксперты, С. Ласситер сказал, что он согласен с идеей тратить деньги налогоплательщиков на частные школы, однако он неоднократно заявлял, что штат должен обеспечить подотчетность. Л. Графштейн пытается связать С. Ласситера с позициями, которые занимали Робинсон и Морроу, ссылаясь на их совместные выступления. Однако она не представила никаких доказательств того, что С. Ласситер когда-либо одобрял позиции вышеназванных политиков. Искажая действительность при помощи приведенной пропозиции, политик определенно хочет навязать слушателям своё видение ситуации, которое не соответствует действительности.

Рассмотрим следующий пример:

“There's never been a placebo-controlled study on childhood vaccines” (Ron Johnson 17.11.2024) / «Плацебо-контролируемого исследования детских вакцин никогда не проводилось».

Высказывание принадлежит Рону Джонсону о будущей деятельности Роберта Ф. Кеннеди-младшего, который был назначен главой Министерства здравоохранения и социальных служб США. Роберт Ф. Кеннеди-младший, основатель крупной антипрививочной группы Children's Health Defense продвигает опровергнутую теорию о том, что вакцины вызывают аутизм. Независимые эксперты совместно с медицинскими экспертами США утверждают, что представленные Роном Джонсоном доказательства дают узкое представление о том, что такое плацебо, тем самым вводя реципиентов в заблуждение относительно реального положения вещей.

Выводы

Таким образом, с целью достижения личных целей политические деятели часто используют тактику реализации неискренней стратегии. На это указывает наличие в текстах ложных пропозиций, с помощью которых говорящий манипулирует сознанием слушателей. При осуществлении данной стратегии используется, как правило, метод искажения, которому свойственно намеренное нарушение пропозиций, составляющей базу высказывания, составленного в соответствии с указанным методом. В рассмотренном текстовом материале к нарушению пропозиций приводит добавление субъектам ложных признаков и ложных действий.

Список источников

1. Андрюхина Н.В. Нарушение пропозиций в неискреннем дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4 (82). С. 52 – 56.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 228 с.
3. Кубинова Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. М., 2002. 177 с.
4. Кунаева Н.В. Дискурсивное событие возражения как объект социопрагматического анализа // Язык, коммуникация и социальная среда. 2008. № 6. С. 55 – 62.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 122 – 129.
6. Плотникова С.Н. Эпистемология теории речевого общения // Языковая реальность познания: Вестник ИГЛУ. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2001. № 4. С. 71 – 76.
7. Плотникова С.Н. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке: дис. ... док. филол. наук: 5.9.6. Иркутск, 2000. 382 с.
8. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2000. 244 с.
9. Dijk T., Kintch W. Strategies of Discourse Comprehension // Linguistic Theory. 1983. URL: <http://www.beaugrande.com/LINGTHERvan%20Dijk%20and%20Kintsch.htm> (date of access: 29.11.2024).

10. Mudasir A. Tantray Proposition: The foundation of logic // The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention. 2016. Vol. 3 (2). P. 1841 – 1844.
11. Stokke A. Insincerity. 2014. No. 48 (3). P. 496 – 520.
12. Titova E.A. Speech strategies and tactics in the political discourse (09.11.2016, Hillary Clinton Speech) // Conference: WUT 2018 – IX International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 2018. P. 432 – 438.

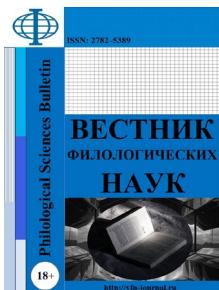
References

1. Andryukhina N.V. Violation of propositions in insincere discourse. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2018. No. 4 (82). P. 52 – 56.
2. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: LKI, 2008. 228 p.
3. Kubanova I. Speech intention “lies, deception” in semantic and communicative-pragmatic aspects: diss. ... Cand. Philological sciences: 5.9.6. Moscow, 2002. 177 p.
4. Kunaeva N.V. Discursive event of objection as an object of sociopragmatic analysis. Language, communication and social environment. 2008. No. 6. P. 55 – 62.
5. Austin J.L. Word as action. New in foreign linguistics. Moscow: Progress, 1986. Issue 17. P. 122 – 129.
6. Plotnikova S.N. Epistemology of the theory of speech communication. Language reality of cognition: Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University Publishing House, 2001. No. 4. P. 71 – 76.
7. Plotnikova S.N. Linguistic aspects of expressing insincerity in the English language: dis. ... doc. philological sciences: 5.9.6. Irkutsk, 2000. 382 p.
8. Plotnikova S.N. Insincere discourse (in cognitive and structural-functional aspects). Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State Linguistic University, 2000. 244 p.
9. Dijk T., Kintch W. Strategies of Discourse Comprehension. Linguistic Theory. 1983. URL: <http://www.beaugrande.com/LINGTHERvan%20Dijk%20and%20Kintsch.htm> (date of access: 29.11.2024).
10. Mudasir A. Tantray Proposition: The foundation of logic. The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention. 2016. Vol. 3 (2). P. 1841 – 1844.
11. Stokke A. Insincerity. 2014. No. 48 (3). P. 496 – 520.
12. Titova E.A. Speech strategies and tactics in the political discourse (09.11.2016, Hillary Clinton Speech). Conference: WUT 2018 – IX International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 2018. P. 432 – 438.

Информация об авторах

Байкова А.В., старший преподаватель, кафедра лингвистики и перевода, Вятский государственный университет, alexandra33z@mail.ru

© Байкова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 3 / 2025, Vol. 5, Iss. 3 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.512.162

¹ Мамедзаде Ганира Шахин гызы

¹ Азербайджанский университет архитектуры и строительства

Калька и формирование сложных слов в азербайджанском языке

Аннотация: в статье рассматривается словообразование, в частности формирование сложных слов в азербайджанском языке. В развитии азербайджанского языка важное место занимает формирование сложных слов. Эти слова образуются различными способами и обогащают структуру языка. Особенно, в результате межъязыкового воздействия, некоторые сложные слова прошли через процесс калькирования. В этой статье будут исследованы структура сложных слов в азербайджанском языке, их формирование по модели кальки и их сравнение с другими мировыми языками.

Сложные слова в азербайджанском языке строятся на основе различных грамматических моделей. В частности:

1. Сложные слова, образующиеся с помощью приставок множественного числа и притяжательных окончаний, такие как межъязыковое, межнациональное, межгосударственное и т.д.
2. Слова, образующиеся с помощью падежных и глагольных окончаний, такие как *güləbənzər*, *çayabənzər*, *insanabənzər* и т.д.
3. Сложные слова, образующиеся с помощью отрицательной приставки, такие как *adamaoxşamaz*, *ağılıqəlməz*, *gözə görünəməz* и т.д.

В процессе калькирования понятие, заимствованное из другого языка, адаптируется к существующей модели азербайджанского языка. Этот процесс произошел не только под влиянием русского языка, но и других мировых языков. Некоторые сложные слова в азербайджанском языке были исследованы и сопоставлены с аналогичными структурами в русском и английском языках.

Ключевые слова: калька, семантическая адаптация, лексическая интеграция, синтаксическая структура, морфологическое влияние

Для цитирования: Мамедзаде Ганира Шахин гызы. Калька и формирование сложных слов в азербайджанском языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 3. С. 172 – 177.

Поступила в редакцию: 26 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 09 марта 2025 г.; Принята к публикации: 26 марта 2025 г.

¹ Mamedzade Ganira Shahin gyzy

¹ Azerbaijan University of Architecture and Construction

Calque and formation of complex words in the Azerbaijani language

Abstract: the article discusses word formation, in particular the formation of complex words in the Azerbaijani language. The formation of complex words plays an important role in the development of the Azerbaijani language. These words are formed in various ways and enrich the structure of the language. Especially as a result of the interlanguage impact, some complex words have gone through the calque process. This article will explore the structure of complex words in the Azerbaijani language, their formation according to the calque model and their comparison with other world languages.

Complex words in the Azerbaijani language are based on various grammatical models. In particular:

1. Complex words formed using plural prefixes and possessive endings, such as *interlanguage*, *international*, *interstate*, etc.

2. Words formed using case and verb endings, such as *guləbənzər*, *çayabənzər*, *insanabənzər*, etc.

3. Complex words formed with the help of a negative prefix, such as *adamaoxşamaz*, *ağlagəlməz*, *gözəggörünməz*, etc.

In the process of calque, the concept borrowed from another language is adapted to the existing model of the Azerbaijani language. This process took place not only under the influence of the Russian language, but also other world languages. Some complex words in the Azerbaijani language were studied and compared with similar structures in Russian and English.

Keywords: calque, semantic adaptation, lexical integration, syntactic structure, morphological influence

For citation: Mamedzade Ganira Shahin gyzy. Calque and formation of complex words in the Azerbaijani language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (3). P. 172 – 177.

The article was submitted: February 26, 2025; Approved after reviewing: March 09, 2025; Accepted for publication: March 26, 2025.

Введение

На основе традиции формирования сложных слов в азербайджанском языке было создано много новых языковых единиц, соответствующих этим моделям, то есть структуры с внутренней количеством и структурой притяжательных окончаний. Примеры таких слов включают: межъязыковое, межгосударственное, межнациональное, межцивилизационное, межвидовое, межморское, межконференционное, межстрочное, межочередное и другие.

Некоторые из этих слов образуются как словосочетания, другие – как сложные слова, но принцип остаётся одинаковым. В первом случае используется окончание множественного числа, во втором – притяжательное окончание. Часть сложных слов, совпадающих с современными, часто анализируется в контексте их аналогов в русском языке, что приводит к их называнию кальками. Нельзя отрицать, что влияние русского языка на формирование аналогичных слов в азербайджанском языке действительно имело место. Следует учитывать, что азербайджанский язык был в контакте с русским языком с середины XIX века до конца XX века. Как одна из республик социалистического блока, азербайджанский язык не мог избежать межъязыкового влияния. Поэтому использование таких сложных слов, как межъязыковое, межгосударственное, межнациональное и других, как кальк, следует считать оправданным, так как эти понятия сформировались именно в период социалистического блока и использовались в азербайджанском языке на основе существующих в языке аналогов.

Что касается кальки, то в лингвистике в некоторых случаях высказываются неопределенные мнения. В «Толковом словаре лингвистических терминов» калька определяется как: «Калька. Единицы речи, создаваемые путем буквального перевода частей слов и выражений из другого языка. Семантическая калька (рукопись – рукопись, надстройка – надстройка), фразеологическая калька (борьба за существование – борьба за существование)» и т.д. Здесь калька представляется как буквальный перевод выражений из другого языка. Однако суть в том, что калька не всегда является прямым переводом. Как правило, при калькировании ищутся похожие варианты, чтобы они были ближе к оригиналу и могли передать понятие более подходящим образом. Слово «калька» происходит от латинского языка. После перехода из латинского в французский язык оно стало международным термином. Слово калька в буквальном смысле означает копию. Однако термин калька не ограничивается лишь копированием, так как кальку нельзя всегда и везде отождествлять с копией или суррогатом. В одном интернет-источнике даже указано, что калька «называется единственным методом ассимиляции внешней лексики» [5].

Материалы и методы исследований

В статье использован метод сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

В одном интернет-источнике, основываясь на энциклопедическом словаре, утверждается, что «Калька – это особая заимствованная форма слова, выражения и фразы из другого языка» [8, с. 36]. В другом словаре, касающемся русского языка, говорится, что калька французского происхождения (calque – копия, суррогат) является языковой единицей, образованной за счет заимствования структуры слова или словосочетания из другого языка с последующей передачей его смыслового эквивалента на родном языке [14]. В статье, посвященной вопросам калькирования в современном русском языке, анализируются существующие мнения и

подходы. Указывается, что относительно кальк и их места в языке отсутствуют точные, конкретные и ясные аргументы. Поэтому, обсуждая кальки, некоторые исследователи высказывают мнение, что кальки являются одним из видов заимствования. Другие противопоставляют кальки заимствованиям, утверждая, что кальки отличаются от заимствований, а некоторые считают кальки точным буквальным переводом. Например, Д.Н. Шмелев оценивает кальки как примеры, модели или виды элементов другого языка в родном языке. По мнению авторов статьи, неправильно считать кальки языковыми единицами с статусом заимствования, поскольку, несмотря на схожую структуру, кальки обладают структурными и семантическими качествами, характерными для каждого языка [12, с. 129-130].

Калька – это такая проблема современного языкоznания, что с увеличением их статуса, расширением их потенциала, возникают все новые различия в мнениях и подходах. Это означает, что проблема кальки больше не ограничивается рамками периода Ш. Балли. Межъязыковая интеграция создает благоприятные условия для возникновения кальк, а также способствует появлению новых идей и гипотез относительно их статуса. Однако, размышляя о кальке, следует помнить, что кальковые модели универсальны для всех агглютинативных языков. Формы их выражения и грамматическое оформление происходят в рамках уникальных элементов каждого языка. Поэтому кальки нельзя отождествлять с заимствованиями, словами, образованными под влиянием других языковых моделей, или с вариантами перевода, поскольку это не соответствует структурально-семантической уникальности языков. В процессе калькирования, конечно, не используется модель чуждого языка напрямую; вместо этого находится аналогичная модель в родном языке, которая затем сопоставляется, а выражения заменяются на элементы языка, способные адекватно передать смысл, схожий с оригиналом. Подобные особенности наблюдаются в азербайджанском языке, как и в других языках, в условиях современной глобализации и интеграции.

Первый и второй компонент с использованием дательного падежа, а также первый компонент с дательным падежом и второй компонент с другими грамматическими суффиксами:

При формировании этой части сложных слов участвуют как суффикс дательного падежа, так и суффиксы, относящиеся к глагольным категориям. Их можно кратко сгруппировать по следующим примерам:

а) Сложные слова, в которых используются суффиксы дательного падежа с обеих сторон. Сложные слова, образованные таким способом, выражают определённый способ или отношение в контексте глагольных действий: *eninə-uzununa* (ударить), *eninə-boyuna* (смотреть), *başına-gözünə* (ударить), *təbəsinə-dizinə* (похлопать), *başına-başına* (положить), *belinə-belinə* (ударить) и т.д.;

б) Сложные слова, где на первой стороне используется суффикс дательного падежа, а на второй стороне — суффикс неопределённого будущего времени. В азербайджанском языке образовано много таких слов. Примеры таких слов включают: *güləbənzər*, *ayabənzər*, *yağabənzər*, *malaoxşar*, *suyabənzər*, *saraoxşar*, *salximabənzər*, *çayabənzər*, *insanabənzər*, *teymunabənzər*, *itəoxşar*, *adamaoxşar* и т.д.

Сложные слова такого типа в азербайджанском языке по структуре напоминают русские слова цветеподобный (похожий на цветок), луноподобный (похожий на луну), маслоподобный (похожий на масло), рекоподобный (похожий на реку), человекоподобный, человекообразный (похожий на человека, похожий на человека), обезьяноподобный, обезянообразный (похожий на обезьяну) и т.д. [9].

Как видно из сравнения подобных примеров, в первом компоненте сложных слов на обоих языках присутствуют элементы, аналогичные интерфиксам. В азербайджанском языке это суффикс дательного падежа, а в русском языке – элемент соединения *-o-*. Во втором компоненте сложных слов в азербайджанском языке используется суффикс неопределенного будущего времени *-ag* (или *-əg*), а в русском – суффикс, указывающий на принадлежность или принадлежность, *-ный*. Существует множество подобных сложных слов, как в азербайджанском языке, так и в русском. Например, в одном источнике, который касается соединительных элементов (интерфиксов) в русском языке, говорится, что в этом языке слова, включающие элементы внутри компонентов, такие как тридцатилетие (тридцатилетие), двадцатилетний (двадцатилетний), трехъярусный (трехъярусный), двухосный (двухосный), громкоговорящий (громкий), быстробегущий (быстробегущий) и т.д. также были образованы [13].

Похожие модели встречаются и в сложных словах на английском языке, таких как: *anthropomorphic* (похожий на человека), *monkey-like* (похожий на обезьяну), *unsocialable* (несоциальный) [4, с. 622, 753, 550]. В английском языке, как и в русском, некоторые сложные слова включают промежуточные соединительные гласные и согласные, такие как *gasometer* (газометр), *speedometer* (спидометр), *handiwork* (ручная работа), *statesman* (государственный деятель); в таджикском языке *қофтуқу* (разговор), *рафтуамед* (заржение, визит) [11, с. 170].

Как показывают примеры, калька – это не просто заимствование из другого языка, а вариант, выраженный в калькируемом языке с помощью аналогичных моделей, лексических и грамматических средств. Следует

также отметить, что модель, где на одной стороне используется суффикс дательного падежа, а на другой – суффикс неопределённого падежа, в азербайджанском языке не является заимствованием из русского или другого языка, а имеет свои более древние традиции. Например, в одном из стишков в «Саячи» говорится:

Qoyunlu ellər gördüm
Qurulu yaya bənzər
Qoyunsuz ellər gördüm
Qurumuş çaya bənzər [10, с. 15].

В одной из самостоятельных частей «Дастана о Короглу» говорится:

Üç yaşından beş yaşına varanda
Yenice açılmış gülə bənzərsən.
Beş yaşından on yaşına varanda
Arıdan saçılımış bala bənzərsən [7, с. 478].

В этих примерах выражения yaya bənzər, çaya bənzər, güləbənzər, bala bənzər указывают на существование моделей сложных слов, таких как ağacabənzər, adamabənzər, meymunabənzər и других, которые имели место в азербайджанском бытовом языке с давних времён. Однако новые концепции, пришедшие из других языков, были сформированы на основе соответствующих моделей в азербайджанском языке, следуя его традициям.

с) Сложные слова, в которых на первой стороне используется суффикс дательного падежа, а на второй стороне – суффикс отрицания неопределённого будущего времени

Эта часть сложных слов в основном состоит из вариантов слов, которые вторая часть которых включает суффикс неопределённого времени с отрицанием. В лексиконе азербайджанского языка можно встретить такие примеры, как: adamaoxşamaz, geriyədönmüş, yolasığışmaz, ələkeçməz, ölçüyəgəlməz, ağılaşığışmaz, ağılagəlməz, gözə görünməz, diləyatmaz, ağılabatmaz, əldüşməz, adamayovuşmaz, qarayaqovuşmaz, xeyirəyaramaz, işəyaramaz и другие.

Такие сложные слова в азербайджанском языке обычно мотивированы атрибутивным значением. В разговорной речи эти слова используются для обозначения характера, отношения, удивления и т.д. В этом контексте атрибутивную функцию этих сложных слов можно определить по следующим примерам:

- Для обозначения характера, свойств: adamaoxşamaz (ребёнок), adamayovuşmaz (человек), qarayaqovuşmaz (человек), xeyirəyaramaz (сосед), işəyaramaz (ленивый);
- Для обозначения решимости, трудолюбия: geriyədönməz (воин), yolasığışmaz (гигант), ələkeçməz (герой), ölçüyəgəlməz (храбрость);
- Для обозначения качества, величия, необычности: ağılaşığışmaz (событие), ağılagəlməz (благосостояние), gözə görünməz (Бог), ağılabatmaz (дело), diləyatmaz (слово).

ç) Сложные слова с дательным падежом на первой стороне и суффиксом прошедшего времени на второй стороне.

Этот тип сложных слов также носит атрибутивный характер и используется для обозначения предмета, относящегося к следующему слову. Примеры: daşadönmüş (судьба), külədönmüş (место), dərdədüşməz (человек), qaragəlmış (день), başağolmuş (событие) и т.д.

Модель сложных слов этого типа в азербайджанском языке не является новой и имеет древние традиции, демонстрируя свою основную роль в формировании лексико-семантических единиц, соответствующих времени, месту, событиям, ситуациям, отношениям и т.д. Стоит отметить, что такие сложные слова встречаются и в «Китаби-Деде Горкуд» в следующих примерах: «Дели Каркар раздвигал рот, посматривал на лицо Деде Горку. Айдыр: Привет! Ах, действия было неправильное, поведение изменилось. Всемогущий Бог написал наказание на лбу! Те, кто пришёл, не пришли. Что с тобой?» [6, с. 58].

Первый и второй компонент с притяжательным окончанием, а также первый компонент с притяжательным окончанием, второй компонент с другими грамматическими суффиксами:

Этот тип сложных слов можно сгруппировать по следующим структурам:

а) Слова, где с обеих сторон используются суффиксы притяжательного падежа: Gözüdolusu (смотреть), ürəyidolusu (любить); ömrüboyu (трудиться), ömrüuzunu (мучиться), həyatiboyu (желать). Как видно из этих примеров, в словах gözüdolusu, ürəyidolusu передаются признаки и качества, а в словах ömrüboyu, ömrüuzunu, həyatiboyu – понятие времени и продолжительности.

б) Сложные слова, состоящие из первого компонента с притяжательным окончанием и второго компонента с суффиксом прошедшего времени: такие слова, как adıbatmiş, boynuqırılmış, gözüçixmiş, başıbatmış, əməliazmış, feildönmüş, gönüyanmış, əliqurumuş, ağızyanmış, papağıbosqalmış, oğluölmüş, canıcıxmiş, ağılışaşmış, в которых выражаются ругательства, проклятия, проклятия. Однако такие слова, как canıyanmış, diliyanmış, часто используются в более мягкой, ласкательной манере.

с) Первый компонент с притяжательным окончанием, второй компонент с отрицанием будущего времени: примеры таких слов включают: *adıbilinməz* (храбрец), *ağılıkəsməz* (ребёнок), *arasıkəsilməz* (поток).

Сложные слова с двумя компонентами, в которых на обеих сторонах используется суффикс неопределённого будущего времени с отрицанием. Примеры таких слов: *gedər-gəlməz* (дорога), *düşər-düşməz* (путь), *dəyər-dəyməz* (цена), *dadar-doymaz* (пища).

б) Использование суффикса отрицания неопределенного будущего времени *-məz* (-məz) с обеих сторон: этот тип сложных слов также используется в повествовательной речи для создания эмоций. Примеры: *dılməz-danişmaz* (не работать), *dılməz-söyləməz* (не слушать), *ölməz-itməz* (не искусство) и т.д.

Пример в повествовательной речи:

• *Dəyirmançı dili tutar-tutmaz dedi:*

-Ay qadan alım, bəs mən nə eləyim? [7, c. 179].

• *Hürü xanım heç bir söz demədi. Dinməz-söyləməz başını saldı aşağıya* [7, c. 319].

• *Kürdəoğlu dinməz-söyləməz yerindən dürdü, əl atıb İsabalını atın üstündən götürüb yerə vurdu* [7, c. 353].

Первый и второй компонент с суффиксом выходного падежа, а также первый компонент с выходным падежом и второй с другими грамматическими категориями:

Сложные слова этого типа также выражают специфические понятия. В зависимости от примеров их можно описать следующим образом:

а) Сложные слова, в которых используются суффиксы выходного падежа с обеих сторон. Обычно такие сложные слова выражают такие понятия, как способ действия, время, расстояние и т.д. Примеры: *çöldən-düzdən* (собираться), *əldən-dildən* (падать), *əldən-ayaqdan* (идти), *başdan-gözdən* (быть), *uzaqdan-yaxından* (приходить), *altdan-üstdən* (говорить), *azdan-çoxdan* (знать) и т.д. Этот тип сложных слов имеет древнюю традицию и продолжает развиваться, поддерживая свои традиции. Пример использования такой модели в «Китаби-Деде Горкуд» интересен:

“Ozan, evin dayağı olur ki, yazidan-yabandan evə bir qopuq gəlsə də adım əzizlər, göndərər” [3, c. 22];

б) Сложные слова с выходным падежом на первой стороне и дательным падежом на второй стороне. Эти сложные слова, как правило, выражают качество, стиль, отношение, расстояние и т.д. Примеры: *doğrudan-doğruya* (верить), *daldan-dala* (оставаться), *əldən-ələ* (переходить), *başdan-başa* (наряжаться), *işdən-işə* (переходит), *dildən-dilə* (падать), *böyükdən-kiçiyə* (присоединяться), *yedidən-yetmişə* (быть готовым), *haldan-hala* (падать), *könüldən-könüllə* (влюбляться), *birdən-birə* (говорить), *eldən-ələ* (гулять), *gendən-genə* (слышать), *asığdan-yuxarıya* (направляться), *bığdan-saqqala* (падать), *bizdən-bizə* (достигать).

Этот тип сложных слов особенно характерен для бытового языка, в котором часто используются для создания эмоций: “Axırda xəbərdən-xəbərə, xəbərdən-xəbərə öyrəndilər ki, Aşıq Cünun Telli xanımın yanındadır” [7, c. 84]; *Ağızdan-ağıza doğru xəbər yoxdur* [2, c. 24];

с) Сложные слова с выходным падежом и суффиксом отрицания:

Сложные слова такого типа носят атрибутивный характер, используются для определения следующих за ними существительных. Примеры: *yenidənqurma* (работа), *atadanqalma* (наследство), *ucdatutma* (резня), *göydəndüştə* (подарок), *köhnədənqalma* (построение), *Nuhdanqalma* (церемония), *mərkəzdənqaçma* (событие) и другие.

Выводы

Формирование и развитие сложных слов в азербайджанском языке отражает особенности национальной языковой модели. Процесс калькирования способствует обогащению языка и облегчению международного общения. Однако неправильно считать этот феномен чисто заимствованным. Процесс калькирования – это создание новых слов на основе существующих моделей родного языка. Историческое развитие азербайджанского языка показывает, что этот процесс продолжается естественным образом и стал ещё более актуальным в эпоху глобализации.

Список источников

1. Адилов М., Вердиева З., Агеева Ф. Толковый словарь лингвистических терминов. Баку: Элм и Техсил, 2020. 656 с.
2. Ашык Элесгер. Произведения. Баку: Шарг-Керб, 2004. 400 с.
3. Хадиев М. Понимание туркства и быть турком: Перевод на азербайджанский язык Басирой Эзизели // Литературная газета. 2018. С. 24 – 25.
4. Современный англо-азербайджанский, азербайджано-английский словарь. Баку: Кисмет, 2008. 912 с.
5. Калька (лингвистика). 2018. URL: [wikipedia.org/wiki/Kalka_dilçilik/](https://en.wikipedia.org/wiki/Kalka_dilçilik/).
6. Китаби-Деде Горку. Баку: Ондер Нешрият, 2004. 376 с.

7. Дастан о Короглу. Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1959. 520 с.
8. Мамедова З.Т. Калька как метод терминологии. Баку: Новости Бакусского университета, серия гуманистических наук, 2009. № 2. С. 36 – 41.
9. Мамедзаде К.Ш. Деривационные функции грамматических элементов, использующихся с обеих сторон сложных слов. Проблемы терминологии. Баку: Элм, 2023. № 1. С. 128 – 133.
10. Сарыева И. Древние примеры нашего фольклора – слова-количественники, холавары, песни земледельцев // Баку Хабар. 2015. С. 15.
11. Азимова М.Н. Структурно-семантические особенности сложных существительных в современном английском и таджикском языках. Государственный университет права, бизнеса и политологии, серия гуманитарных наук. 2012. С. 166 – 179.
12. Сенько Е.В. Ленчина Милослова Романова. Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 128 – 133.
13. Соединительные морфемы (интерфикссы) в сложных словах. URL: studfile.net/preview/7306656/page:17/ (дата обращения: 01.12.2018).
14. Формообразующие морфемы. От Алветина Сафьянова. URL: [grammatika-rus.ru formoobrazuyushie-morfemy-2/](http://grammatika-rus.ru/formoobrazuyushie-morfemy-2/) (дата обращения: 10.06.2018).

References

1. Adilov M., Verdiyeva Z., Ageyeva F. Explanatory Dictionary of Linguistic Terms. Baku: Elm i Tehsil, 2020. 656 p.
2. Ashik Elesger. Works. Baku: Sharg-Kerb, 2004. 400 p.
3. Khadiyev M. Understanding Turkism and Being a Turk: Translation into Azerbaijani by Basira Ezizeli. Literary Newspaper. 2018. P. 24 – 25.
4. Modern English-Azerbaijani, Azerbaijani-English Dictionary. Baku: Kismet, 2008. 912 p.
5. Calque (linguistics). 2018. URL: [wikipedia.org/wiki/Kalka/dilçilik/](https://en.wikipedia.org/wiki/Kalka/dilçilik/).
6. Kitabi-Dede Gorku. Baku: Onder Neshriat, 2004. 376 p.
7. Dastan about Koroglu. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1959. 520 p.
8. Mamedova Z.T. Tracing as a method of terminology. Baku: News of Baku University, Humanitarian Sciences Series, 2009. No. 2. P. 36 – 41.
9. Mamedzade K.Sh. Derivational functions of grammatical elements used on both sides of compound words. Problems of terminology. Baku: Elm, 2023. No. 1. P. 128 – 133.
10. Sariyeva I. Ancient examples of our folklore – quantitative words, kholavars, songs of farmers. Baku Khabar. 2015. 15 p.
11. Azimova M.N. Structural and semantic features of compound nouns in modern English and Tajik. State University of Law, Business and Political Science, Humanities Series. 2012. P. 166 – 179.
12. Senko E.V. Lenchina Miloslova Romanova. Tracing in modern Russian. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2020. Vol. 13. Iss. 11. P. 128 – 133.
13. Connecting morphemes (interfixes) in compound words. URL: stud-file.net/preview/7306656/page:17/ (date of access: 01.12.2018).
14. Form-building morphemes. From Alvetin Safyanov. URL: [grammatika-rus.ru formoobrazuyushie-morfemy-2/](http://grammatika-rus.ru/formoobrazuyushie-morfemy-2/) (date of access: 10.06.2018).

Информация об авторах

Мамедзаде Ганира Шахин гызы, старший преподаватель, Азербайджанский университет архитектуры и строительства

© Мамедзаде Ганира Шахин гызы, 2025